

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Л. П. РЕПИНА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПОСЛЕ «КУЛЬТУРНОГО ПОВОРОТА»*

В самом конце XX века, когда история совершила свой очередной виток — «культурный» (или «культурологический») поворот, в рамках социокультурного подхода была поставлена задача раскрыть культурный механизм социального взаимодействия. Одновременно обнаружились радикальные сдвиги в области исторической эпистемологии, в концептуализации самого исторического знания, в оценке познавательных возможностей исторической науки. Сегодня речь идет о формировании нового исторического мышления и становлении новой исторической культуры¹.

Эти насущные проблемы осознаются ведущими историками, придерживающимися разных методологических парадигм, причем для многих участников дискуссий становится все более очевидным, что сохранение за ремеслом историка достойного общественного статуса невозможно без осмысления всех последствий «методологических поворотов» и «постмодернистского вызова», создания новых теоретических моделей и восстановления синтезирующего потенциала исторического знания на новом уровне.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках исследовательского проекта № 06-06-80059 «Полидисциплинарные подходы, социальные теории и современная историографическая практика (конец XX – начало XXI в.)».

¹ Обсуждение связанных с этой темой вопросов занимает центральное место на страницах «новой волны» научных периодических изданий (в том числе электронных), основанных в начале нынешнего века (*Rethinking History: The Journal of Theory and Practice*; *Historically Speaking*; *The Journal of the Historical Society*; *Historiein*; и др.). См. также: Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005.

Первый значимый шаг в этом направлении был сделан еще в середине 1990-х годов, когда в бурной полемике между «постмодернистами» и «реалистами» наметилась и очень скоро была достаточно четко сформулирована так называемая третья позиция, или «средняя платформа»². Важно отметить, что это движение в направлении новой концептуализации социально-исторической реальности, опиралось на методологические разработки социологических теорий 1980-х годов, которые рассматривали культуру не как детерминирующую систему символов и знаков, а как набор компетенций, инструментов или стратегий, посредством которых индивид использует эти символы и знаки в своей практической деятельности. Поиски новой исследовательской парадигмы привели к разработке концепций исторического развития, группирующихся вокруг разных версий и теорий «прагматического поворота». В центре внимания оказался вопрос о том, как действующие лица истории изменяют социокультурные условия своего существования и деятельности³.

В диалектическом понимании культуры как непрерывного взаимодействия между общественной системой и практикой социальной жизни происходит — на основе переопределения и усложнения самого понятия “социального” — реабилитация социальной истории, становление ее новых форм, менее амбициозных, но более гибких и обладающих значительным эвристическим потенциалом. Вместе с тем, неслучайно Пол Картледж, отвечая на вопрос «Что

² Историки, разделяющие «среднюю платформу», переосмысливая свою историографическую практику с учетом «лингвистического поворота», исходят из существования реальности вне дискурса, независимой от наших представлений о ней и воздействующей на эти представления. Подробнее см.: *Ретина Л. П.* Проблема методологического синтеза и новые версии социальной истории // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой, Л. П. Ретиной. М., 2004. С. 23-31.

³ *Sewell W.* The Concept(s) of Culture // *Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture* / Eds. V. E. Bonnell, L. Hunt. Berkeley, 1999. P. 44; *Lorenz C.* Some Afterthoughts on Culture and Explanation in Historical Inquiry // *History and Theory*. 2000. Vol. 39. N 3. P. 350; etc.

такое социальная история сегодня?», призвал «сопротивляться любым гегемонистским дисциплинарным притязаниям: претензии на то, что социальная история — это “главный” вид истории или даже вся история, завели в тупик». Такое предостережение звучит весьма актуально в свете амбиций нынешнего лидера историографического цеха: сегодня «самой универсальной формой истории» нередко называют «культурную историю»⁴. Нас, однако, интересуют не тематические поля, а методология исследований.

В зарубежной историографии в настоящее время можно констатировать наличие солидного корпуса работ, обсуждающих теоретические проблемы истории⁵. Речь в них, как правило, идет не о теории исторического процесса или о применении в историографии теорий социально-гуманитарных наук, а именно об «исторической теории», теории исторического знания.

Центральное место в этих поисках «новой рациональности» занимают размышления по проблеме объективности в исторической науке. Ведущий современный специалист по теории и методологии истории Йорн Рюзен, освещая проблему «нарративности и объективности в исторических исследованиях», описал сложившуюся историографическую ситуацию как весьма противоречивую: с одной стороны, метаисторическая нарративность как принцип исторического мышления, который логически противостоит всякой научной объективности в представлении прошлого как истории; с другой стороны, все еще достаточно прочные академические традиции и процедуры профессиональных историков с их приверженностью рациональному методу, который обеспечивает знание, претендующее на объективность. Й. Рюзен пытается «примирить эти две позиции», показав, что историческая объективность

⁴ См., напр.: *Burke P. Varieties of Cultural History*. Cambridge, 1997.

⁵ *Iggers G. Historiography in the Twentieth Century: From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. Hanover, 1997; *McCulloch C. B. The Truth of History*. L., 1998; *Haskell Th. Objectivity is Not Neutrality: Explanatory Schemes in History*. Baltimore; L., 1998; *Reading the Past / Ed. by T. Spargo*. Basingstoke, 2000; *Southgate B. Why Bother with History? / Harlow*, 2000; *Thompson W. What Happened to History? L.*, 2000; *Fulbrook M. Historical Theory*. L.; N. Y., 2002; и многие другие.

может быть легитимирована в рамках нарративистской теории истории. Понятие объективности рассматривается в разных плоскостях. Исходя из того, что рациональные процедуры исторического исследования основываются на признании «некоей предзаданности опыта по отношению к исторической интерпретации», Й. Рюзен подчеркивает, что *опыт является одной из границ интерпретации*, но такое понимание опыта не устраняет субъективность историка. Во втором своем значении понятие объективности включает и эту «субъективную» сторону исторической интерпретации — речь идет об *интерсубъективной истине*. Понимание объективности как интересубъективности означает, что историческая интерпретация не является произвольной относительно культурного дискурса и социальной жизни, в рамках которых создается исторический нарратив, к которому он адресуется и которым предлагает некоторые практические ориентиры. «Объективность» состоит в том, что учет всех этих трех перспектив в интерпретации исторического опыта дает достаточные основания для того, чтобы один нарратив принять, а другой отвергнуть. «Практическая когерентность» (т.е. сопоставимость) — это качество исторического нарратива, благодаря которому он выполняет функцию культурной ориентации в практической жизни, и прежде всего важную роль в формировании персональной и социальной идентичности». Плюрализм точек зрения историков Рюзен рассматривает не как отрицание объективности исторической интерпретации, а напротив — как реализацию этой объективности: историческая интерпретация либо рассматривается сквозь призму различных взглядов, соотносимых с различными идентичностями, либо она «вбирает их в себя как комплементарные». Иными словами, речь идет о такой концепции плюрализма, которая базируется на принципе дополнительности, взаимной критике и взаимном признании⁶.

⁶ *Ruesen J.* Narrativity and Objectivity in Historical Studies // Symposium: History and the Limits of Interpretation. Rice University (USA). March 15-17. 1996 (http://cohesion.rice.edu/humanities/csc/conferences.cfm?doc_id=369). Ср.: *Noiriel G.* L'historien et l'objectivite // L'histoire aujourd'hui. Auxerre, 1999. P. 421-426; *Fulbrook M.* Historical Theory. P. 180-184; *Harrison R., Jones A., Lambert P.* 'Scientific' History and the Problem of Objectivity // Making History.

В современной отечественной историографии также можно обнаружить разные взгляды на влияние постмодернизма на историческую науку и методологию истории и — в связи с этим — различные предложения теоретического характера. Важно, чтобы бросающееся в глаза терминологическое разнообразие не заслоняло их родовую концептуально-методологическую общность в контексте формирования «новой рациональности».

Задача оценить воздействие постмодернистского вызова на историческое знание была поставлена в недавней статье К. В. Хвостовой⁷. Автор справедливо указывает на то, что историки всегда занимались анализом языковых структур, понятий и терминов, содержащихся в изучаемых ими источниках, но «идеи сторонников постмодернизма, современной герменевтики и структурной лингвистики о значении всестороннего анализа языка и текстов поднимают подобные методики до уровня теории истории, подразумевающей детальный анализ историко-лингвистических факторов»⁸. Положительно оценивая «углубление текстологического анализа в практике конкретных исторических исследований», которому способствовали сторонники постмодернизма, исследовательница все же характеризует прямое воздействие постмодернизма как «имплицитное» и, в общем, несущественное, хотя его косвенное влияние на понимание истории и ее методы, на выбор проблематики исследований представляется автору весьма значительным. Но К. В. Хвостова не ограничивается скептической оценкой влияния постмодернизма на историографию и предпринимает критический анализ его центральных теоретических положений.

Отметив, что в основе философии постмодернизма лежит отношение к языку как особой реальности, представление о значении анализа языковых структур, критика инструменталистского отношения к языку, свойственного позитивистскому сциентизму, автор

An Introduction to the history and practices of a discipline / Eds. P. Lambert, Ph. Schofield. L.; N. Y., 2004. P. 26-37; Мегилл, Аллан. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 358-391.

⁷ Хвостова К. В. Постмодернизм, синергетика и современная историческая наука // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 22-33.

⁸ Там же. С. 26.

задается резонным вопросом: «не кроется ли в рассуждениях постмодернистов об отрицании “единых первичных оснований” серьезное противоречие, присущее всей философии постмодернизма и связанное с отношением ее приверженцев к знанию? Ведь утверждение, согласно которому в основе всех представлений о культуре и человеке лежит анализ языка, — это, по существу, и есть признание “единого первичного основания”. Иными словами, анализ языка выполняет в рамках постмодернизма ту же функциональную роль, которую в классических философиях играют выше названные “единые первичные основания”»⁹.

Хотя историк, изучающий отдельные аспекты проблемы, конкретные явления в ограниченном пространственно-временном диапазоне, продолжает привычно пользоваться методами нахождения каузальных связей, факторов внешнего вынуждения и детерминации, строя «правдоподобные» выводы, соответствующие данным источников, все же историческая наука нуждается в рационалистической философии, способной преодолеть механицизм позитивизма и оправдывающей историческую истину не только на уровне исследований в рамках прагматизма и феноменологии¹⁰, но и общефилософских рассуждений. В качестве «единого первичного основания» такой философии и теории истории К. В. Хвостова предлагает понятие *информации*, подчеркивая роль последней в формировании и развитии социума. По мнению автора, «оперирование понятием “информация” в отличие от оперирования понятиями “язык” и “текст” обязательно предполагает всесторонний, в том числе и на уровне объяснения, а не только понимания, учет соотношения знака и реальности, что и свойственно подходу историка при осуществлении им конкретно-исторического исследования, а именно: необходимыми становятся рассуждения о содержа-

⁹ Там же.

¹⁰ Речь идет о том, что историки-профессионалы рассматривают истину в феноменологическом плане как соответствие вывода, основанного на «правдоподобных рассуждениях» и аргументации, тем данным об исторической реальности, которые содержатся в исторических источниках. См.: Хвостова К. В., Финн В. К. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М., 1997. С. 107.

тельных различиях передачи, переработки и хранения социальной информации в разные исторические эпохи»¹¹. Тезис о понятии *исторической информации* как базовом постулате «новой рационалистической теории и философии истории», призванной «заменить ее крайне субъективистское постмодернистское понимание» развивается автором и в других работах¹².

Если К. В. Хвостова сожалеет о том, что в философии истории до сих пор четко не оформилось *неорационалистическое направление*, противостоящее крайнему релятивизму и субъективизму постмодернизма, то А. В. Лубский в своей книге «Альтернативные модели исторического исследования», отмечая, что влияние постмодернизма на историческую науку способствовало формированию особого стиля исторического мышления, проявляет гораздо больший оптимизм и констатирует формирование *критико-реалистического направления* и *неоклассической модели* исторического исследования, «которая поставила задачу восстановления профессионального статуса исторической науки и ее социального престижа»¹³. Констатируя переход — в рамках интегральной *неоклассической* модели — «от одномерных интерпретаций истории к многомерным на основе синтеза “положительных” когнитивных установок классической и неклассической моделей исторического исследования» («с учетом всего того рационального, что содержится в постмодернизме»), преодоление антитезы социологического и антропологического подходов к изучению прошлого, выход «неоклассиков» на проблематику социокультурной истории («культурной истории социального»)¹⁴, А. В. Лубский обращается к ключевой проблеме научности исторического исследования, соотношения его эмпирической и теоретической составляющих. Речь идет о реактуализации процедуры рационально-научного объяснения

¹¹ Хвостова К. В. Постмодернизм, синергетика и современная историческая наука. С. 33.

¹² См., например: Хвостова К. В. Диалог со временем и современная количественная история // Диалог со временем. Вып. 16. 2006. С. 134-146.

¹³ Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005. С. 86.

¹⁴ Там же. С. 267, 271.

(наряду с пониманием) в историческом познании, а следовательно о необходимости разработки собственно исторических теорий — так называемых теорий среднего уровня, которые, не являясь простыми производными от общественно-научных теорий, «интерпретируют взаимосвязь между индивидуальными действиями и социальными структурами, включая в себя, с одной стороны, понимание индивидуальных действий, направленное на установление субъективно подразумеваемых их целей или ценностей, а с другой — социальное объяснение этих действий, связанное с определением их сущности, выявлением устойчивых взаимосвязей между ними, закономерностей функционирования и тенденций изменения»¹⁵. Нельзя не согласиться и с резюме А. В. Лубского о том, что историческая теория имеет инструментальное значение, вероятностный характер, акцентирует взаимосвязь объективного и субъективного в исторической реальности (это и обуславливает ее познавательную эффективность), не обладает универсальностью (т. е. эвристически ограничена), всегда предполагает наличие альтернативных теоретических интерпретаций.

Именно такая оценка когнитивного потенциала теорий среднего уровня и определила задачу создания целостной методологии исторического исследования, основанной на синтезе конкурирующих исследовательских стратегий. Оригинальная конструкция интегративной полидисциплинарной методологии анализа, разработанная «на базе *методологически сопоставимых и комплементарных подходов, фокусирующихся вокруг проблемы бессознательного*», была предложена и успешно апробирована в практике исследования крупномасштабных социальных трансформаций раннего Средневековья и начала Нового времени в монографии И. Ю. Николаевой¹⁶. При этом речь идет о полидисциплинарной технологии, дающей возможность верифицировать полученные с ее помощью результаты и проверить ее адекватность и эвристический потенциал на региональном конкретно-историческом материале. Особое значение име-

¹⁵ Там же. С. 282.

¹⁶ Николаева И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.

ет тот приоритет, который отдается в новой комбинированной исследовательской стратегии собственно историческим методам, и последовательно проведенная всесторонняя проверка совместимости избранного автором инструментария (и, соответственно, предлагаемой синтетической технологии) с макроисторическими теориями среднего уровня — теорией типологии генезиса феодализма и теорией типологии раннеевропейской модернизации. Здесь социально-психологический инструментарий и составляет «промежуточное звено» между эмпирикой конкретных ситуаций и «теориями среднего уровня», а точнее — задает палитру возможных концептуализаций первых и рамочные условия проверяемости последних.

И в связи с этим, возвращаясь к размышлениям А. В. Лубского, не могу согласиться с его выводом из критики «неоклассиками» односторонних принципов «неклассической модели», а именно о том, что они «считают, что субъективизм и релятивизм в исторической науке усугубились в связи с популярностью в ней социокультурной проблематики, приведшей по существу к отказу от объективно-каузального объяснения исторических событий¹⁷». Сторонники «средней позиции», «прагматического поворота» и разнообразных версий «другой социальной истории» в современной мировой историографии, выдвигающие и реализующие теоретические подходы, тождественные тем, которыми А. В. Лубский характеризует «неоклассическую модель», не только относятся вполне лояльно к социокультурной проблематике, но и прямо идентифицируют свои исследования с *социокультурной историей*, педалируя при этом свои отнюдь не тематические, а именно методологические предпочтения — ориентацию на синтез социальной и культурной истории, макро- и микроанализа, объяснения и понимания, на адекватное воспроизведение диалектического взаимодействия объективных и субъективных компонентов деятельности исторических акторов.

¹⁷ Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. С. 267.

ТЕКСТ И КОНТЕКСТ В ИСТОРИОЗНАНИИ

Т. А. БУЛЫГИНА

«МЫСЛЯЩИЙ МИР» ИСТОРИИ Ю. М. ЛОТМАНА

Главным предметом научных исследований Ю. М. Лотмана, как известно, была семиотика культуры, в которой культура занимает по отношению к семиотике равноправное место. В работах исследователя история общества и история культуры неразрывны, поэтому положения семиотики культуры являются методологически ценными для практикующих историков. Как заметил Вяч. Вс. Иванов, Лотман «был историком и историком культуры в самом одновременно общем и конкретном смысле»¹. Действительно, наряду с множеством интереснейших исторических реконструкций культуры и быта российского общества (от византийского влияния на русскую культуру до конкретных сюжетов истории русской культуры XVIII–XIX веков) в последнее десятилетие своей жизни Ю. М. Лотман обратился к методологии исторического исследования.

Статьи Лотмана по методологии истории достаточно разнообразны, но объединены несколькими общими идеями, которые выстраивались в единую концепцию истории. В основе ее — стремление к объективному взгляду на историческое прошлое, свободному от искажений ретроспекции. Он подчеркивал многообразие возможностей прошедшего, которое в представлениях потомков отменялось уже свершившейся историей. Вторая наиболее общая идея позднего Лотмана — случайность выбора среди хаоса возможностей в период культурно-исторического взрыва. Эта концепция нашла наиболее законченное оформление в его книге «Культура и взрыв»². Наконец, применяя методы семиотики культуры, Лотман предпринял усилия по разработке типологии русской культуры, выделяя типичные чер-

¹ *Иванов Вяч. Вс.* Семиосфера и культура // *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. XI.

² *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М., 1992.

ты российского исторического процесса. В этом случае он выступал как профессиональный историк, интересующийся происхождением тех или иных культур в их темпоральном сравнении.

В то же время идеи Ю. М. Лотмана о семиосфере, ее элементах и механизмах действия, разработка им семиотического понимания текста как средства создания новых смыслов с функцией коллективной памяти, характеристика границы, как точки наивысшей семиотической динамики, и диалога, как механизма перевода, могут быть включены в исследовательский инструментарий историка. Все это и многие другие положения о семиотике культуры являются чрезвычайно важными для историка-исследователя при работе над источником, при определении исторической динамики картины мира людей, помещенных в различном времени и пространстве, при реконструкции человеческой повседневности с многообразным культурным контекстом, образующим символические пространства, и в целом — при разработке проблем культурно-интеллектуальной истории. Для исследователей исторических источников и исторических текстов особый смысл приобретает примечание автора к положению о том, что культура как семиотический механизм и художественный текст дополняет возможности отдельной личности. В подстрочнике Лотман заметил, что эти свойства в той или иной мере «обнаруживает всякий текст»³, следовательно, любой источник.

Положения Ю. М. Лотмана о тексте как «смыслопорождающем устройстве», которые занимают существенное место в его семиотике культуры, несут в себе ценные замечания для проведения источниковедческого анализа. Текст как семиотическая структура имеет три функции: коммуникативную — «способность к адекватной передаче сообщения»⁴, творческую или креативную — «генератор новых смыслов», функцию памяти, или «конденсатор культурной памяти». Однако текст не ограничивается накоплением информации. Он трансформирует эту информацию и создает новые сообщения в процессе структурного усложнения, т. е. текст предстает «мыслящим миром», «самовозрастающим логосом» Гераклита⁵.

³ Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 162.

⁴ Лотман Ю. М. Три функции текста // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. С. 14.

⁵ Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. С. 160.

Социально-коммуникативные функции текста Лотман подразделяет на несколько подвидов. Это простое сообщение при общении автора и аудитории, это общение аудитории с культурной традицией, в процессе чего текст не только непрерывно впитывает новую информацию, но и акцентирует одни части сообщения, замалчивает другие. В функции текста Лотман включает также автокоммуникацию, когда текст воздействует на личность отдельного читателя, меняя его духовную структуру. Существует и обратная связь читателя с текстом. Текст, по словам Лотмана, не ограничивается простым посредничеством в процессе коммуникации. «Он становится равноправным собеседником, обладающим высокой степенью автономности»⁶. Рассматривая источник как текст в семиотическом пространстве культуры, как «самостоятельное интеллектуальное образование», человек, изучающий историю, тем самым активизирует и собственную роль в отношении источника. Исследователь вступает с источником в диалог, беседует с текстом, будь то архивный документ или фольклор, археологическая находка или фотография, музейный предмет или данные анкетного опроса.

Важной составляющей функции текста является общение его с культурным контекстом. По мнению Лотмана, картина жизни предшествующих эпох выступает контекстом того текста, с которым знакомится историк. Такой текст в широком смысле представлен любым источником, который становится носителем культурной памяти — «дискретный знак недискретной сущности»⁷. Контекст выступает частью текста, и один без другого существовать не могут, хотя в этом диалоге текст выступает «не как сообщение, а в качестве его полноправного участника, субъекта — источника или получателя информации»⁸. Причем эти отношения текста с контекстом могут быть разноуровневыми. Более того, текст, как стабильная единица структуры семиосферы, имеет свойство менять контекст. Это чрезвычайно важно при семиотическом анализе исторического источника, который предстает перед историком в конкретном, но ином контексте, нежели в момент своего создания, движения, предшествующего изучения.

⁶ Там же. С. 161.

⁷ Лотман Ю. М. Три функции текста. С. 21.

⁸ Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. С. 161.

Источник осмысливается человеком, изучающим историю, в сумме контекстов, которые создают вокруг себя смысловое пространство и вступают во взаимодействие с культурной памятью исследователя. Случайные тексты в виде археологических остатков, неожиданно найденных архивных документов, этнографических раритетов могут быть включены в культурно-исторический процесс только благодаря тому, что текст генерирует смыслы. Благодаря наличию памяти тексты, по определению Лотмана, «оказываются важными факторами, провоцирующими динамику культуры». Эта динамика определяется тем, что незавершенная структура текста под влиянием новых контекстов может давать новые культурные смыслы. Таким образом, источник — это динамичная структура, которая содержит память не только о его авторе, но и память обо всех предшествующих интерпретациях этого текста, а также об исторических явлениях, с которыми данный текст, так или иначе, связан. В разных контекстах текст создает новые смыслы. Впоследствии Лотман расширил функцию памяти текста за пределы сохранения коллективной памяти в область ее восстановления. Он прямо указывал на способность отдельных текстов прошлого, представляющих свернутые, закодированные мнемонические программы, реконструировать целые пласты культуры⁹.

В связи с разработкой методики изучения исторического источника большой интерес представляют работы Ю. М. Лотмана о движении текста между автором и аудиторией, между замыслом и текстом¹⁰. Историком необходимо помнить, кому адресован данный источник. Дело в том, что обращение текста ко «всем», т. е. к абстрактному собеседнику, предполагает минимум общей памяти с собеседником, поэтому содержание текста предполагает подробное изложение предмета сообщения с детальными пояснениями. Обращение же к конкретному адресату, чьи привычки и наклонности известны автору, предполагают большой объем общей памяти автора и собеседника. Поэтому в таком источнике нет нагроможде-

⁹ Там же. С. 190.

¹⁰ Лотман Ю. М. Текст в процессе движения: автор — аудитория, замысел — текст // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996; *Его же*. Текст как семиотическая проблема // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.

ния подробностей, а есть только намеки на общее с адресатом знание. Исследователь должен выявить эти намеки и по ним восстановить исторический контекст. При этом надо учитывать замечание Лотмана о том, что в этом случае «текст будет цениться не только мерой понятности для данного адресата, но и степенью непонятности для других»¹¹. Ученый назвал эти два типа сообщения «язык для других» и «язык для себя». В первом случае, декодируя текст источника, историк выявляет не только образ автора, но и образ аудитории, к которой обращен текст. Более того, тип сообщения также влияет на целевые установки текста источника. Так, опубликованный текст (статья, доклад, рассказ и проч.) отличается от рукописного варианта этого текста, по образному выражению Лотмана, как ораторская речь от шепота.

В условиях расширения круга источников, в частности, таких источников, как художественные произведения, важно учитывать «способность текста предлагать аудитории условную позицию интимной близости к отправителю текста»¹². В этом случае ориентация на общий тип памяти перестает быть коммуникативной функцией текста и становится художественным элементом, частью игры художественного текста. Данное обстоятельство необходимо постоянно «держать в уме» при интерпретации художественного текста как источника.

В последнее время в отечественной исторической науке большую популярность приобрела история повседневности, в которой структурной составляющей является картина мира людей прошлого. Благодаря исследованиям Ю. М. Лотмана мы можем уточнить само понятие «картина мира», углубив свои представления об этом феномене культурной истории. При этом Лотман помогает определить историку методiku подхода к изучению картины мира. Он обратил внимание на то, что во всех земных цивилизациях наличествуют определенные универсалии. К ним, например, можно отнести семиотику «верха» и «низа», «правого» и «левого», изоморфизм тела и мира, дуализм жизни и смерти, гендерную асимметрию. Количество основных элементов, из которых строится картина мира, относительно невелико и имеет универсальный характер.

¹¹ Лотман Ю. М. Текст в процессе движения... С. 88.

¹² Там же. С. 91.

Изменения в картине мира, по мнению ученого, определяются на уровне комбинаций этих универсалий¹³. Ученый вскрывает связь семиотических универсалий с физическими и психическими константами человека. Размеры тела человека обусловили антропологическую универсалию «верх/низ», асимметрия его тела — «правое/левое», двуполость — гендерную асимметрию «мужчина/женщина». Лотман считал, что «семиотика пространства имеет исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной культуры»¹⁴. Человек культуры осваивает действительность через создание образа мира, в котором живет. Этот образ опирается на реальный мир, и одновременно человек стремится преобразить реальность согласно им же конструируемой картине мира.

Особое значение приобретают работы Лотмана при обращении к культурной истории, так как основные механизмы семиотики культуры являются необходимым инструментарием историка, работающего в этом исследовательском поле. Например, для понимания той или иной системы культуры большое значение имеют представления Лотмана о сути и функциях символа как некоего содержания, которое служит для выражения другого культурного содержания. Символ в семиотическом контексте является некоторым самостоятельным текстом со своей ясно выраженной границей. Для историка важным представляется замечание Лотмана о том, что символ имеет глубокие архаические корни, когда простые знаки (крест, круг) были свернутыми программами текстов в устной коллективной памяти. Именно символы содержат «способность сохранять в свернутом виде исключительно обширные и значительные тексты»¹⁵. Поэтому символ свободен в любом семиотическом окружении и пронзает культурный срез, не сливаясь с ним, по вертикали, «приходя из прошлого и уходя в будущее». Таким образом, символы представляют собой механизм культурной памяти, перенося тексты, сюжеты из одной культуры в другую и тем самым определяя национальные или цивилизационные границы культур.

¹³ Там же. С. 112.

¹⁴ Лотман Ю. М. Механизмы диалога // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. С.205.

¹⁵ Лотман Ю. М. Символ в системе культуры. С. 148.

В то же время смысл символа может трансформироваться под воздействием культурного контекста и одновременно влиять на трансформацию этого контекста. Интересен пример символа Вавилонской башни, которая выступала планом содержания культурного пространства Библии, живописи Питера Брейгеля-старшего, затем в тексте Маркса «Пролетарии штурмуют небо» и, наконец, в памятнике III Интернационалу В. Татлина. С одной стороны, этот символ воспринимается как носитель коллективной памяти, а с другой, видно, как меняется смысл символа. Символизируя кару небесную и разъединение людей в библейском мифе, впоследствии Вавилонская башня становится символом земного штурма небес и объединения людей — «пролетарии всех стран, объединяйтесь!».

Масса ценных замечаний для изучения истории культуры и повседневности и, шире, истории общества содержится в главе «Семиотическое пространство» книги «Внутри мыслящих миров». Поскольку семиотическое пространство — это всегда пространство культуры, вернее, часть этого культурного пространства, то историку весьма полезно помнить о бинарности (множественности) и асимметрии семиотической системы. Как пишет Лотман, «состав языков, входивших в активное культурное поле, постоянно меняется, и еще большим изменениям подлежит аксиологическая оценка и иерархическое место входящих в него элементов»¹⁶.

Асимметричность семиотического пространства культуры связана с необходимостью внутренних переводов текстов, составляющих это пространство. Лотман считал перевод основным механизмом сознания. Наиболее интересно описание такого типа асимметрии семиосферы, как центр семиосферы — ее периферия. Один из участков семиосферы в процессе самоописания создает свои нормы языка, будь это политическая, лингвистическая или культурная сфера, а затем стремится распространить эти нормы на семиосферу в целом. Частные нормы становятся, таким образом, метаязыком всей культуры. Поэтому-то будущий историк видит жизнь прошлой эпохи в категориях этого метаязыка, что подтверждается и источниками, в которых автор обозначает свою принадлежность к этой нормативной культуре. За пределами свидетельств современников часто

¹⁶ Там же. С. 165.

остаётся сама реальность, в которой происходят события, не укладывавшиеся в избранную систему культуры. Более того, сами современники воспринимают заданную картину мира как реальность.

В результате «последующие поколения (включая исследователей), восстанавливающие жизнь по текстам, усвоят представление о том, что и бытовая реальность была именно такой»¹⁷. Маргинальные по отношению к метатексту культуры объявлялись несуществующими. Так появлялись «забытые» или «неизвестные» деятели культуры, политики. Интерес к ним определяется изменением точки зрения самой исторической науки. Метаязык культуры определенной эпохи, безусловно, влиял на всё многообразие семиосферы, но он же в ее верхнем слое скрывал кипение красок и противоречивость пересекающихся границ в нижних слоях. В результате создаются, по мнению ученого, сложные диалоги между различными пластами семиосферы. Именно такой подход к изучению народной культуры характерен для К. Гинзбурга. В частности, при изучении картины мира мельника Меноккио он ссылается на мысль М. Бахтина о взаимовлиянии между культурой низов и культурой верхов, т. е. на проблему культурного многообразия и взаимообмена¹⁸.

Говоря о границах семиотического, культурного, географического, национального пространств, Лотман напоминает, что человек осмысливает свое существование «в формах определенной пространственной и временной конкретности». Среди устойчивых универсалий семиотического пространства непременно присутствует деление мира на «свое» (внутреннее) и «их» (внешнее) пространство. Лотман обращает внимание, что интерпретация этой бинарности в каждой культуре зависит от ее типа. Все семиотическое пространство разбито бесконечным множеством границ между этим «внутренним» и «внешним». Это может быть граница между молодыми и старыми, мертвыми и живыми, горожанами и селянами, между этносами одной территории, между разными улицами, домами, берегами и т. п. Эти границы, по определению Лотмана, могут «иметь государственный, социальный, национальный, конфессиональный или какой-либо иной характер»¹⁹.

¹⁷ Там же. С. 172.

¹⁸ См.: Гинзбург К. Сыр и черви. М., 2000. С. 39-40.

¹⁹ Лотман Ю. М. Понятие границы // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. С. 175.

С другой стороны, применяя принципы самоописания метаструктуры в ее асимметрии «центр — периферия», Лотман показал, что граница представляет собой область семиотической динамики, в которой вырабатываются новые смыслы. Это происходит из-за ее полилингвистичности, поскольку граница одновременно принадлежит двум пограничным культурам, двум граничащим семиосферам. В результате граница — это механизм ограничения их взаимовлияния и одновременно средство их взаимодействия, которое осуществляется как перевод «чужих» текстов на «наш» язык. Таким образом, чужая «заграничная» культура, чтобы стать понятой, должна иметь эквивалент в нашей «внутриграницной» культуре. Ученый называет эту функцию границы инвариантной, которая «означает отделение своего от чужого, фильтрацию внешнего, которому приписывается статус текста на чужом языке, и перевод этого текста на другой язык»²⁰.

Для понимания смыслов исторического источника полезна характеристика Лотманом границы и в связи с тем, что перевод здесь выступает как элементарный акт мышления, невозможный без столь же элементарного механизма — диалога. Показывая такие элементы диалога, как диалогическая ситуация или его дискретность, он напоминает историку, что обращение к источнику есть обращение к автору источника. Полноценный диалог между автором и исследователем возможен только при наличии не только нашей потребности в диалоге, но и потребности автора в нем. При этом Лотман подчеркивал, что данная потребность определяется не качественными либо количественными параметрами культур готовых к диалогу или их «прогрессивностью», но исключительно ценностной установкой²¹. Одной из задач историка является поиск этой точки заинтересованности автора текста в собеседнике.

Дискретность диалога культур позволяет иначе взглянуть на периоды затишья или упадка в культурной истории человечества. Как показал Лотман, так называемый культурный упадок есть партия в диалоге (ее можно назвать временем приема информации, насыщения чужими многообразными текстами), которая внешне воспринимается как пауза. В этом случае чужие тексты восприни-

²⁰ Там же. С. 188.

²¹ Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. С. 206.

маются как «новое», которое определяет разрыв с прошлым, с традициями. По Лотману, такое полученное извне миропонимание «переживалось как спасительное». На следующем же этапе господствует тяга к восстановлению утраченных «корней», стремление отмежеваться от семиосферы той культуры, чьи тексты бурно импортировались в предшествующий период. В значительной мере это объясняет психологическое состояние современной российской культуры в широком смысле. Согласно теории Лотмана, следующий за этим этап характеризуется растворением текстов-интервентов в культуре принимающей, ускоряя рождение новых текстов, которые, будучи порождены вторжением «чужих» текстов, создают совершенно новую семиотическую структуру. Под влиянием социокультурных, экономических, политических, природных контекстов данная модель реализуется специфически, часто не полностью. Однако культурный диалог, как желаемая с обеих сторон, асимметричная в своей цикличности структура, помогает понять реальные процессы, происходившие в истории различных цивилизаций, и прежде всего понять самих себя, свое историческое прошлое.

Ю. М. Лотман утверждал, что в организованную пространственную сферу, создаваемую человеком в процессе его культурной деятельности, входят и модели семиосферы, тесно связанные с миром материальной культуры. По мнению ученого, «пространственная картина мира многослойна», так как включает и мифы, и научные воззрения, и «здоровый смысл», как единое соединение, находящееся между человеком и реальностью. Таким образом, картина мира частично отражает и этот реальный мир, и духовное состояние самого человека. При этом очень важно помнить, что динамика картины мира людей определяется историческим процессом во всем его многообразии. Человек, моделируя образ мира, выступает активным субъектом этого образа. Одновременно, погружаясь в этот образ, человек испытывает активное воздействие на свою личность этой картины мира.

В. П. Корзун, Д. М. Колеватов

**«РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ»
Н. Л. РУБИНШТЕЙНА
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ
ЭПОХИ***

«Такая странная жизнь...»

Судьба книги Н. Л. Рубинштейна может быть названа поистине странной — высоко оцениваемая специалистами в начале 1940-х (время выхода работы) и даже выдвинутая на соискание Сталинской премии¹, она подвергается разгромной критике в конце 1940-х годов, как «образец космополитического подхода». На долгие годы книга остается невостребованной в официальной историографии, но живет в предании, как «дела минувших дней», как полулегендарный образец «высокого» историографического подхода. Она живет своей жизнью в пространстве устной истории науки — выводы и подходы Рубинштейна довольно широко используются в практике вузовского преподавания. Наличествует историографическое знание, но нет имени историка. На это специфическое явление в советской историографической традиции обратил внимание В. А. Муравьев: «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна была изъята из учебного процесса в высшей школе, но никогда не перемещалась в «спецхран» и, несмотря на жесточайшую критику автора, к «табуированной» литературе не принадлежала — побитого автора отпустили восвояси. Можно припомнить ряд сходных примеров или «отпуска живым» с «полузабвением» его книг («Регу-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие (вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг.)», проект 07-01-00301а.

¹ Шаханов А. Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна // История и историки: Историограф. вестн. М., 2005. С. 187.

лярное государство Петра Первого и его идеология» Б. И. Сыромятникова. М.; Л.; 1943. Ч. 1.), или напротив, «отпуска живой» книги с забвением или полужабвением ее автора (труды Н. Д. Приселкова) и др.»².

Очевиден факт неполного признания классического труда Н. Л. Рубинштейна, фильтрация его основных положений не только со стороны власти, но и со стороны научного сообщества. Отношение это стало изменяться лишь в последнее десятилетие. В качестве примера первых опытов переосмысления историографического творчества историка назовем работы С. О. Шмидта, В. А. Муравьева, О. М. Медушевой, А. Н. Цамутали, А. Н. Шаханова, А. М. Дубровского и др.³. Авторы, как правило, обращают преимущественное внимание на судьбу самого Н. Л. Рубинштейна, что, безусловно, важно для формата историко-научного исследования. Соответственно рассматриваются такие вопросы, как складывание его как ученого, вхождение в столичное научное сообщество, дается краткая характеристика научных достижений, среди которых «Русской историографии» отводится почетное место, и, наконец, все больше внимания уделяется периоду борьбы с космополитизмом, трагически сказавшемуся на судьбе Н. Л. Рубинштейна. С особой пронзительностью этот сюжет раскрывается в статье С. О. Шмидта — свидетеля космополитических проработок на историческом факультете МГУ, студента, а затем коллеги Рубинштейна по Историко-архивному институту. Судьба историка и историографа Рубинштейна на современном этапе исследована гораздо основательнее, чем содержание, концептуальная специфи-

² *Муравьев В. А.* «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна // Археологический ежегодник за 1998. М., 1999. С. 228.

³ *Шмидт С. О.* Судьба историка Н. Л. Рубинштейна // Археологический ежегодник за 1998 г. М., 1999. С. 202-227; *Муравьев В. А.* Указ. соч. С. 228-233; *Медушевская О. М.* Источниковедческая проблематика «Русской историографии» Рубинштейна // Археологический ежегодник за 1998 г. М., 1999. С. 233-235; *Цамутали А. Н.* Николай Львович Рубинштейн // Историки России. Биографии. М., 2001; *Шаханов А. Н.* Указ. соч.; *Дубровский А. М.* Историки и власть. Брянск, 2006; *Корзун В. П., Колеватов Д. М.* Социальный заказ и трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие («На классиков, ровняйся!») // Мир историка. Историогр. сб. Вып. 2. Омск, 2006. С. 199-224.

ка его историографического труда. Преодоление этого разрыва, объяснение, почему именно Рубинштейн становится одной из наиболее значительных фигур среди «гуманитариев–космополитов», представляется нам актуальным.

Первые шаги в этом направлении предприняты в статьях В. А. Муравьева и О. М. Медушевской. Несмотря на тезисность изложения, Муравьев, по существу, впервые обозначил вклад Рубинштейна в развитие отечественной историографии, наметил линии преемства его с дореволюционной традицией, но в то же время не упростил интеллектуальные поиски своего героя до банального — «стремился прикрыться марксизмом». Муравьев говорит о нем как о классике и основоположнике советской историографии: «Именно Н. Л. Рубинштейн ввел в советский историографический обиход его центральный принцип — периодизацию формационного типа», подчинил уже утвердившийся в интерпретации отечественной истории формационной схеме историографический материал⁴. Интересен и логичен, на наш взгляд, и вывод автора о значении труда Рубинштейна для последующего развития отечественной историографии. По Муравьеву, «генетически современная историография как дисциплина восходит не к работам 1920-х годов, а через книгу Н. Л. Рубинштейна — к длительной российской историографической традиции»⁵. Однако такой вывод пока не подкреплен в современной исследовательской литературе конкретным сопоставительным анализом понимания предмета историографии и ее задач в дореволюционной традиции и советской, не говоря уже о том, что оно (понимание) не было унифицированным.

Продуктивным шагом в постижении специфики историографического подхода Рубинштейна можно считать небольшую статью О. М. Медушевской. Автор вписывает «Русскую историографию» в контекст методологических поисков XX – начала XXI в., фокусом которых стал вопрос о соотношении исторического процесса и исторического познания, роли источника в историческом синтезе. Для Рубинштейна, по Медушевской, «источник, методы его изучения — самодостаточная, отнюдь не второстепенная, не вспомогательная, но одна из главных методологических проблем.

⁴ Муравьев В. А. Указ. соч. С. 231.

⁵ Там же. С. 233.

Она проходит по структуре всей его книги, и в главах, посвященных началу XX века, эта тема достигает своей кульминации»⁶. Медушевская подчеркивает чуткость автора к новаторским источниковедческим практикам своих старших современников.

Дискуссионными продолжают оставаться вопросы содержательной определенности понимания предмета историографии самим Рубинштейном, влияния на него предшествующей, дореволюционной историографической традиции. Так, согласно точке зрения Н. В. Иллерицкой, историк неоправданно расширяет предмет историографии — в его работе границы русской исторической науки «неоправданно расширялись, идентифицируясь с исторической мыслью, отнюдь не профессиональной». Иллерицкая жестко (и, заметим, противоречиво) связывает два историографических труда — «Русскую историографию» Рубинштейна и «Главные течения русской исторической мысли» П. Н. Милюкова — в плане замысла, структуры и даже центральных идей. Не совсем понятным в связи с вышеизложенным тезисом является противопоставление понимания предмета историографии у двух названных историографов: «Для П. Н. Милюкова историография — это история исторической мысли... В монографии Рубинштейна такой точности и осмысленности нет»⁷. По меньшей мере данное утверждение выступает как непроясненно спорное.

«Такая странная жизнь» как автора, так и его книги «нудильно обязательно» (по терминологии М. М. Бахтина) предполагает попытку проанализировать содержательную специфику представлений Рубинштейна о предмете историографии, закономерностях и основных периодах ее развития, о взаимодействии дореволюционной и советской (марксистской) историографической традиций, что мы и намерены сделать в предлагаемой статье. Дополнительной мотивацией нашего обращения к обозначенным сюжетам является неоднозначность понимания феномена советской историографии как особого культурно-исторического явления. Для одних авторов советская историография представляется исключительно как элемент тоталитарного общества, другие рассматривают ее как «соци-

⁶ Медушевская О. М. Указ. соч. С. 235.

⁷ Иллерицкая Н. В. В. Е. Иллерицкий: жизнь в науке (1912–1986) // Интеллектуальная культура современной историографии. М. 2006. С. 10–11.

альный историографический проект», характерными чертами которого называются классовый подход как заданная ценность и направленность на борьбу с буржуазной историографией, но при этом не отрицаются его эвристические возможности. В последние десятилетия наметился, на наш взгляд, новый, более продуктивный подход, ориентирующий на изучение научного сообщества, индивидуальных поведенческих стратегий его участников, на исследование борьбы в научном поле за обладание институциональным капиталом, подход, синтезирующий интерналистские и экстерналистские факторы развития науки.

Для нас обращение к первым опытам историографических обобщений в период, когда на советском историографическом поле действовали представители дореволюционной и постреволюционной научных традиций, представляет особый интерес. Мы намерены выделить те особенности образа историографии, которые сохранились в советском проекте от предыдущей историографической традиции, а также определить новации, сложившиеся под воздействием нового социального заказа. Для нас безусловно важным является выявление того, как складывающаяся модель историографического анализа и транслируемый образ науки проходят через социальные фильтры. Наше «любопытство» предопределило структуру предлагаемой статьи. Первая часть носит характер традиционного историографического введения. Особое внимание уделяется научному и социальному контексту, в котором появляется «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна. Во второй части анализируются представления Рубинштейна о предмете, задачах, периодизации русского историографического процесса. Предпринимается попытка сравнительного анализа обобщающих историографических трудов Рубинштейна, Е. А. Косминского и О. Л. Вайнштейна. В третьей части мы рассматриваем прохождение труда Рубинштейна через социальные фильтры, под которыми подразумевается власть и научное сообщество.

Рубеж 1930–40-х гг. — время, когда восстанавливаются курсы историографии в университетах, равно как и сами исторические факультеты. Напомним, что с осени 1936 года курс по русской историографии читался для студентов МИФЛИ Николаем Леонидовичем Рубинштейном. Он же в 1937 г. приступает к чтению этого же курса в МГУ и читает его с небольшим перерывом вплоть до

1948 г. С 1938 г. там же, в МГУ, начинает читать курс по историографии средних веков и Евгений Алексеевич Косминский, в 1947 г. чтение этого курса прекращается. В это же время в Ленинградском университете курс историографии средних веков читает Осип Львович Вайнштейн вплоть до увольнения профессора в 1951 г. и последовавшего затем перевода в Киргизский государственный университет⁸. Курсы Н. Л. Рубинштейна и О. Л. Вайнштейна были опубликованы в 40-е гг., лекции Е. А. Косминского долгое время оставались не опубликованными и только в 1963 г., уже после смерти автора, были изданы сотрудниками кафедры истории средних веков Московского университета. Историографические штудии для Рубинштейна и Вайнштейна увенчались и завоеванием вершин на пути к научному Олимпу. В мае 1940 г. Рубинштейн успешно защитил докторскую диссертацию, посвященную развитию русской историографии. Монография О. Л. Вайнштейна «Историография Средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала Средних веков до наших дней», выросшая в значительной мере из его лекционного курса, была защищена как докторская диссертация, а Всесоюзный комитет по делам высшей школы допустил ее в качестве учебника для исторических факультетов⁹.

Возрождение историографии, обращение к «синтетическим» историографическим курсам не было простым совпадением. Попробуем прояснить основные моменты, способствующие появлению этого феномена. Над причинами и некоторыми характеристиками этого процесса размышлял уже активный и авторитетный его участник — Н. Л. Рубинштейн. «Для обращения к этой тематике, — указывает историк, ссылаясь на личный опыт, — требовалось накопление знаний в области общей истории и историографии»¹⁰. Во второй половине 1930-х гг. происходит актуализация историографической проблематики (она, как указывает Рубинштейн, приобретает самодовлеющее значение). В качестве причин

⁸ Лебедева Г. Е., Якубовский В. А. Профессор О. Л. Вайнштейн в годы борьбы с космополитизмом // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2005. С. 122-123.

⁹ Лебедева Г. Е., Якубовский В. А. Указ. соч. С. 122.

¹⁰ Рубинштейн Н. Л. О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 5-6. С. 101.

изменения научного статуса историографии он выделяет пересмотр исторической схемы М. Н. Покровского, который повлек «одновременный пересмотр историографических оценок, отказ от сугубо нигилистической оценки прошлого»¹¹. Автор связывает историографическое оживление с общим процессом становления советской исторической науки, в котором историография все больше осознается одним из важнейших ее компонентов: «Переход развернутым фронтом к построению советской исторической науки требовал дифференцированного подхода к ее общему пересмотру и осмыслению ее итогов»¹². Создание обобщающего историографического курса было подготовлено, как отмечает автор, возвращением в историографический оборот произведений выдающихся отечественных историков. Причем этот процесс, пишет Рубинштейн, «обозначился у нас очень быстро. Уже в 1937 г. СоцЭкГиз переиздал «Курс русской истории» В. О. Ключевского... Одновременно стало в порядок дня переиздание важнейшего свода буржуазной науки — «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, А. И. Андреев составил проект переиздания «Истории России» В. Н. Татищева. Тогда же были изданы «Лекции по русской истории» А. Е. Преснякова и подготавливалась к изданию главная монография Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в удельной Руси». Поднимался вопрос о разработке архива А. Е. Преснякова и П. Г. Любомирова. Велись поиски личного архива В. О. Ключевского»¹³. Как видим, сам Рубинштейн историографическую ситуацию периода написания своей монографии характеризует преимущественно как внутринаучный процесс. Социальный заказ в его характеристике не проговаривается, а скорее подразумевается, присутствует в снятом виде. Но что очевидно, так это констатация возросшего историографического интереса.

Для современных исследований характерно стремление соблюсти баланс внутринаучных и социально-политических факторов в описании интересующей нас историографической ситуации. В рассматриваемый нами период происходит поворот власти к державной национальной истории, к государственному патриотиз-

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 102.

му. Легитимация сталинской власти была связана с попыткой опереться на национальные традиции, приобщиться к тому, что М. М. Бахтин называл «миром эпопеи — миром начал и вершин национальной истории». 1930-е годы — время становления советского патриотизма, имевшего двойное — не только классовое, но и национальное содержание¹⁴. Составляющими этого процесса являлись русоцентризм, новое понимание роли государства (идея укрепления государства как высшей цели социалистического строительства), реабилитация героев русской истории и официальный культ выдающихся деятелей отечественной культуры, который стал частью партийно-государственной идеологии¹⁵. В этой обстановке закономерно назревало изменение статуса исторической науки и исторического образования: «Они должны были стать эффективными средствами в формировании нового общественного сознания, патриотического по своему содержанию»¹⁶. Указанные изменения актуализировали тексты и подходы «старых историков», и переиздание их становилось государственным проектом. Не случайно выход «Курса русской истории» В. О. Ключевского отмечается статьями в «Правде» и в журнале «Печать и революция» (автором которых был, кстати, Рубинштейн).

К середине 1930-х гг. ушли из жизни крупнейшие историки партии старшего поколения (В. Невский, М. С. Ольминский, А. С. Бубнов и др.). В 1932 г. завершился жизненный путь главного организатора советской исторической науки М. Н. Покровского. Такая ситуация была удобной для переписывания истории партии и государства. Новая история должна была утвердить особую роль Сталина в истории. На смену социологизаторской концепции Покровского приходил новый советский историзм с опорой на исторический факт, накопленную технику исторического исследования, конкретную проблематику. Восстанавливался жанр монографии. И, естественно, все это упиралось в профессиональную подготовку исследователей, в «выучку школой» и сопровождалось как восстановлением исторического образования, так и изменением инфра-

¹⁴ Дубровский А. М. Указ. соч. С. 60.

¹⁵ Там же. С. 72, 81, 87-88.

¹⁶ Там же. С. 94.

структуры науки, в которой все большая роль отводилась академическим институтам.

Весьма показательна в этом плане организация Института истории АН в 1936 г. путем объединения Института истории Комкадемии при ЦИК СССР, Института истории Ленинградского отделения Комкадемии, Историко-археографического института АН и Института книги, документации и письма. По постановлению СНК от 7 февраля 1936 г. Коммунистическая академия подлежала ликвидации, ее учреждения и институты передавались в ведение Академии наук¹⁷. Становление «сталинского академизма» в определенном смысле отвечало логике развития науки, хотя исследователи этого периода все чаще обращают свое внимание на логику политической борьбы как решающий фактор институциональных преобразований — новые советские институты, по своему определению, были в центре политических баталий, а советские историки оказывались причастными к различным «уклонам». «Поэтому — пишет А. В. Шарова — предстояло “очистить” места скопления этих потенциальных и явных врагов, и таким образом очередная реорганизация и централизация сети научно-исследовательских учреждений была весьма кстати...»¹⁸.

В содержательном плане процесс историзации в определенной степени вписывался в общий интеллектуальный контекст развития мировой историографии, в данном случае речь идет уже о внутринаучных предпосылках. Указанный период характеризуется так называемым «переоткрытием исторического»¹⁹, когда разворачивается общеевропейский интеллектуальный процесс смены неокантианско-позитивистских способов методологической рефлексии новыми, основанными на идее конкретности, социальной связанности и определенности знаний. Недоверие к абстрактным социологическим конструктам, с одной стороны, усиливало интерес к во-

¹⁷ См. подробнее об этом: *Шарова А. В.* Маленькие радости большого террора: Первые годы Института истории АН СССР // *Одиссей. Человек в истории.* М., 2004. С. 318-350.

¹⁸ *Шарова А. В.* Указ. соч. С. 320.

¹⁹ *Дмитриев А. Н.* Генезис и специфика советского историзма (1920–1930-е гг.) // *Историческое знание и интеллектуальная культура.* М., 2001. С. 246.

просам методики и техники исторического исследования с пристальным вниманием к нарративу, а с другой, к творческой лаборатории историка, к поискам новых методологических ходов. Периоды смены парадигм, как правило, характеризуются интенсивной историографической рефлексией, обострением проблемы наследия (в нашем случае — научного).

К числу имманентных факторов, связанных с характеристикой поколенческого среза научного сообщества, стоит отнести и появление новой генерации молодых историков, по А. Дмитриеву, «академических марксистов», для которых мотивация политическая и публицистическая замещалась внутринаучной. Так, к примеру, отмечая особенности вхождения Рубинштейна в среду влиятельных московских историков. С. О. Шмидт пишет, что тот приехал в Москву в период резкого обострения взаимоотношений историков и неприкрытого партийного вмешательства в повседневность исторической науки. Это было время, когда были «слышны отзвуки “Академического дела”», когда арестовали ученых «старой школы» и их учеников, а труды этих историков публично шельмовались... Назревали серьезные конфликты в среде воинствующих выпускников Института красной профессуры, особенно в связи с усилившейся болезнью М. Н. Покровского. Немало предопределялось тогда давними личными связями (по Московскому университету и РАНИОНу, Институту красной профессуры). Отсутствие у одессита Н. Л. таких прилипчивых многолетних контактов, пожалуй, облегчало его положение. А, познакомившись с ним, нетрудно было почувствовать, что по своему характеру Н. Л. не склонен участвовать в групповых конфликтах»²⁰. Шмидт также отмечает, что Рубинштейн сразу же воспринимался как чуждый интриганства и искательства, как «трудолюбивый и ответственно относящийся ко взятым на себя деловым обязанностям, серьезный специалист по отечественной истории (причем по феодальному периоду, оголенному после ареста московских профессоров) и в области относительно политически нейтральных специальных исторических дисциплин»²¹. Исследовательница творчества Е. А. Косминского А. В. Шарова обращает

²⁰ Шмидт С. О. Указ. соч. С. 205.

²¹ Там же. С. 206.

внимание на внутринаучную мотивацию как главную в деятельности Косминского и отмечает его аполитичность, ссылаясь на воспоминания Е. В. Гутновой об историке²².

Наконец, говоря об интеллектуальной атмосфере в советском научном сообществе, отметим такую ее особенность, как стремление к энциклопедизму (непростой феномен, который требует специального изучения). Партийно-публицистический вариант такого энциклопедизма чуть позже найдет отражение в «Кратком курсе ВКП(б)», одной из форм научно-исторического варианта энциклопедизма, очевидно, можно считать создание специальных историографических курсов и соответствующих учебников.

Для реализации историографического вызова времени, власти и следования логике развития самой науки требовались определенные личностные и профессиональные качества историков. Такой историк должен быть философски ориентированным, иметь вкус к генерализации, обладать обширной эрудицией. На эти специфические качества указывает один из наших авторов, размышляя об особенностях и путях своего вхождения в «мир историографии». Набрасывая на закате жизни свой историографический автопортрет, Рубинштейн фиксирует внимание на собственном раннем интересе к проблемам методологии и теории науки, интересе, спровоцированным семейным общением (старший брат занимался философией, второй брат — экономическими науками, третий — биологией). «Еще в гимназические годы — вспоминает историк — я знакомился не только с Кантом, но и с популярными тогда неокантианскими теориями в области истории, народного хозяйства и права, читал Виндельбанда, Риккерта и работу Штамлера «Хозяйство и право»... у меня потом долго сохранялись критические наброски по их работам, где я стремился обосновать свое понимание объективности научного знания, в частности для исторической науки. Отсюда частично и общая характеристика научной проблематики эпохи империализма в моей работе «Русская историография»²³.

²² Шарова А. В. Историк средневековой Англии в советской России: компромиссы академика Е. А. Косминского // *Одиссей. Человек в истории*. 2003. С. 292.

²³ Рубинштейн Н. Я. О путях исторического исследования // *История СССР*. 1962. №5-6. С. 89.

Итак, двое авторов воплощенных историографических проектов, Рубинштейн и Вайнштейн — южане, ровесники (родились в 1894 г.), получили образование в Одессе. В Новороссийском университете их учителями были П. М. Бицилли, В. Э. Круман, Е. Н. Щепкин. Рубинштейн отмечает также эрудицию молодого тогда еще А. В. Флоровского, преподававшего русскую историю, но замечает, что его лекции «не будили научной мысли». Завершают образование оба историка уже в советский период. Е. А. Косминский на восемь лет старше. Он поступает сначала в Варшавский университет, затем переводится в Московский и в 1910 г. оканчивает его с золотой медалью. Учителем его был знаменитый Д. М. Петрушевский. Историографическая традиция была достаточно мощно представлена как в Московском университете, так и в провинциальном Новороссийском, хотя, по воспоминаниям Рубинштейна, специальный курс по русской историографии Е. П. Трифильева, мягко говоря, оставлял желать лучшего: «Я ушел с лекции после первого часа и больше никогда не бывал на занятиях» у него²⁴.

Поневоле обращаешь внимание на сходство историографической судьбы, «судьбы сплетенья» самих перечисленных историков, равно как и судьбы их обобщающих трудов. Отмеченное сходство провоцирует сравнительный анализ, который предполагает обращение к общей характеристике их работ, представлений о предмете историографии, ее основных задачах и принципах периодизации — это и дает нам возможность вписать творчество Н. Л. Рубинштейна в современный ему историографический контекст. Разумеется, мы отдаем себе отчет в сложности подобного сопоставления хотя бы потому, что труд по отечественной историографии сравнивается с курсами/работами историков-медиевистов. Но, несмотря на различную специализацию русиста Рубинштейна и медиевистов Косминского и Вайнштейна, их можно представить как игроков на общем историографическом поле. Любопытный штрих, связывающий их в единую интеллектуальную сеть — Косминский был оппонентом Вайнштейна при защите докторской диссертации, и Вайнштейн в предисловии к курсу выносит ему (как и Е. В. Тарле) особую благодарность за ценные замечания. В свою очередь

²⁴ Там же. С. 90.

Вайнштейн — автор рецензии на «Русскую историографию» Рубинштейна, опубликованной на страницах «Исторического журнала» в 1942 г. К тому же Косминский и Рубинштейн оказались связаны общим местом работы, которым стал истфак МГУ.

Опыты историографических обобщений

Концептуально работа Рубинштейна продолжила историографический проект, сложившийся в отечественной традиции в начале XX века и представленный именами П. Н. Милокова, А. С. Лаппо-Данилевского, в определенной мере В. О. Ключевского²⁵, историографические поиски которых были хорошо знакомы автору. Внешним, но принципиально важным для нас, свидетельством последнего является приводимая Рубинштейном библиография к соответствующим лекциям, где упоминаются не только знаковые историографические работы монографического плана, но и отдельные статьи дореволюционных историков. «Русская историография» преодолевала сложившийся разрыв, жесткое противопоставление дореволюционной и советской исторической науки, характерные для образа историографии, разрабатываемого и насаждаемого М. Н. Покровским. Объектом исследования для Рубинштейна является *история развития русской исторической науки* (курсив наш. — В. К., Д. К.), а основным содержанием, предметным полем ее выступает «история русской исторической мысли в познании русского исторического процесса», в этом и заключается, по формулировке самого автора, «основное содержание и основной предмет» его труда. Во введении к работе автор ставит задачу познать

²⁵ Почти все историографы эпохи порубежья проделали эволюцию от понимания историографии как истории исторической мысли до рассмотрения ее как истории исторической науки. Некоторые из них, например П. Н. Милоков и А. С. Лаппо-Данилевский, рассматривали ее как часть истории культуры. Лаппо-Данилевский включал историографию в класс формирующегося науковедения. Общим для Ключевского, Милокова, Лаппо-Данилевского было признание социальной обусловленности исторических концепций. И более того, наметилось понимание существования различных уровней социальности науки, обозначился интерес к профессиональной корпоративной культуре. В общем, в историографии очевидна тенденция к преодолению позитивистского образа исторической науки, интерес к ее дискретным моментам развития, к личностному знанию, окрашенному ценностями эпохи и индивидуальными чертами ее исследователей.

закономерность развития науки как последовательный и поступательный процесс²⁶. По ходу изложения Рубинштейн дополняет и уточняет представления о содержании предмета «Русской историографии»: это «история развития русской исторической науки в условиях развития русской истории в связи с общим развитием общественной и научной мысли и с непосредственным ростом конкретного исторического знания»²⁷.

Размышляя о закономерности процесса историознания, он констатирует обусловленность творчества историков и создаваемых ими научных концепций определенной социальной средой — «связями общественными». «Идеологические связи, идеологические влияния» составляют, по Рубинштейну, «второй дополнительный момент, определяющий развитие исторической науки: они заключаются в системе философских воззрений и в непосредственном влиянии исторической науки других стран»²⁸. Теоретическая напряженность, раздумья о закономерностях гносеологического порядка прочитываются даже в отдельных авторских ремарках, в традиционном проговаривании маркеров предметного поля лекционного курса. В качестве примера обратимся к тем уточнениям/ограничениям предметной области «Русской историографии», которые формулирует Рубинштейн в специальном разделе. В «Курс...» не вошла «историография» Украины, Белоруссии, народов Кавказа и Закавказья и многих других народов нашего Союза». Это первое ограничение. Второе — связано с тем, что не были включены сочинения русских историков по истории западных стран и иностранных исследований по русской историографии. Для нас в данном случае интерес представляет не столько обоснование Рубинштейном этих ограничений, сколько спонтанное обращение к проблемам закономерностей развития исторической науки. Рубинштейн констатирует связь исторических воззрений и исторической науки не только с идеологией, но и с национальной культурой. Им осознается необходимость и важность изучения национальных историографий. Во втором случае (оговаривая второй ограничитель) Рубинштейн высказывает принципиально важную

²⁶ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 3.

²⁷ Там же. С. 13.

²⁸ Там же. С. 3.

мысль о необходимости иметь в виду «внутреннюю связь отдельных областей исторической науки в их реальном взаимодействии»²⁹. Значимым проявлением такой реальности по Рубинштейну является влияние западноевропейской исторической науки на русскую историческую науку.

Итак, Рубинштейн по существу выстраивает схему: исторический процесс, история как часть идеологии и национальной культуры — историческое знание, добываемое историком. В связи с этим историк рассматривает вопрос «о месте биографического элемента в историографическом изучении», роли личности историка — «в ряде случаев эта общественная и научная биография не только раскрывает научные предпосылки, но дает как бы вторичную проверку, материал, дополняющий научный анализ»³⁰. Более того, очерчивая антропологический ракурс историографического исследования, Рубинштейн по существу подходит к проблеме научных поколений. В этом плане представляет интерес его замечание о том, что «деятельность историка протекает на значительном отрезке времени, но каждый историк имеет определенный период научной зрелости, когда оформляется его научное мировоззрение, — и это есть тот период, который представлен данным историком в общем развитии исторической мысли. Деятельность историка продолжается и дальше, но новые проблемы, выдвинутые новой эпохой отражены уже ...другими направлениями»³¹.

Намеченные (и реализованные) Рубинштейном подходы свидетельствуют о высоком профессионализме автора и в общем вполне согласуются с марксистской методологией. Своеобразен подход Рубинштейна к одной из важнейших задач, декларируемой современной ему советской историографией, — критике/разоблачению/осуждению историографии буржуазной. Относительно данного сюжета автор делает «оговорку принципиального характера»; он, с одной стороны, признает необходимость «раскрывать внутреннюю сущность дворянской или буржуазной историографии в их принципиальной, теоретической и методологической внутренней ограниченности, но в то же время считает

²⁹ Там же. С. 11-12.

³⁰ Там же. С. 4.

³¹ Там же.

излишним формальное противопоставление марксистской концепции каждому ложному ошибочному утверждению дворянской и буржуазной историографии»³². Подобную «марксистскую критику» автор воспринимает как несоответствующую поставленной задаче — показать развитие историографии в целом, и оговаривается — «автор не вносил в курс внешних оценок»³³.

Свою позицию Рубинштейн представляет как стремление построить марксистский курс историографии на более высоких и принципиальных основаниях, чем это было свойственно его непосредственному историографическому предшественнику М. Н. Покровскому. У последнего, по Рубинштейну, в конечном счете «пропадает историческая наука, как целое и ее развитие, все сведено к антагонизму исторических концепций. И если подлинная задача марксистского анализа — раскрыть классовую ограниченность пройденного этапа для преодоления этой ограниченности, но вместе с тем *для освоения и развития его положительных достижений* (курсив наш. — В. К и Д. К.), то у М. Н. Покровского фактически выпала последняя, основная задача марксистской историографии»³⁴. В этих усложненных формулировках декларируется основная идея книги — «внушить представление о преемственном развитии науки русской истории, как «целого», подчиненного закономерностям... гносеологического порядка», «...направить мысли современных историков на овладение исследовательскими технологиями»³⁵.

Отметим, что в понимании Рубинштейна марксистская наука есть не нечто окостеневшее, «не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, а действительное движение». При таком понимании предшествующие марксизму этапы выступают как необходимый момент развития науки, и поэтому «задача историографии — не формальная критика и разоблачение ограниченности пройденных этапов с тем, чтобы их осудить и отвергнуть... а в творческом процессе критически осваивать историческое наследст-

³² Там же.

³³ Там же. С. 13.

³⁴ Там же. С. 16-17.

³⁵ Шмидт С. О. Указ. соч. С. 209.

во»³⁶. Весьма примечательно, что автор апеллирует к трудам молодых основоположников марксизма. Одним из первых на эту особенность обратил внимание С. О. Шмидт. С его точки зрения, «Н. Л. стремился осмыслить официальные общественные теории (прежде всего относящиеся к объяснению прошлого) и определить и для себя самого и для других их исторические корни и место в перспективном развитии общественного сознания, научного мышления. Он полагал, что марксизм-ленинизм — это непрерывное движение; и именно эту цитату из раннего сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса Н. Л. счел важным привести в предисловии к «Русской историографии». «Мы называем коммунизмом **ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ** движение, которое устраняет теперешнее состояние... Н. Л. отнюдь не ограничивался использованием облегчающих существование ученого гуманитария всем известных цитат, и это настораживало тех, кто привык лишь к бездумному повторению указанного свыше или давно общепринятого»³⁷.

С пониманием предмета историографии связываются и принципы ее периодизации. Рубинштейн, как мы уже отмечали, стремится вписать марксизм и, соответственно, марксистскую историографию в общий процесс культурно-исторического развития. Для него естественно стремление подчеркнуть обусловленность развития исторической науки: «...историческая наука, как отражение общественного бытия, и историография, как наука о ее развитии, сами подчинены закону исторического развития, ...историография как наука появляется позже самой истории, так как предполагает в качестве предпосылки существование истории как науки»³⁸. В то же время историческая определенность для марксиста Рубинштейна имеет социально-классовую подоплеку: «только назревание существенных качественных изменений в структуре феодального общества, назревание в недрах его глубоких политических и классовых противоречий... выступление на арену нового класса — буржуазии... порождает необходимость перехода от простого воспроизведения факта к познанию его смысла и значения, а вместе с

³⁶ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 6.

³⁷ Шмидт С. О. Указ. соч. С. 207.

³⁸ Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 9.

тем и необходимость критики самих историографических представлений»³⁹. В истории европейских стран, указывает Рубинштейн, этот процесс совершается на переломе от XVII к XVIII в. и характеризуется Энгельсом в плане содержательном как период превращения знания в науку. Как видим, автор «Русской историографии» процесс развития исторической науки соотносит с формационными изменениями. Таким же образом им объясняется и дальнейший прогресс исторической науки: необходимо было осмыслить буржуазную революцию конца XVIII в., скачок из феодальной формации в капиталистическую, и этот «внешний разрыв надо было преодолеть анализом внутренней закономерности и органического развития»⁴⁰.

В таком социальном контексте, по Рубинштейну, и возникает проблема развития исторического познания, исторической науки, т. е. возникает наука историография. Рубинштейн определяет первую половину XIX века как период вершинных достижений домарксистской гуманитаристики, ссылаясь на работы Энгельса и Ленина, но, что заслуживает особого внимания, содержательную характеристику исторического познания он дает на основе философии истории Гегеля. Автор принимает гегелевскую периодизацию, выделяя три этапа в развитии исторической науки: «...первый этап — первоначальная история, без критики и рефлексии, когда историки описывали преимущественно протекавшие на их глазах деяния, события и состояния... Второй этап — «рефлексивная история» (соответствует, по Рубинштейну, энгельсовой характеристике века XVIII — таким образом автор пытается совместить гегелевскую периодизацию с марксистской традицией)... В этот период разрабатываются вопросы исторической критики, прежде всего критики источника, и вопросы связи между событиями. Третий этап характеризуется как «философская история». Он соответствует XIX веку. Содержание этапа — раскрытие закономерностей исторического развития. На основе гегелевской философии истории проблема историографии обозначается теперь именно как «история самосознания». Обращение Рубинштейна к Гегелю позволяет ему проблематизировать идею самодвижения науки.

³⁹ Там же. С. 9-10.

⁴⁰ Там же. С. 10.

Трактовка внутреннего содержания историографического процесса по Гегелю требовала проговаривания своей позиции, что и делает Рубинштейн. Согласно его точке зрения, «буржуазная историческая наука в эпоху своего подъема выдвигает ряд определений и формулировок, стоящих как бы на грани нашей марксистской науки»⁴¹. Забегая вперед, отметим, что в годы борьбы с космополитизмом указанный тезис подвергнется разносно-критическим атакам, несмотря на то, что сам автор делает неизбежную оговорку для современной ему гносеологической ситуации: «стоящие на грани» формулировки столь же отличны от марксистской науки, «как идеализм от диалектического материализма»⁴².

Рубинштейн выделил в развитии русской историографии три периода — феодальный, буржуазный и марксистский. Как мы уже отмечали, на эту существенную черту его историографической концепции обратил внимание В. А. Муравьев. Отметим, правда, некоторую неточность, допущенную историком при рассмотрении периодизации Рубинштейна. У последнего отсутствует такая формулировка как «марксистский этап развития отечественной историографии».

Рубинштейн исходит из принципа исторической обусловленности развития науки, которая «отражает в основных этапах общую периодизацию русской истории», и предлагает свой вариант выделения исторических периодов: «1) Период феодальной историографии, распадающийся на три этапа, отвечающих: а) феодальной раздробленности (до конца XV в.), б) развитию феодально-абсолютистского строя в XVI–XVII вв. и в) превращению исторических знаний в историческую науку в условиях складывания новых, буржуазных отношений. 2) Период буржуазной исторической науки: а) ее формирования в рамках крепостного государства в первой половине XIX в., б) ее расцвета, связанного с трудами С. М. Соловьева в условиях победы буржуазных отношений в период реформ 60-х годов, и в) ее назревающего кризиса с 60-х годов XIX в. 3) Период кризиса буржуазной исторической мысли и создания марксистско-ленинской науки русской истории — период

⁴¹ Там же. С. 11.

⁴² Там же.

империализма и борьбы рабочего класса за пролетарскую революцию. 4) Историческая наука советского периода»⁴³.

В случае Рубинштейна, как нам представляется, формационный принцип периодизации, наряду с неизбежными издержками втискивания процесса развития исторической науки в «прокрустово ложе» классового подхода, имеет и несомненные научные достоинства — впервые в послеоктябрьской марксистской историографии происходит возвращение к дореволюционной традиции начинать рассмотрение российского историописания со времен «Повести временных лет» — традиции, прерванной критической атакой школы М. Н. Покровского⁴⁴.

Следующая линия связи с дореволюционной традицией просматривается в стремлении историка подчеркнуть определенную автономию исторической науки, внутреннюю обусловленность ее развития или, по его формулировке, «подчеркнуть внутреннюю связь отдельных областей исторической науки в их реальном взаимодействии»⁴⁵. Историографический экскурс в область становления и развития европейской исторической науки объясняется Рубинштейном значительным влиянием последней на русскую историческую науку, которую европейская гуманитаристика опережала в своем развитии до новейшего времени.

Идея автономного развития науки находит отражение и в его периодизации. В качестве примера укажем на то, что расцвет «буржуазной» исторической науки связывается историком с трудами С. М. Соловьева. Тезис о вершинном положении Соловьева в русской дореволюционной историографии раскрывается и аргументируется Рубинштейном в 19-й главе его труда. Историк отмечает социальный контекст, социальную обусловленность творчества С. М. Соловьева: «окончательное оформление исторических воззрений С. М. Соловьева, его концепции русской истории приходится на 50-е гг. XIX в. — период краха николаевской крепостнической монархии» и подготовки реформ 1860-х гг. С другой стороны, им анализируется (отметим, что более основательно, чем его предшественниками) влияние на исторические взгляды С. М. Со-

⁴³ Там же. С. 15.

⁴⁴ Муравьев В. А. Указ. соч. С. 231.

⁴⁵ Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 14.

ловьева Н. М. Карамзина, Г. Эверса, скептицизма М. Т. Каченовского, государственной школы, передовых идей западноевропейской буржуазной науки — Тьери, Гизо и др.⁴⁶. Рубинштейном выделяется линия идейных влияний, связывающая Соловьева с философскими учениями века: «концепция Соловьева была наиболее полноценной реализацией в буржуазной историографии исторических начал гегелевской философии»⁴⁷. Таким образом, не только социальные, но и внутринаучные факторы обусловили, согласно точке зрения Н. Л. Рубинштейна, вершинное положение Соловьева в буржуазной историографии. В качестве важнейших достижений С. М. Соловьева он называет принцип органического развития, историзм, «исключительное чувство живой исторической действительности». В плане целеполагания, стремление Соловьева показать естественность и органичность исторического развития страны перекликается с аналогичными намерениями Рубинштейна относительно процесса развития русской историографии. Соловьев, безусловно, внутренне импонирует Рубинштейну.

Но, пожалуй, более рельефно идея автономности развития науки просматривается в структуре курса историографии, несколько диссонирующей с авторской периодизацией развития русской исторической науки. Пунктом несовпадения является выделение в качестве особого, самостоятельного периода века XVIII, когда происходит процесс превращения исторического знания в науку. В формационных рамках его периодизации это завершающий этап феодальной историографии (см. пункт “в” его периодизации). Выделяя этот этап в качестве самостоятельного, Рубинштейн идет, скорее, вслед за Гегелем («рефлексивная история»), чем за советской марксистской традицией с ее жесткими принципами социально-классовой определенности.

Все это дает нам основания отнести Рубинштейна к представителям творческих интерпретаторов марксистского философского проекта применительно к исторической науке. Как нам представляется, он из когорты тех, кого Дитрих Байрау с достаточным основанием называет соавторами марксистского проекта в России (Ленин, Плеханов, Богданов, Троцкий, Гастев, Вернадский, Ем.

⁴⁶ Там же. С. 313-317.

⁴⁷ Там же. С. 352.

Ярославский, В. Маяковский и др.), и судьба которых оказалась нелегкой⁴⁸.

Посмотрим, как аналогичные теоретические вопросы историографии решает в это же время Е. А. Косминский. Как и Рубинштейн, Косминский чувствует сложность задач, которые встают перед ним при разработке историографического курса. «Проблемы эти настолько сложны, что мне едва ли удастся их разрешить вполне», — сообщает он своей аудитории⁴⁹. Проговаривая свое историографическое кредо во вводной лекции к курсу «Историография средних веков. V в. — середина XIX в.», Е. А. Косминский, как требует того жанр, дает собственное понимание предмета историографии: это история того, «как писали историю — историю развития исторической науки»⁵⁰. Представляется, что ключевыми словами в этом определении является предлог **как** и **история исторической науки**. Весьма показательна в этом плане для нас фраза Косминского, которой он, по словам А. В. Шаровой, начинал свой историографический курс: «Если история — самопознание общества, то историография есть прежде всего самопознание историка. В ней он осознает прошлое, пути и законы своей науки, определяет свои границы, возможности и будущее. Если без истории общество слепое, то и без историографии историк — не историк»⁵¹. Правда, этой фразы мы не находим в опубликованном курсе 1963 года, и для нас остается пока открытым вопрос, относится ли она к более позднему времени или, по каким-либо причинам, редколлегия не сочла нужным ее включить в текст вводной лекции. И так, речь идет об историознании, а главной действующей фигурой этого процесса, естественно, выступает историк в его отношении к наследию: основной целью курса является, по Косминскому, «критическое изучение того исторического наследия, которое оставили нам предшествующие исторические формации, и прежде всего буржуазная наука»⁵².

⁴⁸ Байрау Д. Большевицкий проект как план и как социальная практика // *Ab imperio*. № 3. 2002. С. 357.

⁴⁹ Косминский Е. А. Историография средних веков. V в. — середина XIX в. Лекции. М.: МГУ, 1963. С. 7.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Цит. по: Шарова А. В. Историк средневековой Англии... С. 270.

⁵² Косминский Е. А. Указ. соч. С. 7.

Если отбросить специфику языка, то, в общем, понимание Косминским историографии как истории исторической науки вполне корреспондируется с подходами отечественной историко-научной мысли на рубеже XIX–XX столетий. В то же время в отечественной традиции указанного периода историография рассматривалась и как часть культуры в широком смысле этого слова, и в узком — как часть профессиональной культуры, научного самосознания. Как видим, с одной стороны, определение историографии Косминского близко по значению классическим образцам дореволюционной историографии и носит научно-академический характер. В то же время дальнейшее раскрытие автором содержания предмета историографии включает моменты, вошедшие в долговременную марксистскую историографическую традицию — от времени М. Н. Покровского вплоть до конца 1980-х гг. К таковым мы можем отнести его следующий тезис: «Историография с марксистской точки зрения — это одна из отраслей истории общественной мысли, и она всегда ярко окрашена политикой, и всякими путями, иногда явными, иногда скрытыми, буржуазная идеология может просочиться вместе с тем ценным, что мы берём от этой науки... Нашей первой задачей является вскрытие тех классовых пружин, которые так или иначе двигали историками предшествующих формаций в их построениях»⁵³. Но даже в этом, втором случае, перед нами не просто разрыв с дореволюционной традицией, но ее определённая трансформация. Напомним, что и для дореволюционной историографии была характерна проблематизация связи исторической науки с общественно-политическими процессами и социальным заказом отдельных слоёв общества. В работах же советских историографов общественно-политическое выступает как акцентировано-классовое. Соответственно, по Косминскому, каждая эпоха создаёт своё представление об истории, конструирует своё отношение к прошлому. Оно определяется «всей совокупностью социальных и политических условий эпохи и прежде всего, той классовой борьбой, которая характерна для этой эпохи». Поэтому не только политические памфлеты и политические теории являются орудием политической и классовой борьбы, но и истори-

⁵³ Там же. С. 7.

ческая наука⁵⁴. В то же время, Косминский видит специфику науки, её отличие от других сфер общественной мысли, он подчёркивает опосредованный характер связи науки и политической борьбы.

Совмещая дореволюционную и советскую историографическую традиции, уточняя предметную определённость курса историографии, Косминский обращает внимание на важность критической рефлексии исследователя: «Курс должен учить брать у буржуазной науки то ценное, что она может дать, но в ещё большей степени он должен учить отбрасывать негодное и обличать враждебное». С его точки зрения, «было бы глупостью и непростительной политической ошибкой, огулом зачеркнуть всю буржуазную историографию, не учитывая её достижения. Классовое и идейно-политическое содержание историографии — это лишь одна, хотя и очень важная, сторона истории исторической науки. Но историография не есть только более или менее адекватное отражение общественной борьбы, или чистая публицистика». И далее он говорит о том, что несколько позже М. Блок назовёт ремеслом историка. «Для нас, — замечает Косминский, — более ценно и важно расширение сферы тех фактов, которыми оперирует историография, уточнение методики, развитие исследовательской техники. Это то, чему можно учиться у историков предшествующих поколений»⁵⁵.

В то же время (и этот тезис также прочно закрепляется в советской историографической традиции), Косминский фиксирует возрастающую политизацию историографии: «Чем дальше мы будем подвигаться в нашем изложении, тем чаще нам придётся видеть себя среди врагов»⁵⁶. Принципиально важным для нас в этом контексте конструирования образа врага, в том числе и врага учёного, является внимание Косминского к опосредованности связи исторической мысли и общеполитического контекста. По Косминскому, неверным является утверждение, что наиболее яркое и отчётливое своё отражение «классовая борьба получает именно в исторической науке, — гораздо более полно это выражается в области политической мысли и социологии или в области филосо-

⁵⁴ Там же. С. 8.

⁵⁵ Там же. С. 9.

⁵⁶ Там же.

фии. В голове историка великая борьба эпохи сплошь и рядом отражается очень преломлённо»⁵⁷.

Особенностью подхода Е. А. Косминского к проблеме периодизации исторической науки является то, что он не придерживается формационного принципа. Суть его историографического метода определяется в современной литературе как панорамное исследование, «...метод создания общей картины широкими мазками, позволяющими рельефно выделить наиболее важные ее элементы»⁵⁸. Отказ от жестких формационных рамок позволяет ему следовать за установившейся историографической традицией в плане содержательной характеристики различных периодов развития исторической науки. Например, 3-5 лекции, посвященные гуманистической историографии Италии, в содержательном плане различаются рассматриваемыми в каждом из них школами или основными направлениями — риторической, политической, эрудитской. Рассматривая этапы развития исторической науки, Косминский выявляет многообразие связей науки и современной ей действительности, несводимое к классовой определенности.

У Косминского отсутствуют оговоренные каким-либо образом четкие критерии периодизации, которые в современных ему условиях могли быть только формационно-классовыми. Периодизация, основанная на внутренних, содержательных различиях школ, направлений, творчества отдельных историков, сочетается у него с чисто хронологическим принципом — по столетиям. Этот вопрос очевидно не был простым для исследователя, и по ходу курса он возвращался к нему не единожды. Так, в одной из лекций, посвященной эрудитам XVII–XVIII вв., Косминский указывает, что «конечно, делить историю какой бы то ни было науки, в частности, истории исторической науки, по столетиям — довольно неудачный принцип»⁵⁹. В то же время, он прибегает к данному принципу, указывая, например, что «историография XVII – начала XVIII в. отличается некоторыми характерными особенностями, которые позво-

⁵⁷ Там же. С. 8.

⁵⁸ Могильницкий Б. Г. Е. А. Косминский как историк исторической науки // Средние века. 1980. Вып. 43. С. 307.

⁵⁹ Косминский Е. А. Указ. соч. С. 118.

ляют рассматривать это время как особый период в ее развитии»⁶⁰. Социальный контекст этого периода развития науки характеризуется тем, «что именно в XVII в. экономическое развитие Европы делает крупные шаги вперед», что в этом веке наблюдается быстрое развитие точных наук («самостоятельный прогресс естествознания, который заложил основу для подлинной науки»), активизируется деятельность церкви в деле собирания и критики источников. В последующих лекциях (XI–XII) речь идет о влиянии буржуазных революций в Голландии и Англии на создание теорий общественного развития — социальную физику XVII века.

Отсутствие формационной заданности вело к свободному построению лекционного курса, когда сам материал определяет характер и приемы анализа, к антропологической его наполненности, что дало основание современным историографам говорить о «портретном», или персоналистском методе Косминского. Действительно, большинство лекций Косминского посвящено историческим взглядам выдающихся мыслителей от Августина до Мишле. Мы разделяем оценку Б. Г. Могильницкого, который настаивает на гармоничном сочетании в творчестве Косминского портретного метода с другими приемами, «позволяющими в своей совокупности наиболее глубоко раскрывать ведущие закономерности развития исторической науки. В свой курс он включает обобщающие разделы, в которых дается общая характеристика исторических и историко-философских представлений определенного периода»⁶¹.

В плане сравнительном для нас несомненный интерес представляет книга профессора О. Л. Вайнштейна «Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней». Автор, выделяя таким образом уже в заглавии развитие исторической мысли как приоритетную тему своего исследования, в то же время пытается рассмотреть историю историографии средних веков в довольно широком предметном поле, включающем и «развитие смежных дисциплин, технику исторического описания и организацию исторической науки на каждом ее этапе». Без решения подобных вопросов, по его убеждению, «невозможно понять ни творчество, ни движение всей исторической

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Могильницкий Б. Г. Указ. соч. С. 316.

науки в целом». Он ставит задачу, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, «сделать, по крайней мере, попытку установить тот разрыв... между исторической мыслью и конкретным историческим знанием», которые, с его точки зрения, «характеризует все без исключения историографические труды буржуазных ученых, ...дать синтетическую, единую и целостную картину движения исторической науки»⁶².

Но эта задача является лишь первым шагом. Исходя из того, что «историография должна быть не историей историков, а историей исторической науки»⁶³, Вайнштейн предлагает в качестве следующего важного шага рассмотрение смены научных школ как закономерного процесса, хотя закономерность исторической науки понимается им как жесткая зависимость исторической науки от общественно-политической жизни. «Будучи одной из форм идеологии, история, подобно всякой другой науке, подчиняется законам развития идеологии», она связана с классовой и политической борьбой. Если Косминский, как мы могли убедиться выше, обращал внимание на сложность и неоднозначность такой связи, Рубинштейн — на определенную автономность исторической науки, то Вайнштейн в понимании связи историографии и политики близок к социологизаторству М. Н. Покровского. Он развивает мысль о тесной связи эпохи и историка, но связь эта в конечном итоге объясняется классовыми основаниями: «Каждая эпоха общественного развития выдвигает перед историками новые задачи, влияет на выбор объектов исторического исследования, определяет в той или иной мере оценки фактов прошлого»⁶⁴. С этим трудно не согласиться, но, по Вайнштейну, характер и особенности всей системы исторических представлений определяются мировоззрением того класса, интересы которого в данную эпоху представляет школа или школы.

Отметим еще одно отличие во взглядах Вайнштейна — особое отношение к обратному влиянию исторических идей на общество. В создании новых общественных идей исторической науке, с его точки зрения, принадлежит большая роль. В качестве примера он ссылает-

⁶² Вайнштейн О. Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. Л., 1940. С. 3.

⁶³ Там же. С. 6.

⁶⁴ Там же.

ся на «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса, «оказавший величайшее влияние на развитие рабочего движения...»⁶⁵.

Соответственно таким представлениям, Вайнштейн еще раз возвращается к определению содержания историографии, ее предметной области. Итак, заключает историк, «историография должна изучать — в связи с развитием общества — развитие исторической науки, выражающееся в закономерной смене исторических школ, направлений и всей системы исторических представлений, а также влияние исторической науки на выработку важнейших общественных идей»⁶⁶.

В разделе «Значение курса историографии» мы находим уже знакомую нам констатацию того, что изучение «истории нашей науки имеет для каждого историка большое общеобразовательное и специально научное значение». Но сама архитектура текста этого раздела отличает Вайнштейна от других авторов: он сосредоточивает свое внимание на негативном образе «другого» историка — буржуазного, и в этом плане вполне вписывается в общую советскую идеологию. Как замечает Шарова, «в обществе уже к началу 1930-х гг. сформировался образ «чужого» несоветского ученого, который со времен пополнялся все новыми профессиональными характеристиками (идеалисты и механицисты — для философии, академисты и объективисты — для историков, вейсманисты-морганисты — для биологов и т. д.)»⁶⁷. Но в то же время обратим внимание на подчеркивание Вайнштейном значимости научной традиции и научного наследия: «помимо извращений и фальсификаций прошлого, помимо ложных теорий, буржуазная историография периода своего расцвета оставила нам немало ценного. За столетия своего существования она накопила огромное количество фактов, разработала технику исторического исследования, выдвинула весьма плодотворные точки зрения, которые были критически переработаны и частично восприняты классиками марксизма-ленинизма и марксистско-ленинской историографией»⁶⁸. Как видим, несмотря на ярко выраженное внимание Вайнштейна к революционным изменениям в историографии, он не

⁶⁵ Там же. С. 7.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Шарова В. А. Историк средневековой Англии... С. 259-260.

⁶⁸ Вайнштейн О. Л. Историография средних веков... С. 11.

отрицает момента преемственности. Его трактовка наследия так же двойственна, как и у охарактеризованных выше авторов. Фиксируя ценность «технического» опыта и фактического материала, накопленных предшествующей традицией, он, тем не менее, выносит однозначно суровый приговор буржуазному историку — «буржуазный историк потому и называется буржуазным, что он защищает сознательно или бессознательно — господство класса буржуазии, обреченного историей на уничтожение. Он является... буржуазно ограниченным по самой своей природе, т. е. органически не в состоянии увидеть и понять в изучаемом им прошлом то, что говорит об исторической обреченности его класса»⁶⁹. Такая логика рассуждения приводит автора к идее, по сути, о финалистском характере историографии, и таким финалом является утверждение марксистско-ленинской историографии: «...Мы должны изучать развитие исторической мысли, которое нам поможет понять происхождение марксистско-ленинской историографии»⁷⁰.

По Вайнштейну, «историография средних веков занимается развитием того раздела исторической науки, которая изучает историю средневековья, т. е. 13-векового периода, начинающегося с падения рабовладельческой Римской империи и заканчивающегося в последней четверти XVIII века крушением феодально-абсолютистского режима во Франции»⁷¹. Точкой отсчета для Вайнштейна становится само средневековье. Причем, согласно современным ему представлениям, верхним рубежом между средневековьем и новым временем считалась Великая французская революция.

Вайнштейн, как и Рубинштейн, прибегает к формационному принципу рассмотрения историографии. Он подразделяет историографию на феодальную, буржуазную и марксистско-ленинскую. Формационная определенность исторического развития всячески им подчеркивается. В частности, спорный, по определению его коллеги и современника Е. А. Косминского, «трудный и ответственный вопрос» — включать ли в лекционный курс работы самих средневековых историков, решается Вайнштейном исходя из формационно-классового подхода: «эти работы отражают исторические представ-

⁶⁹ Там же. С. 10-11.

⁷⁰ Там же. С. 11.

⁷¹ Там же. С. 7.

ления и общее мировоззрение господствующего в средние века класса феодалов, следовательно, их совокупность может быть обозначена как феодальная историография»⁷². Вайнштейн говорит о невозможности установить полное хронологическое соответствие между этапами развития исторической науки и историческими эпохами. И в этом он, безусловно, прав. Речь идет о сложной методологической проблеме — соотношении исторического процесса и исторической науки. Эта проблема решается им несколько механистически, он полагает, что «периодизацию историографии по основным этапам мы можем все же включить в рамки общей исторической периодизации. Сложнее обстоит дело внутри каждого из намеченных этапов». Но при этом автор оговаривается, что периодизация может быть примерной и «весьма нуждающейся в уточнении»⁷³. Вайнштейн предлагает следующий вариант периодизации:

I. Феодальная историография (V–XVIII в.):

1. До зарождения буржуазной историографии эпохи Возрождения (V–XV вв.);
2. Вырождение феодальной историографии (XVI–XVIII вв.).

II. Буржуазная историография (XVI–XX вв.):

1. Гуманистическая историография XVI в.;
2. Эрудитская историография XVII в.;
3. Историография эпохи «Просвещения» и Французской революции XVIII в.;
4. Европейская реакция и господство романтического направления в историографии (первая половина XIX в.);
5. Либерально-буржуазная историография 60–90-х гг. XIX в.;
6. Историография периода империализма (с конца 90-х гг. XIX в.);
7. Новейшие течения буржуазной историографии и кризис буржуазной исторической мысли (со времени империалистической войны 1914–1918 гг.).

III. Марксистско-ленинская историография:

1. До Великой Октябрьской Революции (середина XIX в. – 1917);
2. Марксистско-ленинская историография в СССР⁷⁴.

⁷² Там же. С. 8-9.

⁷³ Там же. С. 9.

⁷⁴ Там же. С. 9-10.

Отметим некоторые особенности периодизации Вайнштейна — прямолинейную грубоватость формулировок («вырождение феодальной историографии»), сосредоточенность внимания на периоде, определяемом им как буржуазная историография, периоде, когда «со временем гуманизма» XV–XVI вв. история начинает становиться наукой (напомним, что для Рубинштейна — этот переход происходит на переломе XVII–XVIII вв.), стремление показать читателю усложняющуюся картину мира и самого процесса развития науки в «буржуазный период» историографического развития, максимально приблизиться к современности. В периодизации Вайнштейна историческая действительность выступает иногда как политика, опрокинутая в прошлое. Так, к примеру, он «марксистско-ленинскую историографию» начинает с середины XIX в. — вывод, не закрепившийся даже в советской историографии».

Обращение к творчеству выдающихся историографов позволяет нам сделать предварительные выводы. Можно заметить, что Вайнштейн, Рубинштейн и Косминский декларируют общие мировоззренческие ориентации (марксизм), демонстрируют сходство исследовательских практик, но их историко-научные концепции отличаются различными вариантами репрезентации объекта исследования — истории исторической науки. В варианте Рубинштейна попытка последовательно-научного, «академического», марксистского истолкования процесса развития историографии, вписывания марксизма в общий процесс развития науки и культуры и оценки этого процесса с точки зрения приближения к марксизму, актуализация момента преемственности и внутренней закономерности развития историографии, приводит к созданию фундаментального классического историографического труда, который только сейчас начинает становиться историей. Представляется, что для Рубинштейна обращение к марксизму не только и не столько вынуждено властным давлением («умение дышать под водой»), сколько естественно и органично. Именно используя марксистский философский проект, автор предпринимает попытку показать процесс развития русской исторической науки как целостное явление. В то же время «Русская историография» оказывается избыточно-научной для определенной части научного сообщества и, в силу своей клас-

сической завершенности, оказывается несоответствующей требованиям власти на новом, послевоенном этапе развития.

Иной вариант историографического подхода мы наблюдаем у О. Л. Вайнштейна. Он акцентирует не момент преемственности, а революционные трансформации в историографии, в системе исторических представлений. Он сосредоточен на классовой обусловленности отношения к прошлому. В его формулировках очевидно прочитывается инструменталистский характер историографии.

Подход Косминского представляется более осторожным, избегающим крайностей. Рассматривая историографию как область самопознания историков, он, с одной стороны, признает социально-классовую обусловленность исторического познания, а, с другой стороны, как нам представляется, переносит акцент на опосредованность связи исторической мысли и социально-классового, политического контекста. Подход Косминского можно определить как методологически компромиссный, но в то же время научно продуктивный. Процесс развития исторической науки не втискивается в жесткие формационные рамки, а рассматривается в его научной конкретности — варианте, наиболее приближенном к дореволюционной историографической традиции. Представляется, что даже выдающийся по замыслу и исполнению проект Рубинштейна при всех достоинствах «Русской историографии» более связывал исследователя формационным критерием.

Судьба книги — судьба науки

Работа Н. Л. Рубинштейна, как ни парадоксально, оказалась более созвучной настроениям научного сообщества в момент ее создания, чем в последующее десятилетие, когда произошли серьезные модификации в самом научном сообществе. Эта проблема требует специального исследования. Афористично направление этой модификации обозначил С. Я. Лурье. 1930-е годы в науке он характеризует как «Афины и Апокалипсис», а послевоенные 1940-е он определяет как «Апокалипсис без Афин»⁷⁵.

⁷⁵ Лурье Я. С. История одной жизни. СПб., 2004. С. 150-151.

Первые отклики на работу Рубинштейна были положительными, хотя и с элементами критики. Высокие оценки сочинения Рубинштейна прозвучали при обсуждении «Русской историографии» 15 мая 1940 г. на ученом совете МИФЛИ и 1 марта 1941 г. на заседании экспертной Комиссии по делам высшей школы при обсуждении вопроса о предоставлении ей статуса вузовского учебника⁷⁶. Принимавшие участие в этих обсуждениях ведущие отечественные историки (Ю. В. Готье, А. М. Панкратова, М. Н. Тихомиров, М. В. Нечкина, С. В. Бахрушин, М. Н. Дружинин) дают высокую оценку труду, отмечая широту тематического и хронологического охвата, систематичность, самостоятельность «замысла и выполнения», авторский исследовательский характер работы и т. д. Однако, в то же время, отмечает А. Н. Шаханов, дискуссионность ряда положений «Русской историографии» приводит к рекомендации присудить книге Рубинштейна статус не учебника, а учебного пособия. Работа Рубинштейна (вместе с опубликованными в одно и то же время трудами М. Н. Тихомирова по отечественному источниковедению, О. Л. Вайнштейна по западноевропейской историографии) призвана была заполнить существующий пробел в учебных пособиях для вузов страны. Уже поэтому отклик Вайнштейна, решающего сходную с нашим автором исследовательскую/ методологическую/ педагогическую задачу, представляет для нас особый интерес.

Рецензия Вайнштейна была опубликована в «Историческом журнале» за 1942 г. (№ 10–11). Значение книги Рубинштейна, «которая увидела свет в суровые грозные дни Великой Отечественной войны», рецензент определяет прежде всего в плане политическом — «познание закономерностей движения историографии к вершинам марксистско-ленинской науки укрепляет нашу уверенность в конечной победе науки над фальсификацией и клеветой врага, ... в неисчерпаемые духовные силы нашего народа». Не менее позитивно оценивается и значимость книги в собственно научном плане: «в качестве одной из важнейших форм идеологии историография сама по себе представляет историко-культурную и познавательную ценность, ... все возрастающая специализация в исторической науке делает для историка знакомство с движением

⁷⁶ Шаханов А. Н. Указ. соч. С. 187.

всей науки в целом крайне необходимым: иначе он рискует утратить правильную перспективу»⁷⁷.

Вайнштейн фиксирует те исследовательские принципы рецензируемой им работы, которые признаются профессиональной академической частью советских историков («Афинами» — по выражению Лурье). К числу таковых относятся приоритетное внимание к процессу движения исторической науки (а не к формальному, используя терминологию Рубинштейна, противопоставлению марксистской и немарксистской историографии). Вайнштейн также высоко оценивает стремление автора рецензируемой работы связать процесс развития отечественной исторической науки с европейским научным и философским контекстом: «автор уделил значительное внимание явлениям европейской научной мысли в той мере, в какой они влияли на русскую историографию»⁷⁸.

Наибольшую ценность, с точки зрения рецензента, «представляют главы, посвященные характеристике целых направлений и отдельных виднейших представителей русской исторической науки — все они являются как бы маленькими монографическими исследованиями». Рецензент фиксирует исследовательские практики, применяемые Рубинштейном и обеспечившие высокие достоинства его труда, раскрытие преемственности и закономерности «важнейших явлений нашей историографии — использование «тонкого оружия марксистско-ленинской критики», тщательный анализ совокупности произведений историков, хорошее знакомство с эпохой, условиями жизни и творчества и т. д.»⁷⁹. «Читателю книги проф. Рубинштейна не трудно уяснить себе, как и почему труды Татищева, Миллера, Щербатова сделали возможным появление “Истории Государства Российского”, чем “государственная школа”, знаменующая, по мнению автора, расцвет русской буржуазной историографии, обязана Эверсу и “скептической школе” и как она, в свою очередь, определила многие научные достижения Соловьева и его учеников»⁸⁰.

⁷⁷ Вайнштейн О. Л. Рец.: Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. ОГИЗ, Госполитиздат. 1941 // Исторический журнал. 1942. № 10-11. С. 119.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 119-120.

⁸⁰ Там же. С. 120.

Наиболее значимое, на наш взгляд, расхождение рецензента и автора учебного пособия наблюдается по вопросу о кризисе буржуазной исторической мысли. С точки зрения критика, «проф. Рубинштейн слишком увлекся своей весьма спорной теорией о начале кризиса буржуазной историографии и на западе и в России уже с 60-х гг. XIX в. Соответственно европейская историография второй половины XIX в., т. е. периода господства позитивизма, рассматривается автором как неспособная подняться до синтеза исторических явлений, до сколько-нибудь оригинальной концепции исторического процесса». Простое перечисление рецензентом попыток подобного синтеза в трудах Лампрехта, Брейзига, Фюстель де Куланжа, Пиренна, Барбагалло и других свидетельствует, по его мнению, о том, что Рубинштейн игнорирует очевидные факты. Как отмечает Вайнштейн, с точки зрения автора «Русской историографии», «Соловьев является последним крупным представителем русской буржуазной исторической мысли, давшим оригинальный синтез русского исторического процесса». Причем аргументация, использованная Рубинштейном, не представляется ему убедительной: «увлечение историографией 60–70-х гг. XIX в., в частности Бестужевым-Рюминым и его учениками, проблемами источниковедения, ... еще не являются показателями кризиса, стремление углубить отдельные участки знания... существенно необходимый элемент всякого будущего синтеза»⁸¹. Напомним, что для Рубинштейна уже «Курс русской истории» В. О. Ключевского — завершение кратковременного периода расцвета русской буржуазной исторической науки, более того — свидетельство нарастания кризисных моментов в ее развитии. По Рубинштейну, «лишь короткий исторический промежуток» отделяет начало и конец расцвета до-революционной историографии — одно поколение отделяет Ключевского от Соловьева. Признавая несомненные достоинства творчества Ключевского (обращение к социально-экономической проблематике и, в особенности, «живую конкретность, дар художественного ее восприятия»), автор считает, что для исторических взглядов Ключевского характерен эклектизм, нарушение «прочной

⁸¹ Там же. С. 121.

спаянности элементов», присущей исторической концепции Соловьева⁸².

Представляется, что расхождение во взглядах рецензента и автора историографического труда можно объяснить индивидуальным стилем мышления каждого из исследователей. Логика работы Рубинштейна — оценка трудов представителей буржуазной исторической науки по степени приближения к образцам марксистского (скорее марксистско-гегельянского образца исторического синтеза) собственно и предполагает сниженную оценку позитивистской историографии второй половины XIX века как в европейском, так и в отечественном вариантах. Вайнштейн оказывается менее логически «закрепощен», он более последовательно проводит разделяемый им и рецензируемым автором принцип — показать реальное движение науки. Разумеется, сам рецензент с первых десятилетий XX века («начало эпохи империализма, ...опустошающее влияние махизма, ...отказ от претензий на объективное познание прошлого») говорит о кризисе буржуазной исторической науки, но оговаривается, что именно с первых десятилетий и никак не раньше.

Таким образом, первые отклики на «Русскую историографию» Рубинштейна носили профессиональный научно-продуктивный характер и вполне укладывались в нормы академического научного сообщества.

В конце 1940-х годов, отмеченных борьбой с космополитизмом, книга Н. Л. Рубинштейна становится удобной мишенью для критиков. Жертвами проработок становились те, кто способен был раздвигать границы научного познания, и как отмечает Т. А. Булыгина, историографическая известность Н. Л. Рубинштейна делала его «одной из значительных фигур среди «гуманитариев-космополитов»⁸³.

В ходе этой кампании Рубинштейну инкриминируется абстрактно-академическое понимание историографии, буржуазный объективизм, схематизм, упрощенчество, аполитичность, игнорирование классового подхода. Рубинштейна обвиняют в недооценке

⁸² Рубинштейн Н. Л. В. О. Ключевский (1841–1911 гг.) // Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1937. С. III, VII, VIII, XI.

⁸³ Булыгина Т. А. Общественные науки в СССР 1945–1985 гг. М., 2000. С. 24.

революционного переворота, совершенного марксизмом в философии истории, стремлении оценивать марксизм с позиций «внеаходимости», то есть по существу в использовании общенаучных критериев. Автора «Русской историографии» упрекают в недопустимом преувеличении момента эволюционности, преемственности в развитии науки — «как будто бы одна историческая школа сменяла другую, один историк развивал взгляды и идеи другого», «развитие исторической науки дано как плавный эволюционный процесс». С точки зрения критиков, в работе присутствует недопустимое сближение гегельянства и марксизма: «Выходит, будто бы Гегель и другие буржуазные исследователи выдвинули ряд определений, стоящих как бы на грани нашей марксистской науки»⁸⁴. С позиций «нашей марксистской науки» Рубинштейна обвиняют в «незаслуженно высокой оценке» дореволюционных отечественных историков (Эверса, Каченовского, Полевого, Соловьева и др.). В фокусе внимания многих выступающих оказывается интерпретация Рубинштейном развития исторической мысли в XVIII в. и оценка роли немецких историков. Оппоненты говорят о «незаслуженном принижении выдающихся русских историков XVIII века — Татищева, Щербатова, Болтина и Ломоносова, явной переоценке историков-иностранцев — Байера, Миллера, Шлецера и др.»⁸⁵. Осторожно, в духе советского академизма, сформулированный историком тезис об «известном взаимодействии русской и европейской исторической науки» интерпретируется критиками ученого как «низкопоклонство, внутренне присущее всей книге Н. Л. Рубинштейна». Как серьезная ошибка рассматривается невнимание автора «Русской историографии» к исторической мысли декабристов, революционеров-демократов и т. д. Как видим, оппоненты Рубинштейна, по существу, отказывают ему в научности и рекомендуют «переписать» историографию.

По сложившимся нормам политических кампаний, научные дискуссии по книге Рубинштейна состоялись в самых различных

⁸⁴ Обсуждение книги Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 127.

⁸⁵ Там же. С. 129.

научных учреждениях центра и провинции. Приведем пример из жизни Иркутского научного сообщества. В местном Университете 1 марта 1948 года состоялось обсуждение книги Рубинштейна. Данное обсуждение являлось частью «фронтальной атаки», которой подвергаются на факультете учебные программы и учебные пособия, и учебник Рубинштейна оказывается поистине в «хорошей компании»: в этот период обсуждаются также учебники по языкознанию (Р. О. Шор и Н. С. Чемоданова), русской диалектологии (П. С. Кузнецова), логике (В. Ф. Асмуса). Учебникам из разных сфер гуманитаристики, оцениваемым с позиций принимаемого и насаждаемого властью образа науки, оказываются присущи общие недостатки — «отсутствие критики буржуазных теорий, а также крайне слабое отражение роли русских ученых в развитии русской и мировой науки». Вряд ли эта оценка справедлива. Авторы названных учебников не могли позволить себе (особенно в ситуации конца 1940-х гг.) игнорировать требования, обязательные для советской гуманитаристики. В то же время обвинения этих авторов в объективизме и национальном нигилизме, носящие в определенном смысле формализованный характер (неразвернутая оценка «всех скопом»), свидетельствует о закреплённости тезиса о национальной исключительности русской науки в образе науки и сложности идеального соответствия этой новой ценности реальной исследовательской и учебной практике. На гуманитарных кафедрах ИРГУ обсуждению и осуждению буржуазного объективизма в 1948/49 учебном году были посвящены специальные заседания, на одном из которых был заслушан доклад кандидата философских наук Климова «О задачах борьбы с космополитизмом в философии и истории». Среди аспирантских рефератов можно отметить такую тему, как «Главные ошибки книги Рубинштейна»⁸⁶.

Представляется, что причины атак на Рубинштейна лежат не только в политической сфере, но и в состоянии самого научного поля — в неготовности значительной части научного сообщества

⁸⁶ Корзун В. П. Колеватов Д. М. Социальный заказ и трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие («На классиков, ровняйся!») // Мир историка...2006. С. 215.

следовать за автором, рассматривать марксистскую историческую науку как постоянное движение вперед, критически и творчески перерабатывать историографическое наследие. Репрессивная политика власти находит отклик среди части научного сообщества, что делает судьбу Рубинштейна (в 1949 г. увольнение из МГУ, перерыв в публикациях, безработица в течение нескольких лет) и его книги особенно трагичной.

В ходе дискуссий второй половины 1940-х годов формировались, настойчиво навязывались не только общие принципы функционирования советской исторической науки — формировалось и маркировалось исследовательское поле, выделялись приоритетные темы с точки зрения советского историзма. Изменение историографических приоритетов нашло отражение в названии обобщающих историографических трудов. Знаковым в этом плане является переход от «Русской историографии» Рубинштейна к «Очеркам исторической науки в СССР». Очерковое построение в значительной степени снимало выстраивание общей картины развития отечественной исторической науки. Проблема преемственности и разрывов в интеллектуальной истории исчезала с горизонтов исследователя, равно как и проблема взаимовлияния различных национальных интеллектуальных культур. На смену концептуальному осмыслению истории исторической науки приходил отраслевой принцип проблемной историографии. С нашей точки зрения, произошел второй (после 1917 года) сброс историографических наработок.

Итогом идеологических кампаний была, на наш взгляд, стереотипизация образа науки. С ним исследователи соотносили свои поведенческие стратегии и научные практики.

Шаг вперед — два назад — такой формулой можно обозначить советскую историографическую походку.

ИЗ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

«КОММУНА И СЕНЬОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИТАЛИИ»

ИСТОРИЯ КОНЦЕПТОВ ИЛИ «ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОХОТЫ К ИСТОРИОГРАФИИ»

Несомненно, что некоторые дискуссионные вопросы средневековой истории наглядно обнаруживают особенности национальных школ и традиций европейской историографии. И это не только пресловутые мифы происхождения современных наций и поиски средневековых или античных «прародителей». К таким вопросам-индикаторам, бесспорно, относятся как будто бы чисто академические и беспристрастные исследования истории коммуны и сеньориальной системы средневековья.

Историографические изыскания, как правило, посвящаются научным школам, национальным школам историографии, можно отметить и интерес к специфике трактовок отдельных проблем, в том числе и обсуждаемых в научных трудах средневековедов разных стран. Однако такие темы в классической историографии считались частными, вспомогательными, в конечном счете, менее ценными. Возможно поэтому и возникло интеллектуальное течение, называемое «историей понятий», которое как бы реабилитировало интерес к истории восприятия и конструирования отдельного концепта, возвысило эти исследования до ранга самостоятельной области исторического знания. История концепта стала и мостом для выхода в сферу исследования современного «присвоения истории»¹. И все же с высоты своего нового положения история понятий не пренебрегает проблематикой классической историографии. В рамках той или иной парадигмы знания исследователи интересуются некоторыми сходными сюжетами и вопросами.

¹ *Козеллек Р.* Можем ли мы распоряжаться историей (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // Отечественные записки. 2004. № 5 (20). Тема номера: Присвоение прошлого.

Почему же изучение исторических феноменов отдельных стран и областей привлекали и продолжают привлекать исследователей всего цивилизованного мира больше, нежели другие объекты исследования?

Итальянистика — яркая страница европейской исторической науки, причем вниманием не обделены не только периоды лидерства и расцвета итальянских земель, но и моменты стагнации и видимого упадка. Разноликое и долгое итальянское средневековье — яркий тому пример. Чем объясняется это устойчивое предпочтение? На мой взгляд, тем, что институциональная и социальная история, в том числе тема организации малых сообществ, которая составляет одну из важнейших проблем средневековой истории — всегда актуальна и специально актуализируется в европейских исследованиях. При этом меняются акценты воспроизведения прошлого.

Развитие локальных центров власти и форм социальной организации имело особое значение в средневековых итальянских децентрализованных землях, и именно эти вопросы неоднократно приобретали особое значение для европейской мысли. Кроме того, уже выявленному в рамках истории концептов особому значению юридической подоплеку конституирования понятий соответствует обилие материала правовых документов, составляющих основу источниковой базы изучения истории средневековой Италии. Между конструктами, которые создавались историками-медиевистами и правоведами, всегда существовала недостаточно осознанная связь, которая лишь теперь становится аспектом изучения и рефлексии. Естественно, существуют расхождения в трактовках одних и тех же сюжетов, принятых в среде правоведов и в сообществе историков-медиевистов. Существенно и то, насколько сильна в национальной историографии тенденция к работе с материалом правовых документов.

И весьма привлекательной, и в той же мере трудной представляется задача показать определенный исторический объект исследования — малый социум с присущими ему принципами организации и самоорганизации в двух разнородных контекстах, с двух позиций: в рамках развития историографических интерпретаций и истории концептов. Среди специалистов, имена и работы

которых будут приведены в данном очерке, есть и медиевисты-специалисты в области социально-экономической и политической истории, и исследователи истории права и правовых институтов средневековья, а также авторы, которых специально интересовали отдельные терминологические проблемы.

Известно, что важные посылки современной историографии были сформулированы специалистами, разработавшими конкретные исторические сюжеты и казусы, в частности связанные с сюжетами истории права и правосознания. Надо учитывать также, что исследуемая историческая проблема коммуны и сеньории отражена в обширной документации правового характера, и это создает для историка специфику работы с источником. Например, закрепление принципов взаимодействия общины с внешним миром в обычае и письменном праве составляет важный объект исторического исследования, и историк трактует этот вопрос иначе, чем историк права. Но, кроме этих отличий существуют на первый взгляд трудно объяснимые разграничения исследователей не по методам исследования (в рамках социальной истории или же правоведения), а по объекту внимания: например, коммуна и сеньория. Эти объекты изучаются в замкнутом кругу специфических коннотаций и контекстуальности, образуя не соприкасающиеся «территории» историков внутри единой дисциплины: 1) традиция *цивитас*, общественные институты, борьба за коммуну; 2) сеньория, принуждение, организация помещичьего и крестьянского хозяйства.

На мой взгляд, для раскрытия историографического развития темы коммуны важнее всего прояснить два сюжета: интерпретацию проблем взаимосвязи города и контадо и соотношение черт континуитета и инновации в развитии *цивитас*.

Естественной является ситуация, когда историографические приоритеты обеспечивают сложившиеся традиции исторического исследования. И несложно сделать несколько наблюдений относительно наиболее распространенных предпочтений исследователей. Нетрудно, например, убедиться при самом поверхностном знакомстве с историографической традицией, что первая и основная тема, которую привлекают при обсуждении специфики средневековой итальянской коммуны — это история городской жизни.

Справедливо ли это предпочтение? С одной стороны, как и всякий стереотип, это распространенное представление несет в себе рациональное зерно: городская жизнь средневековой Италии — одна из самых примечательных страниц средневековой истории в целом. Но нельзя забывать, что вплоть до эпохи индустриальной революции везде и всюду, в том числе и в урбанизированной средневековой Италии, к островкам городской культуры со всех сторон подступал мир иного жизненного и хозяйственного уклада.

Была ли городская округа антиподом городского мира, или же частью взаимосвязанной системы город-контадо? Если да, то можно ли принять тезис о том, что комплементарность и полифункциональность систем организации города и округа реализовывалась как связи коммуны (общины) и сеньории? Кроме того, возникает и вопрос о стадийности и континуитете развития общины и коммуны итальянских земель, вопрос о начальных этапах собственно средневекового развития городской общины и причинах трансформации коммуны в коллективного сеньора окрестных территорий.

Что следует считать за точку отсчета истории итальянской коммуны? Тот ли период, когда Империя вынуждена была признать и юридически санкционировать особый статус городских общин Италии, или же один из еще более ранних этапов, либо исторический момент появления термина «коммуна» в официальной документации? В зависимости от исследовательской позиции по этому ряду вопросов, дается ответ на вопрос, мог ли опыт локальной организации, представленный сельской сеньорией средневековья, быть использован коммунами для целей реорганизации собственной округа.

Пути и возможности правового закрепления статуса сообщества или группы в социальной иерархии были неоднозначными. Региональная и временная специфика проявления общих социальных процессов поражают разнообразием. Может быть, поэтому и мнения историков, и их высказывания по поводу экономических и правовых институтов коммуны средневековья также не сводимы к общему знаменателю.

В плане разработки методологии и вопросов историографии источниковедения, наиболее острой проблемой является соотношение микроисторического анализа объектов и широкого исторического контекста проявления феномена коммуны и сеньории, а также проблема противоречий исторического метода исследования и подходов истории права при изучении правовой документации как основного источника по истории коммуны и сеньории.

История форм гражданской жизни и история права — это основные направления историографии, которые проявились в век первых попыток научного изучения средневековой коммуны и остаются основными по сей день. При этом роль как той, так и другой ветви историографии диаметрально изменилась. В XIX в. понятие “civil history” подразумевало скорее изучение общих и внешних форм социального развития, некие генерализации закономерностей этого развития. Направление “legal history” предлагало другую альтернативу — детализированного историко-правового интерпретирования объектов².

Наиболее простая формулировка проблемы континуитета общины, на мой взгляд, такова: как мы можем определить самодостаточность (или вторичность) феномена средневековой итальянской общины и коммуны по отношению к традиции античной общины? Существует почти двухвековая история академического интерпретирования данного вопроса о существовании континуитета общины. Наиболее конструктивным в этой историографической традиции мне кажется то простое наблюдение, что почти любая значительная *civitas* в истории европейского средневековья продолжает играть важную роль в качестве городской коммуны. Однако, при этом верно и то, что некоторые средневековые коммуны отнюдь не имели античных предшественников. На разных этапах развития историографии европейские медиэвисты опреде-

² Прежде всего, необходимо рассмотреть аргументацию первопроходца данного направления историко-юридического исследования в Италии А. Пертиле: *Pertile A. Storia del diritto italiano dalla caduta dell'impero romano alla codificazione*. Padova, 1873. V. 1. P. X. Анализ данных историографических тенденций можно обнаружить в классическом труде Дж. Табакко: *Tabacco G. The struggle for power in medieval Italy. Structures of political rule*. Cambridge, 1989. P. 24-25.

ляли баланс традиции и новации, моменты преемственности в процессе развития средневековых общин и коммун различным образом. Вопрос о начальных этапах средневекового развития городской общины породил разные историографические традиции.

На первоначальном этапе собственно научного интерпретирования истории средневековой европейской коммуны существовало большее единство в интерпретациях феномена коммуны. Итальянский ученый Дж. Вольпе, чьи работы публиковались уже в начале XX столетия, но многократно переиздавались, является особенно важной фигурой. С одной стороны, в его творчестве выразился склад исторического мышления целого поколения исследователей, искавших глобального исторического синтеза на основе умеренного марксистского мировоззрения. С другой стороны, Вольпе — это харизматический лидер поколения, яркий и смелый. Вольпе, высказался в пользу новационного характера средневековой коммуны, хотя ни сам исследователь, ни историографическая (юридическо-экономическая) школа, к которой он принадлежал, не были склонны к модернизации исторических реалий и не пытались представить коммунальное движение в качестве буржуазной революции³. В литературе последующего периода формулировки юридическо-экономической школы, резкие, но четкие, сменились более расплывчатыми заключениями. Специфика итальянской коммуны как качественно новой стадии жизни средневекового города, однако, не оспаривалась даже самыми последовательными приверженцами идеи континуитета.

Лишь для более позднего этапа развития исторической мысли можно отметить расхождения линий исследования медиэвистов, детерминированные традиционными принципами национальных школ историографии. Я имею в виду, прежде всего, два типа различий: между итальянскими исследователями, специалистами в области отечественной истории, и медиэвистами других стран, изучающих те же сюжеты как бы «со стороны», а также противоречия взаимодействующих школ специалистов разного профиля,

³ Ссылаюсь на издание, доступное в России, хотя существует более современное: *Volpe G. Questioni fondamentali sull'origini e primo svolgimento dei comuni italiani // Medio evo Italiano. 2nd ed. Firenze, 1961. P. 85-118. (3 ed. Roma, 1992)*

например, итальянистов и германистов. При этом, можно заметить, что методологические противоречия возникают в сфере трактовки истории нобилитета и общины⁴.

Без сомнения, такой сюжет, как история общины, связан с темой изучения не только экономики, но и права, а также и менталитета, например, форм выражения социального протеста или же репрезентации согласия и единства общины. Эти проблемы по разным причинам или предубеждениям в современной отечественной науке, к сожалению, не вызывают такого энтузиазма, как вопросы исторической антропологии или истории культуры.

Если мы обратимся к опыту развития историографии в России, то убедимся, что начало научного изучения всеобщей истории было положено в том числе и благодаря усилиям итальянистов и особому вниманию к истории Италии (как античной, так и средневековой) и к истории Нового времени. История средневековой коммуны вызывала интерес в отечественной историографии со времен родоначальника российской медиевистики Т. Н. Грановского. Столь разноплановые историки, как И. М. Гревс и Н. И. Кареев, и, отчасти, М. М. Ковалевский, интересовались историей итальянских коммун и всегда подчеркивали инновационные черты средневековой *civitas*, хотя каждый из этих исследователей обладал достаточной эрудицией в области античной истории, чтобы подметить формальные моменты сходства средневековых институтов самоуправления с древними. Говорить о создании серьезной и оригинальной школы медиевистов в России можно лишь применительно к последней трети XIX – началу XX в., но такая ситуация не представляла никакого отставания от развития дисциплины в общеевропейском масштабе.

Среди отечественных историков итальянской коммуны следует выделить представителя петербургской школы медиевистов Н. П. Оттокара. Оттокар в начале прошлого века разрабатывал в своих исследованиях не только отдельные интересные сюжеты, такие как, например, церковный приход в городе в качестве соци-

⁴ *Tabacco G.* Il tema della famiglia e del suo funzionamento nella società medievale // *Quaderni storici*, 11, 1976. P. 892-928; *Gugliemotti P.* Esperienze di ricerca e problemi di metodo negli studi di Karl Schmid sulla nobilita // *Annali dell'Istituto storico italo-germanico medievale di Trento*, 13, 1987. P. 209-269.

ального и экономического союза, но и более широкую панораму развития коммуны на протяжении нескольких столетий. К сожалению, полный расцвет творчества этого ученого пришелся на годы эмиграции и оказал гораздо большее влияние на развитие средневековедения в Италии, чем в России.

Обратимся к послереволюционному периоду развития историографии вопроса в нашей стране. Именно в советский период тема исследования коммун стала одной из приоритетных, и целая плеяда прекрасных историков посвятила внимание истории развития итальянской общины города и деревни в том или ином контексте. Однако, несмотря на то, что в отечественной историографии коммунальное движение являлось одним из излюбленных сюжетов (причем вклад российских ученых действительно был самобытным и открывал новые горизонты в средневековедении), именно вопрос о происхождении средневековой итальянской коммуны, черты преемственности в ее истории, не получил четкого отражения. В советской историографии, прежде всего, акцентировался аспект борьбы за коммуну (как качественно новое явление социально-политического развития), а не моменты преемственности. В частности, сами термины *coniuratio*, *juramentum*, которые сопровождают первые документальные свидетельства появления коммуны, истолковывались в данном ключе. Характерна манера обращения к данному аспекту таких видных специалистов по истории средневековой Италии, как Л. А. Котельникова и В. И. Рутенбург.

В. И. Рутенбург (а именно он с середины прошлого века являлся одним из известнейших и влиятельнейших советских исследователей) прямо указывал, что «торжественный момент перехода власти из рук феодального сеньора в руки города отмечали клятвой *coniuratio*»⁵. Таким образом, как и в произведениях европейских историков начала прошлого века, подчеркивалось, что речь идет о переломном, качественно новом моменте развития общины, а само рождение общины, первоначальный этап ее развития (этап *coniuratio*) связан с приобретением этим объединением публичных функций. И, следовательно, уже в силу этого приобретения нового качества о плавной линии преемственности не могло идти и речи.

⁵ Рутенбург В. И. Введение // Итальянские коммуны. Л., 1965. С. 8.

Мне хотелось бы подробнее рассмотреть вклад Л. А. Котельниковой в изучение истории сельских и городских общин Севера и Центра Италии X–XV вв., который весьма высоко оценивался международной научной общественностью, прежде всего в самой Италии, в 1970–80-е годы. Котельникова справедливо обращала внимание на тот факт, что одним из наиболее примечательных фактов итальянской истории периода расцвета феодализма было повсеместное существование не только городских, но и сельских коммун. Котельникова отстаивала идею преемственности между общиной и сельской коммуной как социальными явлениями. При этом исследовательница полагала, что та или иная конкретная община не являлась непосредственной предшественницей сельской коммуны⁶. Таким образом, Л. А. Котельникова отрицала непосредственную преемственность средневековых коммун по отношению к структурам и институтам, которые существовали в более ранний период на той же территории (даже в сельской местности, где перемены всегда происходили медленнее, чем в городе) и, тем самым, как видная представительница отечественной историографии, закрепляла в российской науке определенный стиль трактовки данной проблемы, характерный для первой половины прошлого века.

В отличие от этого подхода, некоторые (прежде всего итальянские) историки и историки права готовы были принять к рассмотрению в качестве предтечи коммуны не только муниципий или объединения периода поздней античности и раннего средневековья, но и такие отдаленные прообразы, как общины доримского периода, причем континуитету общины в сельской местности уделялось особое внимание⁷.

Поворотным пунктом в русле развития итальянской историографии стал ряд публикаций фундаментальных исследований и лекций Дж. Фазоли в 1960-е гг. В трудах Фазоли, посвященных трансформации городской общины, характерной для Средиземноморского региона, в средневековую коммуну, отмечен качественно важный переломный период после рубежа тысячелетий, с которого для обозначения городского объединения начинается

⁶ Котельникова Л. А. Феодализм и город в Италии. М., 1987.

⁷ Bognetti G. P. Studi sulle origine del comune rurale. Milano, 1978; Santini G. I “comuni di pieve” nel Medio evo italiano. Milano, 1964.

использоваться новый термин (новое имя существительное на «вольгаре»), которого не существовало в классической латыни. Но важнейшим моментом развития общины, по мнению Фазоли, является не это объединение соседей круговой порукой, а переход от *цивитас* к *коммуне*. Само по себе название основной работы Фазоли: «От *цивитас* к *коммуне* в Италии», взятое без анализа содержания, может натолкнуть на мысль о том, что исследовательница развивала идеи континуитета общины от античности к средневековью. Но отметим, что Дж. Фазоли под *цивитас* подразумевала в основном городскую общину средневековья, предшествующую *коммуне*. Центральной для исследования Фазоли стала идея о том, что на первоначальной стадии развития *коммуна* носит исключительно частный характер как продукт временного договора небольшого числа частных лиц (горожан или селян-соседей), заключенного с конкретными утилитарными целями⁸.

Несколько позже авторитетная исследовательница проблем истории средневековых *коммун* Европы, С. Рейнольдс утверждала в книге «Королевства и общины Западной Европы 900–1300 гг.», что понятие «*коммуна*» не имело правового значения вообще, а политическое значение *коммун* варьировалось в большей степени, чем историки готовы признать⁹. Действительно, трудно дать общее определение правовых и политических характеристик европейской средневековой *коммуны*. С. Рейнольдс справедливо отмечала, что роль традиции римского права чересчур преувеличивается во всех случаях, когда с ее помощью пытаются объяснить рационализм принципов построения городской жизни средневековья¹⁰. Однако само отрицание важности определенных характеристик демонстрирует, что автор обобщающего труда продолжает опираться на конкретные региональные особенности феномена *коммун*, в данном случае, Рейнольдс явно акцентирует специфику англосаксонского мира, наиболее досконально изученную ею в ряде специальных работ.

Весьма важно отметить стремление к поискам общих черт в истории итальянской *коммуны* и общин других регионов и в рабо-

⁸ *Fasoli G.* Dal civitas al comune nell'Italia settentrionale. Bologna, 1961.

⁹ *Reynolds S.* Kingdoms and communities in Western Europe... P. 179-180.

¹⁰ *Ibid.* P. 216.

те Рейнольдс, в частности, и в историографии 80-х гг. и особенно 90-х гг. в целом¹¹. Это показательный этап развития историографии вопроса. Реплики по поводу отсутствия особого и новационного характера итальянской городской общины в сравнении с другими вариантами развития общины в Европе¹², тем не менее, требуют ответа итальянистов. Ситуация осложняется тем, что национальная школа итальянской историографии достаточно замкнута, не стремится к популяризации и обобщенному изложению тезисов, выработанных рядом микроисторических исследований.

К сожалению, идеи европейских работ последней четверти XX столетия уже не вызвали серьезного интереса отечественной историографии, естественно не возникло не только широкого диалога, но и возможности сопоставления трудов историков. Российская итальянистика в основном занималась отдельными аспектами культуры Ренессанса, труды по социальной истории вообще стали редкими по мере отказа от марксистской парадигмы исследования.

Также важно поставить вопрос о том, позитивным или негативным было влияние городской элиты на формирование демократических институтов общин, а также охарактеризовать роль городской элиты в отношении жителей городской округи. Для этого на основе уже имеющихся историографических разработок необходимо определить, чем отличались способы и характер закрепления правового статуса и привилегий общины, а также принципов корпоративизма в городской среде и в локальных центрах городской округи, можно ли вообще говорить о том, каковы были правовые гарантии положения членов общины в целом, или же речь идет об отдельных группах внутри общины? Наконец, в чем сказывалось сходство и различие основ самоуправления и способов осу-

¹¹ Civitatum Communitas. Studien zum Europaischen Stadtwesen / Eds. Jager H., Petri Fr., Quirin H., Cologne-Vienna, 1984. 2 vols.; D'une ville a l'autre: structures materielles et organization de l'espace dans les villes europeennes 13-14 siecles // Actes du colloque organize par l'Ecole Francaise de Rome/ Ed. Maire Vigueur J.-C. Roma, 1989; *Nicholas D.* The growth of the medieval city from Late Antiquity to early 14th century. L.-N.Y., 1997.

¹² См. например, интересную полемическую работу обобщающего характера: *Coleman E.* The Italian communes. Recent work and current trends // The Journal of Medieval History. Vol. 24. N 4. 1999. P. 373-397.

ществления власти в городе и округе при ситуации политического и правового полицентризма? Существовали ли некие общие характеристики общин города и деревни, или же поиск данных общих параметров никак не оправдан историческими реалиями, и выделение их есть чисто схоластический прием компаративистики?

Сделаем краткие обобщения и выводы из вышеизложенных характеристик развития историографии. Итак, можно заключить, что именно период организации сообщества круговой поруки *conjuratio* был первым и наиболее характерным (не только для итальянских земель, но и для других исторических регионов Европы)¹³. Воля этого сообщества к противоборству с вышестоящими властями и приобретению публичного характера власти могла сказаться в дальнейшем при определенных условиях, а могла и не проявиться.

По поводу частного вопроса трактовки феномена *conjuratio* замечу, что, в сущности, разные определения, бытующие в исторических школах, которые мы разбирали выше, не так уж непримиримы. Можно заключить, что разнохарактерные определения просто относятся к разным этапам или вариантам консолидации жителей определенной местности в коммуну. Также отметим, что большинством историков XX века роль *античной civitas* не рассматривалась как определяющая для поддержания традиции *civitas* в средневековье. При этом с моментом инновационности связан важный вопрос о независимости коммуны. Проблема независимости или иммунитета (свободы) общины, а также критериев и градаций зависимого статуса общины и индивида в средневековой Италии — одна из главнейших и наиболее дискуссионных в историографии.

В целом можно сказать, что индивидуальный статус лица определялся членством и местом в городской или сельской общине (привилегированный член общины, неполноправный, бесправный и т. п.). Что же можно сказать об определении статуса самой общины (коммуны) в социальной иерархии? Можно ли, например, в этом вопросе использовать понятия «зависимости» и «независимости»?

¹³ Reynolds S. Kingdoms and communities in Western Europe... P. 71-74. Рейнольдс приводит примеры запретов *conjuratio* Симоном де Монфором в Лангедоке и почти одновременно Фридрихом II (p. 74.).

Придется отметить, что вопрос о критерии «независимости» средневековой гражданской общины Италии в работах историков часто не ставится. В российской историографии особенно акцентировались те стадии развития общины, когда публичные функции уже приобретались вновь созданным объединением или, по крайней мере, настойчиво требовались от имени членов союза¹⁴. При подобном подходе понятие «коммуна» должно было получить такие коннотации как «свободная» и «самоуправляющаяся»¹⁵. Обозначение «независимая коммуна» либо употребляется произвольно, либо считается тавтологией (сам термин коммуна как бы и означает, что это — независимая, самоуправляющаяся общность). Но исторические реалии были таковы, что большинство общин средневековья оставались зависимыми, даже в таком специфическом случае, каким были земли Италии с их полицентризмом власти.

Крайне трудно постулировать в общем виде, каковы были формы зависимости, в которые вовлекались общины и отдельные группы членов общин. Самым первым приближением к истине будет следующий тезис: зависимость общины выражалась в той или иной форме признания сеньориальной власти. При этом прослеживаемые по источникам самоназвания и терминологические обозначения общности не способствуют большей четкости в вопросе об определении свободы и независимости средневековой коммуны. Проанализируем комплекс исследований медиевистов, в

¹⁴ Мнение одного из авторитетнейших специалистов советского периода В. И. Рутенбурга звучит так: «Время зарождения средневековой коммуны Италии не может быть зафиксировано с абсолютной точностью». При этом, однако, подчеркивается, что консолидация коммун происходит на рубеже XI–XII вв., именно «в период борьбы с сеньорами». (*Рутенбург В. И. Итальянские коммуны XIV–XV вв. М.–Л., 1965. С. 8–11*).

¹⁵ В. И. Рутенбург постулировал, что города-коммуны к последней четверти XI в. пользовались уже «частичной или полной автономией, как правило, закрепленной юридически», без какой-либо конкретизации форм и способов правового самоопределения коммуны. (*Там же. С. 8*). Такая тенденция продолжала существовать и в дальнейшем в отечественной историографии. См. напр. *Классы и сословия средневекового общества / Под ред. З. В. Удальцовой. М., 1988. Общности и человек в средневековом мире / Отв. ред. А. А. Сванидзе. М., 1992.*

которых представлены проблемы взаимосвязи общины и сеньории итальянского средневековья.

При разборе вопроса о сеньории обычно прибегают к следующей классификации подвидов: 1) *Signoria domestica*; 2) *Signoria fondiaria*; 3) *Signoria territoriale (di banno)*. Названия отражают область распространения сеньориальных прав. Первый случай небольшой и патриархальной сеньории не вызывает споров и не столь интересен. Важно отметить, что, согласно данной классификации, во втором случае, который представляет собой *senioria fondiaria*, сеньор имеет права лишь в отношении держателей, получивших от него земельные участки. Третий же тип характеризуется тем, что под сеньорию банна подпадает все население окрестных земель (обычно это была округа замка). Возможно, любой сеньор имел желание распространить свою власть на всех жителей территории, а не только на непосредственных держателей земельных участков, но не имел ресурса для реализации этого стремления.

Это различие двух типов сеньории, наиболее распространенных после рубежа тысячелетий, и составляет проблему, которую необходимо обсудить. Классификация сеньории по видам представляется вполне стройной и логичной, она может быть названа универсальной. Остается лишь вопрос, существовал ли такой прогресс сеньории в исторической реальности или это схоластическое допущение, абстракция?

Действительно, условное деление подвидов сеньории служит более или менее удачной для описания схемой. Но, кажется, только итальянские историки помнят об этой условности. Именно литература на итальянском языке заставляет задуматься о том, почему в некоторых случаях (т. н. «слабой сеньории») эта тенденция не могла успешно осуществиться. В европейской исторической науке, прежде всего во франкоязычной ее части, классификация все более отождествляется с классифицируемыми историческими реалиями. К сожалению, эта тенденция проявилась и в России (как в советской, так и в современной историографии).

Помимо вопросов классификации, важнейшей проблемой является периодизация развития сеньории. Именно в этом пункте мы находим второе общее отличие исследований итальянских историков от общеевропейского стандарта. Картина процесса форми-

рования сеньории в представлениях итальянских исследователей весьма отлична от принятой во французской историографии: речь идет о веках, а не о нескольких десятилетиях, в течение которых должна была складываться структура сеньории.

Этот разрыв не может быть вызван предпочтениями в области исследования того или иного периода средневековой истории. И в национальной итальянской историографии, и в европейской итальянистике есть направления исследования различных этапов средневековья. При этом научные связи французской и итальянской школы медиевистики были настолько тесными, что позволяли в 1980-е годы публиковать коллективные монографии по вопросам феодализма и взаимосвязи феодальных отношений и городской социальности. Спустя десятилетие противоречия в трактовке проблемы сеньории стали афишироваться, но в области изучения институтов городских коммун, напротив, было достигнуто плодотворное сотрудничество на рубеже прошлого и нынешнего века. Как мне кажется, особенностью итальянской историографии является то, что исследователи сеньории рубежа тысячелетий и авторы изысканий, посвященных высокому и позднему средневековью, городу и деревне, понимают друг друга лучше, чем их зарубежные коллеги, изучающие различные периоды или проблемы средневековья. Этим объясняется, почему возможно сотрудничество и сближение позиций представителей итальянской историографии с представителями других национальных исторических школ по отдельным вопросам средневековой истории, при том, что сохраняется особый модус развития историографии средних веков в Италии.

Русло развития итальянской историографии сеньории можно проследить по публикациям различного характера и масштаба. Важным моментом в историографии вопроса о сеньории, как мне кажется, явились исследования М. Дель Треппо и Дж. Фазоли.

Дель Треппо еще с середины 1950-х гг. занимался анализом крупного монастырского хозяйства (на примере сеньории монастыря Сан Винченцо, Вольтурно на юге Италии), что привело исследователя к выявлению некоторых социальных механизмов, имевших общее значение. В своих работах Дель Треппо основное

внимание уделит периоду формирования в сеньории X–XI вв.¹⁶ феодальных отношений, их специфики в средиземноморском регионе¹⁷. В данном случае под «феодальной системой» имелась в виду структура вассальных отношений. По вопросу о соотношении феода и замка Дж. Фазоли высказывает следующее мнение: феодал не всегда располагал замковым центром и наоборот, не всякий *каструм* представляет собой феодал. Табакко показал трансформацию понятия «куртис» (*curtis*). Первоначально обозначавшее «сеньориальный хозяйственный комплекс», в ходе процесса «озамкования» оно приобрело значение «сельская территория, подпадающая под сеньориальный банн владельца замка»¹⁸.

Поворотными стали 1960–70-е годы, когда было осознано единство социальных процессов города и округа, которые составляли единую систему. Дж. Киттолини¹⁹, трактуя проблемы трансформации сельской сеньории, развития и распространения феодальных отношений в период конца XIV–XV вв., рассматривает замок в качестве военно-политического центра господства новых феодальных сил. При этом процесс расширения юрисдикционной и сеньориальной власти владельцев замков Киттолини понимает как «феодализацию в собственном смысле слова». В своих работах, опубликованных в начале 1980-х гг., В. Фумагалли²⁰ обобщил опыт предыдущих исследований замка как центра трансформирующейся сельской сеньории. Эти сеньориальные центры, по его мнению, играли первостепенную роль в экономической, административной и религиозно-культурной организации жизни сельского мира. Таковую «аристократизацию» структур экономики, политики и культуры исследователь считает прогрессивным явлением.

В 1990-х гг. внимание итальянских исследователей стало фокусироваться на структурах контадо XIII века, хотя прежде вни-

¹⁶ *Ibid.* P. 289.

¹⁷ *Fasoli G.* Feudo e castello // *Storia d'Italia.* Vol. 5. I documenti. Torino, 1973.

¹⁸ *Ibidem.*

¹⁹ *Chittolini G.* La crisi degli ordinamenti comunali e le origini dello stato del Rinascimento. Bologna, 1979. Introduzione; *Idem.* La formazione dello stato regionale e le istituzioni del cotado sec. XIV e XV. Torino, 1979. P. 20.

²⁰ *Fumagalli V.* Civiltà curtense in Italia. Pistoia, 1981.

мание историков занимал рубеж тысячелетий, когда начался «процесс озамкования», и период так называемой «новой феодализации» позднего средневековья. Собственно, в итальянской историографии можно увидеть два крыла: исследования сеньории рубежа тысячелетий²¹ и изыскания, посвященные XIII–XIV вв.²²

Кроме стадийных изменений, разумеется, весьма четко обозначались, и региональные, и даже локальные отличия. Входившие в состав Папской области земли, например, явным образом отличались, как по параметрам развития городских центров, так и по специфическим характеристикам общин контадо, от всех, соседствующих с ними областей: как от Тосканы, так и от Неаполитанских владений. Интегрирующая роль экономических связей в таких масштабах, как Римская Провинция, Папская область, была выражена слабо. Экономическое развитие земель Папской области не укладывается в рамки стереотипа восприятия Италии как средоточия успехов ускоренных экономических преобразований. Социальное и экономическое развитие римского региона обладало рядом отличительных черт, а именно: патриархальные и стагнационные формы хозяйства (распространенность издольщины, продуктового чинша), менее разнообразная специализация отраслей ремесла и

²¹ *Violante C.* La signoria rurale nel secolo X. Proposte tipologiche // Il secolo di ferro: mito e realtà del secolo X. Spoleto, 1991 (Settimane CISAM, 38). Pp. 329-385; *Sergi G.* Lo sviluppo signorile e l'inquadramento feudale // La storia, II, Torino, 1986. Pp. 367-393; *Strutture e trasformazioni della signoria rurale nei secoli X–XIII* / G. Dilcher e C. Violante. Bologna, 1996; *La signoria rurale nel medioevo italiano*. 2 v. Pisa, 1997–1998.

²² *Cammarosano P.* Le campagne nell'età comunale. Torino, 1974; *Chittolini G.*, Signorie rurali e feudi alla fine del medioevo / Comuni e Signorie: istituzioni, società e lotte per l'egemonia. Torino, 1981 (Storia d'Italia Utet, IV). Pp. 591-676; *Carocci S.* Una nobiltà bipartita. Rappresentazioni sociali e lignaggi preminenti a Roma nel Duecento e nella prima metà del Trecento // *Bullettino dell'Istituto storico italiano e Archivio muratoriano*, 95. 1989, Pp. 71-122; *Idem.* La signoria rurale nel Lazio (secoli XII e XIII) // *La signoria rurale in Italia*. Atti del seminario di Pisa, 3-4 marzo 1995 / A. Spicciati e C. Violante. Vol. I. Pisa, 1997. Pp. 167-198; *Cortonesi A.* Terre e signori nel Lazio medioevale. Un'economia rurale nei secoli XIII–XIV. Napoli, 1988. Pp. 237-253; *Vendittelli M.* 'Domini' e 'universitas castrorum' a Sermoneta nei secoli XIII e XIV. Gli statuti castellani del 1271 con le aggiunte e le riforme del 1304 e del secolo XV. Roma, 1993. Pp. 20-24, 37-38.

торговли по сравнению с регионами Тосканы и Ломбардии, отсутствие экономически доминирующего городского центра.

Обозначение территорий, непосредственно соседствующих с Римом, термином *Римская Провинция* также весьма условно и отражает, скорее, не реальную возможность контролировать из Рима ряд исторических областей с собственными локальными центрами, но интенцию Рима к их подчинению. В то же время определенные политические события и экономические интересы связывали Папскую область с некоторыми центрами Тосканы и даже областей более отдаленных. При всем очевидном своеобразии путей развития общины в Папской области совершенно невозможно отстраниться от проблем изучения *цивитас* других регионов. Проблема заключалась в том, чтобы избежать проецирования более известных результатов исследования иных локальных особенностей *цивитас* на материал Римской провинции и Папской области в целом.

Историография вопросов развития сеньории и коммуны в землях Св. Петра достигла больших успехов в самое последнее время. А. Кортонези в конце 1980-х гг. провел исследования аграрной сферы экономики Лация XIII–XIV вв.²³ Им был исследован постепенный характер втягивания различных групп населения замка в сеньориально-вассальные связи (в частности, на примере замка Сальвамолле и Нинфы). Труды С. Кароччи, увидевшие свет в 1990-х гг. и привлекшие внимание академических кругов на рубеже веков, прекрасно синтезируют и продолжают традиции исследования социальной и правовой истории итальянской средневековья и дают трактовку развития взаимоотношения город-контадо²⁴. В основной монографии Кароччи, озаглавленной «Бароны Рима», не просто постоянно упоминаются замки округи, но

²³ В рамках изучаемой темы важен и его обобщающий труд «Земли и сеньоры в средневековом Лации: аграрная экономика», и еще более — разработка частного вопроса формирования сеньории рода Каэтани над замком Сальвамолле, начало которому положило превращение старинных владельцев замка в вассалов Каэтани, а затем уже и других групп населения. См.: *Cortonesi A. Terre e signori nel Lazio medioevale. Un' economia rurale nei secoli XIII–XIV. Napoli, 1988; Idem. L'affermazione della signoria dei Caetani sul castello di Salvamolle / Il Lazio meridionale tra papato e l'Impero. Roma, 1991. P. 169-185.*

²⁴ *Carocci S. Baroni di Roma... P. 69-104, 105-142, и особенно в разделе L'incastellamento duecentesco (p. 146-154).*

объясняется, что основу могущества римской элиты составляли сеньориальные права и возникавшие вследствие этого системы персональных связей.

Исследования Кароччи и Кортонези тесно взаимосвязаны, их интересовали не только сходные темы, но и казусы и варианты развития сеньории (например, сеньориальные права рода Каэтани). Я, однако, предполагаю сосредоточить внимание на трудах Кароччи, поскольку именно он не только является выразителем определенной тенденции в итальянистике, но и осмеливается обобщить и противопоставить линию итальянской историографии (в некоторых случаях имплицитно, а в других — открыто) научным школам французского, англоязычного и иберийского мира. Даже если эта позиция небылоупречна, она, в любом случае, очень важна для развития историографии.

Если бы Кароччи лишь обосновывал свой выбор исследования варианта сильной сеньории, характерной для исторической области Лация, как противовес исследованиям зон слабой сеньории, вряд ли стоило бы приводить эту позицию в качестве наиболее интересной. Но Кароччи также показывает сосуществование в Лации сильной сеньории баронов (могущественных аристократических родов) и достаточно распространенного в Италии и Европе типа небольших центров с более слабым сеньориальным контролем, который удавалось преодолеть нарождающимся сельским коммунам или, по крайней мере, ослабить экономическое влияние сеньора. Кроме того, Кароччи критикует общие принципы, на которых строится исследование сеньории в Европе, в особенности, за пределами Италии.

Кропотливые исследования итальянских историков по такому интересному вопросу, как развитие сельской сеньории на протяжении VIII–XII вв. на микроисторическом уровне, показывают взаимосвязи частного и публичного, отношений покровительства и принуждения. Но особенности изысканий итальянской историографии не так просто выразить в однозначном определении, как общий дух тренда французских медиевистов по той же теме. В результате с 1950–60-х гг. господствуют историографические концепции сеньориальной революции, произошедшей якобы за несколько десятков лет. Итальянская историография, несмотря на

влияние французской науки, сумела сохранить представление о неразделимости в исторической реальности экономических и юрисдикционных аспектов сеньориального господства, постепенности и многоплановости процесса формирования сеньории. Все эти положения, изложенные выше, сближают итальянскую историографию вопроса с российской традицией исследований. Но вопрос о сеньории баронов, столь неизбежный для понимания исторических особенностей развития и сохранения сеньории в итальянских землях, до последнего времени не был предметом изучения отечественных историков, что, впрочем, можно сказать и о ситуации, сложившейся в большинстве национальных школ медиевистов за пределами Италии. Именно Кароччи, выделив как особый тип сеньорию баронов, способствовал прояснению общей картины развития сеньории и принципов ее изучения.

Дело в том, что, несмотря на общепринятое значение самого термина, «баронство Рима» не было связано с уступкой земель в феод непосредственно от верховной власти. Власть баронов распространялась не в землях и замках, уступленных как феодальное владение, а в тех, что на протяжении веков принадлежали могущественным фамилиям римлян на правах собственности или эмфитевзиса. Понтификаты пап из числа отпрысков римских фамилий или понтификов, происходивших из знати Лация, значительно усилили позиции верхушки нобилитета и снабдили этот слой баронов дополнительными ресурсами для сохранения сеньориального господства в огромном числе локальных центров региона. Именно в этих сеньориях сочетались экономические и юрисдикционные моменты проявления сеньориальной власти, а система вассальных связей, распространенная и на привилегированных жителей, и на простолюдинов, соединяла функции подчинения и защиты населения.

Анализ проблемы сеньории включает и исследование роли города и городской элиты в распространении системы вассалитета. Роль элиты, наследственной аристократии в эпохи, которые считаются временем демократических преобразований — весьма интересная и плодотворная тема. Характерный пример такого периода, который ассоциируется с демократическими преобразованиями, представляют собой века расцвета итальянских коммун.

Значение и функции, которые приобретали отдельные представители аристократии и в целом наследственный нобилитет, весьма отличались, в зависимости от общих особенностей социального развития исторического региона, а может быть, и наоборот, данная динамика исторического развития весьма существенно определялась силой позиций аристократии и континуитетом элиты города-цивитас.

Важно отметить, что цеховые корпорации не смогли закрепить за собой определенной политической роли в жизни Рима, их представители не имели обычного доступа к важнейшим коммунальным должностям. На мой взгляд, весьма интересные тенденции в оценке роли аристократии в эпоху коммун наметились с 1970-х гг., когда медиевисты перестали рассматривать городские коммуны и сеньории городского нобилитета в контадо сепаратно или в качестве двух антагонистов социального развития. Картина исследований городского нобилитета и коммунальной элиты, сложившаяся в научном мире, во многом определяется возможностями базы опубликованных и неопубликованных источников, сохранившихся от того или иного периода. При этом историографическая палитра итальянской науки ярче за счет использования оттенков, неизвестных другим национальным школам итальянистов.

Также необходимо подчеркнуть специфику интересов групп историков, занимающихся историей аристократических семейств рубежа тысячелетий и элитами периода расцвета коммун средневековья. Чисто количественно лидировали исследования более раннего этапа средневековья, при этом ощущалась странная региональная избирательность исследователей²⁵. Период Треченто, как и регион Лация долгое время не привлекали большого числа исследователей. Весьма обогатили историографическую картину исследования историков, изучавших средневековый Рим и земли, входившие в состав Папской области. Особенности развития Ла-

²⁵ В этом пункте до сих пор остается лишь солидаризироваться с утверждением Кароччи, подметившим в 1990-е гг. недостаток внимания к отдельным землям Центральной Италии и Папской области. Картина изменилась но не кардинально, несмотря на тот вклад, который внес сам автор данной оценки: *Carocci S. Baroni di Roma*. P. 6.

ция, Кампаньи и некоторых других регионов наиболее наглядно демонстрируют значение аристократического элемента в век коммун. Прежде всего, надо отметить не устаревшую монографию, название которой — «Рим от коммуны до папской сеньории» — не отражает всей полноты затрагиваемых сюжетов: среди них как особенно важные выделены вопросы о римской и провинциальной аристократии и о взаимосвязи города и контадо²⁶.

К концу XX в. появились новые имена историков, приверженных исследованию городских элит в Папской области²⁷. Особое значение принадлежит трудам С. Кароччи о роли городского нобилитета и коммунальных элит²⁸. Кароччи не только осознал

²⁶ К сожалению, в соответствии со стандартом издательства, в котором печаталась монография, весь научный аппарат был исключен. Можно сказать, что точные отсылки к отдельным пассажам источников присутствуют в самом тексте, но они не сопровождаются указанием изданий и страниц. *Dupre-Theseider E.* Roma dal comune dal popolo alla signoria ponteficia. Bologna, 1952.

²⁷ *Barone G.* Niccolo IV e I Colonna // Niccolo IV: un ponteficato tra Oriente e Occidente // Atti del convegno internazionale di studi Ascoli Piceno. 1991. P. 91-104; *Delogu P.* Castelli e palazzi. La nobilita duecentesca nel territorio Laziale // Roma anno 1300 // Atti del convegno internazionale di storia dell'arte medievale (Roma 1980). Roma, 1983. P. 705-713. *Maire Viguer J.-C.* Nobilita e popolo nei comuni del Lazio Meridionale // Il Lazio tra parato e l'impero al tempo di Enrico VI. Roma, 1991; *Venditelli M.* La famiglia Curtabrabca. Contributo alla storia della nobilita romana del Ducento // MEFRM, 101.1989. P. 177-272.

²⁸ *Carocci S.* Genealogie nobiliari e storia demografica. Aspetti e problemi (Italia centro-settentrionale, XI–XIII secolo) // Demografia e società nell'Italia medievale / A cura di R. Comba e I. Naso, Cuneo, 1994; Comuni, nobilita e papato nel Lazio // Magnati e popolani nell'Italia comunale. XV Convegno internazionale di studi (Pistoia 15-18 maggio 1995). Pistoia, 1997. Pp. 213-241; *Idem.* Assetto familiare, politica matrimoniale e regime successorio dei baroni romani (Duecento e primo Trecento): cenni complessivi // La popolazione di Roma dal medioevo all'età contemporanea: fonti, problemi di ricerca, risultati / A cura di E. Sonnino. Roma, 1998. Pp. 221-227; Cognomi e tipologia delle fonti. Note sulla nobilita romana, in "Mélanges de l'École française de Rome // Moyen Age-Temps Modernes, 110. 1998. Pp. 173-181; *Idem.* Baroni in città. Considerazioni sull'insediamento e i diritti urbani della grande nobilita, in Roma nei secoli XIII e XIV // Cinque saggi / E. Hubert. Roma, 1993. Pp. 137-173; *Idem.* La celebrazione aristocratica nello Stato della Chiesa // Le forme della propaganda politica nel Due e nel Trecento. Atti del Convegno di Trieste del 2-5 marzo 1993. Roma, 1994. Pp. 345-367; *Idem.* Baroni di Roma. Dominazioni signorili e lignaggi aristocratici

роль городской элиты, а именно — баронов Рима, в развитии коммуны, но и показал значение римской аристократии в истории коммун Римской провинции.

Я считаю, что следует несколько скорректировать представления о положении аристократии в век коммун с учетом положения аристократии в коммунах Папской области, включить роль и силу влияния городской элиты для жизни округа и создания систем личных связей в ряд общих характеристик и показателей развития коммун. Недостаточно провозгласить абстрактный тезис о том, что региональный вариант развития *цивитас* (общины) представляет собой часть гражданско-правовой традиции, аспект социальной и культурной истории. Только когда мы пытаемся конкретно проследить связи общины с другими системами средневековой социальной организации, например, взаимосвязи городской коммуны с общинами округа и с сельскими сеньориями, тогда возникает видение роли средневековой коммуны как важнейшего феномена социальной жизни.

Историография средневековых коммун и общин примечательна тем, что именно в этой научной работе на протяжении XX столетия постоянно апробировались новые методики исторического анализа, важные для изучения социальной и институциональной истории.

Итальянская школа медиевистов, как это нередко бывает в случае историографии национальной истории, демонстрирует ряд особенностей, которые нельзя принимать за общеевропейский

nel Duecento e nel primo Trecento. Roma, 1993. Pp. 496 (Collection de l'École française de Rome, 181; Nuovi studi storici, 23); *Idem*. Il nepotismo nel medioevo. Papi, cardinali, famiglie nobili. Roma; Viella, 1999. Pp. 222 (La corte del papa, 4); *Idem*. Aspetti delle strutture familiari nel Lazio tardomedievale // Archivio della società romana di storia patria, 110. 1987. Pp. 151-176; *Idem*. Aspetti delle strutture familiari a Tivoli nel Quattrocento // Mélanges de l'École française de Rome. Moyen Age-Temps Modernes, 94. 1982. Pp. 45-83; *Idem*. Barone e podestà. L'aristocrazia romana e gli uffici comunali nel Due-Trecento // I podestà dell'Italia comunale, I. Reclutamento e circolazione degli ufficiali forestieri (fine XII sec. – metà XIV sec.) / A cura di J.-C. Maire Vigueur. Roma, 2000. Pp. 847-875; *Idem*. La nobiltà duecentesca. Aspetti della ricerca recente // Roma medievale. Aggiornamenti / A cura di P. Delogu. Firenze, 1998. Pp. 159-166.

стандарт. Эта школа историографии воплощает в себе и некоторые «архаические» черты, но также и инновации при неизменно меньшем уровне обобщений и теоретизирования и большем внимании к моментам исторического континуитета. Особенно значимой представляется совокупность рассмотренных исследований итальянцев рубежа XX–XXI веков, хотя данные разработки все еще являются достоянием весьма узкого круга специалистов.

Что касается российской медиевистики, то и изучение городской коммуны, и проблем поземельных отношений в городской округе всегда были сильной стороной национальной исторической школы. Между итальянскими медиевистами и их российскими коллегами поддерживались контакты в большей мере, чем это происходило в отношении других европейских историографических школ. Однако в последнее время линии развития итальянской и российской исторической науки существенно разошлись. Это проявляется в частности и в том, что российские итальянисты нередко оставляют без внимания те сюжеты, которые именно сейчас активно разрабатывают итальянские медиевисты, и которые до 1980-х гг. являлись общим исследовательским интересом двух школ. Однако, можно сказать, что историографические школы как Италии, так и России солидарны в достаточно поверхностном отношении к проблеме трансформации концептов.

Можно сказать, что образование общин (коммун) и сеньорий в ситуации политического полицентризма и территориальной раздробленности представляло собой основной способ организации власти и систем управления (самоуправления) на локальном уровне. Понятия «сеньория» и «община» охватывают достаточно широкий спектр проявлений организующего и объединительного начала, и попытки конкретизировать или сузить данные понятия со стороны историков предпринимаются не часто. Естественным будет предположить, что на протяжении средневековья менялось конкретное историческое наполнение общих форм социальной организации, которые получили название коммуны и сеньории, но всякое ли изменение находило адекватное терминологическое выражение? И наоборот, всякое ли демонстративное предпочтение новому ряду коннотаций или термину опиралось на изменение

социальной структуры? Этот вопрос остается без ответа, но не обязательно считать его риторическим.

С другой стороны, конкретные исторические исследования вполне наглядно показывают, что, хотя принципы взаимодействия сеньориального мира и коммуны видоизменялись, но взаимосвязь города и округа была постоянной и неразрывной, и осуществлялась в том числе и на уровне отдельных малых социумов внутри коммуны²⁹. Тема изучения данной взаимосвязи включает анализ влияния городской коммуны на формирование структур общинного самоуправления в округе. Было бы неточным утверждение о том, что средневековая итальянская коммуна взаимодействовала с сеньориальными структурами. Взаимосвязь общины и сеньории играет особую системообразующую роль в социальной иерархии средневекового мира. Одним из наиболее сложных аспектов этого блока проблем общего характера является роль элит и малых групп нобилитета в развитии коммуны и сеньории. По крайней мере, для ряда исторических областей речь идет о том, что в элиту *civitas* входят сеньоры окрестных земель и общин. Соответственно, дискуссии по вопросам изучения данных феноменов не только имели и имеют большую научную актуальность, но и интересны с точки зрения социальных и идеологических коннотаций.

Для автора данного исследования несомненно, что существующую в историографии разработку вопроса о городской коммуне и городской сеньории следует дополнить исследованием вопроса о взаимосвязи города и сельской сеньории. Эта взаимосвязь даже в специальной литературе по итальянской медиевистике раскрыта еще недостаточно полно, а в учебной литературе просто игнорируется. Весьма актуальным периодом исследования является XIII столетие и Треченто, но необходимо учитывать и длительность процессов формирования средневековой городской общины и сельской сеньории Италии. Опыт проб и ошибок, накопленный

²⁹ Эта тенденция была обозначена Дж. Киттолини в труде, название которого содержит ключевые слова: «Город и контадо» (*Chittolini G. Citta e contado nella tarda eta comunale. A proposito di studi recenti // Nuova Revista Storica, 54. 1969. P. 706-719*). Однако, общим местом тезисы Киттолини так и не стали, хотя, на мой взгляд заслуживают этого.

отдельно существующими традициями историографии сеньории и изучения коммуны, был бы гораздо полезнее при возможности их слияния и сличения.

Практически это весьма трудно осуществимо, ведь объем материала по истории отдельно взятых этапов изучения как коммуны, так и сеньории даже в сжатом изложении настолько велик, что осложняет возможность наглядно провести одновременный анализ двух историографических сюжетов. Взаимодействие различных школ историографии возможно лишь на основе личных контактов или общих идеологических приоритетов, что является кратковременными, конъюнктурными условиями. Сама по себе доступность информации и приращение знания, вырабатываемого в рамках научных (национальных) школ историографии, никак не гарантируется.

На другом уровне рассмотрения проблемы взаимосвязи коммуны и сеньории, а именно, истории бытования понятий, также обнаруживаются важные общие основы. Несмотря на то, что с понятием *цивитас* и с понятием *сеньория* постоянно ассоциировались совершенно противоположенные образы, в процессе конституирования понятий имелись общие черты, например, прямые заимствования из сферы развития юридической мысли, с трудом заменяемые собственно исторической рефлексией. Историю понятий, реконструирующих феномены коммуны и сеньории, на мой взгляд, стоит продолжать изучать взаимосвязанно, расширяя круг возможных коннотаций.

Я отнюдь не считаю возможности традиционной историографии исчерпанными: история о написании истории не подошла к видимым пределам своих возможностей, но уже в прошлом веке историография даже частных вопросов стала настолько сложной, что не помещается ни в специализированные очерки, ни во вводные разделы монографий и учебников. Сложившиеся в историографии стереотипы восприятия исторических феноменов стали настолько развитой традицией, что сами собой представляют проблему, нуждающуюся в специальном анализе. При этом некоторые аспекты продолжают игнорироваться именно «по традиции».

Накопленное историографическое наследие требует расшифровки, подстрочного комментария, раскрывающего множество коннотаций данной тематики исторического исследования (социального и психологического характера). Это весьма интересная работа, но ее эффективность будет обратно пропорциональна скорости продвижения конкретно-исторических исследований. Стандартные курсы и обязательный объем литературы для студентов, изучающих историографию по периодам «Средние века» и «Новое время» слишком громоздки. В процессе преподавания гуманитарных дисциплин предпочтение может быть оказано методу изучения истории концептов, причем в наиболее поверхностном и прямолинейном исполнении.

Естественно, оригинальные исследования истории концептов также представляют собой весьма сложную традицию. Однако, если не отличие моментов (ре)конструирования прошлого в системе историографии и истории идей, то приемы освоения опыта, накопленного той и другой традицией, можно сравнить с чтением текста на материальном носителе и электронного гипертекста по ключевым словам. При этом существует и вероятность того, что сами традиционные историографические системы описания в новых условиях хранения и использования информации смогут выжить как гипертексты. Возможно, будет признано допустимым изучение вопроса средневековой *цивitas* и сеньории не через освоение традиций существующих историографических школ, которые предполагают преемственность моделей описания прошлого, а посредством тематического сквозного поиска по ключевым терминам. Простая смена технологий хранения информации могла бы обеспечить и неприкосновенность полноты объема освещения вопросов развития историографии, и удобство и доступность использования данных.

В. С. ТРОФИМОВА

«РЕСПУБЛИКА УЧЕНОСТИ»

ИДЕЯ, ИДЕАЛ И ВИРТУАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО ЕВРОПЕЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ XV–XVIII ВЕКОВ

«Республика учености» (*Respublica litteraria*, *Republique des Lettres* или *Republic of Letters*) — сообщество европейских интеллектуалов XVI–XVIII вв. — редко обращала на себя внимание советских и российских исследователей. Между тем, это важнейший социокультурный феномен эпохи Возрождения, XVII века и эпохи Просвещения. Существующий русский перевод термина *Republic of Letters* — «Республика ученых» — не является корректным. Латинское выражение *Respublica Litteraria* появилось еще в начале XV в. (в 1417 г.) в письме венецианского гуманиста Франческо Барбаро «апостольскому секретарю», знаменитому ученому мужу Поджо Браччолини. Барбаро ставит Браччолини в один ряд с литераторами древности и считает, что тот заслуживает самых высоких похвал, которыми обычно награждают людей, являющихся украшением “*litterariae Reipublicae*” — в данном случае, «Республики словесности»¹. Как отмечает Л. М. Баткин, для гуманистов эпохи Возрождения «слово отождествлялось со “знанием” и “добродетелью”», а за понятием *lettere* скрывались новый статус и новое содержание культуры, превратившиеся «в мощный идеологический импульс, проникавший в любую грамотную среду»². Исследователь подчеркивает сложность истолкования понятия «словесность» в то время. Говоря о том, что уже в глазах Боккаччо литература обрела «суверенный авторитет», Л. М. Баткин отмечает, что «это не “художественная литература” и не “наука” в новоевропейском понимании, и не средневековое католическое толкование светского знания как подготовительной и низшей ступени в интеллектуальной иерархии»;

¹ Bots H., Waquet F. *La République des Lettres*. Paris, 1997. P. 11-12.

² Баткин Л. М. *Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления*. М., 1975. С. 12, 36.

«словесность» в устах гуманиста равнозначна культуре вообще»³. Однако выражение “*litterariae Reipublicae*” не получило распространения в XV в. Лишь в 1491 г. оно возникает снова, на сей раз на страницах двух книг, изданных в Венеции и Нюрнберге⁴, также с упором на словесность в специфически ренессансном понимании.

В начале XVI в. термин *Respublica litteraria* получил более широкое хождение. К середине века он уже был известен не только в Италии, но и в Швейцарии, германских княжествах, Франции, Англии и Польше⁵. Значительную роль в распространении идеи «Республики учености» сыграл виднейший представитель Северного Возрождения Эразм Роттердамский, впервые употребивший это выражение в 1528 г. Идея всемирного сообщества ученых людей появилась у Эразма еще раньше, с начала XVI в., он высказывал ее в «Книге Антиварваров» (1520 г.), а в 1523 г. уже говорил о «семье и нации ученых»⁶. Эразм выдвигал следующие требования к «гражданину» «Республики учености»: это должен быть человек, прекрасно знающий древнегреческий и латынь, умеющий вести приятную и увлекательную беседу, иметь высокоразвитое гражданское чувство по отношению к сообществу ученых⁷. Самого Эразма его современники называли «монархом всей республики учености» (*totius Reipublicae litterariae monarcha*)⁸.

Вероятно, определенная двойственность значения термина идет еще со времен Эразма: с одной стороны, это «Республика ученых», потому что она объединяет свободомыслящих, образованных людей, знающих античную культуру и заботящихся о благе ученого сообщества; с другой стороны, цель «граждан» «Республики» — всеобъемлющая ученость, образованность. Отсюда второй вариант перевода термина на русский язык — «Республика наук». Возможно, еще более удачным вариантом перевода выражения *Respublica*

³ Там же, с. 84-85.

⁴ Bots H., Waquet F. La République des Lettres. P. 12.

⁵ Ibid. P. 13.

⁶ Fumaroli M. La République des Lettres Redécouverte // Il Vocabolario della République des Lettres. Terminologia filosofica e storia della Filosofia. Problemi di Metodo. Firenze, 1997. P. 49-50.

⁷ Ibid. P. 50-51.

⁸ Bots H., Waquet F. La République des Lettres. P. 12.

litteraria был бы термин «Республика учености». Составитель латинско-французского словаря Робер Этьенн в 1543 г. определял понятие *litterae* как «науки и занятия посредством словесности и книг», а «Словарь Французской Академии» 1694 года и вовсе сводит *lettres* ко «всем видам наук и учений»⁹. По сути дела, *lettres* в данном случае не означало литературу — скорее, ее даже исключали из этого понятия, а подразумевался весь комплекс знаний, ученость в целом. Подтверждение тому можно найти у «гражданки» «Республики» Анны-Марии Ван Шурман, жившей в XVII в. В своей «Диссертации» на тему «может ли христианка быть образованной» (1638 г.) она дает следующее определение: «“The Letters” — это “знание языков, истории и всех предметов”»¹⁰. В данной работе я использую выражение «Республика учености».

“The Republic of Letters” — это не только «Республика ученых» и «Республика наук», но и «Республика писем». В работах, посвященных этому феномену, неизменно подчеркивается, что основным средством коммуникации для «граждан» «Республики» являлась переписка. Переписка эта по своей сути отличалась от эпистолярного наследия Античности и Средневековья: корреспонденты ориентировались не на готовое знание, а на самих себя и на других как равноценных личностей (в смысле равного их участия в формировании нового знания). Переписка играла огромную роль в жизни гуманистов эпохи Возрождения. Как подчеркивает Л. М. Баткин, «письма... служили.. для людей... жизненно важным средством общения... Оценивая значение переписки, гуманисты неизменно видели в ней человеческую связь, а не упражнение в латинской стилистике»¹¹. Интересно, что «личный и научный интерес переписки осознавался [гуманистами] как нечто нераздельное»¹². «Республика писем» сыграла решающую роль в подготовке научной революции XVII века. В переписке ученых обсуждались проблемы как точных и естественных, так и гуманитарных наук.

⁹ *Ibid.*, 14-15.

¹⁰ *Schurman, Anna Maria van. Whether a Christian woman should be educated and other writings from her intellectual circle / Ed. and transl. by J. Irwin. Chicago, 1998. P. 25.*

¹¹ Баткин Л. М. Итальянские гуманисты... С. 104-105.

¹² Там же. С. 106.

Общение образованных людей посредством переписки носило универсальный, по меньшей мере всеевропейский характер и выражало «единство знания»¹³. При этом в одних исследованиях этой проблемы акцент делается на корреспонденции ученых специалистов в точных и естественных науках и на роли этой корреспонденции в научной революции XVII века, а в других работах — на гуманитарном аспекте «Республики учености». Дэвид Норбрук считает, что «это воображаемое сообщество соответствует до определенной степени “литературной публичной сфере” Юргена Хабермаса»¹⁴, выделяя, таким образом, литературную составляющую этого феномена. Действительно, “The Republic of Letters” — это и «Республика литературы» в широком смысле этого слова, или «Республика филологии» по аналогии с “Faculty of Letters” — факультетом филологии. Ханс Ботс и Франсуаза Ваке перечисляют несколько синонимов выражения *Respublica litterariae*, среди которых *République des bonnes lettres* («Республика изящной словесности» Ги Патена) и *République des sciences* («Республика наук» Пьера Бейля)¹⁵.

Что же представляла из себя «Республика учености» на разных этапах своего существования? Для авторов самой идеи «Республики учености», например, для Эразма Роттердамского, это было царство образованности, «граждане» которого «спешили овладеть искусствами и науками»¹⁶. «Государственным языком» «Республики» была латынь. По словам Стефана Цвейга, заслугой «Республики» было то, что «впервые... после падения римской цивилизации благодаря эразмовой республике ученых вновь стало возможным становление единой европейской культуры, впервые целью бескорыстного братства мечтателей стало не служение тщеславным целям отдельной нации, а благо всего человечества»¹⁷.

Итак, «Республика учености» — это и мечта идеалистов эпохи Возрождения о братстве образованных и культурных европейцев, и

¹³ Daybell J. Recent Studies in Seventeenth-Century Letters // English Literary Renaissance. 2006. Vol. 36. N 1. P. 142.

¹⁴ Norbrook D. Women, The Republic of Letters, and the Public Sphere in the Mid-Seventeenth Century // Criticism. 2004. Vol. 46. N 2. P. 225.

¹⁵ Bots H., Waquet F. P. 15.

¹⁶ Цвейг С. Три мастера. Триумф и трагедия Эразма Роттердамского. М., 1992. С. 163.

¹⁷ Там же. С. 163.

начинавшее свое существование виртуальное пространство переписки ученых людей. Цвейг несколько ошибался, полагая, что триумф Эразма был его «кратким и преходящим звездным часом», а «великая гуманистическая мечта о примирении противоречий в духе справедливости, о желанном объединении наций под знаком общей культуры осталась утопией»¹⁸. Действительно, гуманистические идеалы Эразма практически не нашли воплощения в политике того времени, но стали основой для наднационального образования — «Республики учености». XVI век — первый этап ее существования, когда, по словам В. П. Елизарова, она «существует параллельно официальным структурам, практически не пересекаясь с ними»¹⁹. В это время «граждане» «Республики» интересуются, прежде всего, гуманитарными науками: филологией, философией, литературой, а также политической теорией²⁰.

Упадок латыни в следующем веке мог бы способствовать и упадку «Республики учености», но так не случилось. XVII век — важнейший этап ее существования, когда динамично развиваются «формальные каналы коммуникации» — научные институты и научная периодика, а на первый план выходит интерес к естественным и точным наукам. «Граждане» «Республики» делают открытия в области математики, физики, химии и т. д. Их число растет, ученые переписываются не только на латыни, но и на французском, английском, голландском, итальянском и других европейских языках. «Граждане» «Республики» ищут новый «государственный язык» вместо ушедшей на второй план латыни. Появляются многочисленные проекты универсальных языков — «эсперанто XVII века»²¹.

В. П. Елизаров, как и во многом И. Е. Андронов, уделяет особое внимание существованию «Республики учености» как целост-

¹⁸ Там же. С. 163, 266.

¹⁹ Елизаров В. П. «Республика ученых»: социальное пространство «невидимого сообщества» // *Пространство и время в современной социологической теории* / Под ред. Ю. Л. Качанова и А. Т. Бикбова. М., 2000. С. 103.

²⁰ Там же. С. 105.

²¹ См.: Трофимова В. С. «Универсальные языки» в XVII веке // *Компаративистский анализ общечеловеческого и национального в философии* / Под ред. А. С. Колесникова. СПб, 2006. С. 70-74; Крючкова Ю. В. О возможности существования универсального языка (Универсальный язык — мифы и реальность) // Там же. С. 124-128.

ного организма именно в XVII в.²². Однако И. Е. Андронов неправ, когда относит понятие «республика ученых» к «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона и заявляет, что ученые поколения Галилея не стремились к контакту с коллегами²³. Елизаров этот тезис убедительно опровергает²⁴. Вместе с тем Андронов дает точную характеристику «гражданину» «Республики учености» и выдвигает интересную идею о том, что черты именно такого человека «определяют характерное только для русского языка понятие «интеллигенция»»²⁵.

Итак, «гражданин» «Республики учености» — это космополит, человек мыслящий, прекрасно образованный, смелый, чаще всего обеспеченный, принадлежащий к сословию служащих или к служилой знати, читающий, ведущий активную переписку и желающий прославиться своей ученостью (надо отметить, последняя черта свойственна отнюдь не всем «гражданам» «Республики учености», например, Рене Декарт к славе не стремился вовсе)²⁶. В. П. Елизаров отмечает, что в XVII в. коммуникационными центрами «Республики учености» становятся не яркие социально активные личности наподобие Эразма или Ульриха фон Гуттена, но люди типа Марена Мерсенна, друга Декарта, прекрасно образованные и ведущие активную переписку, но не имеющие богатой внешними событиями биографии²⁷.

В XVII в. наряду с филологией, философией, политической теорией и литературой — главными темами переписки «граждан» «Республики учености» в эпоху Возрождения — рассматриваются проблемы точных и естественных наук. Многие новые научные и философские идеи того времени обсуждались именно в переписке. Вместе с тем специализация в науке в это время только начинается, как и отделение конкретных наук от философии и теологии. Математики интересуются лингвистическими проблемами (проблема

²² См.: Андронов И. Е. Европейская «Республика ученых XVII–XVIII вв.: механизмы общения // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях социальной действительности. М., 2001. С. 69-102.

²³ Там же. С. 102.

²⁴ Елизаров В. П. Указ. соч. С. 110 (рис. 2), С. 120 (рис. 3).

²⁵ Андронов И. Е. Указ. соч. С. 71.

²⁶ Там же. С. 70-71.

²⁷ Елизаров В. П. Указ. соч. С. 110.

универсального языка обсуждалась Мерсенном и Декартом, а один из проектов был предложен Лейбницем), физики и химики серьезно интересуются теологией (работы Роберта Бойля о христианстве). «Магические науки» переживают свой закат, хотя определенный интерес к той же алхимии сохраняется вплоть до конца XVII в. — вспомним пример Исаака Ньютона.

XVII в. — период становления самосознания «Республики учености». Аллегорический образ «Республики» можно найти в популярной в то время книге итальянца Траяно Боккалини “*Ragguagli del Parnaso*”, опубликованной в Милане в 1614 г. Это произведение к середине 1630-х гг. уже достигло Франции, Англии, Испании и Германии²⁸. В книге Боккалини не только провозглашалась политическая автономия «Республики учености», но и устанавливалась непосредственная связь «Республики» с художественной культурой эпохи. Над всеми «республиками и монархиями» стоял принц Аполлон, советовавший с Сенатом, в который входили античные и современные литераторы. «Парнас» Боккалини, с одной стороны, служил аллегорией «Республики учености» (вернее, «Республики словесности»), с другой стороны, он был прототипом позднейших образов литературной традиции как некоего вневременного поля (например, традиции в понимании Т. С. Элиота). Помимо «Парнаса» Боккалини, существовали и другие произведения, в которых возник образ «Республики учености». Французские деятели культуры Пьер Бейль, Виньель-Марвиль, Адриен Байе, Дени де Сало осмыслили этот феномен во второй половине XVII века. Дени де Сало упомянул «Республику учености» уже в первом номере французского «Журнала ученых» (*Journal des Savants*) 1665 года, и это придало термину популярность и авторитет²⁹.

Само понятие «Республика учености» подразумевает апеллирование к республике как форме государственного устройства. В 1700 г. полиглот Виньель-Марвиль представил «Республику учености» в виде настоящего государства³⁰. По его мнению, это всемирная республика, включающая в себя людей всех национальностей, сословий, и мужчин, и женщин, и детей, в ней говорят на живых и

²⁸ *Fumaroli M.* Op. cit. P. 52.

²⁹ *Ibid.* P. 53.

³⁰ *Bots H., Waquet F.* La République des Lettres. P. 18.

мертвых языках, здесь не существует единообразия в религии. Выдающийся предшественник просветителей, создатель «Исторического и критического словаря» (1695–1697) Пьер Бейль подчеркивал, что «Республика учености» — государство в высшей степени свободное³¹. Кристоф Август Хойманн, профессор Геттингенского университета, в 1718 г. сравнивал «Республику учености» с «невидимой церковью» и отмечал, что свобода является душой «Республики»³². Однако не все воспринимали «Республику учености» как политическое образование. В самом конце XVII в. в Германии появляются две диссертации, посвященные «Республике учености». В первой из них, опубликованной в Йене в 1696 г. Кристианом Лебером, утверждалось, что «Республика учености» не является политическим сообществом, а только частным объединением. Лебер отказывает «Республике» в праве называться государством, так как это абсолютно свободное от всякого рода власти общество³³. С Лебером не согласился Георг Прит, опубликовавший свою работу в Лейпциге в 1698 г. Он считал, что «Республика учености» — это политическое сообщество, возвышающееся над всеми другими, не привязанное ни к какой определенной территории. В «Республике» нет главы наподобие абсолютного монарха, нет государственной религии и догматизма. Здесь царит толерантность. Все ее граждане равны, обладают избирательным правом. «Республика учености», по Приту, утверждает свободу слова и свободу совести. По мнению Фумароли, Георг Прит не обращает внимания на различия между немецкой и французской «республиками учености» и описывает в своей работе идеальную всеобщую структуру³⁴.

В. П. Елизаров выделяет важный фактор, способствовавший существованию «Республики учености» в XVII в. — развитие почтовых коммуникаций³⁵. К середине XVII в. почта становится частью государственной системы в Священной Римской Империи, в отдель-

³¹ *Ibid.* P. 19.

³² *Ibidem.*

³³ *Ibid.* P. 20-21. Ботс и Ваке датируют диссертацию Лебера 1708 годом, хотя, по всей видимости, речь идет о той же самой работе, о которой говорит и Фумароли.

³⁴ *Fumaroli M.* Op. cit. P. 54-55.

³⁵ *Елизаров В. П.* Указ. соч. С. 107-111.

ных республиках Италии, во Франции и Англии. На периферии системы почтовых коммуникаций находится Мадрид. Одновременно он не входит и в ряд городов — центров «Республики учености».

В XVIII в. «Республика учености» начинает существовать параллельно «созданным через ее посредство социальным структурам» — научным институтам, периодике и т. п.³⁶. Отдельные исследователи считают, что «Республика» пришла к своему закату к 1720 г.; другие, напротив, полагают, что ее расцвет приходится на вторую половину XVII — первую половину XVIII в.; наконец, существует мнение, что лучший период для «Республики» — это время Великой Французской Революции³⁷. В любом случае, эпоха Просвещения — последний этап существования этого социокультурного феномена. В это время она превращается в «Республику философов». Тем не менее, Вольтер в своей знаменитой книге «Век Людовика XIV» с огромным уважением говорит о «гражданах» «Республики учености» XVII–начала XVIII в., которые составляли великое сообщество ученых, распространенное повсюду и совершенно независимое³⁸. Вплоть до конца века во Франции продолжает существовать понятие «Республика литераторов» — упоминание о нем можно найти даже в знаменитой комедии Бомарше «Севильский цирюльник, или Тщетная предосторожность» (1774)³⁹.

Какое же определение можно дать «Республике учености» исходя из вышесказанного? Елизаров определяет ее как «свободную ассоциацию европейских интеллектуалов XV–XVIII вв.», «деятельность и существование которой протекало в виртуальном пространстве коммуникаций», а ее «единственной социальной инфраструктурой» была «коммуникационная система личной переписки»⁴⁰. По его мнению, «Республика учености» — не что иное, как динамическая конфигурация социальных связей, «осуществляемых посредством

³⁶ Там же. С. 103.

³⁷ *Mayhew R.* British Geography's Republic of Letters: Mapping an Imagined Community, 1600–1800 // *Journal of the History of Ideas*. 2004. Vol. 65. N 2. P. 251-252.

³⁸ *Bots H., Waquet F.* La République des Lettres. P. 21.

³⁹ «В Мадриде я убедился, что республика литераторов — это республика волков, всегда готовых перегрызть друг другу горло...», — заявляет Фигаро графу Альмавиве. — Бомарше. Избранные произведения. М., 1954. С. 289.

⁴⁰ *Елизаров В. П.* Указ. соч. С. 103-104.

механизма почтового сервиса»⁴¹. Роберт Мейхью определяет «Республику учености» как «воображаемое сообщество, в котором все ученые теоретически были связаны, несмотря на тот факт, что они, возможно, никогда не слышали друг о друге и, тем более, никогда не встречались и не общались»⁴². Мейхью понимает определение «воображаемое сообщество» в том же смысле, что и Бенедикт Андерсон в отношении наций⁴³. Вместе с тем исследователь отмечает, что идеал «Республики» и ее реальное существование не всегда соответствовали друг другу: расстояние, роль которого члены сообщества хотели свести к нулю, не сдавало своих позиций⁴⁴.

С данными выше определениями и приведенными замечаниями можно согласиться, хотя надо отметить и роль печатных книг в жизни «Республики учености», особенно по мере приближения к XVIII веку. Об этом справедливо говорит И. Е. Андронов⁴⁵. В конце XVII в. «Республика» получает и свой «печатный орган» — журнал «Новости Республики учености» (*Nouvelles de la république des lettres*, 1684–1718), который издавал в Голландии Пьер Бейль. На воображаемой карте «Республики» Голландия в XVII в. занимала особое место. Голландские мыслители составляли значительную часть ее «граждан» того времени. Активную переписку вели и такие знаменитые ученые, как Бенедикт Спиноза и Христиан Гюйгенс, и менее известные персоналии, такие как богослов Андре Риве.

В XX веке идея, которая легла в основу эразмовой «Республики учености» как наднационального сообщества — идея всеевропейского и всемирного единства — стала находить воплощение в политике (ООН, Европейский Союз). «Республика учености» была прообразом виртуального пространства Интернет: как в ее пространстве формировались различные субкультуры, так и в пространстве Интернет можно обнаружить множество более или менее закрытых сообществ.

⁴¹ Там же. С. 104.

⁴² Mayhew R. Op. cit. P. 253-254.

⁴³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 30, 32. Интересно, что сам Андерсон ничего не говорит в своей работе о «Республике учености».

⁴⁴ Mayhew R. Op. cit. P. 273.

⁴⁵ См.: Андронов И. Е. Указ. соч. С. 69-102.

С. В. ГОЛИКОВА

НАРОДНАЯ РЕЦЕПЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИКРОМИРЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОРЕФОРМЕННОГО УРАЛА

В книге Л. Г. Ионина «Социология культуры: путь в новое тысячелетие» есть небольшое отступление о восприятии микромира. «Правда, научные представления о вредоносных микробах, — пишет он, — поразительно напоминают религиозные представления о чертях, демонах, бесах. Проникновением бесов (микробов) в тело объясняли болезни. Излечение от болезней осуществлялось путем изгнания бесов (микробов). Бесы были специализированы: разные бесы вызывали различные болезни. Как и микробы, бесы были невидимы обычному глазу и многочисленны. Правда, микроскопа в давние времена не существовало, и бесов усматривали духовным зрением. Это было доступно не каждому простолюдину, а экспертам — священникам»¹. Из данной цитаты следует, что представления о микромире (речь идет о живом микромире, а не об атомах), если не имеют своей основой народную религиозность, то сложились под сильным ее влиянием. Словом, взгляд на микромир можно представлять как результат взаимодействия, компромисса научной и религиозной культур. То, что подобные рассуждения не единичное озарение, безусловно, талантливо социолога культуры, а расхожий образ, показывает обращение к современной рекламе, которая довольно часто показывает (и навязывает потребителю) микроба в виде «нечистика». В качестве забавного и достаточно безвредного озорника-бесенка он легко «узнаваем». Современное «подкрепление» давнего стереотипа коллективного сознания (по наблюдениям Е. В. Пикуневой, с мелкими вредными бесенятами постоянно имел дело уже средневековый человек)² указывает на принадлежность данного явления к ментальной картине мира.

¹ *Ионин Л. Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000. С. 419.

² *Пикунева Е. В.* Синкретизм языческих и христианских элементов в религиозном сознании средневековой Европы и его роль в формировании обыденных представлений о демонах // Религиоведение. 2001. № 1. С. 10.

Открытие А. Левенгуком микромира до исследований Л. Пастера оставалось лишь заявкой на появление едва видимых «зверюшек» в ментальной картине мира. Представления о микробах стали формироваться после обоснования их важной роли в процессе брожения, а звездный час настал с признания их причиной эпидемий, эпизоотий и других человеческих бедствий. С этого времени они не только обрели определенный статус — стали «проходить по медицинской части», но из научного курьеза превратились в злободневную проблему, которая касалась всех и каждого. Установление связи микромира с эпидемическо-эпизоотической проблематикой чрезвычайно важно для нашей темы, поскольку благодаря ей представления о микромире сразу обретали многовековую историю. Д. и И. Михель и И. Сироткина справедливо указывают на то, что изучение эпидемий открывает перед исследователями новые возможности в области истории идей: религиозных, социальных, политических, научных, медицинских, и историк идей находит здесь богатую пищу для анализа «структур знаний»³.

Время, когда микробы «вошли в моду», совпало с пореформенным периодом в истории России. Интерес к науке стал характерной чертой того времени, отмеченного крупным приращением научного знания и значительным расширением общественного кругозора. Просвещенная публика узнавала про достижения науки о микроорганизмах при получении образования или из печати, или же из выступлений ведущих ученых (если повезет, даже Л. Пастера и И. И. Мечникова). Пореформенное время увеличило разнообразие связей между «просвещенным обществом» и традиционной культурой. С микромиром народ мог теперь познакомиться с помощью печатного слова, особенно в разгар крупных эпидемий. В Пермской губернии для широких народных масс в «холерные годы» появилось «Наставление о мерах личного предохранения от холеры». Имелась также брошюра П. Н. Серебренникова «К вопросу о борьбе с холерой». Наставление Н. Л. Золотавина с плакатным названием «Береженого Бог бережет» было издано тиражом в 20 тыс. экземпляров. «Незнакомство» населения с ветеринарно-полицейскими

³ Михель Д., Михель И., Сироткина И. Медицина против эпидемий в Поволжье: социально-исторический контекст (1890–1925) // http://www.eavest.ru/archive/st_2004-3.html (июнь, 2007).

мерами при падежах скота привело в 1877 г. ветеринарного врача земства Осинского уезда к убеждению написать брошюру «О чуме рогатого скота и сибирской язве на лошадях и других домашних животных», которую уже губернское земство постановило опубликовать «для распространения в населении»⁴.

Однако основная тяжесть объяснений с народом по поводу микромира выпала на долю рядовых земских деятелей: врачей, которых отправляли «на эпидемию», ветеринаров, ликвидировавших очаги эпизоотии, агрономов, помогавших крестьянам в борьбе с вредителями сельского хозяйства. Им пришлось отправиться «в народ», поскольку борьба с заразными болезнями перестала быть делом только медицинской профессии. Она стала вопросом коллективной борьбы. «Забота о предупреждении и уничтожении болезни должна составлять предмет не только того, у кого заболел скот, но и всех членов того общества, в среде которого появилась болезнь», — писал земский ветеринарный врач Осинского уезда Милевский⁵. Искоренению эпидемий следовало придать массовый характер. И раньше, чем оно начнется, народ должен получить знания и постичь их смысл. Сила науки должна была поступить в распоряжение народных масс.

Медиаторы между наукой и народом, как правило, верили в идеалы прогресса и гуманизма. Поняв, что древние моровые болезни удастся поставить под контроль, они надеялись достижениями науки превратить микробов-убийц в безвредные создания. Уповав на широкое сотрудничество с массами, они предвкушали, как с волнением будут наблюдать стремление людей понять начатки новой науки, способной уберечь их от смерти. «Что может быть, по видимому, проще и доступнее понятию населения, — вопрошал земский деятель Е. Красноперов, — как мысль о том, что червей, истребляющих посевы, надо уничтожить?»⁶. (Мы склонны относи-

⁴ Доклад Екатеринбургской уездной земской управы по мероприятиям против азиатской холеры // Записки Екатеринбургского медицинского общества. 1893. Вып. 1. Приложение. С. 5-6; Милевский. О чуме рогатого скота и сибирской язве на лошадях и других домашних животных // Сборник Пермского земства. 1877. Кн. 5. Пермь, 1877. Отд. III. Приложение. С. 1.

⁵ Милевский. Указ. соч. С. 28.

⁶ Красноперов Е. Гусеница и ее миф — облачный червь // Сборник Пермского земства, 1884. № 11. С. 210.

тельно того времени рассматривать насекомых в качестве элемента микромира, поскольку личинки и метаморфозы многих вредителей сельского хозяйства были микроскопически малы и скрыты от простого глаза.) Однако для народа такое умозаключение не было самоочевидным и убедительным. «Вместо того, чтобы воспользоваться, по моему, самыми необходимыми советами, какие я ему давал, — делился своими впечатлениями от встречи с хозяином заболевшего животного земский ветеринарный фельдшер А. Дягилев, — с рабской покорностью стоял около своей коровы и плакал, говоря, что “ничего уж, родименький, ведь не поможет, когда Бог на нас грешных прогневался”»⁷.

Проводники нового знания на первых порах не подозревали, что придется иметь дело не только с микробами и вызываемыми ими физическими недугами, но и с народной культурой. Однако «хождение в народ» собственно было их службой, и первые провалы на этом пути показали необходимость поиска общего языка с этой культурой. «Уже осуждена опытом система проведения в жизнь таких мер, которые, как бы ни желательны они были, шли в разрез с убеждениями и понятиями населения», — отмечал Е. Красноперов⁸.

Знакомство народа с тайнами микромира не было праздным любопытством. Как отмечал на страницах «Сборника Пермского земства» Е. Красноперов, «распространение в населении истинных понятий о жизни насекомых, истребляющих посевы, вызывается не отвлеченным желанием посвятить население в премудрости энтомологии, а житейской необходимостью»⁹. Речь идет о бедствиях и даже панике. В такой атмосфере «лекторы» должны были поведать тайны микромира хозяину, у которого от сибирки или чумы рога того скота (бича уральских скотопрогонных трактов) пала последняя скотина; матери, у которой только что умер от дифтерита ребенок; землепашцу, которому грозил голод из-за «червя», «съевшего» урожай. Причем задача ознакомления населения с микромиром играла промежуточную роль. Главное заключалось в том, чтобы вдохновить его на проведение весьма непопулярных и затратных

⁷ Дягилев А. Кое-что о наших эпизоотиях // Там же. 1876. Кн. 4-6. С. 95-103.

⁸ Красноперов Е. Указ. соч. С. 210.

⁹ Там же. С. 215.

мер. Например, закопать трупы павших животных на законную саженьную глубину, когда «недосуг о падеже хлопотать — время страдное!»; или провести дезинфекцию в жилище только что умершего дифтерийного или холерного больного. Злободневность сообщаемого знания влияла на его усвоение. Приходилось учитывать, что «над естественной историей насекомых мысль населения работает среди особенных, исключительных условий, под действием возбужденного и мрачно настроенного воображения»¹⁰.

При исследовании микромира велико значение человеческого глаза, вооруженного микроскопом. Простейший прием — показать смертоносные бациллы с помощью микроскопа — применить удавалось не всегда. Хотя В. О. Португалов уже в 1866 г. показывал жителям г. Чердынь под микроскопом в пробах воды, взятой из зловонного озера, расположенного в центре города, микробов¹¹. Главным способом информирования населения об этом явлении оставалось живое слово. Надо было рассказать о том, чего нельзя было увидеть невооруженным глазом, и слушатели должны были поверить на слово. Процесс выработки социальных конструкций визуальной реальности микромира в этом случае очевиден.

Создавая визуальные образы микромира, научная элита знакомила современников с ним, вводила зримые критерии микроскопических объектов. Благодаря им, широкие слои населения учились видеть и узнавать воссоздаваемую интеллектуалами реальность микромира, верить в нее, а наука таким образом реализовывала свои властные полномочия, свое право определять классификацию окружающего мира. Однако процесс создания представлений о микромире представляется более сложным, чем простое конструирование сознания окружающих или манипулирование им.

В первую очередь нужно было организовать восприятие неизвестного народу материала. Для этого следовало определить степень его интеллектуального развития и предрасположенность к получению определенного рода знания. Можно привести набор общих штампов и риторических фигур, вокруг которых выстраивалось знание о микромире. Слушателям сообщалось, что микромир

¹⁰ Там же. С. 212.

¹¹ Селезнева В. Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии. Пермь, 1997. С. 51.

представляет собой невидимый, скрытый мир, о котором люди долгое время не подозревали. Он населен мельчайшими живыми существами — микробами, которые молча совершают гигантскую вредоносную работу. Микробы везде и всюду, они проникают в каждого, способны пробираться даже через огонь, неистребимы — способны погибать и снова возрождаться. Например, воздух кишит этими невидимыми существами, как пылинками, и не следует относиться к ним пренебрежительно: в них таится угроза — тиф, холера и множество других заразных заболеваний. Каждая из этих бактерий во много раз, к примеру, меньше лошади, но стоит ей попасть в ее тело, она начинает быстро размножаться в огромном по сравнению с ней животном.

На примере широко распространенной по Уралу сибирской язвы, возбудителя которой открыли одним из первых, можно было доходчиво объяснять, как микроскопическое создание убивает крупное животное. Земский ветеринарный врач Осинского уезда Милевский описывал читателям своей брошюры труп павшего от сибирской язвы животного следующим образом: «Все сосуды растянуты густой черной кровью, содержащей множество... палочкообразных телец, называемых бактериями... Все внутренние паренхиматозные органы содержат множество... бактерий». «Большинство ученых, — продолжал он, — принимают, что болезнь эта зависит от введения в организм этого так называемого гнилостного фермента или начала, который, попадая прямыми путями посредством дыхательных и пищеварительных каналов, производит общее страдание животного; когда же вводится фермент этот местным прививанием посредством укушения мух и других насекомых, тогда производит сперва местное, ведущее за собой и общее страдание»¹².

Сообщение новых сведений превращалось в наукообразную «страшилку». Прием запугивания непременно пускался в ход, но в данном случае он не был особым преувеличением. Преподносился ряд конкретных примеров заразительности. Затем следовало перечисление предохранительных мер, заключавшихся, как правило, в оздоровлении местности и локализации вспышек эпидемических

¹² Милевский. Указ. соч. С. 19, 23.

заболеваний. Трагическим случаям противопоставлялся рассказ об исцелении и о мощи науки. Образец подобной агитации приведем из брошюры Милевского: «Многие в случаях появления заразы стараются объяснить ее Божьим наказанием за грехи и на этом основании считают излишними и бесполезными всякие меры предосторожности, — предупреждал он возможный ход мысли своих читателей и парировал его. — Слова нет, что все, что делается на земле, делается по воле Божьей; но это вовсе не освобождает население от принятия тех или других мер. Как доказывают многочисленные опыты... самая лучшая и верная мера против распространения чумы рогатого скота — мера убивания заболевших животных. Это мера принимается в некоторых местностях и Осинского уезда, и всегда с результатами самыми хорошими, поэтому и рекомендуется населению уезда»¹³.

Населению было что противопоставить проводникам рационального знания, которые при своей проповеди микромира «встретились с одним из крупнейших явлений народной умственной жизни, корнящимся в ее истории», и «стремились разрушить целую стройную систему представлений о грозном явлении природы, где все было известным образом разъяснено»¹⁴.

«Кто не знает, какой массой всяких поверий и предрассудков сопровождается у крестьян появление эпидемии и эпизоотии и как могущественно тогда проявляется их фантазия в изобретении причин болезни и мер к ее прекращению? Живо у них появится какой-нибудь чудный белый старик, ходящий ночью по дворам, чтобы разносить несчастье, или что-нибудь в роде того, и вот, после этого, когда узнана причина, начинается бесчисленное и самое разнообразное изобретение средств к ее уничтожению. Кто чего и не придумает в это время?! И с ружьями в руках, одетые в какое-нибудь странное одеяние, ездят крестьяне по селению, с криком и гиканьем, надеясь этим прогнать докучливого старика, и топором обрубают землю вокруг селения, и трех собак разных цветов торжественно сожигают, и семь коров “стоймя” закапывают где-нибудь на перекрестке и много-много других мер, им же несть числа»¹⁵.

¹³ Там же. С. 28-29.

¹⁴ Красноперов Е. Указ. соч. С. 211.

¹⁵ Дягилев А. Указ. соч. С. 95.

Народные массы не спешили отказываться от суеверных представлений по поводу таинственных сил моровых болезней. Они казались им слишком грозными, чтобы зависеть от такого ничтожного создания, как бацилла. «Давно ли у нас, — сокрушался земский ветеринарный фельдшер А. Дягилев, — повторялись довольно часто случаи такого рода, что крестьяне во время свирепствующего падежа скота в селении, не принимая никаких мер, сгоняли весь свой больной и здоровый скот на церковную площадь и служили там молебны Флору и Лавру, покровителям своей животинки»¹⁶.

Природа микроскопических объектов оказывалась достаточно странной, чтобы поверить в их подлинное существование. В это время людям трудно было представить, что можно смыть с рук какую-то неведомую заразу. Кроме того, в глазах народа глашатаи учения о микробах не заслуживали полного доверия. Созданные в рамках профессионального дискурса, легитимированные языком науки как истинные и объективные медицинские представления — это выдумки, господские затеи, за увлечение которыми «взыщут с податями». По наблюдениям О. Титова, жители Ольховской волости Шадринского уезда «скотских врачей не приглашают, зная из опыта, что от них пользы никогда не бывало и не бывает, а напротив от них одни только общественные издержки»¹⁷.

Под воздействием культурной и социальной среды научное знание о микромире активизировало традиционный концепт «врачи-убийцы». Медики рассказывали о распространении в водной среде холерного вибриона. Население распускало «нелепые» слухи о том, что «холера от докторов, которые, желая выморить простой народ, заразили воду вредными насекомыми, чем и вызвали холеру», и боялось в больницах быть отравленным¹⁸. Пропагандистов микробной теории ожидал не только конфликт интерпретаций. Жители северного врачебного участка Чердынского уезда уже в конце 1880-х годов, уверяли своего врача Золотова, что вакцинация «обижает» ос-

¹⁶ Там же. С. 97-98.

¹⁷ Работы статистического бюро. Материалы для сельскохозяйственной статистики Пермской губернии Шадринского уезда // Сборник Пермского земства. 1880. Кн. 2. С. 176.

¹⁸ Чижев П. Город Илецкая защита // Оренбургские епархиальные ведомости. 1903. № 15. С. 533-534.

пу, «она становится от того будто бы свирепее; уносит и калечит детей больше»¹⁹. С подобной аргументацией сталкивались и агрономические смотрители. «Крестьяне говорили мне, — сообщал в 1895 г. Ф. О. Сурин, — что после того, как стали “гонять кобылку пологими и веревками”, она “больно разозлилась”. Сегодня, например, прогонишь ее, а завтра она опять вернется на то же поле и поедает еще пуше»²⁰. При встрече с народной культурой простая и ясная стратегия борьбы с инфекциями давала сбои, ситуация выходила из-под контроля и становилась мало предсказуемой.

С точки зрения прогрессистов и рационалистов, подобные невежество и «безобразия» вызывали необходимость контроля за действиями народа. «Как же можно было предоставлять этот народ самому себе во время таких общественных бедствий, как это было до сих пор, когда он совершенно не развит и когда знали, что со стороны волостных правлений доброго ничего ожидать нельзя, так как его состав стоит на том же уровне понятий образования, на каком стоит и среда, его выбравшая?» — вопрошал земский ветеринарный фельдшер А. Дягилев²¹.

Однако «интеллектуалы» не выступали единым фронтом. Микробиология делала первые шаги. Природа ее объектов оставалась во многом неясна. Сложившаяся эпидемиологическая обстановка вынуждала применять полученные знания «с колес». Проверка «жизнью» (часто в буквальном смысле слова), а не в лабораторных условиях, приводила не только к победам, но и к поражениям (о чем свидетельствует случай с туберкулином Р. Коха). Становление науки о микробах происходило в условиях научного бума. «Примазавшиеся» неучи также компрометировали молодое научное направление. Отстаивая новое, его приверженцы опровергали многолетнюю медицинскую практику, имевшую определенный опыт борьбы с инфекционными заболеваниями. Многие врачи

¹⁹ *Золотов*. Санитарный обзор по северному врачебному участку за 1887/8 год // Отчеты XIX Очередному Чердынскому уездному земскому собранию земских врачей по медицинской и ветеринарной части за 1887/8 год. Пермь, 1889. С. 17.

²⁰ *Сурин Ф. О.* О способах истребления кобылки // Записки Уральского общества любителей естествознания, 1895. Т. 25. Вып. 1. С. 22.

²¹ *Дягилев А.* Указ. соч. С. 95-96.

оставались скептически настроенными к предлагаемым им методам лечения. Корифей русской медицины С. П. Боткин в частном письме середины 1880-х гг. писал: «Теперь я засел за литературные штудии микробного мира, который действует на меня угнетающим образом, микробы начинают одолевать старого человека в буквальном смысле слова; на старости лет приходится ставить свои мозги на новые рельсы...»²². До создания научной конвенции о микромире с ее канонами и нормативными понятиями было еще далеко. Отголоски научных дискуссий появлялись на страницах прессы не только в виде серьезной аналитики²³, но и материалов провокационного и откровенно лживого характера о том, что приверженцы микробной теории «сеют» смерть. (Последние были рассчитаны именно на широкого читателя.)

Накопление знаний о микромире отвечало как нуждам населения, так и потребностям стремительно развивавшихся научных дисциплин: бактериологии, паразитологии, эпидемиологии, ветеринарии, энтомологии и других. Выработанные ими научные теории, в свою очередь, нередко служили авторитетным обоснованием действий, предпринимавшихся властями и медиками при борьбе с эпидемиями, эпизоотиями и сельскохозяйственными вредителями.

Несмотря на декларируемую научную объективность, представления проводников микробной теории в значительной степени зависели от культурных стереотипов и социальных доктрин эпохи. Рациональность и универсальность научного знания противопоставлялись «загрубевшему в невежествах и суеверии» народу, последние предполагалось искоренить, как препятствия на пути к прогрессу. С точки зрения интеллектуалов, народ находился в примитивной и опасной среде, в окружении очагов болезней, в противоположность все более безопасному и здоровому, благодаря развитию медицинских знаний, цивилизованному миру. Микробная теория отражала прогрессистскую решимость реорганизовать окружающую среду и инфантильное население в соответствии с научными правилами и приоритетами. Наиболее полное воплощение

²² Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. (Материалы и очерки). М., 1960. С. 387.

²³ См., например: Хлопоты науки с низшими организмами // Отечественные записки. 1883. № 5-8.

эти намерения нашли в масштабных медико-полицейских мерах, кампаниях по прививанию и вакцинации, которые стали кульминацией вмешательства научной медицины в жизнь народа.

Однако утверждение «цивилизующего» начала, вмешательство в религиозные и культурные практики народа, навязывание новых стандартов жизни привели к парадоксальным результатам. При адаптации научной теории к уровню восприятия народа, ее достижения получали упрощенный (если не сказать *опрошенный*) вид. Теоретические основания подправлялись коммуникативными практиками и еще более деформировались под давлением мифологических и религиозных ассоциаций. Пропагандисты нового знания описывали неуловимых микробов с их изворотливыми и вероломными повадками, а народ видел нечистую силу, которая могла принять любой вид и любое количество. Благодаря оборотничеству она становилась невидимой или невероятно малой, то есть «превращалась» в микробов. Воинство бесов также соотносилось с мриадами микробов. По народным представлениям, нечисть, как и болезнетворный микромир, обладала высокой инициативой зла, которая была вездесуща и хаотична. Энтропийное начало было свойственно также и представителям микромира.

Формирование представлений о микромире, рассмотренное как диалог ученой и народной культур (многосторонний, разноуровневый и разноплановый), показывает перипетии укоренения импульсов, исходящих из научного мира, в «низовом» сознании, поскольку народ не был инертной массой и производил своеобразную рецепцию новшеств. Трансформациям в сфере восприятия, ассимиляции старых представлений с новым знанием способствовал синкретизм народного сознания.

Представления о микробах подверглись последовательной демонизации, усилив при этом свою актуальность. Неразрывная связь с эпидемическо-эпизоотической проблематикой привела к тому, что микромир на долгие годы «повернулся» к людям своей отрицательной стороной. Он сделался «врагом народа». Гигантская созидательная работа микроскопических существ, практически, до сих пор теряется на фоне деятельности их патогенных собратьев.

ИДЕИ И ЛЮДИ

С. Е. КИЯСОВ

АНГЛИЙСКИЕ МАСОНЫ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII ВЕКОВ

Первая в истории Великая ложа — главное звено будущей мировоззренческой и организационной экспансии «вольных каменщиков» — начала работу в Лондоне, 24 июня 1717 года, в день Иоанна Крестителя. Что же предшествовало решению нескольких лондонских лож «сплотиться вокруг одного Великого Мастера, как центра Единения и Гармонии»¹? Наибольший интерес вызывают инициаторы и причины сакрализации строительного ремесла, осуществленной в процессе зарождения современного масонского движения в Англии. Именно здесь сложился и был щедро расцвечен легендами механизм превращения ремесленных структур в декоративно-строительные, философские ложи².

Происхождение и время становления масонов-философов, заложивших основы современного духовно-нравственного Ордена, определяются специалистами по-разному³. Как правило, авторы подчеркивают организационно-обрядовую связь между созерца-

¹ The New Book of Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity of Free and Accepted Masons, containing their History, Charges, Regulations, collected and Digested by Order of the Grand Lodge from their old Records, faithful Traditions and Lodge-Books, for the use of the Lodges, By *James Anderson*. L., 1738. P. 109.

² См.: *Calvert A. F.* The Grand Lodge of England. L., 1917; *Файзуев Т. М.* Масонство как феномен общественно-политической жизни Англии первой половины XVIII века: Автореф. дисс. ...к.и.н. М., 2000.

³ В словаре Даниэля Лигу перечислены четыре десятка самых популярных концепций, раскрывающих тайны происхождения масонства. Их авторами, на протяжении XVIII–XX вв., стали более двухсот специалистов из разных стран — см.: *Dictionnaire de la Franc-Maçonnerie publié sous la dir. de Daniel Ligou*. Paris, 1987. P. 873. Следует заметить, что многие исследователи все-таки предпочитают «персонифицировать» рождение масонского движения. В качестве его основоположников и патриархов упоминается не одна сотня известнейших имен. Среди них популярные библейские персонажи (Адам, Ной, Моисей, Иисус Христос) и также исторические деятели (Александр Македонский, Юлий Цезарь, Оливер Кромвель).

тельным (философским) и оперативным (ремесленным) масонством. Следы такого влияния можно проследить во многих европейских странах, начиная со времен Античности и заканчивая эпохой позднего Средневековья⁴.

В настоящее время наиболее изученная версия происхождения «вольных каменщиков» переживает существенную корректировку. Предприняты серьезные попытки рассмотрения эволюции масонства в контексте интеллектуальной истории⁵. Что же касается многочисленных совпадений, сближающих интеллектуальный феномен с историей строительного ремесла, то их уже не стремятся сильно преувеличивать. Специалисты отмечают, что первостепенную роль в рождении масонства сыграли вовсе не ремесленники, озабоченные поисками новых источников дохода, а также не их во многом случайные покровители-аристократы. На первый план явно выступают представители интеллектуальной элиты, которые традиционно следовали духу времени и пропагандировали передовые взгляды. Именно они заинтересовались аллегорическим и эзотерическим содержанием старых строительных гильдий, которое нашло свое применение в обновленных английских ложах.

Это, впрочем, не означало, что ученые начинали деятельность в качестве завсегдатаев рабочих посиделок. Представители ремесленных структур (плотники, камнерезы) принимали непосредственное участие в создании Великой ложи Англии и даже попали в число ее высших должностных лиц. По свидетельству Джеймса Андерсона, вполне «ремесленными» оказались, например, первые составы Великих смотрителей (Wardens) этой организации⁶. И все же такие назначения стали не более чем традицией; необходимыми элементами декораций, которые всегда и во всем играли подчиненную роль. Заметим при этом, что доступ в масонские ложи выходцам из «низов» открыт и в наши дни.

Безусловно, нет смысла полагать, что возглавившие масонское движение интеллектуалы выступали также некими духовными наставниками мастеров-строителей. Обновленное в начале XVIII сто-

⁴ См.: *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie. Paris, 1987.

⁵ См.: *Hill Ch.* Intellectual origins of the English revolution. Oxford, 1965; *Piatigorsky A.* Freemasonry. The Study of a Phenomenon. L., 1997; *Lomas R.* The invisible college: the Royal Society, freemasonry and the birth of Modern science. L., 2002.

⁶ The New Book of Constitutions... P. 110.

летия масонское братство никогда не являлось аналогом знаменитых и совершенно бесполезных сект последователей французского утописта Этьена Кабе (1788–1856)⁷.

Заинтересовавшись проблемами духовного и символического строительства, ученые мужи Англии получили доступ отнюдь не в ремесленные гильдии, а в давно сложившуюся, живущую по своим законам и независимую от рабочей массы их руководящую элиту. Она состояла из «воспринятых масонов» (*accepted masons*), являвшихся благородными и состоятельными членами ливрейных компаний, с которыми зачастую вынужденно сотрудничали ремесленные гильдии каменщиков и других смежных строительных профессий (камнерезов, плотников). Особенностью деятельности квази-масонов, оказавшихся под влиянием просветительской пропаганды, стало превращение их внеремесленных лож в центры естественнонаучной и теософской деятельности, столь модной в большинстве протестантских стран Европы⁸.

Столь вопиющее несовпадение признаков оперативного и спекулятивного масонства заставляет говорить о возможности сознательного искажения хода событий. В качестве общей постановки проблемы отметим наблюдавшийся в XVIII столетии небывалый и повсеместный интерес к библейско-античному культурному наследию. Этот всплеск способствовал появлению во многих европейских странах — Англии, Ирландии, Шотландии, Германии, Италии и Франции — целой армии талантливых мистификаторов. Одним из них был шотландский литератор Джеймс Макферсон (1736–1796), не без успеха «решивший проблему» реконструкции сочинений кельтского поэта Оссиана⁹. Не менее интересен «эксперимент» французского писателя-просветителя Пьера Сильвена Марешаля (1750–1803), скрупулезно восстановившего детали путешествия по античному миру математика и философа Пифагора¹⁰. Возможность целенаправленной мистифика-

⁷ См.: Кабе Э. Путешествие в Икарию. В 3 ч. / Пер. с фр. М.; Л., 1948.

⁸ Hamill J. The History of English Freemasonry. Addlestone, 1994. P. 32, 34, 38.

⁹ Левин Ю. М. «Поэмы Оссиана» Джеймса Макферсона // Макферсон Д. Поэмы Оссиана. С. 461–501. Вопрос о подлинности этих сочинений возник уже в конце XVIII в.

¹⁰ [Maréchal S.] Voyages de Pythagore en Egypte, dans la Chaldée, dans l'Inde, en Crète, à Sparte, en Sicile, à Rome, à Carthage, à Marseille et dans les Gaules; suivis de ses lois politiques et morales. In 6 t. Paris, 1799.

ции истории масонского движения, родоначальником которой мог стать Джеймс Андерсон, не исключалась и ранее¹¹.

Первым созерцательным масоном Англии историками назван и признается Элиас Эшмол¹². Жизненный путь этого человека сложился необычайно ярко. Он родился в семье шорника-еврея из Личфилда (Стаффордшир)¹³. Уже в детстве проявились его выдающиеся интеллектуальные способности, которые помогли ему не только выбиться в люди, но и стать одним из самых образованных людей своего времени. Он стал известен в Англии как талантливый литератор, антиквар, герольдмейстер, историк, астролог и алхимик. В конце своей жизни Эшмол возглавлял Философское общество в Оксфорде.

До нашего времени дошли его краткие, но достаточно любопытные дневниковые записи, сообщавшие о вступлении в масонскую ложу. Они гласят: «Год 1646. 16 октября, 4 часа 30 минут пополудни. Я был сделан франкмасоном в Уоррингтоне, в Ланкашире, вместе с Генри Мейнуорингом из Карингема, Чешир. Имена находившихся в ложе: мистер Рич Пенкет (смотритель), мистер Джеймс Кольер, мистер Рич Сэнчей, Генри Литтлер, Джон Эллем, Рич Эллем и Хью Бревер»¹⁴.

Цитируя этот документ, большинство исследователей, как правило, ограничивается констатацией даты вступления в спекулятивную ложу столь известного в Англии человека. Между тем он является своеобразным «моментальным фото», достаточно ярко освещающим ситуацию в масонском движении. Что же выясняется при более внимательном прочтении упомянутого фрагмента из дневника Эшмола?

¹¹ Херасков И. М. Происхождение масонства и его развитие в Англии XVIII и XIX в. // Масонство в его прошлом и настоящем. В 2 т. / Под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. М., 1914 — 1915; Т. 1. С.18.

¹² См.: Josten C. H. Elias Ashmole, F. R. S. (1617–1692). Oxford, 2000. Аббревиатура F. R. S. (Fellow Royal Society) свидетельствует о членстве этого человека в Королевском Обществе — старейшей научной организации Англии, образованной в 1660 г. Патент на открытие официальной деятельности Общества получило в 1662 г. от Карла II Стюарта.

¹³ Ibid. P. 3.

¹⁴ Calvert A. F. The Grand Lodge of England... P. 2. Первого из списка джентльменов звали именно Рич Пенкет (Rich Penket). Следующее слово в тексте — Warden — обозначает не фамилию, как полагают некоторые исследователи, а должность Смотрителя масонской ложи.

Прежде всего, следует отметить «полновесность» провинциальной ложи военной поры¹⁵. Не каждое спекулятивное братство Англии этого времени могло похвастать тем, что в нем насчитывалось около десятка участников. Известно, например, что масонские организации Лондона и Йорка, даже спустя полвека, не превышали по численности пятнадцати человек¹⁶.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что на заседаниях уоррингтонской ложи присутствовали только «добропорядочные граждане», которые, судя по приставке «мистер», вовсе не являлись ремесленниками. Во всяком случае, их принадлежность к какой-либо строительной гильдии автором не зафиксирована. Можно констатировать, что самого Эшмола разночинский состав масонского собрания никак не настораживал и вопросов не вызывал.

Интересная подробность сокрыта и в самом факте единовременного пополнения спекулятивной ложи двумя новыми участниками. Для середины XVII столетия более привычны редкие и единичные случаи таких посвящений-инициаций.

Наконец, бросается в глаза аполитичный характер уоррингтонской ложи. В годы гражданской войны этот город стал цитаделью парламента, а будущая ученая знаменитость поддерживала короля.

Для самого Эшмола вступление в масонское братство носило, скорее всего, экспериментальный характер¹⁷. Документальные свидетельства, обнаруженные новейшими историками, позволили существенно уточнить мотивы этой инициативы. По-видимому, в

¹⁵ С 1642 г. Англия жила в условиях гражданской войны. Последний всплеск противостояния сторонников казненного в 1649 г. короля Карла I Стюарта и О. Кромвеля был связан с событиями в Ирландии, вновь завоеванной англичанами в 1651 г.

¹⁶ Calvert A. F. The Grand Lodge of England... P. 7. «Правильная» масонская ложа должна насчитывать не менее пяти человек.

¹⁷ Не лишено веских оснований утверждение некоторых исследователей, что в рассматриваемый период Эшмол был активным розенкрейцером и только присматривался к масонству, вынашивая пока еще неопределенные планы о слиянии двух тайных интеллектуальных организаций — см.: *Готеро Г.* Франк-масонство / Пер. с фр. Сергиев Посад, 1914. С. 15. По мнению других специалистов, этот человек уже в 1648 г. составил для английских «вольных каменщиков» новый и единый ритуал, положив тем самым начало всемирному союзу франкмасонов — см.: *Геливер Б.* Школы мистерий и герметические ордена // Гностики или о «лжеименном знании». Киев, 1997. С. 442.

Уоррингтоне Элиас Эшмол не только стал «каменщиком», но и принял активное участие в заранее запланированном обсуждении одного из первых вариантов масонских «Старых предписаний» (Old Charges), которые в будущем были использованы создателями столичной Великой ложи. Их латинский текст был обнаружен в фондах Британской библиотеки в Лондоне¹⁸.

О существовании предварительного сговора масонов Уоррингтона, планировавших обсуждение важного документа, свидетельствуют некоторые факты. Во-первых, это полное совпадение по датам самой встречи и появления масонских «Предписаний», которые помечены 16 октября 1646 года. Во-вторых, как удалось выяснить дотошным исследователям, между автором текста — Эдуардом Сэнки — и организаторами встречи, по-видимому, существовала постоянно поддерживаемая связь. Нельзя полностью исключить присутствия здесь и самого составителя «Предписаний». Во всяком случае, этот человек имел прекрасную возможность контролировать ход обсуждения документа, поскольку являлся родственником Рича Сэнчея, одного из участников исторического собрания¹⁹. Заметим также, что все перечисленные обстоятельства свидетельствуют о достаточно хорошей координации усилий первых спекулятивных масонов Англии.

Не менее привлекательны для анализа и некоторые другие аспекты деятельности ложи в Уоррингтоне. В частности, представляется не вполне ясным, почему автор дневниковой записи никак не затронул и не раскрыл тему перспектив предстоящего сотрудничества. Во всяком случае, графство Ланкашир, расположенное на северо-западе Англии, не являлось идеальным местом для налаживания повседневной работы по-настоящему влиятельной и многочисленной спекулятивной ложи. С этой точки зрения принятие в скромную ложу не только опального оксфордского ученого-роялиста, каким был Элиас Эшмол, но и Генри Мейнуоринга — сторонника Кромвеля и жителя столь же удаленного Чешира²⁰, ка-

¹⁸ *Hamill J.* The History of English Freemasonry... P. 34.

¹⁹ *Ibidem.*

²⁰ Графство Чешир со столицей в Честере расположено южнее Ланкашира, граничит с Уэст-Райдингом (Йоркшир), Дерби, Стаффордширом и Шропширом. Небезынтересно отметить, что Г. Мейнуоринг был тестем Э. Эшмола. После поражения роялистов будущий член Королевского Общества

жется весьма странным. Видимо, организаторы ложи в Уоррингтоне пытались установить максимально широкие личные контакты с близкими по духу и лично знакомыми им людьми, отдавая себе отчет в невозможности организации регулярных собраний. Подобная практика подтверждает мнение шотландского историка Дэвида Стивенсона о том, что в Англии до конца XVII в. вообще не существовало постоянно действующих спекулятивных лож. По его утверждению, они собирались лишь от случая к случаю²¹.

Еще одна малоприметная, но весьма важная деталь дневниковой записи Эшмола связана с местонахождением масонской ложи. Дело в том, что город Уоррингтон располагался не столь далеко от границ Шотландии, на территории которой спекулятивные масоны появились значительно раньше, чем в английских городах. По этой причине их влияние распространялось и на территории сопредельного государства²². Так, участником «иностранный» ложи оказался небезызвестный лорд Роберт Мюррей. Он стал масоном 20 мая 1641 года в захваченном шотландскими войсками Ньюкасле.

Отметим, что иностранные ложи возникали на территории Англии вплоть до начала XVIII в. В 1701 г. одна из них была создана в графстве Нортумберленд. Последняя шотландская ложа на английской земле — в 1725 г. — появилась в пограничном графстве Дарем²³. Вполне вероятно, что мимолетное присутствие Эшмола на заседании провинциальной ложи в Уоррингтоне могло оказаться данью именно шотландской моде. О существовании в середине XVII в. чисто английских спекулятивных масонских братств историкам известно крайне мало²⁴.

Разумеется, появление в Англии первых спекулятивных масонских сообществ было связано не только с внешним влиянием. В пер-

вынужденно заручился покровительством своего влиятельного родственника. В столь опасном положении «вне закона» он находился вплоть до амнистии и переезда в Лондон в конце 1646 года.

²¹ *Stevenson D.* The first freemasons: Scotland's early lodges and their members. Aberdeen, 1988. P. 160.

²² «Акт единения» между Англией и Шотландией, прекративший междоусобные войны и приведший к созданию Великобритании, был подписан в 1707 г.

²³ *Hamill J.* The History of English Freemasonry... P. 31.

²⁴ О решающем влиянии на раннее масонство Англии со стороны шотландских спекулятивных лож пишет и Дэвид Стивенсон — см.: *Stevenson D.* The first freemasons... P. 160.

вую очередь, оно было вызвано внутренними общественно-политическими пертурбациями, наметившимися в первые десятилетия XVII в. С началом же революции число спекулятивных масонов в стране значительно увеличилось. По-видимому, именно «смутные времена» английской истории дали во многом решающий толчок сложной и противоречивой эволюции масонского братства, закончившейся несколько десятилетий спустя созданием первой Великой ложи. Какие политические позиции занимали новые масоны в период гражданской войны в Англии? Насколько точно вписывались их формирующиеся представления о свободе и братстве в канву драматических и кровопролитных событий политической истории?

Каких-либо достоверных данных, освещающих участие английских масонов в пуританской революции, не существует²⁵. Их отсутствие — достаточно убедительное свидетельство более позднего организационного оформления спекулятивного масонского движения. Присоединение к отдельным ложам немногочисленных английских интеллектуалов и аристократов такой вывод только подтверждает.

Накануне и в период революционного кризиса ряды «вольных каменщиков» Англии пополнились отнюдь не простыми людьми. Помимо упоминавшихся Э. Эшмола и Р. Мюррея, масонами стали генерал Д. Монк и будущие члены Королевского общества Р. Холм и Д. Обри²⁶. Они оказались в лагере сторонников конституционной монархии и пережили политические потрясения без особых для себя потерь. Однако были ли эти люди заговорщиками и противниками правящей династии Стюартов? Сделать такой вывод весьма затруднительно²⁷. Достаточно упомянуть хотя бы некоторые эпизоды из биографий названных лиц. Так, Джордж Монк (1608–1670) был не только военачальником армии Кромвеля, но и человеком, который

²⁵ При характеристике этих событий современные английские специалисты употребляют и другие определения, например, «революция среднего класса» или «Великий мятеж» — см.: *Эйлер Д.* Восстание или революция? Англия 1640–1660 гг. / Пер. с англ. СПб., 2004. С. 195.

²⁶ *Морамарко М.* Масонство в прошлом и настоящем / Пер. с итал. М., 1989. С. 96, 99.

²⁷ Многие ангажированные «специалисты» были изначально убеждены в революционных намерениях английских масонов — см.: *Абаринов Н. Н., Бутли Г. В.* Франк-масонство и государственная измена. СПб., 1906. С. 35–77. Эти авторы предпочитают рассматривать движение «вольных каменщиков» в качестве специфического орудия внешней политики Британии.

осуществил реставрацию династии Стюартов в 1660 году²⁸. Его коллега и будущий лорд-казначей Шотландии Роберт Мюррей также вряд ли может быть отнесен к числу сторонников свержения династии Стюартов. Вплоть до своей смерти в 1673 г. этот человек входил в число ближайших советников нового короля, а рыцарское звание получил из рук казненного в годы революции Карла I²⁹.

Особыми отношениями со свергнутой династией, несмотря на свои весьма «вольные» убеждения, не совпадающие ни с постулатами католицизма, ни с убеждениями пуританизма, были связаны и другие представители интеллектуальной элиты. После вступления в масонские ложи они должны были принести клятву личной верности Стюартам³⁰.

Активным роялистом и убежденным сторонником реставрации являлся Элиас Эшмол. Вот лишь некоторые подробности его участия в гражданской войне. С мая по декабрь 1645 года, в качестве Уполномоченного короля (the Kings's Gentlemen), он выполнял важную миссию по организации обороны Оксфорда³¹. В начале следующего года Эшмол был направлен в ранге сборщика налогов (commissioner of excise) в Вустер (графство Стаффордшир). В марте 1646 года состоялось его производство в чин капитана кавалерии королевской армии. После поражения Карла I молодой роялист был вынужден искать временное убежище у родственников жены в Смоллвуде (графство Чешир)³².

²⁸ Услуги военачальника были отмечены высокими титулами графа Торрингтона и герцога Абермарля.

²⁹ Помимо военных и административных талантов Мюррея следует отметить его научные достижения. Этот человек прославился как крупный ученый-химик и математик. В период правления Карла II он стал одним из наиболее деятельных учредителей Королевского Общества и его первым президентом.

³⁰ Со времен короля Якова I, который, по утверждению масонов, был членом их братства, все члены английских лож признавали Стюартов в качестве своих верховных сюзеренов — см.: *Бейджент М., Ли. Р.* Храм и ложа... С. 201. Пожалуй, исключением из правил был только Джон Обри — литератор-эссеист из Тринити Колледж (Колледжа Троицы) в Оксфорде, который с начала гражданской войны твердо встал на сторону парламента.

³¹ В период первой гражданской войны (1642–1646) Оксфорд, прикрываемый гарнизонами Рединга, Уоллингфорда, Банбери и Мальборо, являлся королевской ставкой — см.: *Монтегю.* История английской революции / Пер. с англ. А. И. Смирнова. М., 1919. С. 54.

³² *Josten C. H. Elias Ashmole...* P. 4.

В период реставрации Эшмол вновь зарекомендовал себя сторонником Стюартов. По воле Карла II он занял пост герольда Виндзора, а в 1672 г. завершил работу над текстом своей блестящей истории Ордена Подвязки. Преданность Эшмола династии была настолько очевидной, что еще долго способствовала появлению вокруг его имени самых фантастических слухов. В январе 1929 года в «Daily Express» была, например, озвучена гипотеза о том, что именно этот человек занял место английского короля на эшафоте. Автор достаточно необычного предположения опирался на распространенное среди «вольных каменщиков» мнение о том, что Карл I, их Великий мастер, не мог быть казнен франкмасоном Кромвелем³³.

Более ясную и акцентированную политическую позицию занимали в этот бурный период британские масоны-эмигранты. Наиболее ярко она прослеживается в действиях ирландских и шотландских гвардейцев короля Якова II Стюарта. После переворота 1688 года, приведшего к низложению этого монарха, масонороялисты перенесли свою деятельность в Париж³⁴. Отсюда бескомпромиссные противники новых английских властей активно участвовали в так называемых якобитских восстаниях, продолжавшихся вплоть до середины XVIII столетия³⁵.

Наметившееся в годы гражданской войны противостояние между масонами — сторонниками Стюартов и их противниками (в будущем — оранжистами) носило длительный характер³⁶. Следы этого конфликтного сосуществования можно легко обнаружить и в решающих для судеб движения событиях начала XVIII в. Так, герцог Филипп Уортон, один из первых Великих мастеров лондонской ложи, оказался убежденным якобитом³⁷. Его пристрастия стали очевидным

³³ Lomas R. The invisible college... P. 190.

³⁴ Naudon P. Histoire général de la Franc-Maçonnerie... P. 64. Близость к масонству никогда не мешала участникам военно-политических столкновений и в более поздние времена. В этой связи можно говорить лишь о предпринимаемых «вольными каменщиками» попытках примирения враждующих сторон, что позволяет характеризовать их в качестве сторонников теории и практики христианского пацифизма.

³⁵ Якобитами в послереволюционной Англии называли сторонников свергнутой династии Стюартов. В 1746 г. они потерпели окончательное поражение в ходе Куллоденского сражения.

³⁶ Оранжисты — приверженцы Ганноверской династии в Англии.

³⁷ Naudon P. Histoire général de la Franc-Maçonnerie... P. 72. Герцог Ф.

нонсенсом для набирающего популярность и влияние движения. «Вольные каменщики», пытавшиеся избежать прямого участия в политических баталиях, конечно же, осознавали то немаловажное обстоятельство, что термин «якобит» являлся для послереволюционной Англии синонимом понятия «государственный преступник». Масонская карьера этого аристократа осложнялась и весьма буйным нравом. Он, например, предпочитал развлекаться в столичном клубе «Адское пламя», в котором собирались весьма несдержанные на слово любители горячительных напитков³⁸. Персона герцога, которая вряд ли радовала своим присутствием собрания новоявленных масонов, овеяна легендами. Его прегрешения давно и прочно забыты, и сегодня он воспринимается как человек, покровительствовавший написанию священной книги масонских «Конституций». На форзаце первого издания масонской Библии размещено передачи ее первого экземпляра Великому мастеру лондонской ложи — герцогу Филиппу Уортону³⁹.

Весьма примечательна и последующая деятельность этого честолюбивого авантюриста. В 1726 г., находясь в Испании, герцог открыл работу масонской ложи в Мадриде и официально перешел в католичество. Религиозные и политические метания не помешали ему возглавить масонское движение во Франции. С 1728 по 1731 год Филипп Уортон исполнял привычные для себя обязанности Великого мастера «шотландских», тогда еще простуюартовских масонских лож на другой стороне Ла-Манша⁴⁰.

Уортон (1698–1731) занимал пост Великого мастера лондонской ложи с 1722 по 1723 год. После завершения срока своих «гроссмейстерских» полномочий он затеял издание оппозиционного листка «Истинный британец», направленного против новой династии.

³⁸ *Морамарко М.* Масонство в прошлом и настоящем... С. 127. Историк склоняется к выводу, что именно герцога Уортона имел в виду Джеймс Андерсон, когда писал в книге «Конституций» о недопустимости для «вольного каменщика» быть «лишенным нравственности нечестивцем». Эта резкая характеристика свидетельствует о непростых межличностных отношениях основателей новой масонской организации.

³⁹ Редкая гравюра воспроизведена в превосходно иллюстрированной книге французского историка П. Нодона — см.: *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie... P. 36.

⁴⁰ *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie... P. 72. По мнению некоторых специалистов, герцог Уортон скончался в Париже и похоронен на территории местного францисканского монастыря — см.: *Ridley J. G.* The Freemasons. L., 1999. P. 39.

В целом, несмотря на произошедший в революционный период раскол, спекулятивное масонское движение в Англии не угасло, сохранив верность старой династии. Это немаловажное для понимания подлинных истоков его будущего реформирования обстоятельство подчеркивают, хотя и кратко, новейшие исследователи⁴¹. Такому развитию событий способствовала эпоха Реставрации, быстро сменившая протекторат Кромвеля. Почти три десятилетия Англия переживала последствия братоубийственных батальи в комфортных для большинства граждан условиях скорректированного «старого порядка». В то же время политические события и перемены, последовавшие после «Славной революции» 1688 года, стали важным побудительным мотивом ревизии некоторых аспектов деятельности по-прежнему сохранявших инкогнито английских «вольных каменщиков».

Трагедия гражданской войны оказалось для англичан лучшим аргументом в пользу необходимости национального примирения и общественной консолидации. Немалую роль в этом сыграла последняя представительница династии Стюартов королева Анна (1702–1714). Отчасти по этой причине непродолжительное время ее правления вошло в историю Англии под названием «века Анны», или «золотого века»⁴². Однако решающее участие в процессе реформ отводилось Ганноверской династии, призванной развернуть знамена новой конституционной монархии. На стороне многообещающей идеи оказались не только влиятельные политики, но и люди науки, литературы, интеллектуалы, активно выступавшие за конституционно-правовые и либерально-демократические пути развития страны⁴³.

⁴¹ *Бейджент М., Лу Р.* Храм и ложа... С. 201–202. Авторы аргументированно подчеркивают политический характер раннего спекулятивного английского масонства и его ориентацию на Стюартов.

⁴² *Шайтанов И. О.* «Столетье безумно и мудро...» // Англия в памфлете. М., 1987. С. 16.

⁴³ О накале страстей, о противостоянии различных концепций общественных реформ, выразителями которых стали партии тори и вигов, свидетельствуют рецидивы так называемой «памфлетной войны» начала XVIII века. Ее участниками стали такие блестящие журналисты и литераторы, как Д. Аддисон, Р. Стил, Д. Арбетнот, А. Поуп, Д. Дефо и Д. Свифт. Нет сомнений в том, что масоны стали выразителями того «умственного движения» в Англии и в Европе, о котором писал историк Генри Томас Бокль (1821–1862) — см.: *Бокль Г. Т.* История цивилизаций. История цивилизации в Англии. В 2 т. / Пер. с англ. М.: Мысль, 2000; Т. 1. С. 174; Т. 2. С. 409.

Сильнейшее искушение сыграть в надвигающихся общественных реформах первую скрипку накладывалось на вполне реальные и все более возрастающие возможности интеллектуальной элиты Англии.

На рубеже XVII–XVIII вв. ее влияние было велико. Оно подкреплялось положением людей науки в Англии, которые со времен правления Елизаветы I Тюдор (1558–1603) пользовались особым расположением. Главным патроном популяризаторов знаний елизаветинской Англии был граф Лестер, который одновременно покровительствовал радикальным протестантским доктринам. Отсутствие жестких церковных ограничений по отношению к научным изысканиям, которые процветали в католических странах, привело к тому, что среди английских ученых было много ревностных сторонников Реформации. Некоторые из них были эмигрантами, нашедшими спасение в относительно свободной стране, в которой если и не поощрялось свободомыслие, то допускался отход от ортодоксальных доктрин. Конечно, и в Англии сторонники новых научных идей сталкивались с серьезными трудностями. Университеты видели в распространении таких знаний посягательство на свои права и привилегии. Так, гелиоцентрическая теория Коперника была враждебно встречена государственной церковью Англии⁴⁴. Как следствие, треть учебника по навигации «была запрещена как политически опасная»⁴⁵. Тем не менее, пропагандисты новой науки продолжали свою деятельность. Они опирались на поддержку Грешэм Колледжа в Лондоне, основанного на средства крупного английского купца и финансиста Томаса Грешэма (1510–1579)⁴⁶. Согласно его завещанию, в этом учебно-научном центре должны были бесплатно читаться лекции по богословию, праву, риторике, музыке, физике, геометрии и астрономии. Столичный олдермен распорядился, чтобы мэтры обращались к аудитории по-английски, что стало нововведением. Преподаватели должны были придерживаться современных методов обучения, а не следовать схоластиче-

⁴⁴ Hill Ch. Intellectual origins of the English revolution... P. 15, 27.

⁴⁵ Ibid. P. 31.

⁴⁶ Томас Грешэм был доверенным лицом и личным финансистом королевы. На его деньги в Сити было выстроено здание биржи. Поговаривали, что он занимается ростовщичеством и контролирует преступные шайки столицы. В центре современного Лондона находится улица, носящая его имя — Грешэм-стрит.

ским традициям, процветающим в других университетах. Отметим, что в Англии началось издание значительного количества передовой дидактической литературы, которая предназначалась широкому кругу читателей. Например, авторы популярных учебников математики прямо адресовали свои труды «простым ремесленникам». Одним из главных результатов популяризации научных знаний явилось «прочное взаимопонимание между ведущими учеными Англии и практиками, для которых они писали»⁴⁷.

В Англии существовали многочисленные интеллектуальные союзы. Популярностью среди английских интеллектуалов пользовался эзотерический Орден розенкрейцеров. Одним из проводников его влияния в Англии был, в частности, автор «Новой Атлантиды» Фрэнсис Бэкон (1561–1626)⁴⁸. Знаменитый философ и политик всячески восхвалял такую общественную систему, в которой исключительное положение занимают ученые.

Попытки практического осуществления теорий Бэкона привели к созданию Робертом Бойлем (1625–1691), родоначальником научного аналитического метода, так называемого «невидимого колледжа» в Оксфорде. В организационном плане колледж, тривиально именуемый братством⁴⁹, представлял собой немногочисленную, но хорошо организованную и закрытую для внешнего мира структуру. Его участниками могли стать только тщательно отбираемые люди. Как и будущие масоны, они проходили специальный кандидатский стаж и преодолевали специальную процедуру инициации-посвящения⁵⁰. Впоследствии союз ученых, действовавший в течение 1648–1659 гг., был преобразован в Королевское Общество⁵¹. Любопытно, что в его архивах за 1659 год специалисты обнаружили первые упоминания о «вольных каменщиках». Так, в од-

⁴⁷ Hill Ch. Intellectual origins of the English revolution... P. 21.

⁴⁸ Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические / Пер. с англ. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 5–44.

⁴⁹ В подобном расширительном качестве зачастую представляли старые ремесленные гильдии. Братствами же всегда именовались масонские ложи, а братьями — участники этого движения.

⁵⁰ Lomas R. The invisible colledge... P. 72.

⁵¹ *Ibidem*. Исследователь, в частности, сообщает, что Р. Бойль координировал свою деятельность с коллегами из Кембриджа и Парижа. Полное название этого прославленного научного учреждения — Королевское Общество в Лондоне для дальнейшего распространения естественных знаний.

ном из регистров Общества записано, что «это ремесло... было основано королями, принцами и другими почтенными людьми». Здесь же превозносились заслуги «отца мудрости» Гермеса, который покровительствовал геометрии и ремеслу каменщиков. По мнению составителей регистра, именно Гермес «нашел два каменных столпа, где были высечены Знания», переданные впоследствии строителям Вавилонской башни⁵².

Очевидные параллели с масонскими традициями прослеживались и в других областях общественно-научной деятельности интеллектуальной элиты Англии. Так, один из организаторов Королевского Общества Джон Уилкинс (1614–1672) в апреле 1648 года занял пост Смотрителя (Warden) Уодхэм Колледжа (Wadham Colledge) в Оксфорде⁵³. Незадолго до падения Республики и реставрации Стюартов он был назначен парламентским указом на должность Мастера Тринити Колледж в Кембридже.

Участниками модного интеллектуального движения, которое можно расценивать в качестве одного из компонентов формирующегося спекулятивного масонства, стали многие видные члены Королевского Общества. Думается, именно по этой причине названия официальных должностей в университетских структурах вполне оправдано перекочевали позднее в масонские регламенты.

Помимо Роберта Мюррея, Элиаса Эшмола, а также знаменитого архитектора Кристофера Рена, членами «невидимого колледжа» оказались астроном сэр Пол Нейл, врач Джонатан Годдерд, математики Лоренс Рук, Уильям Болл и Уильям Петти⁵⁴. В будущем люди именно из этой среды возглавили новое масонское движение⁵⁵.

⁵² Джейкоб М. К. Масонство // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. Винченцо Ферроне, Даниеля Роша / Пер. с итал.. М., 2003. С. 275-276.

⁵³ Lomas R. The invisible colledge... P. 30. Этот влиятельный научный деятель, пользовавшийся уважением Кромвеля и Карла II Стюарта, активно покровительствовал К. Рену. Он был также знаком с Э. Эшмоллом. Многие из упомянутых «протомасонских» административных должностей сохранились и в наши дни.

⁵⁴ *Ibid.* P. 39-47.

⁵⁵ Применительно к Англии конца XVII века можно констатировать фактическое тождество трех интеллектуальных центров: движения розенкрейцеров, ранних масонских спекулятивных лож и Королевского Общества.

Деятельным создателем тайных обществ в послереволюционной Англии выступал и философ-рационалист Джон Толанд (1670–1722). Для своих «сократических» клубов он разрабатывал специальные ритуалы, напоминавшие масонские⁵⁶. Новейшие изыскания британских историков доказывают более весомое участие прославленного интеллектуала в событиях масонского Возрождения. В его личном архиве, хранящемся в Британской библиотеке, обнаружен текст одной из первых масонских «Конституций»⁵⁷. Он был составлен в Гааге в 1710 г. с участием эмигрантов-гугенотов из Франции Пьера Маршана и Жана Руссе де Миссу. Документ является прообразом английской книги «Конституций», впервые опубликованной Дж. Андерсоном и его коллегами по Великой ложе. Отметим, что Джон Толанд познакомился с Маршаном и его друзьями-масонами во время своего путешествия в Западную Европу, состоявшегося много раньше исторических событий 1717 года.

Таким образом, в своем стремлении к объединению и созданию Великой ложи лондонские масоны не были оригинальны. Они опирались на опыт и традиции других тайных организаций, деятельность которых оставила заметный след в общественно-политической жизни континентальной Европы и Великобритании XVII–XVIII вв.

Приведенные факты — достаточно убедительные свидетельства взаимовлияния и консолидации интеллектуалов Западной Европы⁵⁸. Истоки анализируемых процессов теснейшим образом связаны с «культурным взрывом» эпохи Возрождения. Крупнейшие мыслители Нового времени, выступая против схоластики и критикуя засилье католицизма, способствовали возникновению первых

⁵⁶ Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем... С. 127.

⁵⁷ Джейкоб М. К. Масонство... С. 278.

⁵⁸ Идея создания интернационального научного объединения имеет давнюю историю. Накануне Великой французской революции в Париже существовала Литературная республика, объединившая писателей-просветителей. В XIX в. одним из пропагандистов и практиков создания сообщества интеллектуалов был английский историк Ф. У. Мейтленд. См.: Сидорова Т. А. Фредерик Уильям Мейтленд: историк в контексте времени. Казань, 2003. Идея создания новой, истинно международной республики ученых вынашивается также современными интеллектуалами — см.: Шнайдер У. И. Словарь интеллектуальной истории: презентация проекта // Диалог со временем. Вып. 14. М., 2005. С. 64.

тайных философских ассоциаций, перешагнувших национальные границы. Так, деятельность Ордена розенкрейцеров в XVII веке распространилась по Германии, Голландии, Франции, Италии и Британии⁵⁹.

Отметим, в частности, что учение розенкрейцеров, основанное на принципах натурфилософии (философии природы), явилось, скорее всего, плодом творческого поиска интернационального сообщества европейских интеллектуалов. Помимо непосредственного создателя организации, Иоганна Валентина Андреэ, в этом процессе принимали участие англичане Роберт Фладд⁶⁰ и Фрэнсис Бэкон, а также чешский просветитель Ян Амос Коменский. Участники движения стремились к утверждению принципов вселенской любви и уничтожению зла, а также к активному познанию природы. Розенкрейцеры занимались деятельным распространением своей доктрины, которая, в частности, опиралась на пифагорейские и каббалистические таинства. Они получили известность не только в качестве затворников-алхимиков, но и как миссионеры, устремляющиеся в отдаленные места, чтобы открывать там больницы и облегчать страдания людей⁶¹. Как показывают изыскания современных специалистов, розенкрейцерам не были чужды и политические размышления радикального характера⁶².

Следует еще раз подчеркнуть, что применение интеллектуалами Нового времени элементов «просветительской конспирации» носило вынужденный характер⁶³. Многие столетия деятельность

⁵⁹ Королев Ю. А. Орден розенкрейцеров в прошлом и настоящем: Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1991. С. 3-5.

⁶⁰ Деятельность английских розенкрейцеров, к числу которых могут быть отнесены астролог королевы Елизаветы I Джон Ди и профессор Оксфорда Уильям Лауд, ныне активно изучается в контексте предьстории современного масонского движения. Особо следует отметить широкие интернациональные контакты интеллектуалов-розенкрейцеров. Например, Роберт Фладд приобщился к этому движению во время своего длительного путешествия по Франции, Италии и Германии — см.: Ridley J. The Freemasons... P. 13-15.

⁶¹ Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем... С. 96-97.

⁶² Амбелен Р. Драмы и секреты истории / Пер. с фр. М., 1992. С. 279-291.

⁶³ Этот термин обычно используется для характеристики деятельности баварских иллюминатов — см.: Ланда С. С. Дух революционных преобразований. Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816–1825. М., 1975. С. 250. Однако не менее точно он передает

передовых европейских ученых и философов была сопряжена со значительным риском и зачастую не могла осуществляться открыто. Проповедуемые ими учения подрывали основы клерикального мировоззрения, тщательно охраняемого католической инквизицией и кальвинистскими консисториями.

Толчок формированию интернационального союза европейских интеллектуалов обеспечили Реформация и Тридцатилетняя война (1618–1648). Первое из названных событий способствовало легальному объединению противников католической церкви, второе — их внешнему перемещению и сосредоточению в наиболее безопасных для распространения инакомыслия странах континента. Эту ситуацию можно наглядно проиллюстрировать на примере Германии — родины реформационного движения. Часть ее территории оказалась захваченной католической армией, и немецким протестантам грозило физическое истребление⁶⁴. В итоге сотни тысяч людей бежали из Германии в соседние протестантские страны, прежде всего в Голландию и Швейцарию.

Столь же массовый исход протестантов последовал из Франции после отмены Нантского эдикта (1685). Многие из них оказались в веротерпимой Англии. Напомним, что только Лондон принял от 20 до 25 тысяч гугенотов⁶⁵. Всего же за Ла-Маншем нашли спасение до 50 тысяч человек⁶⁶. В числе эмигрантов оказался цвет западноевропейских интеллектуалов, последователей «розенкрейцерского просвещения»⁶⁷. Последующие события показали, что учение мистиков-розенкрейцеров стало весомым компонентом в деле формирования идеологии современного масонства, зарождавшегося в Англии. Легко прослеживается присутствие потомков

содержание конспиративных усилий розенкрейцеров и первых спекулятивных масонов.

⁶⁴ Неисчислимые беды обрушились на немцев в связи с вторжением на их родину протестантской армии союзника — шведского короля Густава II Адольфа (1594–1632), разграбившей 18.000 деревень, 1500 городов и 200 замков — см.: Крейг Г. Немцы / Пер. с англ. М., 1999. С. 17.

⁶⁵ Для английской столицы, население которой составляло менее 600 тыс. человек, такое «нашествие» политэмигрантов оказалось значительной проблемой — см.: Клаут Х. История Лондона / Пер. с англ. М., 2000. С. 10.

⁶⁶ Там же. С. 60.

⁶⁷ См.: Йейтс Ф. А. Розенкрейцерское просвещение / Пер. с англ. М., 1999.

беглецов-протестантов и среди организаторов Великой ложи Лондона⁶⁸.

Воссоздаваемая картина становления спекулятивного движения в Англии на рубеже XVII–XVIII столетий не будет завершённой без упоминания его других представителей и направлений.

Помимо лондонских лож, которые возглавили процесс масонского Возрождения, в стране существовали альтернативные масонские течения. Старейшей и влиятельной среди них была материнская ложа Йорка. Она известна с конца XIV в., когда для возведения местного собора по рекомендации короля был назначен первый мастер-масон и архитектор. После этого события город стал признанным центром английского строительного искусства. Как и в Лондоне, цехи каменщиков Йорка превратились позднее в собрания людей, не имевших никакого отношения к ремеслу. К началу XVIII в. ложи, работавшие по местному (йоркскому) обряду⁶⁹, возглавлялись Председателями и заместителями (Deputy). Их участниками в основном были представители местной аристократии. Среди них числились два пэра, три баронета, восемь эсквайров и пятнадцать других родовитых джентльменов. Сохранилось несколько общих упоминаний о деятельности спекулятивных лож, которые активнее всего занимались эзотерическими вопросами. Некоторые вели свою работу за пределами Йорка. Например, известно, что в 1705 г. такая «внешняя» ложа, состоящая из шести человек, действовала в Скарборо. В отчетной документации за 1713 год сообщается о работе йоркской ложи в Бедфорде, в которой числились восемнадцать уважаемых граждан⁷⁰.

После провозглашения Великой ложи в Лондоне, которое было встречено в графстве Йоркшир весьма неодобрительно, местные масоны создали аналогичную структуру. Она получила громкое

⁶⁸ Показательна судьба потомка французских гугенотов и будущего Великого мастера лондонской ложи Джона Теофила Дезагюлье. Протестантом-пресвитерианцем был и второй главный участник событий масонского Возрождения шотландец Джеймс Андерсон.

⁶⁹ Этот обряд предусматривал исполнение не только трех обязательных степеней (Ученик, Подмастерье и Мастер), но и двух дополнительных — Королевской Арки и Рыцаря Тамплиера. Как и в случае с ложей в Уоррингтоне, отметим близость Йорка к границам Шотландии.

⁷⁰ *Hamill J. The History of English Freemasonry... P. 43-44.*

название Великой Ложи всей Англии и была образована 27 декабря 1725 года, в день Иоанна Евангелиста⁷¹.

И все же перехватить утраченную инициативу мистикам-провинциалам не удалось. До 1761 г. Великая ложа Йорка фактически находилась в изоляции и полностью бездействовала. Последующее возобновление ее деловой активности сопровождалось постепенным сближением с Великой ложей Англии⁷².

Помимо Лондона и Йорка в Англии существовали некоторые другие немногочисленные масонские центры. Как и «вольные каменщики» Уоррингтона, они не оставили заметного следа в истории. Среди энтузиастов движения «вольных каменщиков» рубежа XVII–XVIII вв. могут быть упомянуты кавалер Ордена Подвязки из Чешира Рэндл Холм и Джордж Грей из Саутвича (Southwich). Оба кратко поведали о своих частных масонских увлечениях в дневниковых записях⁷³.

Сделанный обзор позволяет констатировать достаточно скромные и локально успехи спекулятивного масонского движения в Англии к началу XVIII в. Данные немногочисленных источников свидетельствуют, что в списках разрозненного братства, относящихся к этому периоду, насчитывалось не более сотни постоянных участников. В этой ситуации лидирующие позиции среди английских «вольных каменщиков» по праву заняли масонские ложи Лондона — не только политического, но и культурно-просветительского центра страны.

Масонское движение в столице Англии имело свои особенности. Однако его главным преимуществом стало наличие авторитетных, энергичных лидеров (теоретиков и практиков), которые сумели реорганизовать движение на новых принципах.

Первым о существовании масонского сообщества в Лондоне сообщает Элиас Эшмол. В его дневнике описано посещение ложи, расположенной на территории Масонского Дома (Masons Hall). Ви-

⁷¹ Уайт А. Э. Новая энциклопедия масонства (великого искусства каменщиков) и родственных таинств: их ритуалов, литературы и истории / Пер. с англ. СПб., 2003. С. 130.

⁷² О деятельности «старого» английского масонства — см.: Sadler H. Masonic facts and fictions: comprising a new theory of the origin of the «antient» Grand Lodge. Wellingborough, 1985.

⁷³ Hamill J. The History of English Freemasonry... P. 38, 44.

зит состоялся 11 марта 1682 года⁷⁴. После тридцати пяти лет, прошедших со дня своей инициации в Уоррингтоне, Эшмол расценивал свое появление в Товариществе вольных каменщиков (The Fellowship of Free Masons), которое он называет ложей, как волнуемый процесс дружеского единения. По отношению к коллегам-масонам он позиционирует себя «опытным товарищем». В приведенном им списке участников заседания, которое было посвящено церемонии принятия в ложу с последующим традиционным банкетом в одной из таверн⁷⁵, значатся фамилии тринадцати человек. Все они, включая действующего мастера ложи Томаса Вайса (Thomas Wise), упомянуты как люди благородного происхождения, среди которых, в частности, были сэр Уильям Вильсон (William Wilson), эсквайр по фамилии Уэйндсфорд (Waindsford) и офицер Рич Босуик (Rich Borthwick)⁷⁶.

По свидетельству Джеймса Андерсона, к 1693 г. в Лондоне действовали не более десяти спекулятивных лож⁷⁷. Первый летописец масонского движения привел названия и местонахождение лишь восьми из них. В его списке указаны:

- временная (occasional) ложа, возглавляемая сэром Робертом Клейтоном;
- постоянная (stated) ложа возле больницы Святого Томаса, в районе Саутварка (Southwark);
- старая ложа в соборе Святого Павла;

⁷⁴ Calvert A. F. The Grand Lodge of England... P. 2-3. Упоминание о Масонском Доме или Компании масонов Лондона вовсе не подтверждает известную версию о первоначальном смешении спекулятивных и оперативных «вольных каменщиков», которую высказал, например, М. Морамарко. Совпадение названий носило отнюдь не смысловой, а традиционно-исторический характер. Точно также Дом Гильдий (Guildhall) в Лондоне никогда не был ремесленным центром, а с 1127 года являлся ратушей и местом заседаний Городского совета, в состав которого, кстати, избирались представители разных цехов. В повествовании Эшмола речь идет о штаб-квартире не оперативных, а «принятых масонов», преимущественно членов ливрейной компании, в состав которой входило Товарищество вольных каменщиков. Это обстоятельство объясняет социальный состав упомянутой ложи, которая явно не имела ничего общего с ремесленной средой.

⁷⁵ В дневнике сообщается о посещении масонами таверны «Луна» в центральном лондонском районе Чипсайд (Cheapside, City).

⁷⁶ Calvert A. F. The Grand Lodge of England... P. 3.

⁷⁷ The New Book of Constitutions... P. 97-139.

- ложа на Пиккадилли, напротив церкви Святого Якова (Сент-Джеймс);
- ложа около Вестминстерского аббатства;
- ложа в районе Ковент-Гарден;
- ложа в Холборне (Holborn);
- ложа в районе Тауэр Хилл (Tower Hill).

Некоторые из перечисленных собраний достаточно узнаваемы. Во всяком случае, ложи при соборе Святого Павла, в районе Ковент-Гарден и около Вестминстерского аббатства могут быть идентифицированы в качестве будущих участниц событий 1717 года. О деятельности других центров столичных «вольных каменщиков» в книге «Конституций» никакой дополнительной информации не приводится. Не подкреплена она и другими документами. Кстати, поясняя катастрофическое положение с источниками, которые помогли бы раскрыть тайну деятельности первых спекулятивных лож Англии, американский историк-масон Артур Уайт сообщает о возможном сожжении старых масонских архивов после образования Великой ложи Лондона. По его мнению, совпадающему с оценкой ситуации другими братьями, таким способом оставшиеся независимыми каменщики пытались сохранить свои секреты, которые могли попасть в «чужие руки»⁷⁸.

На наш взгляд, имеется другое, более простое объяснение этой загадки. Можно со значительной долей уверенности предположить, что такие документы попросту отсутствовали! Во всяком случае, складывается впечатление, что историки ищут следы, которых на самом деле не существовало. К такому парадоксальному выводу подводят некоторые особенности движения спекулятивных «вольных каменщиков». Исходя из обстоятельств первоначальной секретности, его участники, как впрочем, и любые другие конспираторы, явно не желали оставлять изобличающих следов. Столь же предусмотрительно поступали их предшественники-розенкрейцеры, от деятельности которых до нас дошли только немногочисленные анонимные сочинения. К тому же, как свидетельствует

⁷⁸ Уайт А. Э. Новая энциклопедия масонства... С. 44. Еще одним побудительным мотивом для уничтожения масонами своих документов могли стать их простуюартовские политические пристрастия. Известно, например, что первые протоколы Великой ложи датированы 25 ноября 1723 года, то есть временем, когда на посту гротмейстера находился безусловный сторонник Ганноверской династии Фрэнсис Скотт, граф Дэлкейт (Dalkeith).

книга Джеймса Андерсона, у масонских лож никогда не существовало утвержденного порядка составлять протоколы заседаний. Эти правила впервые устанавливали «Общие постановления» Дж. Пейна, опубликованные в книге «Конституций» 1723 года. Что же касается сохранившихся документов гильдий и ремесленных цехов, с которыми историки пытаются связать спекулятивных масонов, то невозможность обнаружить в них каких бы то ни было подтверждений духовной и созерцательной составляющей легко объяснить полнейшим несовпадением приоритетов деятельности этих организаций. С таким же успехом следы спекулятивных масонов можно искать в Ватикане, когда-то весьма бойко раздававшем патенты на строительство католических храмов.

Между тем осторожно-пассивная практика немногочисленных спекулятивных масонов Лондона сумела-таки вызвать первую критическую реакцию, излившуюся в строках анонимного памфлета. Он был выполнен в форме рекламного листа-афиши и распространялся по Лондону в 1698 г. Небезынтересно, что он был адресован «Всем благочестивым людям Лондонского Сити», что помогает безошибочно определить первоначальную сферу масонского присутствия и влияния. Спекулятивные ложи предпочитали действовать в фешенебельных городских районах, собирая на свои заседания проживающих здесь образованных, богатых и влиятельных людей. Об этом же свидетельствует примечание Дж. Пейна к его «Общим постановлениям», которые были подготовлены для «употребления в ложах Лондона, Вестминстера и окрестностях»⁷⁹. В чем же обвинялись явно не попадающие в категорию «благочестивых граждан» масоны?

Читатели афиши оповещались об отходе «вольных каменщиков» от имени Бога и в приближении к Антихристу. Неизвестный, но крайне религиозный автор памфлета всячески предостерегал простых и набожных людей от посещения тайных масонских собраний. Он резко критиковал опасные церемонии и клятвы, которыми каменщики увлекают в свои «секты» мужчин. Смешение же с испорченными людьми, какими изображались лондонские масоны, приравнивалось в тексте пасквиля к бедствиям «всемирного пожара»⁸⁰.

⁷⁹ The Constitutions of the Free-Masons... P. 58.

⁸⁰ Hamill J. The History of English Freemasonry... P. 43-44. По своей орто-

На рубеже XVII–XVIII вв. положение столичных масонов вряд ли отличалось в лучшую сторону от их провинциальных собратьев. В Лондоне, как и по всей стране, прослеживалась плохо организованная и разобщенная деятельность немногочисленных спекулятивных лож, многие аспекты которой по-прежнему остаются неизвестными. Все это дает возможность констатировать очевидное наличие кризиса «старого» спекулятивного масонства в Англии, традиционно ориентировавшегося на Стюартов и объединявшего, помимо интеллектуалов, наиболее просвещенных членов ливрейных компаний, к которым еще в XV в. присоединились масонские гильдии⁸¹. Об их созерцательно-философских пристрастиях свидетельствует деятельность Э. Эшмола и некоторых других членов Королевского Общества.

В начале XVIII в. перед спекулятивными масонами Англии были поставлены новые задачи. Они диктовались сменой вектора развития страны, которая окончательно освободилась от старой династии. Приход к власти Ганноверского дома в 1714 г. означал неминуемую переориентацию движения «вольных каменщиков» и появление в его рядах новых лидеров, озаботившихся проблемой формирования свободного общественного мнения. Фантазиями и усилиями этих людей была создана качественно новая структура спекулятивного масонского движения, опиравшаяся на Великую ложу Лондона.

доксальности текст антимасонской прокламации напоминает один из документов Конвокации — соборов англиканской церкви, заседания которых были приостановлены в 1717 г. — см.: Бокль Г. Т. История цивилизаций...Т. 1. С. 212.

⁸¹ В перечне ливрейных компаний Лондона (London Company Halls), составленным историком-урбанистом Каролиной Бэррон, значатся и вольные каменщики — см.: Barron C. M. London 1300–1540 // The Cambridge Urban History of Britain. V. 1. 600–1540 / Ed. by D. M. Palliser. Cambridge, 2000. P. 430. На протяжении XIV–XVI вв. в английской столице было создано 46 ливрейных компаний. Самой старой была Компания ювелиров (Goldsmiths), образованная в 1339 г. Компания масонов (Masons Hall) значилась в документах с 1463 г. Отметим, что все компании располагались на территории лондонского Сити.

Д. Б. ВЕРШИНИНА

БРИТАНСКИЙ СУФРАЖИЗМ И ВИКТОРИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ

22 января 1901 г. в Осборне после шестидесяти трех лет правления умерла королева Виктория (1819–1901), правившая так долго, что большинство британцев восприняло ее смерть как окончание одной из наиболее значительных эпох в истории их страны. «Королева умерла, и в воздухе величайшей столицы мира стояла серая мгла непролитых слез», — так описывает состояние британского общества в тот момент писатель Джон Голсуорси (1867–1933) в романе «В петле» (1920) из трилогии «Сага о Форсайтах». Викторианская эпоха в этом произведении названа великим веком, «всеизменяющему действию которого подверглось все, кроме природы человека и природы вселенной»¹, и действительно, долгая эпоха правления одной из наиболее известных королев стала для англичан и всего мира своеобразным символом XIX в.

При этом, как справедливо отмечают зарубежные и отечественные исследователи, именно викторианская эпоха окончательно сформировала дошедшие до наших дней основные ценности политической, социальной, культурной и повседневной жизни Англии:

«...в XIX в. в основном завершается процесс формирования английской национальной культуры в ее современном виде, складывается национальная концептосфера с такими доминантными концептами, как *Дом, Сад, Здравый смысл, Практицизм, Джентльменство, Долг, Монархия, Индивидуальная Свобода* и др.»².

Однако в 1901 г. большинство британцев испытывали чувства, сходные с ощущениями героя произведения Голсуорси:

¹ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах. М., 1993. С. 499-500.

² Проскурнин Б. М. О новых подходах к викторианству как социокультурному прецеденту // Вестник Пермского университета. Выпуск 4. Иностранные языки и литературы. Пермь, 2004. С. 7.

«Да! Век уходит!... Никогда уж больше не будет так спокойно, как при доброй старой Викки!»³.

Последующие годы в полной мере оправдали представления англичан о завершении со смертью Виктории размеренной и предсказуемой жизни. При этом первоначально ничто по степени угрозы традиционным ценностям «старой доброй Англии» не могло сравниться с действиями суфражеток — воинственных активисток женского движения, выступавших за предоставление слабому полу избирательных прав. Отношение к суфражистскому этапу в истории женской освободительной борьбы, олицетворением которого в Британии стала деятельность Женского социально-политического союза во главе с Эммелин (1858–1928) и Кристабель (1880–1958) Панкхерст, явилось в начале XX в. одной из основных тем, обсуждавшихся в британских интеллектуальных кругах.

В то же время нельзя утверждать, что в викторианский период «женский вопрос» замалчивался. Напротив, британский исследователь Тим Долин в работе, посвященной крупнейшей английской романистке викторианского периода Джордж Элиот (настоящее имя — Мэри Энн Эванс, 1819–1880), утверждает, что для викторианцев не было более насущного вопроса, чем проблема поиска надлежащей социальной роли для женщины среднего класса:

«Как эта роль определяется ее природой, и насколько она отличается от природы и роли мужчины? Какую работу должны выполнять женщины, в каком образовании они нуждаются?... Это были вопросы жизненной важности не только для небольшой группы феминистских авторов и их сторонников или противников, но для всей средневикторианской читающей публики...»⁴.

В результате уже к середине XIX в. женский вопрос стал одним из наиболее активно обсуждаемых в газетах и журналах, предметом лекций и научных исследований; он поднимался на парламентских дебатах и на страницах частных писем, в романах и пьесах. Однако это обсуждение в большинстве случаев не выходило за рамки общепринятой концепции «женственной женщины», по рождению и предназначению отличающейся от мужчины.

³ *Голсуорси Дж.* Указ. соч. С. 500.

⁴ *Dolin T.* George Eliot. Oxford, 2005. P. 137.

Согласно этой концепции, считалось, что феминность (включающая такие женские черты, как пассивность, отзывчивость, мягкость, поглощенность материнством, заботливость, эмоциональность и т. п.) биологически обусловлена в такой же степени, как и мужские качества, к которым относились активность, инициативность, энергичность и т. д.

«власть мужчины активная, прогрессивная, защитная. Он в высшей степени созидатель, творец, первооткрыватель, защитник. Его интеллект предназначен для размышлений и изобретений; его энергия — для приключений, для войны и для соревнования, при любых обстоятельствах — справедлива ли война, необходимо ли соревнование..., женская власть для правления, а не для битвы, и ее интеллект предназначен не для изобретения или создания, а для мягкого упорядочивания, приведения в порядок и принятия решения. Ее великая функция – Восхваление...»⁵.

Более того, женщины в викторианских текстах описывались только в относительных терминах — как жены, дочери или матери. Их главным долгом было подчинение их собственных желаний и стремлений нуждам их семьи и более широкого общества. Сара Эллис в работе «Дочери Англии» 1842 г. писала, что женщина «ничего не имеет и есть ничто сама по себе...» и «может жить только существованием другого...»⁶.

Подобные тезисы становились в сознании викторианцев основой для развития доктрины сепаратных сфер, в соответствии с которой ареной деятельности мужчин объявлялась политика, а женщины должны были заниматься домом. Как справедливо замечает автор работы «Грани викторианского сознания» У. Хьютон, наиболее ярко отражающим сущность викторианского представления о женской роли является название стихотворения поэта Ковентри Пэтмора (1823–1896) — «Ангел в доме»⁷.

⁵ *Ruskin J. Sesame and Lilies // The Victorian Age: An Anthology of Sources and Documents / Ed. By J. M. Guy. London, N.Y., 2002. P. 506.*

⁶ *Ellis S. The Daughters of England // Women in Public, 1850–1900: Documents of the Women's Movement / Ed. by P. Hollis. London, 1981. P. 15.*

⁷ *Houghton W. The Victorian Frame of Mind: 1830–1870. London, New Haven, 1985. P. 341.*

При этом, как отмечают все исследователи, одним из главных источников викторианской позиции в вопросах отношений между полами был всплеск религиозности в Англии первой половины XIX в. В частности, евангелические идеи, пользовавшиеся с конца XVIII в. огромной популярностью, стали базой, на основе которой в викторианскую эпоху сформировалась концепция «женской миссии». Под «женской миссией» понималось не просто ведение женщинами домашнего хозяйства, а забота о нравственном здоровье мужчин, сталкивающихся с жестокостями реального мира и всеми силами стремящихся от них защитить отдаленных от суматохи мира жен и детей. Жена же, по мнению Сары Эллис, должна была быть в высшей степени озабочена развитием интеллектуальной, моральной и духовной природы ее мужа⁸.

Одним из классических текстов викторианской эпохи, представляющих концепцию «женской миссии», было произведение Джона Рескина (1819–1900) «Сезам и Лилии», написанное в 1865 г. В нем выдающийся английский философ XIX в. описывал дом как «место Мира; приют не только от всех обид, но от всех страхов, сомнений и раздоров». Внутри дома, создаваемого мужчиной и управляемого женщиной, как писал Рескин, «нет опасностей, нет искушений, нет причин для страха или обид»⁹. И хотя Рескин, как он сам утверждал, выступал против идеи превосходства одного пола над другим¹⁰, он отмечал, что главная обязанность женщины — «любить, почитать, подчиняться и развлекать ее господина и хозяина, а также управлять его домашним хозяйством и воспитывать его детей»¹¹.

В то же время можно согласиться с Б. Кейн, утверждающей:

«сама формулировка ... долга [женщин. — Д.В.] шла в терминах миссии ... моральной трансформации ... и поэтому каса-

⁸ *Ibid.* P. 351.

⁹ *Ruskin J.* Op. cit. P. 506.

¹⁰ Об этом заявляли многие апологеты викторианских ценностей. Так, поэт Альфред Теннисон (1809–1892), писал: «женщина не есть недоразвитый мужчина, но есть другая». Цит. по: *Houghton W.* Op. cit. P. 349.

¹¹ Цит. по: *Ibid.* P. 348.

лась не только их непосредственной семьи, но также потенциально всего общества»¹².

Иными словами, концепция «женской миссии» одновременно ограничивала женщин и предполагала их значительную, если не главенствующую, роль в духовно-религиозных вопросах.

По мнению сторонников этой концепции, включение женщин в активную политическую жизнь неизбежно должно было вызвать маскулинизацию слабого пола и потерю его представительницами «женственности», поэтому политика объявлялась слишком грязным занятием для женщин. По словам премьер-министра Великобритании Уильяма Гладстона (1809–1898), «включение слабого пола в политическую суматоху осквернит их природную скромность, нарушит их деликатность, чистоту, изысканность и возвышенность всей их натуры»¹³.

Вполне логично, что доктрина сепаратных сфер служила основным аргументом против предоставления женщинам избирательных прав и дошла практически в неизменном виде до кульминационного периода борьбы британок за равноправие. Так, уже в самый разгар суфражистской кампании, 28 января 1913 г., в газете «The Morning Post» появилась заметка, автором которой была Теодора Гэст. В обращении к редактору она утверждала, что превосходство мужского пола над женским очевидно: «Их физическая сила, всегда большая, чем наша, есть следствие их более значительных умственных способностей...»; суфражистки же, по мнению Гэст, выступая за равенство с мужчинами и активно участвуя в политической жизни страны, «лишь предают свою изначально феминную природу, что ... всегда ведет к катастрофе»¹⁴.

Об этом же в 1913 г. рассуждал и крупнейший иммунолог и бактериолог начала XX в. сэр Алмрот Райт (1861–1947), отмечая:

«женское мышление в своей оценке тезиса прежде всего исходит из мысленного образа, вызываемого этим тезисом, и лишь потом (а иногда и вообще не исходит) из того, что собственно

¹² *Caine B.* English Feminism 1780–1980. Oxford, 1997. P. 82.

¹³ *Gladstone W. E.* 1892. Female Suffrage: a Letter to Samuel Smith. London, 1892. P. 7.

¹⁴ *Guest T.* To the Editor of the Morning Post // The Morning Post. 1913. January, 28. P. 10.

утверждается. Оно находится под большим влиянием индивидуальных случаев, приходит к выводам на основе неполных доказательств, обладает несовершенным чувством пропорции, принимает близкое по духу за правду, а неподходящее за ложь; принимает желаемое за действительность...»¹⁵.

Естественно, подобная ограниченность женского мышления противопоставлялась мышлению мужскому, превращаемому в идеал, поэтому эти аргументы использовались Райтом для критики идеи наделения женщин политическими правами. А британский философ Белфорт Бакс (1854–1926) утверждал, что воинственные акции суфраженок доказывали неспособность женского интеллекта мыслить логически или политически, поскольку в отличие от мужчин, всегда использовавших жестокость с целью защиты государства от врагов, женщины превратили жестокость в политику целого движения. С его точки зрения, «даже террорист-анархист ... логичен в своих действиях...»¹⁶. Антисуфражисты активно разрабатывали тезис об исключительной «истеричности» женщин, в том числе и с медицинской точки зрения, когда «истерия» выводилась из специфики женского организма и утверждалось, что «в Англии истерия сравнительно редко встречается среди мужчин; женский пол гораздо больше подвержен психическим заболеваниям»¹⁷.

Таким образом, в викторианское время была сформулирована теория, которая стала более чем на полвека основой для сопротивления суфражистскому движению и ограничивала возможности британских женщин во второй половине XIX – начале XX вв. исключительно домашней сферой.

И все же даже в это время находились женщины, пусть и немногие, которые решались преодолеть границы викторианской морали и отказаться от сложившегося идеала феминности. Более того, как отмечает автор антологии «Викторианский век» Джозефин Гай, представления современных исследователей о викторианской эпохе являются чрезмерно стереотипными и создают определенные клише, требующие пересмотра: отношение к женщинам как к анге-

¹⁵ *Wright A.* The Unexpurgated Case Against Woman Suffrage. L., 1913. P. 35.

¹⁶ *Bax B.* The Fraud of Feminism // <http://members.garbersoft.net/~spartacus/bax.htm> (июнь, 2007).

¹⁷ *Ibid.*

лам или как к проституткам; существование двойного стандарта, оправдывающего сексуальную распущенность мужчин и осуждающего женские желания; идеализация викторианцами романтической любви и т. д. Соглашаясь с тезисом о доминировании в Англии XIX в. доктрины сепаратных сфер, она все же отмечает, что разница между идеологией и практикой в это время была значительной. В том числе официально провозглашаемое игнорирование вопросов сексуального характера не означало в действительности непопулярности подобного рода тем среди населения викторианской Англии¹⁸. Так, многие интеллектуалы в викторианской Англии предпочитали браку союз двух свободных людей. Подобные идеи проникли в Англию из Франции, где их проповедовали социалисты-утописты, а в литературе концепцию свободной любви активно защищала известная французская писательница Жорж Санд (1804–1876), чьи произведения были крайне популярны в Англии 1830–1840-х гг.

К тем, кто стоит у истоков женского движения в Британии и относится к защитникам идеи свободной любви, многие феминистки причисляют Джордж Элиот. Известно, что в 1856 г. романистка подписала петицию в поддержку права замужних женщин владеть собственностью (добавив при этом параграф, касающийся необходимости защитить мужей от долгов их жен); среди ее близких подруг были многие активистки суфражистского движения (например, Барбара Лей Бодишон, 1827–1891). Однако необходимо подчеркнуть, что писательница не поддерживала политических требований феминизма, а возлагала надежды на повышение образованности и культуры общества в целом. В письме 1852 г. она утверждала:

«...наделение женщин избирательным правом — это только рабелепный прогресс», поскольку может лишь продемонстрировать, что якобы «женщина не заслужила лучшей участи, чем мужчины могут ей дать»¹⁹.

¹⁸ The Victorian Age: An Anthology of Sources and Documents / Ed. By J. M. Guy. London, N.Y., 2002. P. 463-464.

¹⁹ Цит. по: Oxford Reader's Companion to George Eliot. Oxford, 2001. P. 468.

Элиот считала идею предоставления женщинам права голоса чрезвычайно сомнительным благом. Ключом к улучшению положения женщин ей казалась реформа образования:

«...женское образование — одна из целей, по поводу которой у меня нет сомнений»²⁰.

Элиот выступала против немедленных законодательных реформ, поскольку воспринимала общество как живой организм, в котором возможны лишь медленные изменения. Поэтому образование рассматривается ею как альтернатива праву голоса и наилучший способ изменить положение представительниц «слабого пола».

Уважение, с которым к Мэри Энн Эванс относятся феминистки, связано прежде всего с перипетиями личной судьбы романистки, открыто бросившей вызов пуританской морали викторианской Англии и жившей в гражданском браке с философом, психологом и эстетиком Джорджем Генри Льюисом (1817–1878), уже состоявшим в браке и не имевшим права, в соответствии с английскими законами, его расторгнуть. В этом плане творчество Элиот оказывается, по мнению многих исследователей, гораздо более консервативным, чем ее личная история: героини ее произведений не мыслят свою жизнь вне рамок морали, и реализация их лучших качеств всегда связана с успешным браком. Поэтому многие активистки и теоретики женского движения второй волны в 1960–1970-х гг., в частности, Кейт Миллет, критиковали Элиот за неспособность предложить своим героиням более позитивную судьбу, чем брак с достойным человеком. Они даже рассуждали о «предательстве» Элиот феминистских ценностей. Однако вскоре феминистские критики отказались от столь радикальной оценки творчества крупнейшей английской романистки XIX в., поскольку, действительно, для викторианской эпохи героини Элиот были более чем независимы и неординарны.

Безусловно, литература отражает те процессы, которые уже идут в обществе, поэтому можно говорить о том, что на протяжении XIX в. британские женщины постепенно приходили к осознанию своей свободы, прежде всего свободы внутренней. Новый тип героини, созданный в произведениях Джейн Остин, Шарлотты Бронте, Джордж Элиот и других романисток, — женщины, «живущей бога-

²⁰ Цит. по: *Ibid.*

той внутренней жизнью, наделенной мощным аналитическим началом, обладающей собственной независимой жизненной позицией, естественной и красивой каким-то внутренним огнем, активной и всегда стремящейся к познанию»²¹, — получил воплощение и в реальной жизни многих женщин викторианской эпохи.

Помимо Мэри Энн Эванс, к числу британок, открыто бросивших вызов пуританской морали Англии времен королевы Виктории, относится Гарриет Тейлор (1807–1858), одна из теоретиков женского движения второй половины XIX в. и жена Джона Стюарта Милля (1806–1873) — выдающегося ученого, философа и политического мыслителя середины XIX в. Прежде чем Милль и Тейлор поженились в 1851 г., в течение 21 года их связывали тесная дружба и нежные романтические отношения.

Протест против норм викторианской морали, ограничивающей женщин в их возможностях, привел к развитию женского движения, которое формируется в конце 1860-х гг. и во многом строится на отрицании или, по крайней мере, резкой критике викторианских ценностей. Характерно, что негативные черты викторианской концепции прав и обязанностей женщины отмечали не только представительницы слабого пола, но и многие либерально настроенные мужчины. Общеизвестно, к примеру, что на идеи Джона Стюарта Милля, выраженные в классическом труде «Подчиненность женщин» (1869 г.), во многом ориентировалось организованное движение за женские права в Англии второй половины XIX в. Милль утверждал, что женщины находятся в положении зависимого класса; это, по его мнению, «единственный пример, когда один человек всецело предоставлен во власть другого человека»²². Женщинам, писал Милль, «вопреки их природным свойствам навязывалось теплично-кухонное воспитание — на благо и удовольствие их повелителей»²³. Как утверждал автор, повсеместно насаждаемые социальные условия являются средством подготовки женщин к единственному занятию — обслуживанию мужчин. Милль призывал всех англичанок присоединиться к «многочисленному и активному сообществу, организуе-

²¹ *Проскурнин Б. М., Хьюитт К.* Роман Джордж Элиот «Мельница на Флоссе»: Контекст. Эстетика. Поэтика. Пермь, 2004. С. 53.

²² *Mill J. St.* The Subjection of Women. L., 1869. P. 147.

²³ *Ibid.* P. 39.

мому и руководимому женщинами, которое имеет ... цель — достижение политических прав, а также избирательных»²⁴.

В то же время для современных феминисток работа Милля, служившая в XIX в. символом мужского одобрения идей женской эмансипации, является скорее доказательством слабости либеральной феминистской концепции, поскольку Милль, утверждая равенство полов, на практике в традиционном духе размышлял о различиях между мужчинами и женщинами и, более того, считал, что оба пола играют разные роли в обществе:

«Обыкновенное соглашение, по которому муж зарабатывает деньги, а жена заведует домашними расходами, кажется мне самым подходящим разделением труда между двумя персонами»²⁵.

Милль, критикуя викторианское общество за его отношение к правам женщины, все же оставался на традиционных позициях, в то время как его жена, Гарриет Тейлор Милль, как отмечает отечественный исследователь И. А. Школьников, шла дальше и видела основную причину угнетения женщины именно в институте брака, считая выходом, как и Джордж Элиот, развитие образования:

«по ее мнению, если все общество будет образованным, необходимость в изменении брачного законодательства назреет сама собой, так как при сохранении старых законов о семье люди просто перестанут вступать друг с другом в брак»²⁶.

Таким образом, уже во второй половине XIX в. многие из британок собственной активной жизненной позицией стали преодолевать ограничения, накладываемые на них викторианскими ценностями. Не случайно уже в 1870-е гг. появился термин «девушка эпохи», обозначающий современно мыслящую и интеллектуально независимую от мужчин британку; в 1880-е гг. популярным было словосочетание «бунт дочерей». Однако наиболее известным понятием, которое символизировало женщину, отказавшуюся от условностей, проповедуемых апологетами «женской миссии», стал тер-

²⁴ *Ibid.* P. 24-25.

²⁵ *Ibid.* P. 87-88.

²⁶ Школьников И. А. Теория и практика английского феминизма второй половины XIX века в произведениях Дж. С. Милля, Г. Тейлор, Х. Тейлор // <http://icgs.ivanovo.ru> (июнь, 2007).

мин «новая женщина», распространившийся на закате викторианской эпохи — в 1890-х гг.

Основными качествами «новой женщины» в противовес леди викторианской эпохи были независимость и уверенность в своих силах; примеры англичанок, наделенных подобными качествами, мы видим в многочисленных романах рубежа XIX–XX вв.: это Сью Брайдхед из романа Томаса Гарди (1840–1928) «Джуд Незаметный» (1895), Анна-Вероника из одноименного романа (1909) Герберта Уэллса (1866–1946), Эллен из его же романа «Жена сэра Айзека Хармана» (1914) и многие другие героини, отличающиеся активным отношением к жизни. В то же время стоит отметить, что предпосылки образа «новой женщины» создавались в английской литературе в течение всего XIX века, но на рубеже веков эта проблематика оказалась крайне востребованной.

Несомненно, популярность образа «новой женщины» в литературе была связана с тем, что в реальной жизни британского общества рубежа XIX–XX вв. подобные качества активно демонстрировали активистки женского движения. Не случайно сам Гарди в постскрипуме 1912 г. к роману приводил мнение одной из рецензенток о том, что Сью Брайдхед стала первым в художественной литературе образом «женщины, стоящей ныне в центре всеобщего внимания, одной из тех, которых с каждым годом становится все больше, — представительницы феминистского движения; хрупкая, бледная девушка, самостоятельная, умная, независимая, вся комок нервов — порождение современных условий, главным образом города; она не видит необходимости для большинства представительниц ее пола исповедовать замужество как профессию и считать себя существом высшей породы на том только основании, что им дозволено быть любимыми под сенью закона»²⁷.

И все же, если роман Гарди создавался еще в условиях викторианской эпохи (и это, безусловно, отразилось на судьбе главной героини произведения, которая не нашла в себе силы до конца противостоять условностям общества), то исторический контекст написания произведений Уэллса отличался тем, что женский вопрос в этот период возродился с чрезвычайной степенью остроты. Причи-

²⁷ Гарди Т. Постскрипум к роману «Джуд Незаметный» // Гарди Т. Тэсс из рода д'Эбервиллей. Джуд незаметный. М., 1970. С. 387.

ной тому была деятельность милитантского Женского социально-политического союза, нацеленная не только на получение права голоса, но и на формирование особой идентичности, построенной вокруг риторики женского бунта. Суфражетки стремились создать новый тип феминности, резко контрастирующий с традиционным представлением об истинной женственности. Л. Ним Маршалл, размышляя о «суфражетском духе», выделяет следующие основные его компоненты: мученичество, сотрудничество и товарищество²⁸. С. Холтон добавляет к этим составляющим образа суфражетки силу, храбрость, бесстрашие, остроумие и т.д.²⁹

Центральное место в новом типе феминности занимала риторика женской воинственности, при этом последняя принципиально противопоставлялась воинственности мужской. Панкхерсты стремились доказать, что воинственность активисток Женского социально-политического союза не является аморальной и жестокой, ибо направлена не против личностей, как мужская воинственность многих веков и тысячелетий, а лишь против материальных объектов. По словам Эмелин Панкхерст, «воинственность мужчин во все века насквозь пропитала мир кровью... Воинственность женщин не причинила вреда ни одной человеческой жизни...»³⁰. Кроме того, как справедливо отмечает К. Кокин, суфражетки задолго до радикальных феминисток 1970-х гг. уделяли значительное внимание риторике женского тела, которое через голодовки и принудительное питание стало символом жестокости правительства по отношению к активисткам борьбы за женское избирательное право³¹.

Именно Кристабель Панкхерст во многом предвосхитила ряд идей, которые во второй половине XX в. выдвинули радикальные феминистки, прежде всего мысль об угнетении женщин как основе

²⁸ *Nym Mayhall L. E. Creating the 'Suffragette Spirit': British Feminism and the Historical Imagination // Women's History Review. 1995. Vol. 4. № 3. P. 319.*

²⁹ *Holton S. S. Manliness and Militancy: The Political Protest of Male Suffragists and the Gendering of the 'Suffragette' Identity. // The Men's Share? Masculinities, Male Support and Women's Suffrage in Britain, 1890–1920 / Eds. A. V. John, C. Eustance. L., N.Y., 1997. P. 112.*

³⁰ Цит. по: *Ibid.* P. 116.

³¹ *Cockin K. Inventing the Suffragettes: Anachronism, Gnosticism and Corporeality in Contemporary Fiction // Critical Survey. 2004. Vol. 16. № 3 — www.britishcouncil.ru (июнь, 2007).*

всего общества и о подчинении женщин как группы мужчинам как группе. Как пишет В. Брайсон, это означает, что «борьба за право голоса была частью борьбы против всех форм мужского контроля, а методы [суфражеток. — Д. В.] могут рассматриваться скорее как освободительные сами по себе, а не с точки зрения возможного успеха»³². Сторонницы умеренных методов борьбы придерживались общепринятых взглядов на поведение леди; когда суфражетки начали устраивать марши, демонстрации, беспорядки, атаковать Парламент, они тем самым бросали вызов устоявшимся представлениям о гендерных ролях. Безусловно, участие в деятельности суфражеток: поджоги домов, битье стекол, но, прежде всего, участие в голодовках и опасность насильственного кормления в тюрьмах — все это требовало невиданной прежде экстраординарной отваги и решительности. Как отмечает Шейла Роуботэм, «изобретательность и бесстрашие суфражеток взорвали гендерные стереотипы»³³.

Понимание того, что женщины могут действовать подобным образом, было столь важно не только из-за непосредственного значения для кампании за избирательные права, но и из-за воздействия таких акций на существующую патриархатную идеологию мужчин. Сама Кристабель Панкхерст писала о том, что воинственность — это не столько метод завоевания права голоса, сколько «средство изменить ошибочные отношения низших и высших, которые существуют между мужчинами и женщинами»³⁴. Об этом же писала Эммелин Петик-Лоуренс:

«Кристабель в меньшей степени заботилась о политическом праве голоса, чем о достоинстве своего пола... она осуждала ложное достоинство, зарабатываемое покорностью, и превозносила истинное, дополняемое бунтом... Воинственность для нее означала отбрасывание рабского Духа»³⁵.

Кроме того, Кристабель рассуждала о сексуальной эксплуатации со стороны мужчин как центральном аспекте угнетения. Она

³² Брайсон В. Политическая теория феминизма. М., 2001. С. 99.

³³ Rowbotham S. A Century of Women. The History of Women in Britain and the United States. London, 1997. P. 11.

³⁴ Pankhurst C. Militancy // New Statesman. November 29, 1999. Volume 128. Issue 4464 // www.britishcouncil.ru (июнь, 2007).

³⁵ Цит. по: Caine B. Op. cit. P. 145.

писала, что мужчины используют лишение женщин права голоса в первую очередь как средство скрыть свои сексуальные пороки. В 1913 г. Кристабель Панкхерст опубликовала брошюру «Великое бедствие, и как с ним покончить» (“The Great Scourge and How To End It”), в которой заявляла, что 75–80 % мужчин заражены гонореей, многие другие — сифилисом³⁶, что брак, следовательно, опасен для женщин. Лекарством, по ее мнению, является «право голоса для женщин и целомудрие для мужчин»³⁷, при этом последнее может быть осуществлено при условии достижения первого. Как пишет В. Брайсон, «многие последующие комментаторы отвергли такие высказывания как нелогичную и истерическую выходку фригидной мегеры-мужененавистницы»³⁸, но в то же время некоторые современные феминистки приветствуют ее брошюру как важный шаг вперед в феминистской теории, поскольку она расширила восприятие неравенства полов вплоть до частной сферы жизни. Работа Кристабель Панкхерст имела в своей основе уже явное утверждение о «войне полов», ведущейся мужчинами против женщин во всех сферах жизни.

Подобные идеи Кристабель стали причиной того, что в дальнейшем в британской историографии женского движения начала XX в. прочное место заняло критическое отношение к деятельности ее организации. Нельзя не вспомнить в данном контексте классическую работу Джорджа Дэнджерфилда «Смерть либеральной Англии» (1935), в которой автор оценивал деятельность Женского социально-политического союза как «курьезное и иррациональное движение», «грубую комедию». Их методы он называет «плохими и ошибочными». Он писал:

«...суфражетки ненавидели мужчин, считая их существами более низкого сорта, но в такой же степени они ненавидели и женщин».

Дэнджерфилд называл Эммелин и Кристабель «парой...бесчеловечных королев» и утверждал, что Женский социаль-

³⁶ Pankhurst C. The Great Scourge and How to End It // Suffrage and the Pankhursts / Ed. by J. Marcus. London, 1987. P. 188.

³⁷ Ibid.

³⁸ Брайсон В. Указ. соч. С. 102.

но-политический союз представляет собой форму «довоенного лесбиянства»³⁹.

Можно, на наш взгляд, согласиться с позицией Джун Пурвис, профессора социологии и женской истории Портсмутского университета, одной из крупнейших британских специалисток по суфражистскому движению, которая полагает, что подобная критика Эммелин и Кристабель Панкхерст должна быть подвергнута сомнению. Она утверждает, что во многом именно мать и дочь Панкхерст предопределили те идеи, которые получили развитие среди современных радикальных феминисток: важность исключительно женского движения, мысль о власти мужчин над женщинами во всех сферах жизни, в том числе и в самой интимной, идею «сестринства» всех женщин и т. д.⁴⁰ Последнюю наиболее ярко подтверждают воспоминания Айды Алексы Росс Уайли:

«Два года бурной, порой полной опасных приключений жизни я провела в работе и борьбе среди энергичных, жизнерадостных, не склочных женщин... Я спала на голом полу бок о бок с престарелыми аристократками, толстыми стряпухами, юными продавщицами. Мы нередко испытывали усталость, обиду, страх. Но мы были счастливы как никогда. Нас всех переполняла неведомая до того любовь к жизни»⁴¹.

Нельзя не признать, что «крестовый поход», предпринятый Кристабель против всех мужчин, был основан на традиционных представлениях о «женской миссии», поскольку одной из отправных точек в защите женского избирательного права становится созвучное викторианству представление о высокой морали представительниц женского пола, причиной которой является «величайшая задача материнства», данная женщинам природой⁴². На первый план выносилось представление о женщине как о матери и воспитательнице,

³⁹ См.: *Dangerfield G.* The Strange Death of Liberal England. London, 1970. P. 140-171.

⁴⁰ См.: *Purvis J.* A «Pair of ... Infernal Queens»? A Reassessment of the Dominant Representations of Emmeline and Christabel Pankhurst, First Wave feminists in Edwardian Britain // *Women's History Review*. 1996. Volume 5. Number 2. P. 259-280.

⁴¹ Цит. по: *Феминизм: Проза, мемуары, письма*. М., 1992. С. 16.

⁴² *Pankhurst C.* The Great Scourge... P. 225.

подчеркивающее ценность ее традиционной роли. Допущение же женщин в политику, по мнению Кристабель, даст им возможность распространить собственные моральные идеалы и на мужчин:

«суфражистки... верят в то, что мужчина может жить такой же чистой и моральной жизнью, как и женщина»⁴³.

Подобные установки поддерживала также одна из наиболее активных участниц Женского союза Эммелин Петик-Лоуренс, для которой женское движение означало «новую религию или, скорее, возвращение религии к ее истокам — к священному алтарю домашнего очага...»⁴⁴. В газете «Votes for Women» она писала:

«Ради священных идеалов дома, ради ответственности, которую мы, как женщины, несем за детей и будущие поколения, мы должны взяться за оружие и вести эту праведную войну за свободу»⁴⁵.

Об этом же вели речь многие другие активистки Женского союза. К примеру, в газете «The Suffragette» в статье анонимного автора о суфражетках говорилось:

«Эта благородная армия женщин сегодня трудится днем и ночью ради чистоты дома... и как только женщины получат власть, они возьмутся за вопросы социальной морали, которые мужчины никогда не затрагивали...»⁴⁶.

В результате лидеры и активистки Женского социально-политического союза, с одной стороны, выступали за расширение возможностей для женщин, а с другой — признавали, что естественной сферой для представительниц слабого пола является дом и семья. Более того, в своей риторике они активно использовали различные аргументы, в частности, обвиняя аморальных мужчин в гибели нации:

«...ясно, что мужчины постоянно снова и снова инфицируют народ ужасными болезнями и таким образом приводят к упадку нации!»⁴⁷.

⁴³ *Ibid.* P. 192.

⁴⁴ Цит. по: *Caine B.* Op. cit. P. 145.

⁴⁵ Цит. по: *Garner L.* Op. cit. P. 50.

⁴⁶ *Let Us Not Forget! // The Suffragette.* 1914. June 26. P. 177.

⁴⁷ *Pankhurst C.* *The Great Scourge...* P. 189.

Доказательством сущностной близости Эммелин и Кристабель Панкхерст к консерватизму и традиционным ценностям стало то, что первая в конце своей жизни баллотировалась в парламент именно от Консервативной партии, а вторая вообще погрузилась в адвентистскую религию.

Характерно, что и многие суфражистки — представительницы конституционного крыла суфражистского движения в начале XX в. — также выдвигали требование права голоса, исходя из отнюдь не либеральной идеи морального превосходства женщин над мужчинами, а, следовательно, делали акцент на различиях между полами. Ярким примером распространенности таких идей служат слова лидера Национального союза обществ женского избирательного права Милисент Гарретт Фосетт (1847–1929):

«Мы не желаем быть плохим подобием мужчин, мы не отвергаем и не умаляем различия между женщиной и женщиной. Требование женщин иметь представительство в парламенте является следствием существования таких различий. Женщины приносят на службу государству нечто отличное от того, что могут дать мужчины»⁴⁸.

Таким образом, многие влиятельные течения в суфражизме в трактовке концепции феминности отходили от либерального принципа равенства, который изначально лежал в основе борьбы женщин за свои права. В результате этой эволюции концепция феминности в таких течениях феминизма оказывалась во многом близка викторианским взглядам, представленным в идеологии антифеминистов.

В этом плане гораздо больше для ломки викторианских ценностей в начале XX в. сделали активистки женского движения, не разделявшие суфражистских идей. Ключевую роль среди них играли авангардная журналистка Дора Марсден (1882–1960) и другие авторы журнала «Свободная женщина», которые не соглашались с активистками борьбы за женское избирательное право и утверждали, что никакой особой «женской сферы» в политике существовать не может. Как отмечала одна из сотрудниц журнала Корали Бурд,

⁴⁸ Цит. по: *Delap L. 'Philosophical Vacuity and Political Ineptitude': The Freewoman's Critique of the Suffrage Movement // Women's History Review. 2002. Volume 11. Number 4. P. 616.*

«любой, кто ведет разговоры о женской сфере, не является истинным феминистом»⁴⁹. Тем самым позиция лидеров журнала, которая активно критиковалась суфражистками как антисуфражистская, на самом деле была гораздо ближе к либеральным требованиям юридического и политического равноправия полов, чем идеи самих суфражисток, а также более последовательно отвергала ценности викторианского общества.

Следует отметить, что журнал «Свободная женщина» был одним из наиболее радикальных печатных органов того времени, поскольку на его страницах открыто обсуждались вопросы сексуального плана, что часто шокировало даже либерально настроенных британцев. Причиной подобного восприятия журнала было то, что если в викторианский период активистки женского движения размышляли, как защитить женщин от нежеланных сексуальных отношений, а также ограничить мужские сексуальные желания, то новые феминистки, печатавшиеся в «Свободной женщине», впервые заявили о праве женщины быть сексуальной — праве, которое до них ассоциировалось исключительно с проституцией, а для Марсден и ее сторонниц означало «осознание (женщинами. — Д. В.) индивидуальности»⁵⁰.

Марсден писала, что моногамная мораль «базируется на интеллектуальной апатии и бесчувственности замужних женщин, которые реализовывали свой собственный моральный идеал за счет Старой Девы и Проститутки... Нерушимая моногамия есть неоправданная тирания... она... производит обман, сладострастие, порок, промискуитет, проституцию, стародевичество и чрезвычайно несправедливую монополию»⁵¹. В противовес брачным узам журналисты «Свободной женщины» предлагали и свободные союзы между мужчиной и женщиной, и даже гомосексуальные отношения. В журнале печатались статьи сторонника гомосексуализма

⁴⁹ Цит. по: *Garner L. Stepping Stones to Women's Liberty: Feminist Ideas in the Women's Suffrage Movement 1900–1918.* London, 1984. P. 65.

⁵⁰ *Marsden D. Views And Comments //The New Freewoman: № 5. Vol. 1. August 15th 1913 // <http://www.nonserviam.com/egoistarchive/marsden>* (июнь, 2007).

⁵¹ Цит. по: *Garner L. Op. cit.* P. 66.

Эдварда Карпентера (1844–1929), утверждавшего, что «гомогенная любовь является здоровой и естественной и в действительности необходимой для создания ... индивидуальности»⁵²; другие авторы выступали за лесбийские отношения внутри женского движения.

Характерно, что сам термин «феминизм» впервые в Англии использовала именно Марсден, и в ее понимании он означал нечто противоположное суфражизму, не имевшему, по ее мнению, ничего общего с истинной эмансипацией женщин, а именно борьбу женщины за личную сексуальную и экономическую независимость. Дора Марсден полагала, что современное ей женское движение под влиянием семьи Панкхерст и их организации сосредоточивается на слишком узкой цели — борьбе за право голоса для женщин. Она видела настоятельную необходимость обратить внимание на более глубинные аспекты, лежащие в основе социального подчинения женщин. Для Марсден одной из главных задач, по ее собственному утверждению, было наполнение термина «феминизм» новым содержанием, расширение представления о том, каким образом можно добиться эмансипации женщин.

В связи с этим важнейшим пунктом критики деятельности Женского социально-политического союза был для издательницы «Свободной женщины» недемократический и авторитарный характер этой организации. Марсден размышляла о роли лидеров организации — матери и дочери Панкхерст, которые, по ее мнению, заставили всех остальных членов лишь беспрекословно подчиняться и поставили свои собственные амбиции даже выше главной цели движения — завоевания права голоса. Она иронизировала над Панкхерстами, которые громогласно заявляли о годах, отданных делу борьбы за женскую эмансипацию, в то время как идею предоставления права голоса в их сознании перевесило «стремление поднять свою собственную организацию до уровня диктатуры среди всех остальных женских организаций»⁵³; в результате «Дело» — борьба за право голоса — превратилось в «пустую концепцию» и

⁵² Цит. по: *The Victorian Age: An Anthology of Sources and Documents* / Ed. By J. M. Guy. London, N.Y., 2002. P. 469.

⁵³ Цит. по: *Delap L.* Op. cit. P. 619.

«источник лицемерия»⁵⁴. Подчинение, требуемое Панкхерстами от активисток Женского союза, для журналистки было равноценно тому подчинению, которого от всех женщин требовали мужчины, а те идеи, которые пропагандировали лидеры суфражистского движения (и, прежде всего, Кристабель Панкхерст) справедливо расценивались Дорой Марсден как возрождение консервативных викторианских ценностей, против которых так активно выступала она сама и ее соратницы и коллеги в журнале «Свободная женщина».

Таким образом, в начале XX в. викторианские представления о роли и месте женщины в обществе, казалось бы, опровергались самой активностью участниц борьбы за женское избирательное право и их программными текстами, но в действительности содержательно не подвергались сомнению, а, наоборот, использовались ими в качестве основы для выстраивания системы аргументов. В то же время само женское движение в тот период не ограничивалось борьбой за право голоса, и поэтому другие течения феминизма оказались гораздо более критично настроенными в отношении традиционных викторианских ценностей. Однако подобные группы и мнения находились в Британии начала второго десятилетия XX в., безусловно, в меньшинстве, что во многом предопределило временное восстановление после первой мировой войны, а также после достижения главной цели суфражистской борьбы — женского избирательного права — культа домашней жизни как единственно возможной для женщин сферы деятельности.

⁵⁴ *Marsden D.* Op. cit. №. 1. Vol. 1. June 15th 1913.

С. В. ЕРЕМИН

БОЛЬШЕВИЗМ И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ И «ОТТЕПЕЛЬ» 1939–1941 ГОДОВ

Противоборство двух больших идеологий первой половины XX века — большевизма и нацизма во многом определило облик современного мира: выстраивая образ настоящего, мы отталкиваемся от наследия прошлого. Это противоборство выявило слабые и сильные стороны лево- и праворадикальных политических течений, привлекательность и одновременно несостоятельность их концептуальных основ. Поэтому историков и политологов еще долго будут волновать вопросы, касающиеся природы советского и нацистского режимов; неизбежны новые попытки дать им определение, выявить причины их формирования и детерминанты их эволюции.

Не в меньшей степени способна заинтересовать проблема взаимоотношений обоих режимов. Сходство политических структур большевизма и нацизма, их единой «тоталитарной» природы стали отмечаться современниками еще в 1930-е гг. Большой вклад в понимание специфики большевизма и нацизма как тоталитарных идеологий внесли труды таких авторов как Х. Арендт, Ф. Брокенау, Э. Нольте, Р. Арон, К. Фридрих и К. Бжезинский. Однако западные исследователи, зачастую находясь под влиянием установок «холодной войны», сосредоточились на поиске общих черт тоталитарных режимов, игнорируя региональные и хронологические особенности их проявлений. Советские исследователи, по известным причинам, полностью отрицали какое-либо сходство между СССР и Германией, игнорируя любые доводы в пользу вышеуказанной концепции. В отечественной историографии упор делался именно на идейно-политическое противостояние фашизма и коммунизма (причем в существовании самостоятельной, отличной от буржуазной, идеологии нацизму было отказано). В настоящее время ситуация изменилась; в отечественной и западной исторической науке наблюдается широкий спектр мнений и подходов к концепции тоталита-

ризма, проблемам идейно-политического противоборства нацизма и большевизма. Происходит как разрушение прежних стереотипов, так и введение в оборот новых исторических источников¹.

Тем не менее, многие, казалось бы, хорошо разработанные сюжеты истории взаимоотношений двух тоталитарных режимов *плохо поддаются* интерпретации. В частности, это вопросы, связанные с периодом сближения СССР и Германии в 1939–1941 гг. Как два, безусловно, враждебных политических режима сумели в этот период обойти фундаментальные мировоззренческие разногласия таким образом, чтобы не просто игнорировать спорные идеологические моменты, но чтобы в своей пропаганде еще и нарисовать *более или менее позитивный образ несомненного врага?* Имелись ли идеологические возможности для такого поворота, и если да, то какова их природа?

Традиционно считается, что поворот в советской пропаганде 1939 г. был исключительно конъюнктурным, и с началом войны произошел возврат к классическому варианту большевистской идеологии. Изменились лишь некоторые акценты: гораздо больше внимания стало уделяться исторической традиции и т.д. Связи между особенностями пропаганды 1939–1941 гг. и пропагандой времен войны, как правило, не усматриваются. Между тем, такая связь существует, хотя и не очевидна. Она находится в области, которую можно назвать *парадигмальной*². В данной статье мы попытаемся

¹ *Лакер У.* Россия и Германия наставники Гитлера. Вашингтон, 1991; *Буллок А.* Сталин и Гитлер. Жизнь и власть. Смоленск, 1994; *Орлов Б.* Германия и СССР: в 30-е годы: сходство и различия // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989; *Чернявский Г.* Большевизм и фашизм: сравнительный анализ двух форм тоталитаризма. Харьков, 1993; *Михайлеико В.И., Нестерова Т.И.* Тоталитаризм в XX веке. Екатеринбург, 2000.

² Под парадигмой мы, вслед за Т. Куном, понимаем совокупность базовых теоретических установок и вытекающих из них методов и средств, применение которых обеспечивает решение той или иной задачи. Наиболее актуальной представляется интерпретация этой концепции И.Лакатосом, который выделял в данной совокупности идей «жесткое ядро» и «периферию», то есть главную и вспомогательную часть парадигмы (научной программы). В случае, если парадигма «не срабатывает», они могут меняться местами. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // *Лакатос И.* Методология исследовательских программ. М., 2003. С. 140, 174.

обосновать этот тезис, особенно важный, на наш взгляд в эвристическом контексте.

Идеологический «центр» и идеологическая «периферия»

Что в нашем понимании означает термин «тоталитарная идеология»? Прежде всего, это монистическая идеология, в структуре которой жестко проведен принцип иерархии. Действительно, и в большевизме, и в национал-социализме мы обнаруживаем подчинение второстепенных аспектов мировоззрения (извлекаемых по мере надобности из «идейной периферии») какому-то одному центральному положению (то есть собственно «идеологической системе», ее «жесткому ядру»).

В большевизме роль «жесткого ядра системы» играет марксистское учение о классах и классовой борьбе. Общество рассматривается как совокупность классов, а вся история человечества – как история борьбы классов. Среди классов, когда-либо вышедших на историческую сцену, наибольшее внимание уделяется двум — буржуазии и пролетариату. Исключительную роль в данной системе играло учение об «империализме как высшей стадии капитализма». Согласно ему, капитализм в конце XIX – начале XX века вступал в новую и заключительную фазу своего развития, характеризующуюся резким возрастанием степени монополизации капитала, усилением роли финансовых структур, в целом завершившимся разделом мира на сферы влияния и обострением военного противостояния ведущих капиталистических держав в борьбе за новые рынки сбыта. Наступившая эпоха, таким образом, обещала быть (и стала) особенно богатой разного рода социальными и внешнеполитическими катаклизмами и заслуживала названия «эпохи войн и революций». Большое значение приобретали именно империалистические войны, невиданные по масштабу лишений и жертв, в ходе которых с неизбежностью должно было вызреть массовое недовольство капитализмом. Войны рассматривались как прелюдии пролетарских социалистических революций.

Большевистскими идеологами Советский Союз рассматривается как цитадель мирового социализма. Он является гарантом успеха международного революционного рабочего движения, его материальной базой и моральной опорой. Большое значение имело тщательно насаждаемое в массах убеждение в том, что СССР нахо-

дится во враждебном международном окружении и что за пределами его границ у него нет друзей и союзников среди капиталистических государств и их правящих элит. Исключение составляют более или менее широкие круги «прогрессивной общественности» и революционного пролетариата капиталистических стран. На последний возлагались великие надежды в случае империалистической агрессии против страны Советов. Согласно данной трактовке, рабочий класс капиталистических стран должен восстать против своих правительств, если те осмелятся напасть на пролетариев, обретших свое социалистическое отечество. Другими словами, акт агрессии против СССР станет прелюдией социалистической революции и гражданской войны в стране агрессора. Задача подготовить почву для такого поворота событий возлагалась на руководимый из Москвы Коммунистический Интернационал.

Считалось, что и в СССР социалистический режим находится в постоянной опасности контрреволюционного рванша. Ядро контрреволюционеров и вредителей составляли классовые враги: представители буржуазии, дворянства, царского чиновничества и прочих связанных с самодержавием социальных групп. К ним примыкали остатки разгромленных большевиками оппозиционных политических течений и партий — кадеты, эсеры, меньшевики, монархисты, черносотенцы. Позже, когда обострилась внутрипартийная борьба, в стан «врагов народа» переключались разного рода уклонисты — от левых (троцкистов) до правых (бухаринцев). Далее, в результате политики коллективизации пришлось бороться и с многочисленным крестьянством — круг врагов пополнился кулаками и подкулачниками. Тут уже речь шла о реальной политической проблеме, поскольку крестьянство оставалось большинством населения. Предполагалось также, что враждебное империалистическое окружение постоянно засылает диверсантов и шпионов извне. Оружием против их происков являлась постоянная бдительность. В итоге было объявлено, что, по мере успехов социалистического строительства, усиливается и отчаянное сопротивление многочисленных «врагов народа». А это, в свою очередь, требует адекватных мер, которые и принимались в известных всем масштабах.

Такой в своих общих проявлениях была структура ленинско-сталинского варианта того, что мы здесь называем советской тоталитарностью.

литарной идеологией. С ее помощью советский режим достигал легитимации как в собственных глазах, так и в глазах населения и даже, отчасти, в глазах той части мировой общественности, которая находила достаточно обоснованной марксистскую версию философии истории и вытекающие из нее представления о законах социального прогресса.

В национал-социалистических воззрениях дело обстояло сходным образом: нацизм также являлся монистической тоталитарной идеологией. Как отмечали многие наблюдатели, с самого момента выхода национал-социалистического движения на политическую арену ведущим элементом в его идеологии являлся расизм. Если коммунисты рассматривали историю обществ как историю борьбы классов, то идеологи национал-социализма видели в ней борьбу наций как отражение борьбы и взаимодействия рас; понятие расы для них было ключевым и обладало большой объяснительной ценностью. Государство для нацистов, как и для коммунистов, также не было самодовлеющей сущностью: если у коммунистов оно рассматривалось как форма классового господства, то у национал-социалистов – как средство сохранения чистоты расы. Нацисты, в общем, разделяли гегельянское деление народов на «исторические» и «неисторические», с той лишь разницей, что основным критерием «историчности» или «неисторичности» являлось расовое достоинство³. Расовый подход имел и культурно-историческую составляющую, поскольку главную аргументацию касательно высокого достоинства арийской расы нацисты черпали из истории культуры. «Все великие культуры прошлого погибли только в результате того, что творческий народ вымирал в результате отравления крови»⁴. Арий-

³ Н. Гудрик-Кларк пишет: «Ариософия есть скорее симптом, чем причина, повлиявшая на нацизм. Ее корни лежат в конфликте между немецкими и славянскими интересами в пограничных территориях Австрии XIX века. Похвалы Гвидо фон Листа, адресованные древним тевтонцам, поддерживали идентичность немецкого народа в этнически смешанных провинциях и городах поздней империи Габсбургов. Впоследствии он использовал теософию и оккультные науки для того, чтобы создать сказочный образ древней истории, рассказывающей о королях-священниках, об их преследовании врагами германизма и апокалиптических пророчествах новой пангерманской империи». Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. М., 2004. С.326

⁴ Гитлер А. Моя борьба. М., 1992. С. 252.

цы считались создателями наиболее привлекательных культурных ценностей, да и вообще культуры как таковой. Этим и обуславливалось всемирно-историческое значение арийской расы: исчезни она вдруг с лица земли — мир погрузился бы во тьму, которую более не освещали бы божественные искры арийского гения.

Враг — тоже исключительно расовый. Это мировое еврейство, классическая низшая раса, квинтэссенция расовой низости. Еврей изначально противостоит арийцу во всех сферах культурной, экономической и политической жизни. Если ариец творит на благо человечества, осененный божественным духом, то еврей исключительно подрывает и разрушает, извращая и искажая все плоды арийского гения себе на пользу. «Еврей вторгается повсюду и, сохраняя себя, разлагает других. Еврейская религия — не что иное, как учение о сохранении еврейской расы. Еврейская политика — борьба за мировую гегемонию еврейства. Ариец обязан защищаться — иначе рухнет мировая культура» — так коротко резюмировал эту часть нацистских воззрений Н. В. Устрялов⁵.

Соответственно, арийское государство обязано ликвидировать всякое еврейское влияние на общество. Это достигается печально знаменитыми нацистскими мерами по «окончательному решению» еврейского вопроса, а также тщательным удалением из социально-культурной жизни всех проявлений еврейского духа, начиная от либерально-демократических институтов и заканчивая рядом произведений искусства, научных и философских теорий. Таким образом общество очищается и реорганизуется на арийских началах корпоративности, подчинения харизматическому вождю и национального единства.

Это центральные, основные тезисы описываемых идеологий, которым с большей или меньшей последовательностью подчинены положения периферийные. Под *идеологической периферией* мы в дальнейшем будем подразумевать те аспекты тоталитарных идеологий, которые, будучи достаточно важными, *не играют ведущей роли* при аргументации притязаний на мировое господство, а также при определении приверженцами тоталитарных идеологий собственной идентичности.

⁵ Устрялов Н.В. Германский национал-социализм. М., 1999. С. 22.

В большевизме широко использовалась аргументация, черпающая свое содержание из периферийных для коммунистической доктрины областей гуманитарного знания (прежде всего из культуры и истории). Однако эта аргументация приобретает важное значение лишь тогда, когда адресуется социально-политической «периферии». Таковой, по сути, является все еще не вполне «классово сознательное» общество, вся масса рабочих и крестьян, которой догматы надо разъяснять на примерах, с которой надо вести воспитательную работу в рамках культурной революции. Другой частью, условно выражаясь, периферийной аудитории, нуждающейся в дополнительном воздействии периферийной аргументации, является уже упомянутая зарубежная «прогрессивная общественность». Именно для нее предназначены, например, все пропагандистские ходы, построенные на привязывании коммунизма к европейской либерально-гуманистической и революционно-демократической традиции.

В национал-социализме к идеологической периферии относится, напротив, все, касающееся социально-классового деления общества и политической экономики. Это закономерно, поскольку одним из основных положений нацизма является приоритет расового и национального, как факторов, обеспечивающих единство общества. Уже в известных 25-ти пунктах 1920 г., провозглашенных А. Гитлером в мюнхенской пивной "Хофбройхаус", фигурируют социальные и экономические требования вроде «уничтожения нетрудового дохода и долгового рабства», «национализации всех трестированных предприятий», «разделения прибылей во всех больших предприятиях», «охраны старости», «создания и поддержания здорового среднего сословия, немедленного обобществления больших универсальных магазинов и сдачи их внаймы по дешевым ценам мелким ремесленникам», «внимания к мелким торговцам», «земельной реформы», «доступности для всех высшего образования» и т. д.⁶ Нацизм даже полагал себя отчасти и социалистическим движением, но только не в классовом смысле, хотя отдельные его идеологи, вроде Г. Штрассера, готовы были зайти в этом направлении довольно далеко. Однако, в конечном счете возобладали точка зрения не братьев Штрассеров, а А. Гитлера и

⁶ *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии. М., 1998. С. 189; *Энциклопедия Третьего рейха.* М., 1996. С. 336-337.

Г. Ф. Федер, что убедительно показывает: рабочий вопрос, как и прочие социальные и экономические проблемы того же ряда для нацизма все-таки являлись периферийными.

Для «периферийной» международной аудитории, не имевшей возможность соотнести теорию и практику внутри СССР и Третьего Рейха, предназначалась демократическая фразеология. Так, О. Дитрих, на приеме представителей германской и зарубежной печати в Нюрнберге 8 сентября 1936 г. говорил, что «национал-социалистская форма государства, как авторитарная народная власть, в действительности является наиболее *современной демократией* (здесь и далее курсив мой. — С. Е.) в истории человечества» и что «национал-социалистская государственная идея противопоставляет принципу большинства ложно понятой демократии принцип *действительно демократического* вождистского государства»⁷. Другими словами, ориентируясь на иностранную и потенциально враждебную аудиторию, национал-социализм, как и советский коммунизм, был вынужден пытаться хотя бы отчасти встроиться в либерально-демократическую традицию, стараться обезоружить скептиков на поле либерально-демократической экзегезы.

Но вся эта периферийная фразеология оказывалась совершенно излишней, когда разговор велся в кругу соратников и «старых борцов» или когда требовалось лаконично охарактеризовать собственную идентичность или же идентифицировать врага. Тогда достаточно было говорить о себе как об «истинных арийцах», а все чуждое и враждебное характеризовать как «еврейское». Когда, в период потепления отношений между СССР и Германией, С.М. Эйзенштейн поставил любимую А. Гитлером оперу Р. Вагнера «Валькирия», представители германского посольства не вдавались в искусствоведческие рассуждения, а просто назвали преподнесенную зрителям трактовку Вагнера «еврейско-большевистской»⁸.

Образ главного врага

Далее, необходимо отметить еще один ключевой для нас аспект тоталитарной идеологии, а именно — ту роль, которую играет

⁷ «Фелькишер беобахтер». 9 сентября 1936 г.

⁸ *Невежин В.А.* Метаморфозы советской пропаганды в 1939–1941 годах // Вопросы истории, 1994. № 4. С. 169.

в ней образ *главного врага*. Для тоталитарной идеологии образ главного врага исключительно важен, поскольку он приобретает огромное значение при конституировании собственной идентичности⁹. Действительно, невозможно представить себе ни большевизма, ни национал-социализма без тех исключительно ярких и предельно символических образов противника, которые они себе нарисовали в борьбе за мировое господство. Без этих образов оба движения теряют свою соль, лишаются при отстаивании своих претензий самых важных и эмоциональных аргументов. По определению российского историка А. В. Фатеева, «образ врага» является идеологическим выражением общественного антагонизма, динамическим символом враждебных гражданину и государству сил, инструментом политики правящей элиты¹⁰. Человеку свойственно переносить любые внутренние трудности и негативные качества на некий собирательный враждебный тип, который олицетворяет силы зла и разрушения. Образ врага дает огромное облегчение для собственной совести. Он же «избавляет общество от моральной ответственности»¹¹.

Для большевизма главным врагом являлась, конечно, мировая империалистическая буржуазия, которая всячески стремится отсрочить час своего падения и победы пролетариата. Ради достижения этой цели, империалисты всех стран прибегают к самым разнообразным способам. Едва ли не самым важным из них — попытки дезориентировать рабочий класс, подсунуть ему вместо истинного понимания своих интересов реформистские иллюзии, отвлечь пролетариат от революционного пути, соблазнив его уступками в области экономического благосостояния и социальных гарантий. Но это — только одна сторона тактики буржуазии по отношению к рабочему классу, своего рода «пряник»; другой же и

⁹ Образ «внешней среды» связан с механизмом постоянного воспроизводства «идеологической системы». Причем важна именно враждебность «внешней среды», поскольку та изначально воспринимается системой как объект властного воздействия, которое может быть как символическим, так и физическим.

¹⁰ Фатеев А.В. «Образ врага» в советской пропаганде 1945–1954 гг. М., 1999. С. 4.

¹¹ Гозман Л., Эткин А. Структура тоталитарного сознания // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 342.

более приемлемой для звериной сущности капитализма является жестокая тактика «кнута». При каждом удобном случае буржуазия прибегает к прямым репрессиям против коммунистических рабочих лидеров, иногда прикрываясь фиговыми листочками либеральной законности, а иногда и открыто.

Обе эти тактики в глазах деятелей международного и советского коммунизма в 1920-е и, отчасти, 1930-е гг. находили живое воплощение в деятельности социал-демократии. Социал-демократию большевики считали основным и наиболее опасным противником, гораздо более опасным, чем политические организации и идеология чистокровно-классовой буржуазии. Тому был ряд причин как догматического, так и конкретно-исторического плана. Коммунисты не могли простить социал-демократии ни страшного греха оппортунизма и реформизма, ни «предательства» интересов рабочего класса во время революций в России, Германии и Венгрии. Особенно в Германии, на которую возлагались особые надежды и которая, как предполагалось, станет центром мирового коммунизма после победы в ней пролетарской революции. Эти надежды пошли прахом, как вполне справедливо полагали большевики, из-за того, что германская социал-демократия категорически не желала продолжать революцию, руками рейхсвера задавила Баварскую Советскую республику, уничтожив К. Либкнехта и Р. Люксембург и многих других коммунистов. Также и во всех остальных странах социал-демократия являлась противником коммунизма, тем более страшным, что она успешно оспаривала у последнего его пролетарскую социальную базу. Поэтому коминтерновская пропаганда неустанно повторяла, что непременным условием победы мировой революции является идейная и организационная победа коммунизма над социал-демократией.

Когда на политической сцене Европы появился фашизм, коммунисты всерьез его не восприняли, считая это движение всего лишь одним из проявлений разложения буржуазного общества эпохи империализма и потому не имеющим самостоятельной значимости. Тем не менее, коммунисты быстро оценили степень оскорбительности ярлыка «фашист» для многих оппонентов и в дальнейшем активно его использовали. Секрет оскорбительности лежал на поверхности и заключался в том, что, при всех разногла-

сиях между коммунистами и социал-демократами насчет природы фашизма, и те, и другие признавали фашизм буржуазным политическим течением. Было очевидно, что это течение явно антидемократическое (реакционное), а также, что оно работает на руку тем слоям буржуазии, которые хотят вначале подчинить себе рабочее движение и беднейшие слои населения посредством популистской и националистической демагогии, а затем с ним расправиться. Но ведь примерно тем же самым занимались, согласно коммунистической казуистике, и социал-демократы. Так в обиход коммунистической пропаганды на долгое время прочно вошел ярлык «социал-фашизм», которым пропагандисты Коминтерна постоянно «навешивали» на своих «оппортунистических» конкурентов.

Для коммунистов все их противники из «буржуазного лагеря» вплоть до VII Конгресса Коминтерна 1935 г. были, образно выражаясь, серы, как кошки ночью: все они стремились вредить пролетариату, и потому выбирать сторону кого-либо из них было бессмысленно. Все авторитарные режимы, все антикоммунистические силы с легкостью записывались в фашистский лагерь; не существовало разницы между режимами Ф. Франко, Б. Муссолини или авторитарным режимом, который установился в императорской Японии. Фашистским называли и социал-демократическое правительство Г. Брюнинга в Германии. Национал-социализм долгое время в коммунистической пропаганде почти не различался — одно из буржуазных движений и не более того. Фашизм не пытались сколько нибудь детально теоретически осмыслить не в последнюю очередь потому, что он не воспринимался в качестве основного противника. Считалось также, что крупная буржуазия, которая вскармливает фашизм, никогда не поделится с ним властью: использует для достижения сиюминутных политических целей и отбросит. Опасения по поводу фашизма, испытываемые социал-демократами, категорически отвергались, а все трудности, которые фашисты доставляли правящим в Германии социал-демократам, приветствовались. Фашизм в политической сфере даже представлялся движением, весьма полезным для дестабилизации буржуазного парламентского режима. В сфере социальной он рассматривался как яркий симптом надвигающейся пролетарской революции, ее невольный непосредственный предтеча. Поэтому угрозы фаши-

стов после прихода к власти расправиться с «марксистами» на коммунистов впечатления не производили: во-первых, кто им даст, во-вторых, все равно нет разницы между одним фашизмом и другим. Когда на такую разницу указывали социал-демократы, их язвительно высмеивали.

Только когда на практике выяснилась политическая мощь фашизма, потребовалось дать ему четкую дефиницию. Такая дефиниция была дана в декабре 1933 г. на заседании Исполкома Коминтерна в Москве. Тогда было сформулировано дошедшее до наших дней определение: «фашизм — открытая террористическая диктатура наиболее реакционных шовинистических и империалистических элементов финансового капитала, которая пытается обеспечить массовую базу для монополистического капитализма среди мелкой буржуазии, апеллируя к крестьянству, ремесленникам, служащим и, в особенности, к деклассированным элементам больших городов»¹². Иначе говоря, фашизм объявлялся квинтэссенцией буржуазности и империализма и повышался в ранге до статуса главного противника.

Таким образом, в советской версии тоталитарной идеологии фашизм занял *структурно ключевое место*. Что это означало для фашизма как феномена, требовавшего осмысления? То, что фашизм оказался полностью встроенным в классовую доктрину и в коммунистическую пропаганду истолковывался исключительно с классовых позиций, занимавших центральное место в советской версии тоталитарной идеологии. Коммунисты пытались интерпретировать феномен фашизма, анализируя его лишь в терминах классовых интересов. Они рассматривали его как детище крупной германской империалистической буржуазии и всячески способствовали распространению этой версии в кругах мировой общественности. С точки зрения коммунистической пропаганды, капитаны германской тяжелой индустрии просто составили заговор против пролетариата и затем финансово и организационно поддерживали партию, которая, как им казалось, является наиболее эффективным орудием против «красной опасности». Фашистский режим объявлялся продуктом заговора трех тысяч крупных

¹² XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1934. С. 32.

промышленников. Тем самым, «коммунисты (и не только они) приписывали лидерам германской индустрии, в особенности тяжелой промышленности, дальновидность, дьявольскую хитрость и, прежде всего, единство цели — все то, чем те никогда не обладали. Капитаны германской промышленности того времени, за весьма немногими исключениями, обнаруживали как раз противоположные качества — это были крайне ограниченные и недалевидные люди, отнюдь не склонные дерзать, скорее бесхребетные»¹³.

Реальное положение вещей было гораздо сложнее, чем это представлялось из Кремля. Классовый подход не мог удовлетворительно объяснить такие характерные для фашизма феномены, как его поддержку большим числом германских рабочих или отнюдь не всегда благосклонную политику нацистского режима по отношению к «классово близким» капитанам тяжелой индустрии. Однако коммунистов все это почти не смущало, и они с легкостью находили объяснение того, что огромное большинство членов фашистской партии голосует и действует как раз против своих классовых интересов. Утверждалось, что в данном случае классовые интересы понимаются неправильно; когда режим обнаружит свое подлинное классовое лицо, рабочие и мелкая буржуазия от него отшатнутся. А нацистский режим свое лицо должен был обнаружить непременно, поскольку дела его, согласно многочисленным публикациям в советских газетах и журналах, шли все хуже и хуже. Огромное число статей, посвященных экономическому положению в Третьем Рейхе, имело своим лейтмотивом описание все обостряющегося экономического кризиса, причиной которого объявлялась милитаризация экономики и политика автаркии. Вся приводимая в советских публикациях статистика должна была убедить читателя в том, что экономический крах Рейха является только вопросом времени, а вслед за ним последует и крушение режима.

Вместе с тем, советская пропаганда активно использовала и периферийные с классовой точки зрения моменты: в прессе широко освещалась культурная политика фашизма, которую характеризовали как триумф иррационализма и мракобесия. Много писали о том, как в Германии сжигают книги, преследуют неудобных в

¹³ *Лакер У.* Указ. соч. С. 267.

идеологическом или расовом отношении интеллектуалов. Вместе с тем, культурная катастрофа в Германии объяснялась как одно из закономерных следствий всеобщего кризиса империализма и вообще буржуазного, классово-эксплуататорского строя. С этой точки зрения не казалось удивительным, что весь пласт «культурных достижений, завоеванных в свое время революционной буржуазией», был так быстро уничтожен. Только следование по социалистическому пути могло гарантировать культурный расцвет, а также позволить сохранить европейское гуманистическое наследие, с которым коммунисты себя генетически связывали.

Так или иначе, но культурные аргументы против фашизма в советской пропаганде не могли быть главными. В конце концов, в СССР с культурой проделывались примерно те же манипуляции, что и в Германии, и культурная политика была всецело подчинена нуждам «центра» идеологической системы. Находясь на точке зрения этого центра, фашизму никак нельзя было дать иной, кроме негативной характеристики, не меняя самого существа коммунистической ортодоксии. Но вот в вопросах культуры, как выяснилось немного позже, изменение оценки оказалось *возможным*.

Что касается национал-социализма, то в нем с созданием образа главного врага возникало не больше проблем, чем в коммунизме 1930-х гг. Исходя из центральных положений национал-социалистической идеологии, главным врагом объявлялось, прежде всего, мировое еврейство, а все прочие враги считались производными. Точно так же, как фашизм с точки зрения коммунистов провозглашался феноменом исключительно классовым, большевизм с фашистской точки зрения был явлением сугубо расовым. Нацисты в своей пропаганде никогда не упускали случая заявить, что «большевизм без маски — это еврей, и что важные посты в Москве, как и посты агентов красной сети Коммунистического Интернационала заняты евреями»¹⁴.

Большевизм сам по себе долгое время не являлся для национал-социалистов главным противником — по крайней мере, на аренах внутренней политики и идеологической борьбы. Нацистские идеологи еще в меньшей степени, чем коммунистические, пы-

¹⁴ «Фелькишер беобахтер». 9 сентября 1936 г.

тались завязать со своим противником идейную полемику; они просто объявили коммунизм очередным проявлением «бунта недочеловеков». Вместе с тем, трудно переоценить то значение, которое сыграла антикоммунистическая пропаганда в становлении национал-социалистического движения и в укреплении гитлеровского режима. В период 1923–1926 гг. нацисты расширили массовую базу своего движения, утверждая, что коммунисты и социал-демократы явились теми самыми «ноябрьскими преступниками», которые ударили в спину кайзеровской Германии, предопределив тем самым ее поражение в войне и национальную и экономическую катастрофу. В 1932–1933 гг. активная антикоммунистическая пропаганда способствовала завоеванию электората в процессе непосредственной борьбы за власть; а искусно подогреваемый в среде консервативного истеблишмента страх перед «красной опасностью» стал одним из весомых аргументов в пользу назначения Гитлера канцлером. Наконец, в 1935–1936 гг. антикоммунизм «способствовал подведению немецкого общества к осознанию необходимости войны против СССР и нейтрализации Запада в процессе подготовки этой войны»¹⁵. Только теперь, начиная с этого момента, мировой большевизм начинает восприниматься как «враг № 1», с которым в принципе невозможно договориться и с которым поэтому придется воевать. Большевизм стал основным врагом тогда, когда советская дипломатия стала все настойчивее высказываться в пользу *силового ограничения* экспансионистских устремлений Третьего Рейха и тем самым посягать на один из центральных нацистских постулатов, а именно — склонность решать расовые и экономические проблемы военным путем.

Конструирование позитивного образа «главного врага»: смена пропагандистской парадигмы

В 1939 г. произошло крутое изменение отношений между СССР и Третьим Рейхом, которое было закреплено в пакте Молотова-Риббентропа. В связи с этим пропагандистские машины обоих государств оказались перед лицом необходимости если и не изме-

¹⁵ Бабиченко Д.Л. ЦК ВКП (б) и советская литература: проблемы политического руководства 1939–1946. Автореф. дис. ... канд. ист. наук М., 1993. С. 15.

нить образ недавнего противника на диаметрально противоположный, то все же его существенно скорректировать.

Суммируя все сказанное в предыдущих разделах, мы можем заключить, что ни в основном идеологическом арсенале советского коммунизма, ни в основном идейном багаже национал-социализма не могло найтись ни соответствующих терминов, ни выразительных средств, с помощью которых, в случае необходимости, можно было бы создать позитивный образ своего главного врага. Причиной тому было одно совпадение: главный враг являлся также врагом «идеальным», то есть жизненно необходимым для создания, подкрепления и воспроизводства собственной идентичности.

Тем не менее, поворот в пропаганде на деле оказался возможным при одном важном условии: с обеих сторон начали делать ставку не на идеологический «центр», а на идеологическую «периферию». В работе В.А. Неvejeва, посвященной метаморфозам советской пропаганды в 1939–1941 гг., эта общая «периферийная» направленность советской пропаганды отражена достаточно ярко. Автор отмечает, что в СССР после заключения Пакта о ненападении с Германией «упрощенной антифашистской агитации» (выражение В.М. Молотова) был положен конец. Различия в мировоззрениях и социальных системах двух стран отныне не являлись помехой для развития и расцвета дружбы между народами Советского Союза и Германии. В прессе прекратились все выпады против этой страны; события внешней политики освещались с германской точки зрения, антифашистская литература была изъята из книжной продажи.

Напротив, начали указывать на то, что «германский народ традиционно (курсив мой. — С. Е.) с нами связан»¹⁶. Слово «фашист» исчезло со страниц советской печати, сменившись более нейтральным «член национал-социалистической партии». Если раньше Германию обвиняли в развязывании новой мировой войны, то после заключения пакта главными обвиняемыми вновь (как после Гражданской войны) стали Англия и Франция; насчет же Германии утверждалось, что она «претерпела больше несправедливости, чем творит сама»¹⁷.

¹⁶ Неvejeв В. А. Указ соч. С. 166.

¹⁷ Там же. С. 167.

Начался проводиться курс на *культурное* сближение СССР и Германии. Немецкие переводчики в Москве стремились возможно полно ознакомить германскую публику с русской и советской поэзией. Параллельно советский читатель получил возможность более широкого доступа к современным произведениям германской литературы, из состава которой исключались открыто антифашистские произведения. В рамках этой политики журнал «Интернациональная литература» с 1940 г. начал публиковать материалы о культурной жизни в Третьем рейхе; там же помещались положительные отзывы немецкой прессы о творчестве корифеев русской литературы, драматургии и музыки. А составители сборника «Спорт за рубежом» (как их обвиняли позже), «предоставили советский орган пропаганде германфильских идей», восхваляя организацию физической *культуры* в Германии.

Мы не случайно выделяли выше курсивом слово «культура»: вспомним, что «периферийные» аспекты советской тоталитарной идеологии этим термином исчерпываются едва ли не полностью. Стоит ли после этого удивляться, что для создания позитивного образа врага были использованы именно характеристики, связанные с культурой? Ради полноты отметим, что «центральные» ресурсы советской идеологии также могли быть отчасти привлечены и косвенно использованы для создания позитивного образа фашистской Германии. Например, война Германии против Англии и Франции могла рассматриваться как объективно исторически прогрессивная, поскольку она должна была способствовать крушению мировой колониальной системы.

Итак, «периферийный» поворот в советской пропаганде означал создание позитивного культурного имиджа бывшего заклятого врага. Как такой же поворот выглядел в германской пропаганде?

В Германии было решено разослать секретный циркуляр полицейским управлениям и руководителям СС. В этом циркуляре А. Гитлер приказывал использовать коммунистов для официальной военной пропаганды под лозунгом: «*Пролетарские* государства против капиталистических стран». Он заявил также, что необходимо подчеркивать перед массами сходство правительств Германии и СССР. В то же время, газета «Фелькишер беобахтер» от 24 августа 1939 г., подчеркивая выгоды *экономического сотрудничества* ме-

жду СССР и Германией, писала: «Советская Россия и Германия отстранены демократией от строительства новой мировой экономики на здоровом, современном практическом базисе, потому что эти демократии хотят искусственно сохранить старую мировую экономику, несмотря на ее крах. Старая мировая экономика, так же как и устаревшие демократии, не может воспрепятствовать тому, что обе страны строят свое собственное народное хозяйство, причем между ними происходит сильный, необходимый обеим странам, товарообмен»¹⁸. Другими словами, с германской стороны также использовались «периферийные» тезисы о близости *экономических интересов* обеих стран и, отчасти, о сходстве *политических режимов*. Как мы показали выше, все эти тезисы были далеки от «твердого ядра» («центра») идеологической системы. В обосновании нацистской идеологией своей идентичности как классовая аргументация («пролетарские государства против буржуазных»), так и аргументация экономическая играли незначительную роль.

* * *

Суммируя сказанное, мы можем утверждать следующее. Вплоть до 1939 г. в советской пропаганде *преобладала классовая парадигма*. В период же потепления отношений с нацистской Германией в 1939–1941 гг. она частично была заменена на другую, которую можно назвать *национально-культурной* или *культурно-исторической*. В пропаганде Германии в то же время *расовая парадигма* отчасти сменилась на *политико-экономическую*. «Жесткое ядро» и «периферия» идеологии как бы поменялись местами.

В 1941 г. началась война, и «периферийный» поворот в советской и германской пропаганде естественным образом закончился. Германская пропаганда снова обрела свое прежнее направление. Что же стало с пропагандой советской? Суть трансформации советской пропаганды заключалась в том, что при замене позитивной оценки нацистской Германии на прежнюю негативную сама парадигма *сохранила свой национально-культурный характер*. Существенно здесь то, что данная парадигма начала активно использо-

¹⁸ «Фелькишер беобахтер». 24 августа 1939 г.

ваться не только при создании негативного образа врага, но и при создании *собственного позитивного образа*. Она же помогала создать *позитивный образ союзников*. В этом новом контексте правительств У. Черчиля и Ф. Рузвельта могли более не рассматриваться только как «классово чуждые».

Строго говоря, первые признаки поворота в сторону пропагандистского использования национально-культурной парадигмы «для собственных нужд», а не только «на экспорт», наметились уже в мае 1941 г. Тогда были составлены проекты директив о политической пропаганде среди населения. В частности, «предлагалось переиздать массовым тиражом книги о Ледовом побоище 1242 г., разгроме немецких оккупантов на Украине в 1918 г., Грюнвальдской битве 1410 г., антигерманскую наступательную повесть Н.Н. Шпанова “Первый удар”»¹⁹.

Но кардинальные изменения произошли только после начала войны. «Сказки периода народного фронта, — отмечает в связи с этим У. Лакер — что национал-социализм – это власть 3000 капиталистов-монополистов, были немедленно забыты. «Враг жесток и неумолим» — сказал Сталин в одном из своих первых выступлений времен войны, и «врагом» отныне становился каждый немец...»²⁰. И далее: «Для Красной Армии не составляло большой разницы, кто стоит у немецкой пушки, — дети рабочих или капиталистов-монополистов. Только с приближением победы были усмирены наиболее ретивые антинемецкие пропагандисты. Согласно общепринятой формуле, Россия вела отечественную войну против безжалостного оккупанта, нацистские планы толковались в терминах традиционного германского экспансионизма. Никто тогда не размышлял об особенностях страны-оккупанта, ее политической и социально-экономической системы. Для большинства тех, к кому все происходящее имело отношение, война была битвой между Россией и Германией, а не между фашизмом и коммунизмом»²¹.

¹⁹ Невежин В.А. Указ. соч. С. 170.

²⁰ Лакер У. Указ. соч. С. 301.

²¹ Там же. С. 302.

Г. А. ЯНКОВСКАЯ

**МЕМОРИАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ
ВОЙНЫ И МИРА
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРАКТИКАХ
«МИНИ-ОТТЕПЕЛИ» 1945–1946 ГОДОВ**

Визуальное (воспринимаемое глазом и специально предназначенное для рассматривания) активно участвует в конструировании культурной памяти. При этом единая психофизиология зрения порождает исторически изменчивую социальную практику — видение. В разных обществах одни и те же сюжеты могут считаться непристойными для изображения, либо восприниматься как нечто обыденное. Специалист видит иначе, чем неискушенный зритель, глаз «окультуренного» человека замечает совсем не то, что глаз представителя архаичной культуры. Иначе говоря, у каждого времени и общества есть своя «оптика», точнее — несколько социальных оптических систем, с помощью которых социум выставляет напоказ или укрывает от нежелательного взгляда факты, нормы, мнения, ценности. Любое событие порождает многоликую визуальную репрезентацию. Тем более такое масштабное и катастрофическое, как Вторая мировая война.

В Советском Союзе, как и в других странах — участницах Второй мировой войны, сложился особый военный визуальный репертуар, состоящий из допускаемых к публичной демонстрации образов побед и поражений, армии и партизан, тыла и оккупации, героев и предателей, мужчин и женщин на войне. Часть эталонных и типовых изображений (постановочные фотопортреты фронтовиков, групповые снимки на фоне трофеев, репортажные зарисовки, натуралистические картины ужасов войны и опереточно-условные образы вражеской армии) появились непосредственно в годы войны. В визуальном репертуаре тех лет широко использовались стилистические и композиционные приемы пропаганды периода Первой мировой войны (особенно в плакатах и рекламе). Именно тогда рекрутинговые и антишпионские жесты, приемы визуализации врага и правительственных решений сложились в универсальный межнациональный язык, поскольку во всех воюющих странах он предназначался для решения общих задач

мобилизации населения и легитимации чрезвычайных мер военного времени¹. Однако, помимо универсальных компонентов, визуальная репрезентация войны в каждой воюющей стране имела свои ярко выраженные особенности. В том числе, и в Советском Союзе, где был памятен язык изобразительной пропаганды времен гражданской войны и социальных конфликтов 1920–1930-х гг.

С окончанием Великой Отечественной войны начинается многоплановая социальная активность «верхов» и «низов» общества по осмыслению событий военных лет. Образы войны стали полем конфликтного столкновения только что пережитого личного опыта и практик его фиксации, запоминания, интерпретации. В изображениях мирного быта обозначился трехсторонний конфликт ожиданий населения, интенций власти и реалий послевоенной жизни. В эту работу по конструированию мемориальных образов войны и победы постепенно втягивались все виды художественного конструирования прошлого: литература, музыка, архитектура, кино и фотография, эстрада, фольклор. Изобразительные искусства не были исключением. Доля «изо» (воспользуюсь характерным для лексикона той эпохи административным сленгом) в визуализации памяти о войне была скромнее, нежели фотографии или кинематографа, и, тем не менее, коллективная память неотделима от графических, живописных или скульптурных изображений.

На формирование базовых ценностных компонентов легитимной для власти и основных групп советского общества версии памяти о войне было затрачено немало времени и политических усилий. Ранний этап меморизации военного опыта (1945–1946 гг.) представляет в этом отношении исключительный интерес. Прежде всего потому, что первые послевоенные годы были временем интенсивной социальной динамики. Формула «Россия в потоке» точно характеризует состояние страны, приступившей к демилитаризации. Транзит от войны к миру, от чрезвычайности к нормальности предполагал массовые перемещения населения в связи с демобилизацией, реэва-

¹ Универсальным приемам визуальной пропаганды посвящено немало исследовательской литературы. См., например: *Rhodes A. Propaganda, The Art of Persuasion: World War II. N.Y.–L., 1976*, *Clark T. Art and Propaganda in the Twentieth Century. The Political Image in the Age of Mass Culture. L., 1997.*, *Weapons of Mass Dissemination: the Propaganda of War. Catalog of Exhibition 13 Sept. 2003 – 13 June 2004. Wolfsonian-Florida International University. Miami-Beach, 2004.*

куацией, репатриацией и прочими вынужденными миграциями. Одновременно шла быстрая смена социальных статусов военного времени, когда, например, классовые критерии, столь существенные в 1930-е гг., теряли свое значение, или когда командир армейского подразделения «на гражданке» превращался в рядового обывателя, а женщина, управляющая в годы войны крупным производством, уступала свой пост вернувшемуся с фронта мужчине. Победа легитимировала сталинский политический режим и эксцессы довоенной внутренней и внешней политики. В то же время опыт военных лет позволял увидеть различия в условиях жизни и практиках выживания фронтовиков и тыловиков, эвакуантов и местных жителей, трудармейцев и директорского корпуса, жен начсостава и прочих групп советского общества. Опыт военных лет учил не только дисциплине и армейским способам решения невоенных проблем, но и самостоятельности, инициативе, независимости, подталкивал к самоопределению номенклатуры. Все это приводило к социальным изменениям, последствия которых проявились уже в постсталинский период.

Транзитное, переходное состояние советского общества отразилось на состоянии государственной идеологии и на социальной атмосфере в целом. Первые послевоенные годы были моментом идеологической слабости власти. Неопределенность, неоднозначность интенций, идущих «сверху», сопрягалась с ожиданиями либерализации режима «снизу». Экзистенциальный опыт военных лет освободил советского человека от многих стереотипов 1930-х гг. Этот феномен именуется в мемуарной и специальной литературе не иначе, как духовное освобождение и «спонтанная десталинизация»². В первую очередь такие настроения захватили представителей творческих профессий. По словам М. Чегодаевой, после войны художникам показалось: «Вместе с народом они заслужили право на художественную Свободу, на самостоятельный выбор творческого пути»³.

² Размышления об этой идее М. Гефтера см: *Tumarkin N. The Living and the Dead: the Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia.* N.Y., 1994. P. 64-65; *Сенявская Е. Фронтовое поколение, 1941–1945: историко-психологическое исследование.* М., 1995. *Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953.* М., 2000. *Экштут С. А. Предвестие свободы или тысяча дней после победы.* М., 2006.

³ *Чегодаева М. Социалистический реализм. Мифы и реальность.* М., 2003. С. 141-143.

Демилитаризация затронула и систему культуры. В 1945–1946 годах культурные институции и практики также находились в состоянии транзита. Центральные музеи, театры, галереи возвращались из эвакуации, занимались возможными в тех обстоятельствах ремонтными или реставрационными работами и только готовились к полномасштабному возобновлению довоенной активности. Местные объекты культуры, в массовом порядке свернувшие свою деятельность в годы войны, медленно и трудно восстанавливались после вынужденного самозакрытия или самоликвидации. Поэтому в этот период, наряду с традиционными формами трансляции зрительных образов, особое значение имели печатные многотиражные каналы их распространения — иллюстрированные журналы для домашнего чтения «Работница» и «Огонек», хотя подписывались на эти издания не только семьи, но различные организации и библиотеки. Конечно, ни один из этих журналов нельзя сопоставить ни по тиражам, ни по технологическим и содержательным решениям с таким «монстром» жанра, как американский еженедельник «Сатердей ивнинг пост». Но в специфических советских условиях «Огонек» и «Работница» по некоторым параметрам могут рассматриваться в этом жанровом ракурсе. Они предназначались для многократного чтения и рассматривания «картинок», годовые комплекты, как правило, сохранялись в архиве семьи с целью последующего перечитывания / пересматривания. Репродукции и фотографии со страниц этих изданий для многих потенциальных зрителей были единственным доступным источником визуальных впечатлений, их повсеместно использовали для декорирования жилого и публичного пространства. Более того, в первые послевоенные годы выставочный фонд провинциальных музеев и галерей также формировался из репродукций. Это был едва ли не самый доступный канал тиражирования изображений. Художественные выставки оставались крайне редким событием, каталоги если и издавались, то на некачественной бумаге, порой вообще без иллюстраций. Журналы для домашнего чтения были популярными, но политически невлиятельными изданиями, а потому они подвергались меньшему идеологическому контролю, чем «толстые» или специализированные журналы. Что обеспечивало им более широкий коридор свободы.

Энергия победного военного опыта вкупе с относительным ослаблением идеологического диктата привела в первые послевоенные годы к фрагментарной либерализации культурной жизни. И в

этом отношении «мини-оттепель» 1945 – осени 1946 гг. выпадает из сложившегося канона описания легальной советской культуры позднего сталинизма. Этот период оставил мрачный след в памяти российского общества, неприглядный образ тяжкого послевоенного безвременья доминирует в профессиональной историографии. «Эра пустоты», «нулевой уровень критики», «невозможная эстетика» — разговор идет примерно в таком тоне. Люди творческих профессий, историки, сторонние наблюдатели проявляют редкое единодушие, характеризуя поздний сталинизм как момент господства придворной художественной элиты, всестороннего кризиса советской культуры, проявляющегося, в том числе и в очевидной деволуции изобразительного искусства, литературы, кинематографа⁴.

Между тем до начала ждановских кампаний лета-осени 1946 г. художественная жизнь (по крайней мере, в Москве и Ленинграде) была очень насыщенной⁵, а властное руководство процессом «увекочивания» памяти о войне еще не развернулось в полную силу. Постепенно возобновили свою работу творческие коллективы, закрытые в целях экономии в годы войны. В 1946 г. состоялась первая послевоенная Всесоюзная выставка изобразительного искусства, открылись для посетителей Эрмитаж, государственная Третьяковская галерея.

В изобразительном искусстве «мини-оттепель» получила неброские, но все же достаточно веские проявления. В частности, они прослеживаются по выставочным проектам, по тону и риторическим вольностям профессиональных дискуссий, по сюжетам и тематике художественных работ. Так, «Советское искусство» 8 марта 1946 г. публикует настоящий манифест свободы — статью Б. Королева о музее-мастерской А. Голубкиной, где называет творчество этого интереснейшего скульптора не иначе, как «борьбой за право художника свободно выразить свои мысли и чувства в тех пластических формах, которые ей казались наиболее правдивыми и активными». На страни-

⁴ Поликарпов В. Живопись послевоенного десятилетия // Искусство. 1987. № 11. С. 43-51; Он же. Эра пустоты // Искусство. 1990. № 5. С. 19-21; Переятевец. Нулевой уровень критики. 1940–1950-е гг. // Искусство. 1990. № 5. С. 27-28; Bird, Anan. Socialist realism; Coercion of Painters and Disciplined Organizations; Soviet Art // Idem. A History of Russian Painting. Oxford, 1987. P. 257-268; Герман М. Четыре года после Победы // Вопросы искусствознания. 1995. № 1/2.

⁵ Чегодаева М. А. Художественная культура послевоенного десятилетия // Искусство. 1988. № 6. С. 30-36.

цах печати возобновился разговор о традициях импрессионизма, прошла выставка Н. Удальцовой — супруги репрессированного художника А. Древина. Информация обо всех этих событиях в корректном тоне публиковалась на страницах корпоративной прессы.

Легкий флер вольности ощутим в мемориальных сюжетах о войне, публикуемых в журнале «Огонек». В частности, в эти годы редакция собирала «фольклор военных лет» и публиковала рискованные окопные шутки, которые потом постепенно исчезнут из официального лексикона о войне: «Слети к нам, тихий вечер, на минные поля», «Дальше фронта не угонят, меньше взвода не дадут»⁶.

В изобразительных искусствах еще действовала инерция нарабатанных в 1941–1945 гг. приемов. Противоречивая мозаика очень разного опыта и моделей поведения в годы войны еще не была отлита в форму «морально-политического единства» официального искусства и идеологии⁷. Еще не была восстановлена Академия художеств СССР, не были разгромлены художественные вузы. В выставочной жизни принимают участие художники молодого и среднего поколения из недавно присоединенных Молдавии, Литвы, Латвии, Эстонии. Многие из этих художников получали художественное образование в мастерских и академиях зарубежных стран и внесли свежие интонации в художественную жизнь послевоенного Советского Союза. Духовное раскрепощение прослеживается в сюжетных, жанровых, тематических приоритетах советского изобразительного искусства, тиражируемых журналами для домашнего чтения.

В первые послевоенные годы складываются каноны допустимого к публикации изображения войны. В социально-историческом измерении интересна не столько иконография, сколько репертуар визуальных впечатлений, доступных обычному советскому человеку. Как и в других воюющих странах, в СССР подвергались цензуре многие темы и сюжеты⁸. Почти не встречались шокирующие изображения инвалидов и тяжелых увечий, картин повседневной жизни на оккупированных территориях, социальных и межнацио-

⁶ Огонек. 1946. № 26.

⁷ Подробнее см.: *Weiner A.* Making sense of War. The Second World War and the fate of the Bolshevik revolution. Princeton – Oxford, 2001.

⁸ О практике цензурирования культуры в годы войны в США см.: *Roeder G. H.* The Censored War: American Visual Experience During World War Two. New Haven – L., 1993.

нальных конфликтов. Практически исчезают фронтовые образы женщин-воинов. В отличие от финальной стадии Первой мировой войны, трагические события 1941–1945 гг. не сделали актуальной экспрессионистскую эстетику.

Напротив, в 1945–1946 гг. использовались классицистские элементы эстетики праздников и побед: милитаристская символика Российской империи, изображения знамен, салютов, иллюминаций, пиротехнических спецэффектов, парадов. Другими визуальными компонентами образа закончившейся войны стали фотомонтажные снимки эшелонов победителей, праздничной Москвы. Социально-психологические настроения футуристического оптимизма, характерные для «весны победы» во всех европейских странах — победительницах, стали причиной изображения окончания войны в первые послевоенные годы именно как «триумфа».

Важно подчеркнуть, что победа представляла в этот краткий период результатом совместных действий разных стран. Союзнические дипломатические и военные контакты получали естественное продолжение в разнообразных культурных акциях. Так, весной 1946 г. в США с успехом экспонировалась выставка рисунков эвакуированных советских детей. 21 февраля того же года в московском Доме архитектора открылась выставка «Изобразительное искусство США», организованная ВОКСОМ. В столице все еще имели свободное хождение печатные издания союзников, на кондитерских фабриках и художественных предприятиях выпускалась сувенирная продукция с государственной символикой США, Великобритании и Франции. С успехом проходили гастрольные выступления зарубежных исполнителей. Информация о культурной жизни стран Запада на протяжении 1945–1946 гг. публиковалась в близкой к власти газете «Советское искусство». Это официальное издание Министерства кинематографии СССР, Комитетов по делам искусств и архитектуры при Совмине СССР было на протяжении 1945–1946 гг. преимущественно хроникально-информационным изданием. Рупором официальной критики эта газета станет в последующие годы.

Мотив заграничных впечатлений (виды руин с непривычными готическими контурами, картины повседневной жизни и детали незнакомого быта) звучал рефреном на первых послевоенных выставках фронтовых художников, в репортажах и фотоочерках популярных еженедельников. Пресса продолжала публиковать иллюс-

тративный материал о совместных представительских акциях советских, американских и британских войск. 3 сентября — день победы над Японией, в войну с которой СССР вступил под бременем союзнических обязательств, считался всенародным торжеством, отмечался праздничным оформлением городов, встречами с ветеранами, большими народными гуляньями и карнавалами. После 1946 г. это событие потеряло свой статус «торжественной виктории».

Специфическим проявлением либерализации в сфере изобразительных искусств стала необычайная популярность лирического пейзажа и обращение художественной критики к профессиональным, а не социальным критериям. Судя по каталогам выставок и тематическим планам художественных организаций, совершенно очевидно, что в первые послевоенные годы художников воодушевляли картины природы, лирические городские, сельские и архитектурные зарисовки, тогда как привычные для 1930-х гг. индустриальные пейзажи становятся редкостью. Более того, художников не привлекал и батальный жанр. После многих лет травмирующих военных впечатлений художники словно избегали этих сюжетов, стремились взять передышку, обратившись к терапевтическим картинам природы и мирных будней. И хотя контуры будущей монументальной модели меморизации войны уже обретали свое очертание⁹, время диорам, изображений боев, жертвенных подвигов, окопов, атак, масштабных мемориалов наступит позже.

Занимаясь пейзажем, можно было уклониться от выполнения идеологических картин и больших композиций, на что ориентиро-

⁹ Мемориальная составляющая послевоенной культуры в целом значительно выросла. Начиная с 1945 г. распоряжения об «увековечивании памяти» того или иного события или человека исходили от союзного и республиканского правительств чуть ли не ежемесячно. Эта политика памяти касалась, прежде всего, героев советского времени, но в не меньшей степени и персонажей русской дореволюционной культуры — И. Крылова, А. Попова, А. Грибоедова, И. Мечникова и многих других исторических деятелей. В качестве мемориальных технологий использовались именные стипендии, мемориальные доски, памятники, переиздание и тиражирование работ. Задача укоренения в памяти героев и событий только что закончившейся войны на раннем этапе решалась с помощью традиционных приемов. Так с 1945 г. студия военных художников им. М. Грекова разрабатывала рассчитанные на неискушенного зрителя иллюстративные проекты панорам обороны Севастополя и Сталинграда. Воплощение этих монументальных проектов придется на годы холодной войны.

вали художников советская критика и контрольные инстанции. Не случайно аполитичность послевоенного пейзажа постоянно критиковалась бюрократами от искусства, особенно после начала ждановской кампании по идеологической мобилизации деятелей культуры. Изображения «покосившихся избышек, бань, задворок, заросших прудов, болот» с октября 1946 г. стали объектом критики начальника Главизо¹⁰ П. Сысоева. Высокопоставленного чиновника от искусства не устраивало, что в творчестве художников не была отражена «героика Отечественной войны, труд советских людей и новый пейзаж нашей родины». Сысоев был информированным человеком, и он мог утверждать, что после войны батальная сцена потеряла свою актуальность для художников и к 1946 г. не было создано ни одного крупного батального произведения¹¹. В лексиконе легитимных разговоров об искусстве появилось новое ругательство — «этютизм». Критику «импрессионистской этюдности» директор Третьяковской галереи А. Замошкин сформулировал следующим образом: «В советской пейзажной живописи слишком большое место уделяется изображению всевозможных заброшенных уголков, задворков. Случайность выбора сюжета, его нехарактерность для советской действительности свойственны некоторым нашим пейзажистам, подчас подменяющим красоту природы любованием техническими приемами, цветовой гаммой и пр.»¹².

Интересно, что даже во фронтовых зарисовках художников идеологическая, оценочная компонента была невелика. На страницах своих окопных альбомов художник проявлял репортажный интерес наблюдателя, любопытство путешественника, что отразилось даже на страницах фронтовых альбомов с изображениями батальных пейзажей поверженного Берлина. Позднее критика назовет эту типичную не только для живописи, графики, но и для журнальной фотографии нейтральную интонацию «досадным объективизмом». Когда в 1946–1947 гг. работы фронтовых художников будут экспонироваться в Москве, критик сформулирует свои впечатления следующим образом: «Если мы можем простить эту камерность со

¹⁰ ГЛАВИЗО — главное управление учреждений изобразительных искусств СССР Комитета по делам искусств при Совмине СССР. Учреждение административного управления советским искусством.

¹¹ Советское искусство. 1946. 25 октября.

¹² Там же.

всем ее милым лиризмом в изображении московского дворика, то вряд ли она уместна в изображении фашистской столицы»¹³.

Феномен популярности лирического пейзажа в послевоенном советском искусстве получил интересное объяснение в публикациях американского исследователя и коллекционера В. Г. Свенсона. Он предположил, что обаяние русской природы в пейзажах и натюрмортах оказалось созвучно массовому зрителю, остававшегося равнодушным к помпезному стилю официального искусства¹⁴. Надо учесть и тот факт, что многие послевоенные живописцы вышли не из таких художественных центров, как Москва или Петербург, но из крестьянских семей, и эта социализация оказывала значительное влияние на их творчество. Особую роль в распространении «пейзажного эскапизма» сыграло создание в институциональной системе советского искусства творческих или академических дач. В. Свенсон сравнил их с Барбизоном, напомнив, что «подобно Барбизону в лесу Фонтенбло, Понт-Авену на берегу Авена, Ворпсведе в Германии... академические дачи играли роль убежища для искусства, гонимого государством. Это были места, куда пейзажисты и другие «дачники» могли скрыться от бюрократических требований. Здесь, вдали от контролируемых городских центров, защищенные гением места глубинки, художники могли обрести себя. В этих образах природы не было революционных классовых или коммунистических идеалов, лишь традиционные ценности»¹⁵.

Инновационной чертой искусства 1945–1946 гг. были новые типажные образы советского человека. Опыт войны изменил визуальную репрезентацию «человека с ружьем». Так, самое массовое и доступное в экстремальных условиях войны агитационное искусство плаката¹⁶ в годы войны становилось все более детализированным и психологически достоверным. По словам известного крити-

¹³ Советское искусство. 1947. 16 мая.

¹⁴ Swanson V. G. Soviet Impressionism. Woodbridge, 2001. С. 115.

¹⁵ Ibid. P. 234.

¹⁶ Плакат был, возможно, самым массовым и доступным способом знакомства «простого человека» с работами советских художников. Так только издательство «Искусство» выпустило к празднику победы в 1946 г. около 2 млн. экземпляров плакатов. К выборам в Верховный совет СССР в 1946 г. было выпущено 58 сюжетов тиражом более 10,5 млн. экземпляров. В 1948 г. то же издательство «Искусство» выпустило более 800 различных плакатов тиражом более 34 млн. экземпляров / РГАЛИ. Ф. 1956 оп. 2. д. 72. л. 3.

ка А. А. Федорова–Давыдова, «плакат рос вместе с опытом войны, в процессе которого отвлеченный фашист становился реальным опасным врагом... Отвлеченный, бравый, одетый с иголки красноармеец, унаследованный от довоенного плаката, так же скоро сменился реальным бойцом»¹⁷.

Однако найденный в годы войны изобразительный язык звучал по ее окончании порой неестественно и чужеродно. В послевоенном плакате повторялись неоднократно использованные композиционные схемы. По наблюдению известного эксперта М. Иоффе, «как бы ни была симпатична и привлекательна физиономия изображенного человека, от слишком частого повторения этого немудреного шаблона плакат — часто сам по себе очень неплохой — перестает восприниматься как нечто актуальное, живое»¹⁸. В «отраслевых» послевоенных плакатах (таких как «Сталинской артиллерии — слава!» Н. Долгорукова, «Салют сталинской артиллерии» В. Климашина, «Слава советским танкистам» В. Иванова), в плакатах на тему труда («Трудись на благо родины» П. Голубь и А. Чернова; «Ясен план. Скорей за дело! Строить Родина велела» В. Иванова) изображалась крупная фигура с рекламно условным лицом, с приветственно поднятой рукой, как правило, на фоне башен Кремля или других знаковых объектов. В типизации такого рода современники видели «инсценировку, фальшь, позирование, не выражающее никакой идеи, универсальные жесты и лица, опошление идеи»¹⁹. Насколько удалось художникам создать привлекательные образы советского солдата в годы войны, настолько же не получалась героика послевоенного труда. (В скобках замечу, что именно подмена идеи внешними приемами, образов — типажам превратила плакаты позднего сталинизма в пластикаты, в которые можно втиснуть любую другую мысль, в универсальную форму, удобную для коммерческого использования в современной России)²⁰.

¹⁷ А. А. Федоров – Давыдов. Лекция 25 мая 1948 г. в ГМИИ им. Пушкина «Советский плакат» / РГАЛИ. Ф. 1956. Оп. 2. Д. 72. Л. 23, 25.

¹⁸ Советское искусство. 1946. 6 сентября.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 1. Д. 2012. Л. 14 об.

²⁰ О коммерческом успехе визуальных приемов искусства позднего сталинизма смотри: Traumfabrik kommunismus. Dream Factory communism. The visual cultures of the Stalin Era. Ed. B.Groys, M.Hollein. Frankfurt am Main. 2004. Introduction.

С другой стороны, образ солдата–победителя стал не просто более психологически достоверным, но и менее героичным, более возрастным. Если идеалом искусства 1930-х гг. выступал успешный, динамичный и, главное, молодой человек, то послевоенный образ типичного советского человека постарел. Война словно состарила советских героев. В различных визуальных искусствах, наряду с ювенильными образами, появился образ человека далеко не молодого, физически слабого. Возрастной сдвиг заметен в персонажах живописи, графики, в кинематографии и фотографии. В. Боннелл обнаружила ту же тенденцию в послевоенных плакатах²¹. Легитимация возрастных групп советского общества наглядно иллюстрировала такое социальное последствие войны, как расширение социальной базы режима. Не случайно послевоенные плакаты, фотохроника, искусство показывали бывшего воина без каких-либо классовых маркеров, умеренным благопристойным семьянином в костюме, шляпе, галстуке. Образ победителя словно проходил ускоренную демобилизацию, дегероизировался.

В ответ на неопределенные и меняющиеся требования официальной идеологии художники предпочитали следовать уже апробированным, каноническим образцам. «Во время войны многие художники–живописцы и скульпторы пошли по линии наименьшего сопротивления, — сетовал московский художник. — Результатом этого явилось портретирование... Но какого рода эти портреты?.. Это портреты скучно позирующих людей. Тут их внутренние эмоции совершенно не представлены. Таких можно видеть только в трамваях, едва не засыпающих во время позирования»²². После войны набирает размах практика авторских повторов, копирований, римейков уже опробованных сюжетов²³.

Несмотря на разруху, катастрофический кризис жизненных стандартов, массовую алиментарную дистрофию и товарный дефицит²⁴, уже с лета 1945 г. возобновляется реклама, в которой совет-

²¹ *Bonnell V. E. Iconography of Power. Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. Berkeley – Los Angeles, 1997. P. 243-264.*

²² РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 1. Д. 2121. Л. 6 об.

²³ Например, Ю. Пименов почти буквально повторил в работе «Фронтальная дорога» композицию своей знаменитой картины «Новая Москва».

²⁴ О социальных последствиях послевоенной эпохи см.: *Filtzer D. The Standard of Living of Soviet Industrial Workers in the Immediate Postwar Period, 1945–1948 // Europe-Asia Studies. 1999. Vol. 51. N 6. P. 1013-1038.*

ский человек предстает как покупатель и потребитель. В рекламных имиджах активно использовалась западная стилистика²⁵. Тиражируемые образы курортов, лекарств, зубного порошка, сентиментального парка отдыха, мороженого, домохозяйки с крашеными волосами и маникюром²⁶ не имели ничего общего с классовыми приоритетами довоенного времени. Мирная жизнь представляла сладостным миром комфорта, отдыха, спокойной сытой жизни²⁷.

Конечно, тяжелый труд оставался частью послевоенных образов восстановления страны, но теперь значительное внимание уделяется картинам вознаграждения за этот труд, образам хорошей жизни. Исчез акцент на сверхчеловеческих трудовых усилиях, вместо этого изображается «дамский маскарадный труд с отставленным пальчиком»²⁸. Современники не принимали таких сусальных образов.

Ситуация с типографскими красками и бумагой в первые послевоенные годы была чрезвычайно сложной, так что дистанция между эталонным вариантом, подготовленным художником, и плакатом, иллюстрацией, репродукцией, выпущенными из производственного цеха, была огромной. В те годы часто использовался прием подкраски фотографии под живопись, в результате изображения послевоенного времени приобретали характерный узнавае-

²⁵ Cox R. All this can be yours! Soviet Commercial Advertising and the Social Construction of Space. 1928–1956 // *The Landscape of Stalinism. The Art and Ideology of Soviet Space*. Ed. by Ev. Dobrenko and Eric Naiman. Seattle – L., 2003. P. 125–162.

²⁶ Смотри рекламные обложки журналов «Работница» и «Огонек» за 1945–1946 гг.

²⁷ О концептуальной модели «Большой сделки», «концепции культурности» и «советском среднем классе» в последние десятилетия сказано уже немало. Детальную аргументацию см.: *Dunham V.* In *Stalin's Time: Middle-class Values in Soviet Fiction* / With new introd. by Richard Sheldon. Durham, 1990; *Boym S.* *Common Places. Mythologies of everyday life in Russia*. L., 1994; *Fitzpatrick Sh.* *The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca – L., 1992; *Hessler J.* *A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices and Consumption, 1917–1953*. Oxford – Princeton, 2004; *Duskin E.* *Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite, 1945–1953*. N.Y., 2001; *Волков В. В.* Концепция культурности, 1935–1938 гг.: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // *Социологический журнал*. 1996. № 1–2. С. 194–213.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 1956. Оп. 2. Д. 72. Л. 35.

мый грязноватый колорит. По словам известного критика М. Иоффе, «краски, положенные на серо-черный цвет фотоотпечатка, теряют чистоту, прозрачность и ясность, становятся грязными и тусклыми и приобретают какой-то злоеущий мертвенный оттенок, особенно при раскраске человеческого тела, делая их похожими на восковой муляж из паноптикума»²⁹.

Таким образом, в 1945–1946 гг. непосредственный опыт военных лет еще не был жестко нормирован и канонизирован. В первые послевоенные годы представления, переживания, знания целого поколения еще не были идеологически обработаны, визуально и риторически оформлены³⁰. С известной долей условности этот момент в советской политике памяти можно назвать «репортажным» или «реестровым», поскольку информационное содержание имело большее значение, нежели символическое наполнение образов войны и мира. Шел отбор фактов, событий военных лет, подлежащих запоминанию или, напротив, забвению.

Первые послевоенные годы — время катастрофических трудностей в экономике, резкого падения стандартов жизни, массовой бедности. Поэтому для меморизации использовались самые доступные средства и наивные с точки зрения сегодняшнего дня художественные решения, выполненные в «демократичном» материале. Камерность — характерная черта политики памяти 1945–1946 гг. Монументальность была в тех социально-экономических обстоятельствах невозможным расточительством.

В целом в изобразительных искусствах послевоенного времени современникам, очевидцам прошедшей войны чаще важнее было само событие, информационный, нежели образный компонент изображения. Тема горькой истории поражений, цены победы была в тот момент востребована гораздо в меньшей степени, нежели сюжеты бытовой, частной жизни, домашнего уюта. И хотя со стороны власти уже прозвучал социальный заказ на героико-

²⁹ РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 1. Д. 2012. Л. 7.

³⁰ Современные дискуссии о меморизации второй мировой войны и политике памяти см.: Память о войне 60 лет спустя — Россия, Германия, Европа // Неприкосновенный запас (Спецвыпуск). 2005. № 2–3.

патетическую меморизацию войны³¹, фронтовой и тыловой опыт многое изменил в кругозоре советского человека. А. Крон зафиксировал ожидания фронтовиков в отношении мемориального облика войны в искусстве: «Я хочу, чтоб мне рассказали средствами искусства о враге, с которым я воевал. Когда я был на фронте, меня не интересовала его психология. Он был для меня ненавистен и безлик... Мы сейчас достаточно сильны и граждански зрелы, чтоб смело говорить о пережитых трудностях, наших ошибках и недостатках... Я жду произведений, которые помогут воевавшему поколению залечить раны, нанесенные войной... Мне кажется односторонним утверждение, что эта война только облагородила душу бойца и не принесла наряду с этим некоторого ожесточения нравов, душевных травм и т. д. Я жду произведений, которые воздадут хвалу павшим героям и этим облегчат скорбь близких, призовут людей высоко ценить человеческую жизнь, свободу и любовь, помогут вчерашнему окопнику войти в колею мирной созидательной жизни... Я жду произведений «хороших и разных», их должно быть много, чтоб было из чего выбрать. Всем не может нравиться одно и то же... Я верю, что испытания войны и наша победа придадут художникам смелость, зоркость, заставят встрепенуться успокоившихся, перетряхнут некоторые слишком устоявшиеся репутации»³². Как мы знаем, в последующие годы политика памяти о войне осуществлялась по совершенно другому сценарию.

³¹ В этот период осуществлялась мемориальная программа по увековечиванию памяти дважды героев Советского Союза. К 1946 г. Постановлением Совмина СССР были утверждены специальные правила архитектурно-художественного оформления бюстов и их установки. Они должны были быть в два раза больше натуры, устанавливаться на монументальных постаментах из чугуна, мрамора или гранита, сопровождаться надписями из золотых букв. Создание большого числа памятников и монументов, посвященных великим событиям и героям Отечественной войны, городам-героям и выдающимся государственным деятелям науки, культуры и искусства рассматривалось властью как обязательный к исполнению социальный заказ. См.: *Беспалов Н.* Искусство Российской Федерации в новой пятилетке // Советское искусство. 1946. 31 августа.

³² *Крон А.* Новый зритель // Советское искусство. 1946. 4 января.

А. В. ГРОМОВА

РИХАРД НИКОЛАУС КУДЕНХОВ-КАЛЕРГИ И ЕГО ИДЕЯ ПАН-ЕВРОПЫ

В 2007 г. Европейский союз отметил свой пятидесятилетний юбилей. Начало европейскому строительству заложило подписание в марте 1957 г. Римского договора об организации «Общего рынка» между шестью странами — Францией, ФРГ, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом. Однако политическая идея объединения европейских государств имела долгую предысторию. Начало ее разработки восходит к Средним векам. Обращались к ней и в Новое время¹. В XX в., в период между двумя мировыми войнами главным идеологом объединенной Европы был австриец, граф Рихард Николаус Куденхов-Калерги. Его имя сегодня почти забыто. Тем не менее, именно идеи этого человека были восприняты во второй половине XX в. и легли в основу действующего сегодня Европейского союза.

* * *

Куденхов-Калерги родился 17 ноября 1894 г. в Токио. Его отцом был австро-венгерский дипломат, матерью — японка из богатой семьи. Двухлетним мальчиком он возвратился с семьей в имение отца Ронсперг. Юношей Куденхов-Калерги переехал в Вену. Там он учился сначала в элитной школе Терезианум, а затем в Венском университете, где изучал философию и новую историю.

Во время Первой мировой войны Куденхов-Калерги защитил в Венском университете диссертацию по философии. Он много размышлял о войне и ее значении в жизни человечества и пришел к выводу о том, что войны — это борьба прошлого и будущего, которая пролагает путь новым идеям. Сразу по окончании войны граф стал размышлять о будущем устройстве мира. Он сам признавался впоследствии, что ощущал себя гражданином нового большого сообщества, создающейся Лиги Наций. Куденхов-Калерги надеялся, что эта международная организация принесет Европе долгожданный мир. Однако ее деятельность вскоре его разочарова-

¹ Чубарьян А. О. Российский европеизм. М., 2006.

ла. Граф понял, что Лига Наций не способствует сплочению европейского континента. И он замыслил объединить расколотившуюся на 26 государств Европу в единое целое.

Свои идеи Куденхов-Калерги изложил в книге-манифесте «Пан-Европа»², опубликованной в Вене в 1923 г. и сразу переведенной на многие европейские языки. «Нынешняя Европа, — утверждал автор, — родилась благодаря Версальскому, Сен-Жерменскому, Трианонскому и прочим договорам. Исходя из этих договоров и надо построить Европу заново. Сегодня любой реалистически мыслящий политик понимает, что он может выбирать лишь между системой, установленной этими договорами, со всеми их недостатками и несправедливостью, и войной и хаосом»³.

Куденхов-Калерги анализирует труды своих предшественников, сторонников объединенной Европы и убедительно доказывает необходимость создания так называемой Пан-Европы (по созвучию с Пан-Америкой) в противовес остальным четырем могущественным сообществам — Панамерике, Паназии, Британской империи и СССР. Граф выдвигает шесть основных аргументов в пользу объединенной Европы:

- Пан-Европа как единственная возможность установления длительного и прочного мира.
- Европейский экономический кризис может быть преодолен только с созданием единого экономического пространства в Европе на основе таможенного союза и общего рынка.
- Пан-Европа как средство защиты от советской гегемонии.
- Пан-Европа как единственное решение пограничных конфликтов и проблем меньшинств.
- Пан-Европа как средство обновления творческих сил Европы.
- Пан-Европа как необходимое условие технического прогресса.

Автор выступал за создание европейского союза государств при гарантии всем им равноправия, безопасности и самостоятельности. Он ратовал за учреждение европейского суда для урегулирования всех конфликтов между европейскими странами, подписание европейского военного соглашения, предусматривающего равномерное разоружение и единый воздушный флот. Куденхоф-

² *Coudenhove-Kalergi R.N. Pan-Europe. Paris–Vienne, 1923; 1927.*

³ *Coudenhove-Kalergi R.N. Pan-Europe. Paris–Vienne, 1927. P. 35-36.*

Калерги хотел также, чтобы поэтапно сложился европейский таможенный союз, была создана общая европейская валюта и совместно осваивались все европейские колонии. В объединенной Пан-Европе предполагалось уделять равное внимание национальным культурам всех европейских стран, обеспечивать права всех национальных и религиозных меньшинств, гарантировать их от денационализации и любого угнетения. Единая Европа должна была также развивать сотрудничество европейских народов со всеми народами мира. Образцом политического устройства Пан-Европы для Куденхова-Калерги была Швейцарская конфедерация с ее общей экономической, военной и внешней политикой, и одновременно максимальным уважением на государственном уровне традиций, особенностей и свободного развития каждого кантона, входящего в состав конфедерации. Европейское союзное государство мыслилось графом как обладающее собственной конституцией: в высшем органе должны были заседать 26 представителей от 26 членов союза. Еще один орган — Народный дом — составили бы 300 делегатов, по одному от каждого миллиона европейцев.

Что касается политических путей объединения Европы, то автор придавал первостепенное значение франко-германскому сближению. Он считал тесное сотрудничество этих двух стран залогом такого объединения, его первым и основным этапом. «Пришло время, — утверждал граф, — когда обе страны должны, наконец, достигнуть примирения и, таким образом, преодолеть самое большое препятствие на пути к созданию Соединенных Штатов Европы»⁴. Куденхов-Калерги остановился и на проблеме возможного включения в Пан-Европу Великобритании, России и Лиги Наций. Он прямо заявил: поскольку Англия представляет собой мировую державу, то не может быть и речи о том, чтобы она вошла в единый европейский союз. К тому же эта страна и сама бы не пожелала примкнуть к нему. Увидеть в Пан-Европе Россию граф также не хотел. В большевистском Советском Союзе, стремившемся к мировой революции, он видел большую опасность для Европы. А вот вступление в Пан-Европу такой организации, как Лига Наций, автор считал вполне правомерным.

Разработав и изложив основные принципы своей идеи Пан-Европы, Куденхов-Калерги сразу принялся ее пропагандировать. Для

⁴ *Ibid.* P. 116.

этого в конце 1924 г. в Вене было учреждено Центральное бюро движения Пан-Европы, а также основано издательство «Пан-Европа». Сам граф для расширения панъевропейского движения и его пропаганды неустанно путешествовал по Европе. В результате в середине 20-х гг. насчитывалось уже 13 национальных комитетов движения.

К весне 1925 г. распространение панъевропейской идеи получает политический резонанс — в мае возможность создания Пан-Европы обсуждалась в немецком парламенте. К этому времени в Германии сторонниками Куденхова-Калерги стали Пауль Лебе (председатель социал-демократической фракции в Рейхстаге), Карл Йозеф Вирт (председатель демократической партии), Эрих Кох-Везер (председатель народной партии Баварии), многие министры, среди которых министр иностранных дел Германии Густав Штреземанн, а также бургомистр Кельна, будущий канцлер ФРГ Конрад Аденауэр. В октябре 1926 г. в Вене состоялось торжественное открытие Первого панъевропейского конгресса. На него съехалось более 2 тыс. участников из 24 стран. Несмотря на широкую рекламу и участие европейской интеллектуальной элиты, на нем не было принято серьезных решений. Его резолюции носили, скорее, декларативный и пропагандистский характер. И тем не менее конгресс приветствовали и приняли в нем участие такие видные деятели культуры и науки как Поль Клодель, Поль Валери, Томас Манн, Райнер Мария Рильке, Стефан Цвейг, Альберт Эйнштейн, Зигмунд Фрейд, Рихард Штраус и др. Весной 1927 г. министр иностранных дел Франции Аристид Бриан становится почетным президентом пан-европейского движения и с мая того же года разрабатывает в тесном контакте с членами центрального совета союза — Куденховым-Калерги, Лушером, Кох-Везером, Делэзи, фон Ауэром — программу действий по объединению Европы. В сентябре 1929 г. на заседании совета Лиги Наций в Женеве, Аристид Бриан выступил с официальным предложением французского правительства о создании «Федеральных связей между народами, географически составляющими Европу». Министр иностранных дел Германии Густав Штреземанн в своей ответной речи высказался за такое объединение⁵.

Открытие Второго пан-европейского конгресса в Берлине было приурочено к 17 мая 1930 г., дате обнародования французского

⁵ Journal de l'Assemblée. Genève. 5.09.1929. P. 49-53; 9.09.1929. P. 67-71.

«Меморандума об организации европейского Федерального союза», принадлежащего перу Бриана. Конгресс был призван всесторонне поддержать инициативу министра иностранных дел Франции и приложить максимум пропагандистских усилий для разъяснения и популяризации его предложений. Французская инициатива встретила негативное отношение Великобритании, Италии и Германии. Штреземанн, поддерживавший позитивный диалог с Брианом, умер через несколько недель после своей речи в пользу Пан-Европы. Крах на Нью-Йоркской бирже в октябре 1929 г., начавшийся вслед за этим мировой экономической кризис, успехи национал-социалистов в Германии привели к отказу Лиги Наций рассматривать план Бриана в его первоначальном виде.

С целью развития экономического сотрудничества и преодоления мирового экономического кризиса при Лиге Наций создали «Комиссию по изучению способов реализации европейского союза», работа которой продолжалась до сентября 1932 г., но практически не дала никаких результатов⁶. Такие неудачи панъевропейского движения не обескураживают Куденхова-Калерги. В конце 1931 г. он выпускает еще две книги — «Борьба за Европу»⁷ и «Сталин и компания»⁸, а также пропагандистскую брошюру «Вопросы и ответы», в популярной форме разъясняющую суть панъевропейских планов и задачи широкой общественности.

Книга графа «Сталин и компания» вызвала в Европе неподдельный интерес. В ней он проанализировал русское и европейское политическое и экономическое положение и призывал всех европейцев включиться в Пан-Европу, чтобы бороться против возросшей мощи Советского Союза, то есть против большевизма. Куденхов-Калерги предостерегал мир от внешнеполитической агрессивности сталинского режима. Он пытался привлечь внимание к тому риску, которому подвергаются демократические устои европейских государств под натиском коммунистической пропаганды. Автор особо подчеркивал несовместимость демократических свобод и тоталитаризма.

⁶ См.: Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. М., 1976. С. 29-32; Княжинский В.Б. Провал планов «объединения Европы». М., 1958; Никонова С.В. Бриановский план Пан-Европы // Европа в международных отношениях. 1917–1939. М., 1979. С. 113-122.

⁷ Coudenhove-Kalergi R. N. La lutte pour l'Europe. Vienne, 1931.

⁸ Coudenhove-Kalergi R. N. Staline & Co. Vienne, 1931.

В книге «Борьба за Европу» граф выразил серьезную обеспокоенность нарастанием фашистской угрозы в Германии (после успеха гитлеровцев на выборах в Рейхстаг в сентябре 1930 г.). Единственный путь к ослаблению социально-политической напряженности в Германии и устранению угрозы нацизма Куденхов-Калерги видел в усилении франко-германского сотрудничества и устранении всех препятствий на пути этого сближения, вплоть до пересмотра некоторых статей Версальского договора.

В декабре 1931 г. граф публикует Меморандум «О европейском кризисе и возможностях по его преодолению»⁹ и отправляет его на рассмотрение французскому правительству. На этот документ реагирует глава французской делегации в Лиге Наций Жозеф Поль-Бонкур. В письме к Куденхову-Калерги он отмечает, что рассматривать большую часть идей Меморандума следует, когда «установление действительного мира даст необходимые гарантии тому, что будет безопасно приступать к решению этих проблем». Поль-Бонкур, в частности, полностью присоединился к автору Меморандума и его идее создать международные вооруженные силы в качестве основного элемента организации мира¹⁰.

Наряду с проблемами политического характера, в 1932 г. для Европы все большее значение приобретают тяжелые последствия экономического кризиса. Уже в начале года Куденхов-Калерги начинает подготовку к Третьему панъевропейскому конгрессу и называет его основные задачи экономическими. В первые месяцы 1932 г. граф ведет обширную переписку с представителями национальных панъевропейских комитетов, видными дипломатами и политиками европейских стран с просьбой о присылке списков наиболее компетентных специалистов в области экономики и юриспруденции, для привлечения их к подготовке докладов и работы в комиссиях. Одновременно Куденхов-Калерги призывает своих единомышленников продолжать поиск путей реорганизации и возрождения Европы и, не теряя времени, показать эти возможности европейским правительствам.

Третий панъевропейский конгресс открыл свою работу 1 октября 1932 г. в Базеле. В одном из самых просторных залов города — во дворце Ярмарок — разместились более четырех тысяч

⁹ Российский Государственный военный архив (РГВА). Ф.554-К. Оп.4. Д.35.

¹⁰ Там же. Ф. 554-К. Оп. 4. Д. 35.

участников из 23 стран Европы. Членами почетного президиума конгресса были выдающиеся политические деятели и представители панъевропейского движения Лео Эмери (Англия), Поль де Ауэр и Элемер Хантос (Венгрия), Эмиль Борель и Жозеф Кайо (Франция), Эрих Кох-Везер (Германия) и др.

Базельский конгресс стал важнейшим событием в истории разработки европейских идей в межвоенный период. В течение четырех дней велась работа 19 комиссий. Предметом их рассмотрения были прежде всего вопросы европейской экономики и политики. Обсуждались пути возрождения Европы, пострадавшей от кризиса. Практически каждой комиссией были затронуты проблемы развития промышленности и сельского хозяйства. Большое количество новых идей и новаторских проектов выдвинула валютная комиссия. Создание общей валютной системы было расценено ею как неизбежная необходимость. Широким кругом специалистов из разных комиссий обсуждались вопросы межъевропейского транспортного сообщения.

Дунайская комиссия рассматривала политические и экономические проблемы государств региона Восточной Европы. Виднейшие специалисты обсуждали вопросы объединения стран, входящих в Дунайский бассейн. Комиссия по европейскому торговому праву занималась урегулированием при помощи общих юридических установок важнейших моментов товарооборота. Специальная юридическая комиссия по европейскому праву для иностранцев изучала сложный спектр вопросов по обеспечению прав иностранцев на образование и занятость в рамках Европы.

Франко-германская комиссия обсуждала как политические, так и экономические вопросы. Она пыталась решить важнейшую европейскую проблему начала 30-х гг. — о возможности сближения двух государств во всех областях. Работа комиссий по реформе Лиги Наций и европейскому миру носила чисто политический характер. Задачей первой стал поиск средств для придания гибкости и реальной силы механизму Лиги Наций, ослабленному бюрократизацией и политическими раздорами. Вторая комиссия занималась разработкой путей разоружения и мирного разрешения международных конфликтов.

Отдельную группу составили комиссии по национальным меньшинствам, межъевропейскому арбитражу и юридическим гарантиям разоружения. Еще четыре комиссии рассматривали вопросы пропаганды панъевропейских идей. Цель их работы — сделать

потребность создания Соединенных Штатов Европы неотъемлемой частью убеждений европейцев¹¹.

Третий панъевропейский конгресс в Базеле разработал и утвердил несколько резолюций. В них были зафиксированы политические, экономические и пропагандистские требования.

В политической области конгресс декларировал следующее:

- Неукоснительные санкции к нарушителям общеевропейских договоренностей.
- Ограничение вооружений.
- Равенство прав в качестве неизменной составляющей европейской безопасности.
- Защита меньшинств в духе решений европейских национальных конгрессов.
- Наказание за преследование меньшинств и разжигание розни.

В экономической области:

- Таможенный союз исходя из решений международных конференций.
- Присоединение к таможенной конвенции трех скандинавских государств.
- Тесное сотрудничество в Центральноевропейском регионе как этап на пути к Пан-Европе.
- Запрещение односторонних преференций.
- Снижение цен на промышленные товары до уровня предвоенных, выравнивание цен на промышленные и сельскохозяйственные товары.
- Установление единой расчетной единицы для еврофинансов, создание Денежного и Валютного союзов, включающих максимальное число европейских государств.
- Унификация европейского торгового права через дальнейшее развитие трудов экономического комитета Лиги Наций и Международного института по унификации частного права.
- Совместные усилия по борьбе с европейской безработицей через сокращение рабочего времени, повышение заработной платы и организацию общеевропейских общественных работ.

В целях пропаганды:

- Привлечение молодежи в юношеские отделения панъевропейского движения.
- Организация женского панъевропейского движения путем создания женских отделений.

¹¹ Там же.

- Европейское интеллектуальное сотрудничество.
- Создание Европейской академии.

Кульминационным моментом Третьего панъевропейского конгресса стало торжественное провозглашение создания Европейской партии. Ее деятельность должна была полностью подчиняться задачам панъевропейского движения по укреплению мира и европейского сотрудничества.

Европейская партия как общественно-политическая организация стремилась стать проводником и популяризатором панъевропейской идеи среди широких масс европейских избирателей. В своей речи на конгрессе Куденхов-Калерги так охарактеризовал причины, побудившие его к созданию Европейской партии: «Возбудителями социальной болезни Европы являются коммунисты, международной болезни — ультра-националисты. Сталин готовит умы к социальной войне, Гитлер их подготавливает к войне национальной. Чтобы преодолеть две такие опасности, недостаточно бороться против двух экстремистских движений, нужно также бороться против тех, кто, защищая Сталина и Гитлера, становится на деле тайным распространителем их идей... Я обращаюсь к европейскому поколению XX века, ко всем созидующим силам Европы воплотить в жизнь панъевропейскую идею через создание многочисленной партии, в каждой своей части соответствующей отдельному европейскому народу, для совместной борьбы против угрозы войны и революции за свободную, сильную и единую Европу»¹².

Основатель Европейской партии, граф Куденхов-Калерги искренне надеялся, что эта организация наберет силу в каждой отдельной стране, получит места в парламентах и сможет подтолкнуть свои правительства к действительной европейской федерации. Однако реальные события европейской жизни развернулись по-иному. Менее чем через год после Третьего европейского конгресса в Германии пришел к власти Гитлер. Европа двигалась к новым испытаниям. Идеи Куденхова-Калерги постепенно были забыты. О них вспомнили только после Второй мировой войны. Сам граф прожил долгую жизнь. Он умер в 1972 г. Так судьба предоставила ему возможность наблюдать за тем, как задуманные им идеи постепенно воплощаются в реальную жизнь Европейского континента.

¹² Congrès Européen. Bâle. 1-4 octobre. 1932. Vienne, 1932. P. 52-54.

ИЗ ИСТОРИИ РОССИИ XIX–XX ВЕКОВ

О. Б. ОСТРОВСКИЙ

1812 ГОД КАК РУБЕЖ ПРОСВЕЩЕНИЯ И «ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ»

Историография Отечественной войны 1812 г. включает десятки тысяч наименований. Однако культурно-исторический ее аспект освещен недостаточно. У историков, даже таких авторитетных как Е. В. Тарле, С. Б. Окунь, Н. А. Троицкий, искусство служит лишь иллюстрацией исторических событий, явлений, личностей, теряя самоценность. Имеются специальные исследования русской военной публицистики (П. А. Картавов, Н. В. Борсук, А. Г. Тартаковский), поэзии (С. Н. Дурылин, М. А. Некрасова и С. А. Земцов, Л. Г. Фризман и др.), театральной жизни (Н. В. Дризен, В. Н. Всеволодский-Гернгросс), сатирической графики (В. П. Верещагин), государственной идеологии (А. Зорин), но целостное исследование культурно-исторического значения Отечественной войны отсутствует. В данной статье рассматривается один из аспектов влияния «Грозы двенадцатого года» на русскую духовную культуру.

В сознании современников вторжение Наполеона в Россию сопоставлялось с Батыевым нашествием и польско-шведской интервенцией. В армии «двунадесяти языков» половину составляли французы, треть — немцы и австрийцы, а остальную часть — поляки, итальянцы, бельгийцы, голландцы, испанцы. К началу войны на театре военных действий противник имел тройное численное превосходство, и армия эта до тех пор не знала поражений. В таких обстоятельствах «грозный двенадцатый год не одного "вольтерьянца" снова научил молиться»¹, и главным из них был российский император. Покинув армию в Полоцке, он по возвращении в столицу проводил время в молитвах и чтении Священного писания. Позднее он заявил: «Господь шел впереди нас. Он побеждал врагов, а не мы!». На меда-

¹ *Грабарь И. Э.* О русской архитектуре. М.: Наука. 1969. С. 68.

ли в честь 1812 г. Александр I повелел отчеканить: «Не нам, не нам, а имени Твоему!». Символичным апофеозом войны стал торжественный молебен перед строем российской армии в день св. Пасхи 1814 г., который совпал с католической пасхой.

6 декабря 1812 г. возникла организация, в идейно-политическом отношении ставшая самой влиятельной в стране на ближайшие 12 лет: был высочайше подписан доклад кн. А. Н. Голицына «Об утверждении Библейского общества в Петербурге». Общество ставило перед собой задачу увеличения выпуска Библий, перевод Священного писания на различные языки и привлечение лиц различного вероисповедания для распространения этих изданий². В Общество вступил император, внося 25000 руб. Академия наук, не придав этому значения, не торопилась сообщить о том в издаваемой ею газете. И тотчас получила запрос-угрозу от МВД³. После этого Библейское общество стало расти столь быстро, что к концу года членские взносы составили капитал в 160000 руб.⁴ В 1814 г. была выпущена брошюра «О цели Российского Библейского общества и средствах к достижению оной» тиражом 35000 экземпляров (при средних тиражах книг 600–1200 экземпляров).

Победа в войне истолковывалась как торжество православной России над безбожной Европой. Эти идеи составили основную тональность освещения войны в публицистике и официальном искусстве, создав условия для «христианизации» народного образования, расцвета мистического романтизма, религиозной живописи, массового строительства храмов. Ряд воспоминаний современников, послевоенная историография восхваляли Божий промысел, создавший гибельные для врага климатические условия и объединивший сословия вокруг престола избранника — Александра Благословенного.

Религиозно-мистические настроения россиян усиливались варварством «просвещенных» европейцев по отношению к русским национальным и религиозным святыням. Как никогда остро обозначилась антитеза: европейское Просвещение — русское Православие. На этой почве шло сближение ранних «западников» (Н. М. Карамзин, А. Н. Оленин) со славянофилами (С. Н. Глинка,

² РГИА. Ф. 808. Оп. 1. Д. 311. Л. 10.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 254. Л. 1-2.

⁴ Познанский В. В. Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX века. М: Мысль. 1975. С. 95

Ф. П. Ростопчин, А. С. Шишков). Главным фактором, направлявшим патриотические чувства россиян в сторону франкофобии и шпиономании, являлась официальная пропаганда. В Москве тон задавал Ф. В. Ростопчин своими «афишами», насыщенными тупой ненавистью ко всему французскому и псевдонародными урапатриотическими прибаутками. Он бросил в яму «опасного шпиона» — 16-летнего Никиту Муравьева, сбежавшего из дома в армию; приказал публично высечь повара-француза «за его болтовню на кухне», немца и двух французов; выслать в Вятку поляка; устроил бессудное публичное убийство студента университета купеческого сына Верещагина, но не рискнул поступить так же с чиновником П. Мешковым⁵.

В Петербурге похожую роль играл А. С. Шишков, назначенный после падения М. М. Сперанского государственным секретарем с обязанностью писать от имени государя манифесты, рескрипты, постановления правительства.

«Современники говорили, что, для возбуждения в нем красноречия, должно было сгореть Москве»⁶.

Многие соглашались с утверждением С. Т. Аксакова, что шишковские манифесты своим патриотическим красноречием «действовали электрически на целую Русь»⁷, но не остались незамеченными и курьезы, порожденные страстью адмирала к «славянскому корнесловию»:

«Горестная необходимость извлекла меч наш <...> Достоинство народа воспретило опускать его во влагалище»⁸ (т. е. в ножны).

Самым шовинистическим журналом оставался «Русский вестник» С. Н. Глинки. Там печатались произведения, посвященные былым и нынешним национальным героям, информация о многочисленных случаях самопожертвования, героизма, великодушия. Это подавалось в верноподданническом духе, идеализирующем все

⁵ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П. И. Щукиным. В 10-ти тт. М. 1897–1908. Т. 1. С. 115, Т. 2. С. 22–23, 57–58; Т. 4. С. 104–117; Т. 8. С. 44–76.

⁶ *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.: Захаров. 2002. С. 236.

⁷ *Аксаков С. Т.* Литературные и театральные воспоминания // Собр. соч. в 3-х тт. М. Худ. лит. 1986. Т. 2. С. 305–306.

⁸ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. В 2-х тт. Берлин. 1870. Т. 2. С. 466.

русское, в том числе крепостные порядки и деспотизм. Французская же армия изображалась в карикатурном виде, нация оскорблялась и принижалась, а Наполеон именовался не иначе, как «неверный Голиаф», «исчадие греха, раб ложной, адской славы, изверг естества, лютый сын гиенны». Журнал призывал к запрещению французской речи, к удалению из обеих столиц французских магазинов, вывесок, парикмахерских.

После пожара Москвы петербургские «патриоты» тоже ополчились против всего французского. Толпа чуть не растерзала вице-директора императорских театров кн. П. И. Тюфякина, который во время службы в Казанском соборе обратился к знакомому по-французски. Резко упала посещаемость и доходность французского театра. Император, «находя французскую труппу не нужною», 18 ноября 1812 г. повелел ее закрыть⁹. Главнокомандующий Санкт-Петербурга С. К. Вязмитинов запретил несколько французских изданий и приказал издателю «подозрительной» национальности А. Плюшару доставлять в министерство полиции всю отпечатанную продукцию до выпуска ее в продажу. Позднее в «Рославле» А. С. Пушкин с иронией описал подобный «патриотизм»:

«...кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни».

Излюбленным пропагандистским жанром оставались памфлеты на Наполеона. Например, «Мысли Наполеона при вступлении в Москву, или разговор совести с различными его страстями», которых ровно 13 — «чертова дюжина»: честолюбие, коварство, бесстыдство, наглость, дерзость, властолюбие, неблагодарность, вероломство, мстительность, кровожадность, расточительство, развращение, безбожие. В подобном духе были написаны сотни сочинений, из которых страстной ненавистью к идеологии Просвещения выделяется «Разсуждение...» митрополита Филарета¹⁰. Главной причиной побе-

⁹ РГИА. Ф.497. Оп. 17. Д. 87. Л. 1–3.

¹⁰ Филарет (Дроздов В. М.). Разсуждение о победе России в войне... // Сын Отечества. 1812. Ч. 2. № 7. С. 73–75.

ды России в войне он считал верность православию. Оно противопоставлялось идеям французского просвещения. Французы представляли носителями атеизма и «особливым родом цыган».

Едва ли не главной причиной победы России в Отечественной войне 1812 г. стала ее безоговорочная победа в войне пропагандистской, где самыми эффективными видами оружия были церковная проповедь, пресса, публицистика, поэзия, графика. Вот что писал об этом А. де Коленкур:

«Беспорядки и грабежи — неизбежное последствие нашего быстрого продвижения — были первым злом, и мы заставили крестьян чуждаться нас. Пожары, зажженные русскими с такой политической расчетливостью и приписываемые крестьянами французам, чуждый язык, крестовый поход, проповедуемый русским духовенством против нас, — все сочеталось воедино для того, чтобы изобразить нас в глазах этого суеверного народа в виде варваров, которые, как говорили русские, пришли низвергнуть их алтари, похитить их достояние и увести в рабство их жен и детей. И от нас бежали, как от диких зверей»¹¹.

Однако идеологическое оружие, как любое оружие массового поражения, не щадит и победителей. Потому 1812 г. для России оказался рубежом, отделившим идеологию Просвещения от «официальной народности» — антипросвещения и официозного романтизма. Любопытным тому подтверждением служит рукопись А. Н. Оленина «Собрание разных происшествий, бывших в нынешней войне с французами...»¹². В этих черновых записях заметное внимание (8 сюжетов из 34) уделено теме духовного и морального разложения «просвещенных» европейцев: осквернение и грабеж храмов, в том числе католических; пьянство из церковных сосудов; превращение церквей в конюшни; бивуаки из церковных образов; «готовят кушанья в церкви, а не на кухне»; расправа баварцев над купцом, отказавшимся осквернить иконостас; «любимым у французов было после всего опровергнуть престол, чтобы посередине оногo напакостить». Во многих сюжетах Оленин создает контрасты между «безбожными и жестокими французами» и «человеколюбием (присвоенным русскому народу)», «чтобы ви-

¹¹ Коленкур А. де. Поход Наполеона в Россию. Смоленск. 1991. С. 188.

¹² РНБ ОР. Ф. 542. № 11. Л. 1–40.

деть меру развращенности так называемых просвещенных народов и степень честности варваров и диких так называемых народов». Подобные приемы и обороты, естественные для ретроградов, в записях интеллектуала Оленина — печальный симптом кризиса Просвещения, как и тот факт, что в период войны «тысячеискусник» Оленин замещал «гасильника» Шишкова в «Беседе любителей русского слова». Он восторгается «народным умом», который «не скоро войдет в голову самых просвещенных людей». Переход на антипросветительские позиции подтверждается ремаркой В. А. Олениной: «Увы! К чему же привело просвещение? Лучше обманывать». Что и будет делать Оленин, став после 1815 г. активным соучастником удушения российского Просвещения¹³.

Похожая метаморфоза произошла и с ведущим русским эстетиком периода «либерального курса» А. А. Писаревым. Этот доблестный гвардейский полковник за время войны стал генералом и кавалером орденов св. Анны 2 и 1 ст., св. Георгия 4 и 3-й ст., Владимира 3-й ст., прусского креста, сардинского ордена св. Маврикия и Лазаря. Тем печальнее, что в его «Военных письмах и замечаниях, относящихся к 1812 году» центральное место отводится уже не народу, а начальству и Божественному провидению.

Знаменем времени стало массовое строительство храмов-памятников 1812 г. и полковых соборов вместо бывших «римско-языческих» триумфальных ворот*, колонн, обелисков. Как правило, такие соборы и церкви становились одновременно музеями, где хранились трофеи, знамена, устанавливались мемориальные доски. Крупнейшим памятником Отечественной войне должен был стать

¹³ См. *Островский О. Б.* А. Н. Оленин и Академия художеств в 1817–1825 гг. Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2005. № 5 (11). С. 154–169.

* К моменту вступления русской гвардии в Петербург 30 июля 1814 г. Д. Кваренги и И. И. Тербенев создали Нарвские триумфальные ворота — бутафорию из алебаstra и дерева, окрашенных под бронзу и мрамор. Простояв 10 лет, они обветшали, представляя опасность для прохожих, и вызывая горькие чувства у ветеранов. Другие триумфальные ворота построил в 1817 г. в Царском Селе В. П. Стасов. Александр I лично определил место их установки и составил надпись «Любезным моим сослуживцам» на русском и французском языках (РНБ ОР. Ф. 737. № 50. Л. 1–3). Но эти ворота скорее свидетельствовали о германофильстве императора, поскольку интерпретировали в миниатюре Бранденбургские ворота Берлина.

храм Христа Спасителя на Воробьевых горах в Москве. Император, «всегда наклонный к мистицизму и сумрачному расположению духа, в котором многие видели угрызения совести», выбрал «колоссальный, исполненный религиозной поэзии проект Витберга <...> Проект был гениален, страшен, безумен — оттого-то Александр его выбрал»¹⁴. Торжественная закладка храма Христа Спасителя состоялась 12 октября 1817 г., в годовщину ухода французов из Москвы, в присутствии десятков тысяч москвичей, 50000 войск и около 500 представителей духовенства. Однако дальнейшая судьба храма общеизвестна: в 1827 г. указом Николая I строительство было прекращено, Витберг попал под суд и был сослан в Вятку, а храм Христа Спасителя, возведенный К. А. Тоном на другом месте, стал главным долгостроем XIX в., однозначно уступившим своими художественными достоинствами проекту Витберга.

Тем временем крупнейшим храмом-музеем стал Казанский собор в Петербурге, куда в ходе войны были доставлены почетные трофеи: 107 знамен и штандартов, 93 ключа от 8 вражеских крепостей и 17 городов, жезл маршала Даву, 40 пудов серебра, отбитого казаками М. И. Платова у французов, из которого отлили фигуры четырех евангелистов. 13 июня 1813 г. в Казанском соборе при огромном стечении народа состоялось погребение М. И. Кутузова. Таким образом, Отечественная война внесла коррективы в идею Павла I, А. Н. Воронихина и А. С. Строганова: из главного храма династии Романовых собор превратился в общенациональный памятник русской воинской славы.

Параллельно с православием в массовом сознании утверждался второй «кит» идеологической триады С. С. Уварова — самодержавие. Уже в № 3 «Сына отечества» за 1812 г. была напечатана статья С. С. Уварова «Письмо из Тамбова» с холуйским предложением возвести в сожженной и ограбленной Москве колонну во славу государя с надписью: «Александрю I, по взятии Москвы не отчаившемуся, благодарная Россия».

14 апреля 1814 г. на заседании Сената обсуждался вопрос о приготовлении торжественной встречи императора. Два дня сенаторы изощрялись в подобию страсти, выдумывая пышные титулы и эпитеты. Гр. Стройновский в длинном эссе сравнивал государя с

¹⁴ Герцен А. И. Былое и думы. Киев. 1976. С. 280-281, 283-284.

Александром Македонским, Титом и Петром I, предложив присвоить ему титул Великий, поскольку он выше Румянцева, Суворова и Кутузова как полководец, а его императорское величие затмевает жалких Карла XII, Людовика XIV, Наполеона и Фридриха II¹⁵. 16 апреля все сошлись на титуле «Благословенный». 4 мая Сенат постановил соорудить в Петербурге на всенародные средства памятник «Александру Благословенному Императору Всероссийскому великодушному царств восстановителю». Но император, «тонкий, как лезвие бритвы», рассудил, что демонстративный отказ от памятника его сомнительным заслугам произведет пропагандистский эффект более сильный, моментальный и не требующий финансовых затрат. Специальным рескриптом он запретил возводить себе памятник¹⁶.

В 1814–1825 гг. поэтизация Александра Благословенного стала излюбленной темой для массы российских стихотворцев. Показательно в этом отношении составленное и изданное В. А. Жуковским «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» — свыше 150 од, песен, дифирамбов, гимнов, надписей, где стихи «мэтров» соседствуют с беспомощными, но искренними в патриотическом чувстве виршами неведомых авторов. География этого сборника включает Петербург, Москву, массу других городов, сел и местечек. Сборник открывался стихотворением Г. Р. Державина «Гимн лироэпический на прогнание французов из отечества». Своим тяжеловесным слогом, сложными инверсиями и архаичной лексикой он не выделяется из общей серой массы. В эпитетах, которые Державин употребил для характеристики народа, льстивые гиперболы чередуются с обломками крепостнической идеологии века Екатерины, считавшей главной чертой русского национального характера «образцовое послушание», то есть, рабскую покорность:

О росс! о добльственный народ,
Единственный, великодушный,
Великий, сильный, славой звучный,
Изящностью своих доброт!
По мощцам ты неутомимый,

¹⁵ [Безродный А. В.] Приготовления к торжественной встрече Александра I в 1814 г. // Русская старина. 1897. Т. 92. С. 651-658.

¹⁶ РГИА. Ф. 1329. Оп. 6. Д. 20. Л. 1.

По духу ты непобедимый,
 По сердцу прост, по чувству добр,
 Ты в счастье тих, в несчастье бодр
Царю радушен, благороден,
В терпении лишь себе подобен.

Показательно, что и сталинский режим в дни Курской битвы перепечатал эти стихи в «Правде»¹⁷. Заслуживает внимания посвящение, в котором поэт расставил по ранжиру факторы победы:

«Во славу всемогущего Бога, великого государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского».

Политический консерватор Державин, поместив народ на третье место (как и Уваров в своей теории), выглядит прогрессистом в сравнении с такими авторами, как А. Е. Измайлов, Н. Ф. Остолопов, Д. И. Хвостов и др. В их произведениях народ отсутствует, а поэтический жар адресован царю и Богу:

Так бог на россов обратился
 И в Александре ополчился
 Против великих вражьих сил!..
 Монарх! Одно твое реченье
 Есть щит и царства ограждение.

На волне всеобщего победного ликования даже несгибаемый И. А. Крылов написал басню «Чиж и Еж», где имелся единственный в его творчестве комплемент царствующей особе. Ведущую роль в создании культа Александра Благословенного играла вдовствующая императрица Мария Федоровна. Отечественная война и заграничные походы породили у нее идею-фикс войти в историю в качестве матери «Агамемнона Европы», «восстановителя царств» и «сокрушителя Наполеона». Ей нужны были мастера искусств, способные достойно эту идею воплотить. В 1812–1815 гг. она настойчиво приглашает ко двору или оказывает знаки внимания Н. И. Гнедичу, К. Н. Батюшкову, А. Е. Егорову, В. А. Жуковскому, И. А. Крылову, Г. И. Угрюмову, В. К. Шебуеву, В. П. Стасову и др. В 1815 г. императрица вместе с великой княгиней Анной Павловной нанесла визит в Академию художеств. Выразив благоволение Академии, она перешла к главной цели:

¹⁷ Фрицман Л. Г. 1812 год в русской поэзии. М.: Знание. 1987. С. 43-44.

«пожаловала оной собственных трудов своих большую Золотую медаль, посвященную Государю-императору, которую ея императорское величество соизволила сама положить на стол в конференц-зале»¹⁸.

На медали под всевидящим оком красовались надписи: «Избавитель народов», «Александру Благословенному», дата капитуляции Парижа — 19 марта 1814 г. Так Академии подсказывалась главная тематика творчества.

Особая роль в этих планах отводилась Н. М. Карамзину. В рукописном отделе РНБ имеется 6 писем к нему от Марии Федоровны, датируемых 1813–1815 гг.¹⁹ Императрица настойчиво звала историка в Павловск, проявляя «небескорыстный», по ее признанию, интерес к его персоне. Основная цель, закамуфлированная светскими комплиментами, звучит так:

«Я весьма радуюсь однако успешному ходу ваших трудов, ибо надеюсь что вы тем скорее приметесь за наше достопамятное время, превосходящее все прошедшие чудесными происшествиями... и Розовый Павильон, в котором я праздновала возвращение Императора с победителями, возымееет может быть приятное влияние на историографа их славных подвигов».

Переход от русского средневековья к современности противоречил научным интересам Карамзина и ставил под сомнение его безупречную репутацию. Он оборонялся вежливыми отписками и в течение пяти лет уклонялся от личной встречи с императрицей.

Ничего не получилось и с И. А. Крыловым. На прием к «строгой до этикета» Марии Федоровне он явился в новом сюртуке, «забыв» снять с пуговиц бумажные обертки. В отношении Н. И. Гнедича и К. Н. Батюшкова она, видимо, не очень-то и старалась. Зато судьба послала ей В. А. Жуковского, который стал ее придворным чтецом, благодаря «Посланию Императору Александру» (1814 г). Это произведение обычно не включают в собрания сочинений Жуковского, чтобы не портить его имидж. И напрасно. В «Послании...» поэт элегантно соединил основные пропагандистские штампы российской публицистики. Александр I — это: «Великий»,

¹⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2510. Л. 1.

¹⁹ РНБ ОР. Ф. 143. № 165. Л. 1–7.

«Благословенный», «бодрый», «не гордый победитель», «младой Агамемнон», «победоносный друг» с «недоступною для почестей душой», «очами твердыми» и «светозарной вождя Царей главою». Он «стыдливо отклоняет... побед торжественный венец». «Кто славных дел Твоих постигнет простоту?». «Светозарному» монарху противопоставлен Наполеон — «хищник» (2 раза), «чудовище» (2 раза), «губитель» (2 раза), «страшилище», «тиран», «свободы враг», «истребитель», «к человечеству презреньем ополчен». Его характеризуют «ужасный престол», «самовластительство», «кровавые персты» и мысли. Наполеон и Александр выступают центральной антитезой, как Насилие и Свобода. Этот официоз Жуковский пытался смягчить, во-первых, просветительским уроком царям:

«Возри на Твой народ, простертый пред Тобою, / Благослови его державною рукою!»; «Поверь народу, Царь, им будешь счастлив ты!»; во-вторых, — ориентально-романтическим мотивом а la Гарун аль Рашид: «Сокрой свой Царский блеск, втеснись без устрашенья, / Один в толпу, и там внимай благословенья!»

Внимательным современникам понадобились годы, чтобы заметить: Александр не любил вспоминать Отечественную войну, не посещал ее памятных мест, не отмечал ее великих событий. Зато «ездил и в Ваграм, и в Ватерлоо»²⁰. Тем временем тихо и постепенно, без каких-либо официальных указов канул в Лету либеральный «Устав о цензуре» 1804 г. В 1815 г. в одночасье были уничтожены иезуитские учебные заведения, практиковавшие самые передовые педагогические методы. Это был пролог к окончательному удушению российского Просвещения в 1819–1822 гг.

²⁰ Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб. 1912. В 2-х тт. Т. I. С. 212.

С. А. ЕРЕМЕЕВА

В ПРОСТРАНСТВЕ ВОСПОМИНАНИЙ

МЕМУАРЫ

ЧЛЕНОВ ПРИЮТИНСКОГО БРАТСТВА

Необходимость вспоминать стимулируется опасностью утраты, которая мстит за себя не просто пустотой забвения, а тем, что приходит на ее место. Изменения в социуме, первые смерти друзей, уход повзрослевших детей — все это заставляет захотеть вспоминать. Часть прошлого осознается как безвозвратно ушедшая, непоправимая, отделенная пропастью. В то же время, в воспоминаниях человек оказывается более свободен, нежели в мечтах. Думая о будущем, он не может представить себя другим, он просто вписывает себя настоящего в предполагаемые обстоятельства, отнесенные по времени вперед. Вспоминая, он имеет дело с собой настоящим и тем другим, который остался в прошлом. И разница между этими двумя фигурами, особенно если человек динамично развивался, может оказаться настолько большой, что создает огромное поле для осмысления.

Эта фигура из воспоминаний оказывается образом «Другого». Как заметил Я. Ассман: «В мире тотальной унификации память о прошлом делает возможным опыт Иного и дистанцирование от абсолютной власти современности и данности. Но в более общем, менее политическом смысле это верно и для давления, которое повседневность как таковая оказывает на социальную действительность и которое всегда толкает к унификации, «одномерности» и упрощению»¹.

Человек вглядывается в свое прошлое и с изумлением видит там другого себя, и с этим Другим и должен договариваться о том, что было. Прошлое возможно только при наличии Другого, который обеспечивает и понимание, и неполноту этого понимания, определяющую пространство интерпретаций. Диалог с Другим в какой-то степени — борьба с памятью. Для того чтобы вспомнить (написать мемуары), надо забыть. Это драгоценная и ответственная возможность переосмысления себя. Возможность интерпретации образа

¹ См. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 91.

Другого гораздо больше, чем возможность интерпретации себя самого. И именно это определяет большую гибкость ретроспективной модели по сравнению с перспективной моделью, что и демонстрирует опыт воспоминаний членов Приютинского братства.

В 80-е годы XIX века в Петербургском университете сложился типичный для своего времени дружеский союз интеллектуалов. Назвался он Приютинским братством. Первыми членами его стали братья Ольденбурги и супруги Гревсы, присутствовавшие на домашней полупроповеди-полулекции Вильяма Фрея, поклонника «религии человечества». Члены братства оставили богатое эпистолярное, а затем и мемуарное наследие.

История создания Братства была описана в письмах к общему другу Д. Шаховскому с приглашением к вступлению в братство (из письма Федора Ольденбурга эта история в виде цитат попала позже в воспоминания другого члена братства А. Корнилова)², в дневнике одной из присутствовавших на встрече³, а меньше чем два года спустя рассказана в общем письме И. Гревса⁴ — то есть вновь до-

² «Фрей произвел, — писал в январе 1886 г. Федор Федорович Дм. Ив. Шаховскому, — громадное впечатление именно потому, что он выразил вполне определенно и ясно то, о чем мы думали раньше; нет в сущности ни одного слова нового». Затем он описывает приподнятое настроение, охватившее Ольденбургов и Гревсов под влиянием речей Фрея. На другой день та же компания собирается сперва у Гревсов, потом у Ольденбургов, живших с ними на одной лестнице, и, после возбужденного обмена впечатлениями, решает положить основание кружку или братству. «Все члены этого маленького кружка тотчас же написали Дмитрию Ивановичу горячие письма, в которых описывалось и содержание проповеди Фрея, и впечатления им вызванные, и страстные стремления всех объединившихся членов кружка найти истинные основы жизни». См. *Корнилов А.* Воспоминания о юности Федора Федоровича Ольденбурга / *Русская мысль*, 1916. Кн. VIII. С. 69.

³ «На 3-й день после Фрея Маша, Иван и братья О<льденбурги> долго и очень хорошо говорили, тогда-то и решили устроить этот кружок, т.е. нельзя так выражаться, тут в сущности ничего не устраивалось, а так вышло, что мы сошлись, почувствовали, что все любим друг друга, хотим всеми силами помогать друг другу жить хорошо...». См. Е. Зарудная. Цит. по: *Шаховской Д.* Письма о братстве / Публикация Ф. Ф. Перченка, А. Б. Рогинского, М. Ю. Сорокиной // *Звенья*. М. — СПб: Феникс-ATHENEUM, 1992. Вып. 2. С. 294.

⁴ «Около двух лет тому назад... Ольденбурги с Гревсами под наплывом действительно альтруистического чувства и под обаянием действительно культурно-исторических идей, возбужденных фреевскими беседами, учредили братство». См. *Человек с открытым сердцем*. Автобиографическое и эпи-

ведена до общего сведения. Таким образом, момент возникновения нового образования был зафиксирован точно. Гораздо более расплывчатым представляется, что же все-таки образовалось, поскольку главным содержанием сообщений оказался момент воодушевления и чувство необыкновенной симпатии друг к другу.

Практика кружков была распространенной в это время. Они складывались нередко еще в гимназии — подобный опыт стоял за плечами членов братства. Формирование общего круга чтения и обсуждение в большей или меньшей степени политических вопросов были основой общения. По принципу совместности интересов шло формирование кружков и в университете — мужская часть братства прошла и через Научное Литературное Общество, и через отпочковавшиеся от него кружки: по изучению и изданию народной литературы, по изучению постановки высшего образования в разных странах и т. п. Сами названия говорят о тех задачах, вокруг которых эти объединения образовались — они были вполне предметны. Но именно здесь, в процессе совместной работы и общения, происходила своего рода фильтрация и постепенно выделялся круг наиболее близких людей, которые, по окончании университета вдруг, спонтанно, образуют новый союз, названный братством. Через непродолжительный промежуток времени стало понятным, что ядро братства составляют В. Вернадский с женой Н. Старицкой, Д. Шаховской с женой А. Сиротининой, И. Гревс с женой М. Гревс, братья С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбурги, А. А. Корнилов. Члены братства сразу же определили свою союз как особенный и настаивали на этом потом всю жизнь, затрудняясь, впрочем, обозначить признаки этой особенности. В любом случае, Братство, в отличие от «кружка по изучению...» — беспредметно, оно возникает на каких-то других основаниях и держится за счет другого. Самими участниками эти основания определяются изначально как этические и даже формулируются, правда, вполне туманно. Д. Шаховской, получив письмо о Фрее, пишет своей невесте 24 января 1886 г.: «Только братство может выручить. Одному нельзя жить среди людей, которых жизнь кажется бессмысленной и которых жизнью решил не жить. Только в братстве это можно»⁵.

столярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / Автор-составитель О. Б. Вахромеева. СПб., 2004. С. 212.

⁵ См. Шаховской Д. Указ. соч. С. 200.

Переход от кружка к братству — не простая замена одного слова другим. Кружки — нормальная культурная практика в России XIX века: создание микросоциума, позволяющего сохранять относительную и временную независимость от внешней жизни. Идея комфортности кружка, скомпрометированная радикальными движениями (процесс пошел с Нечаева), продолжала жить в конце века в неформальных объединениях в сфере науки и искусства. И само слово «кружок» отсылает к определенным интеллектуальным кругам, вписывает принадлежащих к нему в контекст интеллектуальных прежде всего практик.

Другое дело — слово «братство», широко представленное в культуре этого времени, но отсылающее совсем к другим контекстам — религиозному и коммунитарному. Но эти контексты предполагают направление развития, прямо противоположное интеллектуальному, что для университетской компании, большая часть которой собирается заниматься наукой, выглядит парадоксом. Однако совпадение риторики при определении смыслов и проблем сомнений не оставляет: члены Приютинского Братства в том или ином смысле ощущали себя причастными и к околоцерковным, и коммунитарным образованиям, целью своей определяющими выработку новых форм жизни.

Сплочение вокруг идеи братства происходит при негативной идентификации — Д. И. Шаховской формулирует это так: 1. Так жить нельзя. 2. Все мы ужасно плохи. 3. Без братства мы погибнем. Эту тройную формулу никто из братьев никогда оспаривать не будет — из нее, несмотря на всю невнятность, всегда будут исходить. При этом братство (которое, отчасти принимая имя прежнего образования, связанного с мечтой покупки общего имения, могущего служить местом общения и убежищем — Приютина, становится Приютинским братством) все время подчеркивает свою непохожесть на другие кружки, которая для постороннего наблюдателя вовсе неочевидна. Правда, нам известна необыкновенная долговечность братства: оно просуществовало с января 1886 г. до конца жизни последнего своего члена — им оказался В. И. Вернадский, умерший в 1945 г. Но в начале этой истории об этом факте никто знать не мог. Кружки же по интересам обычно заканчивали свое существование, когда предмет исчерпывал себя. Братства могли существовать долго в том случае, если из неформальной структуры превращались в структуру формализованную.

Однако долгое существование Приютинского братства (регулярно сопровождавшееся размышлениями о том, что братства больше нет, сменявшимся столь же регулярным пониманием, что «без братства мы погибнем») вовсе не было однородным. Может быть, долговечность братства поддерживалась его гибкостью, способностью к трансформациям, соответствующим развитию его членов. Оно как бы росло вместе с людьми — и союз 60-летних, существующий с тем же названием, уже мало чем напоминал объединение группы вчерашних студентов.

В свое время И. М. Гревс, оспаривая мнение Шаховского, что братства нет, «потому что нет совместной работы по осуществлению лучших форм жизни, что нет даже совместной выработки общественного положения и нравственных идеалов»⁶, оговаривает субъективную природу существования братства: «Братство **для меня** есть. 1) Оно живет **в нас** как несомненно самостоятельное нравственное начало или построение, выделяющее **нас в нашем собственном сознании** (все выделения в цитате принадлежат мне. — С. Е.) из среды всех других»⁷. Собственно, такой способ существования братства — одна его особенностей на протяжении всего времени его существования — оно может быть и не быть одновременно, воплощаясь и развоплощаясь в сознании его участников (и необязательно одновременно для всех и каждого), существуя вне и помимо конкретных дел, которые сопутствуют практике братства, но не являются целью его.

Приютинское братство — структура, существовавшая только в воображении людей, добровольно принявших на себя определенную систему правил и ограничений ради определенных целей. Однако воздействуя на мысли, поступки, да и саму личность этих людей, идеальное Приютинское братство оказывало реальное влияние на жизнь. Но это соотношение мыслимого и действительного всегда было проблематизировано внутри самого союза. Существующее положение дел воспринималось как невнятность и неясность ситуации, в определенной степени мучительной, и хотелось перевести братство в «реальное» состояние.

С позиции исследователя становится очевидно, что Братство плохо привязывается к реальному времени: члены Братства о нем или мечтают, или его вспоминают.

⁶ См. Человек... С. 212.

⁷ Там же.

С самого начала существования Братства шло постоянное обсуждение двух уровней жизни — идеи и дела, и двух мерок, приложимых к ним, из чего возникают аргументы широты и узости. Парадигма строительства братства: выработка идеалов —> общеосознанность их и строительство личной жизни в соответствии с ними —> проведение их в жизнь (вовне, в социальной деятельности) — осознается не сразу. Конечно, молодым людям хотелось как-то безусловно отметить свое присутствие в мире. Соблазнительно было бы поделить разных членов братства в соответствии с их профессиональным и жизненным выбором на людей идеи и людей дела. Но все не так просто. Борьба идет не между отдельными членами братства, она осуществляется внутри каждого из них — и не один год уходит на то, чтобы они услышали друг друга и договорились по поводу этих основных вещей между собой.

Первый кризис всегда самый неожиданный и самый тяжелый: 1891 год члены братства считали переломным. В их сознании он связывался с неожиданной смертью Шуры Ольденбург, но год был наполнен многими событиями. Для некоторых членов братства определяется род деятельности на много лет вперед. В. И. Вернадский первым защитил магистерскую диссертацию, подтвердив свою принадлежность к цеху науки. А. А. Корнилов вышел в отставку, разочаровавшись в государственной службе. Д. И. Шаховской начинает воспринимать земскую деятельность как основную в своей жизни. И, может быть, самое главное в этом году — это попытка большого общего дела — работа на голоде. В губерниях, наиболее сильно пострадавших от неурожая, по призыву Л. Толстого, обратившегося к частной благотворительности, местной интеллигенцией создавались бесплатные столовые и пункты раздачи семян и фуража для скота. Туда, где не хватало местных сил, направлялись добровольные помощники. Вернадовка (поместье В. И. Вернадского), расположенная на территории Тамбовской губернии, оказалась в зоне бедствия. Помощь была оказана оперативно: В. Вернадский занялся сбором средств в Москве, А. Корнилов и Л. Оболянинов выехали на место для непосредственной организации работы, продовольствие закупал в Твери Федор Ольденбург, Иван Гревс, находившийся в это время в научной командировке Париже, организовал с помощью русских эмигрантов Комитет помощи голодающим для сбора средств. Неурожаи продолжались, в 1892 году Вернадский, братья Ольденбурги

и Шаховской участвовали в борьбе с голодом уже в Самарской губернии. Но это было не только наконец-то обретенное дело. С одной стороны, это был результат подспудной работы братства, продолжавшейся все это время — именно строительство себя дало результаты. Работа предполагала соприкосновение с двумя очень непростыми вещами — деньгами и людьми. Сбор средств требовал безукоризненного нравственного авторитета того, на чье имя шли пожертвования (а они шли на частное имя). Работа требовала поиска и фильтрации людей в центре и организации сил добровольцев на местах, не говоря уже о том, что работать с изголодавшими и больными людьми было порой мучительно. С другой стороны, у членов братства остаются сомнения в реальности и нужности такой работы: «Мне *очень* хочется знать — тебе на месте ясно — не преувеличиваю ли значения дела. Я убежден, что теперь живет этим делом лучшая часть Руси и важно нам работать не только вдали, как я, но на месте»⁸, — пишет В. Вернадский А. Корнилову, вернувшемуся из командировки по голодным местам.

Казалось бы — вот он, момент воплощения! Однако вместо эйфории приходит кризис. Итоги подводит И. Гревс в общем (для всех) письме конца 1891 г., где фиксация момента конца (не важно, насколько это действительно конец — Гревс в это время в это верит) концентрируется вокруг констатации оригинальности, особенности компании, с одной стороны, и признания на самом деле **успеха** идеи, которая **сделала** «нас такими, какие мы есть»⁹. В определенном смысле это утверждение не конца, а законченности некоего этапа, правда, последует ли развитие — на тот момент непонятно. Непосильность исповедуемой идеи — целостность братского мировоззрения — связывается Гревсом с ее широтой, охватывающей разные стороны жизни: религию, нравственность, семью, отношения с людьми. Как облегченный вариант предлагается общественная деятельность и слияние с группами «обыкновенных оппозиционных честных деятелей». Не только смерть Шуры Ольденбург, но и опыт совместной работы приводят к пессимистическим прогнозам. В каком-то смысле «общее дело» оказалось убийственным если не для братства, то для его первоначальной идеи.

⁸ ААН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1965.

⁹ ААН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 458. Л. 12 об.

Можно сказать, что результатов своей 5-летней жизни в братстве приютинцы тогда не осознали, поскольку результаты проявились совсем в другом, чем они предполагали теоретически. Осознание, что «мы особенные», было структурирующим для Приютинского братства, но не менее, чем «особенные» здесь важно слово «мы». Признание братства как идентификационной структуры в значительной степени и является результатом многочисленных обсуждений первых лет существования братства. Тогда это было необходимо в момент выхода в «настоящую» жизнь после окончания университета, когда требовалось согласовать многочисленные обязательства и интересы для будущей жизни. Идея личности утверждается в перспективе через идею братства. Через четверть века снова возникает необходимость подтвердить свою идентификацию, для чего оказывается необходимо подтвердить существование Приютинского братства. И создается новый образ братства, только теперь уже ретроспективный. Так появляются воспоминания.

Причиной всплеска воспоминаний, вполне вероятно, была опасность утраты опыта прошлого, который представлялся насущно важным в настоящем. Групповая память о недавнем прошлом носит коммуникативный характер: существуя и постоянно обновляясь в межличностном общении, она постепенно «стареет» вместе со своими носителями, утрачивая актуальность и теряя участников коммуникации. Для того чтобы стать памятью культурной — значимой для более широкого сообщества и для других поколений — память должна сделать некий скачок, преодолеть разрыв, выйти на другой уровень. Для этого выработаны соответствующие культурные практики. Одна из них — письменная фиксация воспоминаний и обнародование их в надежде увеличить идентификационную группу.

Воспоминание, предназначенное для публикации, с одной стороны, акт социальный. С другой стороны, это иная мыслительная операция, нежели описание или проектирование. Воспоминание все время представляет собой диалог, который ведет вспоминающий с собой бывшим. И ретроспективный образ Приютина вырастает из этих диалогов с собой и сопоставления их с диалогами друзей. Воспоминания появляются кучно — в 1913–1918 гг. Они имеют общее строение: каждый из авторов начинает свои воспоминания с личной предыстории студенческой жизни, чтобы закончить их общей историей образования братства, демонстрируя неумолимую логику этого

пути. Идя от личного прошлого, они приходят к общему прошлому, с которого и начинается настоящая жизнь.

Прошлое неоднородно. И не все прошедшее осознается как прошлое. В воспоминаниях о Приютинском братстве мы и видим этот момент превращения части прошедшего в прошлое и представление его как мифа начала. Не случайно, воспоминания не выходят за границы конца 80-х годов — братство уже основано, его основание принадлежит прошлому, а начинающаяся после его основания «настоящая» жизнь длится до сих пор и осмыслению как прошлое не подлежит. Вспоминать сложно. На это нужно решиться. Первые по времени воспоминания Д. И. Шаховского — не воспоминания, а конспект прошлого в рамках автобиографии: прошлое как прошедшее здесь не опознается. В. И. Вернадский в статье, посвященной памяти умершего друга, обращаясь к прежним временам, говорит о «далеких, с трудом пробивающихся в воспоминания годах юности и молодости»¹⁰. И это не проблемы отсутствия памяти, а сложность отстранения от того, что было, трудность перевода молодости в регистр прошлого. Автор даже демонстративно не хочет распространяться по поводу братства: «Теперь не время касаться истории этого кружка — немногие из его членов пока ушли из жизни, как недавно Ф. Ф. Ольденбург — но он оказал несомненное влияние на всех лиц, в него входивших или к нему примыкавших. Многие из его членов сохранили связь между собою на всю жизнь»¹¹. Тем не менее, В. И. Вернадский наступившее прошлое констатирует. А. А. Корнилов в своих воспоминаниях его подтверждает, хотя для подтверждения статуса достоверности своих воспоминаний удваивает нарративную структуру, вводя параллельный рассказ через юношеские письма Федора Ольденбурга. И. М. Гревс удостоверяет статус достоверности своего рассказа, обращаясь к свидетельству человека, стоявшего за пределами братства. Авторы словно не уверены до конца в своем праве вспоминать, хотя мемуары Гревса включают в себя и рефлексию по поводу самого факта воспоминаний.

В воспоминаниях идет процесс вычленения главного, намечаются некие вехи, происходит сужение и дифференциация мемори-

¹⁰ См. *Вернадский В. И.* Из прошлого (отрывки из воспоминаний об А. Н. Краснове) / *Вернадский В. И.* Очерки и речи. Т. II. Пг., 1922. С. 100.

¹¹ См. *Вернадский В. И.* Указ. соч. С. 106-107.

ального поля — повторение этого превращает само воспоминание в ритуал. Воспоминания о начале содержат в себе комплекс событий и комплекс мотивов. Событийный ряд включает в себя: приход в университет (переходный момент становления личности) — Студенческое Научно-Литературное общество — сходку 1982 г. — Кружок по изучению народной литературы — ситуацию окончания университета — образование братства. С университетом было очень сложно расстаться как с породившей и порождающей средой, в которой научились правильно существовать, и искалась альтернатива этой среде. Система мотивов тоже общая: высокий статус юности — университет как место обретения свободы — идеалистичность стремлений — поиск форм личностного строительства и наука — необыкновенность дружеского союза и его членов — поиск места в жизни и проблемы профессионализации — квазирелигиозное чувство как мировоззренческая основа — растерянность перед «настоящей» жизнью и страх спастись перед ней...

Эта формирующаяся договоренность об общем прошлом важна как этим набором значений, демонстрирующих свою ценность, так и фактом своим, подтверждающим актуальность прежних отношений. Ссылки на воспоминания другого, как на общие, демонстрируют крепость социальных связей. Воспоминания сами по себе сплачивают группу. При этом поле идентичности создает не общая память, а общее припоминание — того, что считается необходимым. Человек есть то, что он поминает. У появившихся воспоминаний было как минимум две причины: внутренняя — создание новой связующей (коннективной) структуры для самого Братства, и внешняя — новое объяснение себя миру (перекодировка) в надежде увеличить идентификационную группу.

Реконструкция Приютинского братства по мемуарным источникам приводит к созданию другого образа, похожего и непохожего на перспективную модель (то Приютинское братство, о котором когда-то мечтали). Тушется мысль семейная, зато на первый план выходит жизнестроительная роль науки и то, что некоторые члены братства называют религиозностью — так опознаются этические поиски. Это в какой-то степени определяется внешними причинами: то, что раньше встраивалось в контекст коммунитарного движения, теперь вписывается в современный контекст религиозного брожения, что нужно не столько для самих членов братства, сколько для тех, на кого они рассчитывают как на читателей.

Д. И. БАБКОВ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ТЕМА И ПРОБЛЕМА ТЕРМИНОЛОГИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ В. В. ШУЛЬГИНА 1917–1939 гг.

Национальные вопросы традиционно являются одной из самых острых тем мировой политики. Они стали причиной двух мировых войн, продолжают оставаться актуальными и сейчас. Не в последнюю очередь проблема замыкается и на теоретическом осмыслении таких краеугольных понятий, как «народ», «нация» и «национализм», которым до сих пор не дано чёткого определения.

Исследованием национальных проблем занимались и представители русской политической мысли первой трети XX века. Далекое последнее место здесь принадлежит известному русскому консервативному политику Василию Витальевичу Шульгину (1878–1976). На протяжении всей политической деятельности он придавал большое значение изучению природы межнациональных конфликтов, возникавших на территории Российской империи. К сожалению, до сих пор отечественная историография уделяла мало внимания взглядам Шульгина на эту проблему, в том числе и его попыткам дать своё определение терминам «народ», «нация» и «национализм»¹.

Себя Шульгин относил к русским националистам. В своё время он был одним из идеологов партии русских националистов (Всероссийского национального союза), членом Клуба русских националистов г. Киева, основанного весной 1908 года по инициативе его от-

¹ Исключением является только диссертационное исследование Пученкова А. С., в котором есть глава, посвящённая взглядам Шульгина по украинскому и еврейскому вопросам в период Гражданской войны. Немного уделено внимания и раскрытию Шульгиным понятия «национализм», которое автор, на наш взгляд неоправданно, считает «ключевым» в его мировоззрении. (См.: Пученков А. С. Национальный вопрос в идеологии и политике южнорусского белого движения в годы Гражданской войны (1917–1919 гг.). Дисс. канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 18–19.). Национализм был одним из компонентов государственно-политической концепции Шульгина, основным положением которой являлась идея сильной, желательной монархической, власти.

чима Д. И. Пихно² и других правых монархических организаций; являлся депутатом II–IV Государственных Дум, где входил во фракцию правых, и горячо поддерживал премьер-министра П. А. Столыпина в его национально-государственной политике.

В феврале 1899 года во время студенческих беспорядков в Университете св. Владимира г. Киева, где учился Шульгин, организованных, по его мнению, «левыми» и «евреями», он «стал “анти-семитом”, “правым”, “консерватором”, “националистом”, “белым”...»³. Это были выступления против «неказённой науки», в которой главным предметом являлся «приспособленный для коридорного понимания курс социал-демократии»⁴. Окончательно национально-монархическая позиция Шульгина сформировалась в период первой русской революции. «Освободительное движение» 1905–1907 гг., он рассматривал как «движение позорное, антипатриотическое, антигосударственное и антирусское»⁵. Но особое значение для него национальные проблемы приобрели в период после революции 1917 года, в годы Гражданской войны и эмиграции.

Шульгин не принял Октябрьскую революцию, считал, что «это не более как грандиозная и в высшей степени тонкая немецкая провокация, проводимая при помощи русской еврейской банды, одурачившей несколько тысяч русских солдат и рабочих»⁶. Поэтому ис-

² П. А. Столыпин приветствовал открытие Клуба телеграммой, в которой были и такие слова: «Твёрдо верю, что загоревшийся на западе России свет русской национальной идеи не погаснет и скоро озарит всю Россию...». (Цит. по: Шульгин В. В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны / Сост., вступ. ст., послесл. Н. Н. Лисового. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звёздный мир, 2002. С. 84).

³ См.: Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. СПб.: «Хорс», 1992. С. 40. Необходимо заметить, что для такого «самоопределения» имелась солидная база. И отец Шульгина — известный в XIX веке историк В. Я. Шульгин, профессор Киевского университета, основатель влиятельной газеты «Киевлянин», и отчим Д. И. Пихно, экономист, также бывший профессором Киевского университета, фактически воспитавший пасынка, были людьми умеренно-консервативных, монархических взглядов, отстаивавших русскую идею в Юго-Западном крае.

⁴ См.: Меньшиков М. О. Национальная Империя. М.: Имперская традиция, 2004. С. 314.

⁵ См.: Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...» С. 43.

⁶ Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 25 а, л. 1. Дневник 11 февраля 1918 г.

пользуя все свои возможности, он активно включился в организацию Белого движения на Юге России. И, надо заметить, в первое время помощь его Добровольческой Армии была значительной. Он полностью разделял один из ведущих лозунгов Добровольческой Армии, провозглашённых её создателем генералом М. В. Алексеевым — «Единая и Неделимая Россия». Говорил, что единство Родины надо защищать силой оружия, иначе Россию ждал «путь социализма и искусственного расчленения». Но при этом выражал уверенность, что «испытыв на своей шкуре блаженство “самостийности”», отделившиеся от России народы вновь вернуться «под руку Белого Царя (т. е., русского монарха. — Д. Б.)».

Не менее важной, чем военное сопротивление противникам идеи «Единой и Неделимой России», Шульгин считал борьбу с «меморандумами “угнетённых народностей”», обосновывавших «самоопределение» окраин России⁷. Ещё во времена существования Российской Империи его соратники по Клубу русских националистов вели пропаганду против украинского национального движения, в котором видели угрозу государственному единству. Именно с их подачи «украинцев» стали называть «мазепинцами», т. е. наследниками одиозного гетмана Ивана Мазепы⁸. В начальном периоде Февральской и, особенно, Октябрьской революций, когда лидеры украинских националистов открыто провозгласили разрыв с Россией, эта борьба только усилилась. В течение 1917 года Шульгин вёл агитацию против «украинцев» через газету «Киевлянин», редактором и владельцем которой являлся⁹. В рамках предвыборной борьбы во Всероссийское и Украинское Учредительные Собрания он участвовал в качестве лидера «Внепартийного Блока Русских Избирателей»¹⁰. В начале 1918 года, признавая «крайнюю желательность

⁷ ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 17, л. 7. Рукопись работы В. В. Шульгина «Интервенция».

⁸ См.: Михутина И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). Монография. М.: ООО «Ловатера», 2003. С. 112.

⁹ См.: Голостенков М. Е. Шульгин Василий Витальевич // Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. В. Волобуев. М.: Большая Рос. Энциклопедия, 1993. С. 365. См. так же цикл статей, посвящённых украинской тематике в номерах «Киевлянина» за 1917 и начало 1918 года.

¹⁰ Современный исследователь Михутина И. В. полагает, «что русский национализм, опиравшийся в крае на немалую часть этнических малороссов, представлял внушительную альтернативу украинскому направлению». В связи

и необходимость периодического издания, посвящённого научно-исторической защите культурно-национального единства русского народа и русской культуры в Малороссии», предпринял попытку наладить регулярный выпуск сборника статей «Малая Русь»¹¹. В январе 1919 года в Одессе по инициативе Шульгина и при поддержке Командования Вооружённых сил Юга России была организована «Подготовительная по Национальным Делах Комиссия». По замыслу основателя, члены комиссии обязались подготовить материалы для будущей мирной конференции, на которой должны были решаться вопросы послевоенного переустройства мира. Здесь посланник России неизбежно встретился бы с «национальными комитетами» всех наций, раздирающих Россию»¹². Комиссия предполагала также рассмотреть «все «национальные вопросы», возникавшие на «шестой части суши» ... **с русской точки зрения** (выделено В. В. Шульгиным. — Д. Б.)»¹³. По причине поражения Белого движения, комиссия не смогла выполнить всех поставленных перед ней задач. Помимо этого, В. В. Шульгин в 1918–1919 гг. постоянно выступал по национальным вопросам на страницах основанных им газет «Россия» и «Великая Россия», выходявших в разное время в Екатеринодаре, Ростове, Курске и Одессе, и газете «Киевлянин». Некоторые его статьи перепечатывали родственные по духу белогвардейские издания Юга России.

этим примечательно свидетельство одного из украинских деятелей Н. Е. Шаповала, который признал, что если украинское движение «будет прислушиваться к большинству голосов, то должно будет закрыть лавочку, — большинство против него». (См.: *Михутина И. В.* Указ. соч. М., 2003. С. 98). Несмотря на то, что сказано это было ещё до революционных событий 1917 года, ситуация мало изменилась и в последующее время, о чём свидетельствуют успехи «Внепартийного блока Русских Избирателей» на упомянутых выше выборах.

¹¹ См.: В. В. Шульгин. *Малая Русь*. В кн.: *Малая Русь*. Выпуск первый. Киев: Типография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1918. С. 74. В подготовке выпуска, кроме Шульгина, приняли участие Л. В. Стороженок, Б. Н. Щеглов, А. И. Савенко и А. Д. Билимович. Всего, вероятно, было три выпуска. В третьем выпуске были опубликованы статьи А. Г. Москвина и С. Г. Грушевского (см.: *Пученков А. С.* Дисс... канд. ист. наук. С. 224, 229).

¹² ГА РФ Ф. Р — 446, оп. 2, д. 71, л. 2 об. Письмо В. В. Шульгина ген. А. М. Драгомирову от 24 декабря 1918 г.

¹³ ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 17, л. 8-9. Рукопись В. В. Шульгина «Интервенция» (I-я часть из «1919 года»).

Уже в эмиграции Шульгин, вспоминая о работе «Подготовительной по национальным делам комиссии», считал необходимым напомнить соотечественникам, т. е. всем бывшим подданным Российской империи, о том, что «национальные вопросы никуда не ушли, и нам от них не уйти». Он был уверен, что эти вопросы «переживут не только Ленина, но и Маркса», т. е. идеи коммунизма и интернационализма. Поэтому призывал заниматься исследованием национальных проблем в эмиграции, чтобы быть готовым к их решению в России, «когда придёт наш час»¹⁴. Кроме того, он полагал необходимым изучать национальные вопросы и для противодействия деятельности III Интернационала, который, по его мнению, не сближал, а натравливал одни народы на другие¹⁵. С этих позиций Шульгин критиковал некоторых политических деятелей эмиграции, старавшихся вообще обходить национальную тему. Так, в одном из писем к своему хорошему знакомому, бывшему послу Временного правительства во Франции В. А. Маклакову, он писал: «...излагая перипетии всего того, что мы пережили, Вы совершенно обходите еврейский вопрос и заодно и другие национальные вопросы. У Вас Россия выходит какой-то *совершенно русской*. ...Ваше изложение ...страдает крайней односторонностью, ибо в него совершенно не входит описание того, как действовали на русскую историю национальные факторы...»¹⁶. И вообще, Шульгин полагал, что если «не считать славянофилов, скорее вредных, чем полезных для национального дела утопистов ...ни Москва, ни Петроград не дали никакого русского национального начинания, ни в виде политической партии, ни в виде учёной школы, ни в виде литературного или художественного начинания»¹⁷. Сетовал также, что вопросы национального свойства ...совершенно не изучены и в поле зрения серьёзных политических

¹⁴ ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 17, л. 9. Рукопись В. В. Шульгина «Интервенция» (I-я часть из «1919 года»).

¹⁵ ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 47 а, л. 1. Докладная записка В. В. Шульгина в Русскую Секцию о роли русской эмиграции в борьбе против III Интернационала.

¹⁶ «Оставим святочные темы и перейдём к еврейскому вопросу» (Из переписки В. А. Маклакова и В. В. Шульгина). Публ., вступит. ст. и примеч. О. В. Будницкого. В кн.: *Будницкий О. В.* Евреи и русская революция. М.; Иерусалим: «Гешарим», 1999. С. 409.

¹⁷ Там же. С. 385.

мыслителей. ...По существу по мнению Шульгина национальный вопрос в России ещё не трактовался»¹⁸.

Наиболее важным он считал разрешение еврейского и украинского вопросов, именно в силу своего малороссийского происхождения*. А в период Гражданской войны на Юге России определённой реакции на украинский и еврейский вопросы требовала и повседневно

¹⁸ От себя заметим, что подобное заявление Шульгина было явным преувеличением, национальные вопросы обсуждались в дореволюционной России. Причём, как на партийном, общественном уровне, так и на уровне государственном (например, обсуждение в Государственной Думе и Государственном Совете в 1910–1911 гг. финляндского вопроса и вопроса о введении земств в губерниях Западного края, проблема выделения из состава Царства Польского Холмской губернии и т. д.). По национальным вопросам высказывались, например, В. В. Розанов, Е. Н. Трубецкой, М. О. Меншиков, П. Н. Милоков, В. И. Ленин, П. А. Столыпин, П. Б. Струве и другие.

* В Волынской губернии В. В. Шульгину принадлежало 300 десятин земли, а в Киеве — усадьба (дом и помещение редакции). Сам он родился в Киеве, в Острожском уезде Волыни, в Киеве провёл детство и юность. Сам Шульгин искренне считал себя русским, хотя иногда называл себя и «малороссом», и просто «южанином», жёстко выступая лишь против причисления себя к «украинцам», так как не признавал этнической обособленности малороссов от великороссов. Примечательно, что его двоюродный брат — педагог и историк Я. Н. Шульгин всецело поддерживал украинское движение, к нему примкнули и все три его сына, один из которых — Александр, стал министром иностранных дел Украинской народной республики. Двоюродная сестра В. В. Шульгина, Вера, была замужем за В. П. Науменко, известным в крае литератором и деятелем «культурного» направления в украинстве, который к тому же был директором и преподавателем русского языка и литературы в гимназии, где учился Василий Витальевич. С этой «украинской» роднёй, «русские» Шульгины (родные братья и сёстры В. В. Шульгина) отношений не поддерживали. Насколько принципиальным для семьи был вопрос о «самоназвании», можно судить из следующих слов В. В. Шульгина: «История ...собирает людей воедино...Один из сильнейших таких магнитов взаимного влечения — это сознание своей принадлежности к единому народу... Украинцам их руководителями была ...определена задача: разорвать единую Россию... Поэтому-то с такой страстностью и упорством они стремятся создать два народа: украинский и русский... Но если русские (жители Малороссии. — Д. Б.) станут украинцами, дело Александра Шульгина будет выиграно... В семье Шульгиных ...это понимают отчётливо. Вот почему Александр Шульгин также упорно борется за украинское имя, как Василий Шульгин, его старший родственник, — за имя русское». (В. В. Шульгин. Аншлусс и мы! Белград: Издание Н. З. Рыбинского, 1938. С. 2, 4. [подчёркнуто В. В. Шульгиным. — Д. Б.]).

ная практика, так как боевые действия и территориально-административные реформы командования Добровольческой Армии затрагивали значительную территорию Малороссии и бывшей черты оседлости еврейского населения Российской империи¹⁹. Работы Шульгина по национальной тематике выходили как отдельными изданиями, так и в виде статей в прессе. Кроме того, отдельные аспекты темы затрагивались и в книгах мемуарного характера²⁰.

Каким же образом Шульгин определял содержание понятий «народ» и «нация»? Прежде всего, обращает на себя внимание то, что он практически не делал между ними различия, используя их как синонимы для характеристики какой-либо этнической общности. Более того, в его работах можно встретить такие понятия, как «население», «народность», «сограждане», «племя» и даже «раса», в том же значении, что и «народ» или «нация». Например, есть такие обороты: «Русский народ такой же, как и другие народы... Его отличие от некоторых западных народов — только в том, что русская раса меньше сложилась»; «...каждый народ имеет право жить полной национальной жизнью...»²¹. Лишь однажды Шульгин прямо указал, что применяет термин «народ» в значении «этнос»²².

Иногда он представляет «народ», как некий слой общества, не относящийся ни к правящей, ни к образованной — интеллигентной части населения России. Например, рассуждая о социальных слоях российского дореволюционного общества, Шульгин писал о том, что

¹⁹ Примечательно, что генерал А.И. Деникин, рассказывая о национальных вопросах, требовавших разрешения в процессе деятельности Главного командования В.С.Ю.Р., также особо выделил украинский и еврейский вопросы. (см.: *Деникин А. И.* Указ. соч. С. 527, 530-541).

²⁰ См.: *Народоправство.* Статьи: В. В. Шульгина и А-ъ. Выпуск №3. Ростов-на-Дону: Издательство «Россия», 1918. 30 с.; 1920 год: *Очерки.* София: Российско-Болгарское Книгоиздательство, 1921. 278 с.; *Нечто фантастическое.* «Enfant, si j'étais Roi...». София: Российско-Болгарское Книгоиздательство, 1922. 96 с.; *Дни.* Белград: Книгоиздательство М. А. Суворин и К^о «Новое время», 1925. 310 с.; *Три столицы: Путешествие в красную Россию.* Берлин: Медный всадник, 1927. 462 с. Кроме того, в фонде В. В. Шульгина (Р — 5974) в Государственном архиве Российской Федерации находятся рукописи неопубликованных работ по названной тематике, относящихся к периоду эмиграции.

²¹ См.: Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. СПб.: «Хорс», 1992. С. 46.

²² См.: *Шульгин Василий.* Нечто фантастическое. «Enfant, si j'étais Roi...». С. 18.

население резко разделялось на две части: «Так называемый “народ”, в общем, физически и душевно здоровый, но ленивый, невежественный и лишённый одного из существенных элементов культуры — уважения к “чужой” собственности, другая часть населения, так называемая, “интеллигенция”. Полубольная, вечно всем недовольная (наполовину “нытики”, наполовину “бомбисты”)²³... В дневнике 14 февраля 1918 года он оставляет запись: «... в физическом смысле русская интеллигенция была самая больная в мире... А народ? ... наш мужик не так трудолюбив, как немец, но несомненно он был гораздо более привычен к труду, чем наша интеллигенция»²⁴.

Но, если понятие «народ» Шульгин практически не расшифровывал, то объяснить смысл термина «нация» пытался. «Прежде всего, что такое нация?», — задавал он вопрос в работе «Что нам в них не нравится»? И тут же отвечал: «Сие есть союз людей, связанных между собой некоторыми признаками». «Главнейшими» из них он определял: как «...совместное жительство, то есть общая территория; кровная близость... то есть более или менее отдалённое родство; общность языка; принадлежность к одному и тому же государственному организму». При этом Шульгин осознавал, что «ни на один из них нельзя как следует опереться»²⁵.

Критикуя первый признак, он указывал, что «могут быть ярко выраженные народы или нации, которые не имеют общей территории и разбросаны по всему свету». В качестве примера приводил евреев, которые на тот момент не имели своего государственного образования²⁶. Но это же относилось и к русским беженцам. «Издравле были народы без территории. Таков был всегда гонимый еврейский народ... Теперь мы (эмигранты. — Д. Б.) поменялись с евреями ролями. Мы — как евреи, т. е. скитаемся по всем Европам и Америкам... Что же касается русской народности, то она раздвоилась... Русских во всех “заграницах” имеется два миллиона. Это — целый народ»²⁷.

²³ Там же. С. 32.

²⁴ ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 25 а, л. 2 об.—3. Дневник. 14 февр. 1918 г.

²⁵ См.: Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. С. 195.

²⁶ Там же. С. 195.

²⁷ См.: Шульгин Василий. «1921 год» // Континент. № 114 (2002). С. 299-300.

«Кровная близость также не играет такой исключительной роли», — утверждал Шульгин, указывая на «американскую нацию» и «российский народ». И в то же время писал, что «понятие нации или расы... можно толковать и как разросшийся род»²⁸, или что «каждая нация есть “собрание родственников”, находящихся по отношению друг к другу в той или иной степени родства». Степень родства оказывалась существенным фактором объединения или разъединения нации. Он считал, что европейские народы находятся в более близком родстве по отношению друг к другу, чем русские. Это и определяет большую степень национального единства европейцев в сравнении с русскими²⁹.

Взгляды Шульгина на общность языка так же противоречивы. В одном случае он утверждал, что этот критерий не подходит для населения многонациональных государств. «В понятие нации может входить множество племён и народов, которые говорят на сто и одном языке и только условно пользуются государственным языком... в отношениях внутренних», — аргументировал он свой вывод. В отношении большевистской России он приводил и такой довод: «...Россией завладела и правит интернациональная коммунистическая шайка, которая потому только говорит на русском языке, что иначе бы большинство населения не поняло её декретов». Естественно, что правившие страной, по мнению Шульгина, поляки, армяне, грузины и «бесконечная плеяда евреев», ничего общего с русской нацией не имеют. Более того, даже «русские в этой интернациональной банде... столь же мало защищают русские интересы, как скажем, поляк Воровский... или латыш... Петерс защищали интересы польские или латышские»³⁰. И, тем не менее, рассуждая о русской нации, Шульгин указывал на язык как на ее объединяющий. Приверженность к русскому языку выступала препятствием денационализации русских, рассеянных по «одной шестой суши»³¹. Особенно важным он считал необходимость сохранения русского языка в условиях эмиграции: «Итак — задача ясна, проста и

²⁸ ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 12, л. 6 об. Рукопись статьи В. В. Шульгина «Централизация и децентрализация».

²⁹ См.: Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. С. 90.

³⁰ ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 16, л. 3. Рукопись статьи В. В. Шульгина «Хуже быть не может».

³¹ См.: Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...»... С. 94.

сравнительно нетрудно достижима — *стремиться к тому, чтобы не было ни одного подрастающего русского беженца, который не знал бы родного языка*» (курсив В. В. Шульгина. — Д. Б.)³². Полагая, что русские представляют собой собрание разных племён, Шульгин утверждал, что эту «пёструю смесь самых разнообразных кровей» объединяет русский язык и общее прошлое. По его мысли, русский язык и русский быт «имеют в себе ...какую-то очень мощную и очень обманчивую приманчивость, ...доходящую до предательства: человек (имеется ввиду инородец, не принадлежащий этнически к русским. — Д. Б.), вкусивший этого напитка, самым искренним образом считает себя настоящим русским...»³³.

В отношении тех русских, которые покинули пределы Отечества после Октябрьской революции и Гражданской войны Шульгин полагал необходимым создание объединяющей их организации во имя того, чтобы «эти бездомные изгнанники на чужом пайке, глубоко презираемые даже теми, кто им помогал», могли называться русским народом. Образцом такой организации в 1921 году Шульгин считал Русскую Армию генерала Врангеля, нашедшую приют на территории Турции. Он резко выступал против ее расформирования и свободного расселения по разным странам, за что в частности, ратовало правительство Франции «содержавшее армию» и часть русских политических деятелей (П. Н. Милуков). В письме Милукову Шульгин писал, что Русская Армия представляет собой «единственную “невознаградимую ценность”, которая у нас осталась... это — отбор, цвет нации, лучшее, что у нас есть»³⁴. Эти «десятки тысяч отборных русских», продолжал свою мысль Шульгин, «хотят быть “народом”, несмотря на то, что у них нет территории». Но для этого им нужна некая «ось». «Эта ось и есть Армия...». Далее он писал, что для того, чтобы признать русских эмигрантов «народом», им достаточно было бы образовать собственное правительство — «Отчего не может быть народ без территории, но с правительством?»³⁵. «Словом, нам нужно наше эмигрантское правитель-

³² ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 31, л. 99 об. Шульгин В. «Денационализация» // Русская Газета. 4 марта 1925 г.

³³ См.: Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...»... С. 90.

³⁴ ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 9, л. 3-4. Письмо В. В. Шульгина П. Н. Милукову. («Общее Дело». 9 апреля 1921 года.).

³⁵ См.: Шульгин Василий. «1921 год» // Континент. № 114 (2002). С. 300.

ство, признаваемое всеми державами, и в особенности Лигой Наций...». А в качестве основания подданства русских в рассеянии он предлагал персонально-национальную автономию, идею которой заимствовал «у “моих друзей” иудейского вероисповедания, так как сама жизнь принуждает нас испытать их судьбу»³⁶. Таким образом, наличие организации, способной сплотить эмигрантов, даёт по мысли Шульгина им право считать себя одним народом. Отсутствие таковой, напротив, превращает их, как тогда говорили, в «беженскую пыль». Но и применительно к дореволюционному времени Шульгин также указывал на необходимость организационного начала. Таковым, по его мнению, была монархия: «...русских (до 1917 года.— Д. Б.) ...держала вместе императорская власть...»³⁷.

Важными критериями определения той или иной нации Шульгин считал общую веру (религию) и быт³⁸. Однако и здесь присутствовали разные подходы. Так, в отношении религии он высказывал мысль о том, что она не может до конца обозначить национальный характер народа, так как «религиозные догмы всегда чистые и высокие, сплошь и рядом извращаются ...догмами “расовыми”...»³⁹. Он выступал также против чисто национального Бога. «Если Бог может быть немецким, французским, испанским, аргентинским или принадлежать княжеству Монакскому, то это уже не Бог, а некая государственная принадлежность...»⁴⁰. Таким образом, вероисповедание, по его мнению, «не есть ещё признак национальности». Русские могут быть и православными, и старообрядцами, и лютеранами, и католиками, но при этом не перестают быть русскими⁴¹. Что касается «быта», как элемента широкого понятия «культура», объединяющего тот или иной народ, то здесь также имело место исключение. Говоря о единстве трёх ветвей русского народа: малороссов, белорусов и великороссов, он выступал против «унификационной политики, которая насильственно стирает местные особенности»⁴².

³⁶ См.: Шульгин Василий. «1921 год» // Континент. № 118 (2003). С. 246.

³⁷ ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 24, л. 41 об. Отрывок рукописи статьи В. В. Шульгина «Интернационал».

³⁸ См.: Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...» С. 94.

³⁹ См.: Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия; М: Росспэн, 2001. С. 103.

⁴⁰ См.: Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...» С. 114.

⁴¹ См.: Коцюбинский Д. А. Указ. соч. С. 103.

⁴² См.: Шульгин В. В. Малая Русь. В кн.: Малая Русь. Выпуск первый.

И настаивал на изучении, сохранении и развитии «местных» культур: «Подобно алмазу, улучшающему свой блеск от гранения и превращающемуся в сверкающий бриллиант, культура русского народа, развивая местные особенности в их гармонической слитости с целым, делается более многогранной, более совершенной, открывает новые горизонты и возможности»⁴³. Именно невнимание к местным особенностям, по мнению Шульгина, стало одной из причин того, что «...Белое движение не было понято хохлацким народом». Российская интеллигенция, поддерживавшая Добровольческую Армию, полагала, что «можно быть одним из двух: или быть **русским**, то есть восхищаться и умиляться “всем русским”, в тоже время издеваясь над “гопаком”, “вишнёвым садочком”, “горилкой”, “чаркой” и т. п.; или же быть **украинцем** с их тошнительной, выдуманной, никогда не существовавшей на самом деле театральной декоративностью, с их смешной склонностью к маскараду и дикой ненавистью к ...Великороссии... Но чтобы можно было впитать в себя все достижения общерусской культуры и вместе с тем находить особую радость **во всех русских провинциализмах** ... до этого русская интеллигенция не доросла»⁴⁴ (выделено В. В. Шульгиным. — Д. Б.). Призывая не забывать о том, что нет на свете культур «чистых», что все они «смешанные», Шульгин в то же время считал фактор культурного единства важным для развития нации. Только тогда, когда нация «забывает» о смешанном происхождении своей культуры и начинает считать её «чисто национальной», тогда она «поднимается на высоту»⁴⁵.

Категорией иррациональной, объединяющей людей одной нации, у Шульгина выступала некая психическая связь между ними. Каждый член нации инстинктивно чувствует свою сопричастность общенациональному организму — «все связаны одной нитью, и то, что совершается в каком-нибудь звене, немедленно отражается на всей цепи». Это даёт право всем членам нации гордиться достижениями её великих представителей, но и налагает коллективную от-

Киев, 1918. С. 5.

⁴³ ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 18, л. 130. Рукопись книги В. В. Шульгина «1919 год» («Киев под добровольцами». Ч. IV).

⁴⁴ Там же. С. 131-132.

⁴⁵ ГА РФ Ф. Р-5974, оп.1, д. 31, л. 147 об. Шульгин В. «Евразийство» // Возрождение. 11 июня 1925 г.

ветственность за неблаговидные поступки отдельных негодяев. «Это обозначает, — делал вывод Шульгин, — что все русские, хотя бы они этого или не хотят, связаны между собою нитями невидимыми, но крепкими...». Мало того, «эти нити имеют всеобщее, мировое признание и санкцию», то есть, иные народы воспринимают русских как единое целое и признают за ними определённый набор качеств. То же самое верно и по отношению ко всем другим народам: «люди одной национальности одним миром мазаны»⁴⁶. Особенно сильно, по утверждению Шульгина, внутренняя спайка проявляется у евреев. Если у русских «кровь говорит» очень редко, ...у евреев она кричит, взывает и глаголет». Это ощущение кровного родства и объединяет евреев в нацию. «У них, — делал вывод Шульгин, — кроме душ индивидуальных, есть какая-то коллективная душа...», которая и управляет евреями, рассеянными по миру, делает их действия согласованными⁴⁷.

В отношении русских Шульгин отмечал массу как положительных, так и отрицательных черт. И всё это немислимым образом соединялось в одном народе. Объясняя этот парадокс, Шульгин писал: «Несчастье русских всегда немножко состояло в том, что живучи на границе между Европой и Азией мы совмещаем в себе обе половины души. Очень часто мы возносимся на вершины Европейского Монблана и заслуживаем чисто европейского уважения и весьма нередко спускаемся в такие тартарары азиатчины, что к нам приложима чернокожая политика»⁴⁸. «Мораль такова: загадочная душа человеческая... А русская — в особенности. Вот, например: почему мы, русские так удивительно умеем умирать и так поразительно не умеем жить?»⁴⁹. Душа русского не принимает то «количество движения, шума и предел тесноты, которые, шутя выносит европеец», она требует «тишины и простора». Причина этого в том, что Россия есть «не что иное, как исполинская нива, безбрежная степь, необъятный лес... Тот, для кого эта обстановка родная и привычная, тот носит в себе

⁴⁶ См.: Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...»... С. 145-146.

⁴⁷ См.: Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...»... С. 96-102.

⁴⁸ ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 13, л. 40. «13 статей написанных в 1925 г., но не напечатанных из “тактических” соображений».

⁴⁹ ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 31, л. 166 об. Шульгин В. «Загадка» // Возрождение. № 67. 8 августа 1925 г.

особенности, естественно свойственные русскому племени...»⁵⁰.

Кроме определения нации через категории политические или иррациональные, у Шульгина можно встретить и биологический подход к понятию «нация», то есть, восприятие её как живого организма. Наиболее полно он был представлен в работе «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России». По представлению Шульгина, как и любой живой организм, «нации рождаются, развиваются и умирают, исчезают. На их место появляются новые». Иногда это происходит в результате того, что «старые нации входят между собой в какой-то контакт, смешиваются, и из смешивания образуются новые»⁵¹, но нация, даже могущественная, может погибнуть, если «впадает в духовный маразм». По этой причине, считает Шульгин, погибли империи Римская и Российская. «Ни что иное, как утраченный **инстинкт жизни** погубил нас. Мы умерли потому, что не хотели жить (выделено В. В. Шульгиным. — Д. Б.)»⁵². Вместе с тем, подчеркивал Шульгин, «Русский народ... на мой взгляд ещё не исчерпал своего бытия»⁵³. Русские должны ещё осознать «своё мировое предназначение»⁵⁴. «Нам ещё долго жить на просторе, это наше предназначение, наш мессианизм». Русский мессианизм «состоит в том, чтобы набравшись, как губка, культуры, цивилизации, чтобы, насосавшись “бензина” (имеется ввиду в Западной Европе. — Д. Б.), отдать её, “эссенцию”, ещё полудикой природе»⁵⁵. То есть, задача русских состоит в том, чтобы «в огромные пространства» Азии нести «элементы культуры, именуемой Греко-римской»⁵⁶.

С нацией Шульгин связывал и понятие «национализм», и рассматривал его как категорию иррациональную. Национализм для Шульгина — это «вещь великая и святая»⁵⁷. «Сущность национа-

⁵⁰ См.: Шульгин В. «Весенние размышления» // Возрождение. № 691. 24 апреля 1927 г. С. 1.

⁵¹ См.: Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...»... С. 196.

⁵² ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 24, л. 14-14 об. Отрывок рукописи В. В. Шульгина «Интернационал».

⁵³ См.: Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...»... С. 192.

⁵⁴ См.: Шульгин В. В. Украинствующие и Мы! Белград, 1939. С. 26.

⁵⁵ См.: Шульгин В. Весенние размышления // Возрождение. № 691. 24 апреля 1927 г. С. 1.

⁵⁶ См.: Шульгин В. Две Азии // Возрождение. № 631. 23 февр. 1927 г. С. 2.

⁵⁷ См.: Шульгин В. «Вещие слова» // Возрождение. № 703. 6 мая 1927 г. С. 2.

лизма есть действительная любовь к своей нации и призыв жить и умереть, если нужно для блага своих соплеменников». Кроме того, это «глубочайшая преданность обширному союзу людей, когда-то живших, ныне живущих и даже тех, кто ещё не родился, — союзу, именуемому нацией». Но простого осознания преданности мало. «Национализм, — согласно Шульгину, — есть ежедневное упражнение в самосовершенствовании, в самозабвении, — школа, где человек учится *работать* (курсив В. В. Шульгина. — Д. Б.) для других так же, как для самого себя»⁵⁸.

Любовь к ближнему проецируется на Родину и, таким образом, национализм выступает синонимом понятия патриотизм. Слитые воедино, они становятся факторами социального и экономического развития государства и общества. «Что такое национализм? Это горячее чувство любви и преданности по отношению к существу, именуемому Родиной. Шульгин рисует идеальную картину проявления этой любви: — Родине нужен хлеб, говорит националист крестьянин и старается, чтобы каждый клочок земли был засеян и при том наилучшим способом.

— Родине нужна промышленность — говорят националисты фабриканты и рабочие и, *уменьшая остроту столкновений* (курсив В. В. Шульгина. — Д. Б.), увеличивают выделку предметов, необходимых людям.

— Родине нельзя отставать от других, — говорят националисты инженеры, новаторы, изобретатели и новые пути в науке, технике прокладываются ими.

— Родина прекрасна, — говорят поэты, художники, мыслители и писатели и облагораживающая вереница идеализированных образов струится на тёмную, грешную землю»⁵⁹. То есть, каждый житель страны должен проникнуться «общегосударственным интересом, **что и есть национализм**» (выделено В. В. Шульгиным. — Д. Б.)⁶⁰.

«Как это ни звучит дико и странно, но в период, предшествовавший катастрофе в России, самым денационализированным эле-

⁵⁸ См.: Шульгин В. «Любовь и Ненависть» // Великая Россия. № 339. 6 (19) ноября 1919 г. С. 1.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 31, л. 160 об. Шульгин В. «Двуликость национализма» // Возрождение. № 84. 25 августа 1925 г.

ментом были сами русские (главным образом великороссы)». А среди них особенно выделялась «северная русская интеллигенция», которая «к концу XIX века совершенно потеряла русский национализм»⁶¹. Ведь «национальное чувство есть подсознательное указание, как избежать массовых бедствий»⁶². В качестве доказательства своей мысли Шульгин приводил европейские народы. «Европа благодаря своему развитому национализму, т.е. способности и умению европейцев жертвовать своим личным “я” во имя жизни человеческих союзов, именуемых нациями, оказалась прочнее России, где таких способностей и умения оказалось меньше»⁶³. Подобное заявление позволяло ему утверждать, что русского национализма «в сущности ещё не было...»⁶⁴. Если европейцы «готовы на всё» ради своих сограждан, то русские «любят Россию, но к друг к другу обычно недоброжелательны». Специфическая особенность русского национализма — «идеалистическая готовность на жертвы для отвлечённой русскости, и чёрствость по отношению к русской реальности»⁶⁵. Поэтому, полагал Шульгин, «умению оберегать себя, умению защищать всё самое важное и дорогое, умению спасти жизнь, собственность, честь и свободу, т.е., всё то, что заключается в слове Родина, нам, русским, надо учиться у европейцев»⁶⁶.

⁶¹ «Оставим святочные темы и перейдём к еврейскому вопросу» ... М.; Иерусалим, 1999. С. 384, 386. В этой связи можно привести обоснование такого явления, которое высказал Шульгин на приёме у Николая II в 1907 году. Объясняя царю, как удалось провести от Вольнской губернии в Государственную Думу только правых депутатов, он сказал: «Нас, Ваше Величество, спяли национальные чувства. ...На окраинах... национальные чувства сильнее, чем в центре... Ведь у нас много национальностей... кипит. Тут и поляки и евреи. Оттого русские национальные чувства на западе России — сильнее...». (см.: Шульгин В. В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. С. 83-84).

⁶² ГА РФ. Ф. 5974, оп. 1, д. 15, л. 60. Рукопись статьи В. В. Шульгина «Национализм».

⁶³ ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 31, л. 150 об. Шульгин В. «Скрытый смысл бешенства» // Новое Время. 5 июля 1925 г.

⁶⁴ См.: Шульгин В. «Вещие слова» // Возрождение, № 703, 6 мая 1927 г. С. 2.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. 5974, оп. 1, д. 13, л. 59. В. В. Шульгин «13 статей написанных в 1925 г., но не напечатанных из “тактических” соображений».

⁶⁶ ГА РФ Ф. Р-5974, оп.1, д. 31, л. 150 об. Шульгин В. «Скрытый смысл бешенства» // Новое Время. 5 июля 1925 г.

В 1925 году Шульгин писал, что «интернациональная коммунистическая шайка», завладевшая Россией, «ежедневно, ежечасно, ежеминутно» задевает «национальные чувства» русского народа⁶⁷. Но объясняя в письме своему корреспонденту, почему в этом случае в России не происходит восстания, пишет: «Не происходит же переворота потому, что никто его пока совершить не может... Что же касается гражданских чувств и любви к родине, то не надо никогда забывать, что почти вся патриотическая ткань или легла костью в гражданской войне, или же ушла сюда (в эмиграцию. — Д. Б.). В России патриотов всегда была горсть...»⁶⁸. И, тем не менее, размышляя относительно будущего своей Родины, отмечал: «Если всматриваться в судьбы послебольшевистской России, то наиболее вероятным является предположение, что Россия воскреснет под знаком национализма... Двигательной силой будущей России будет национальное чувство»⁶⁹. Шульгин даже видел признаки его пробуждения: «Процесс консолидации русского национального самодухновения идёт. Смеясь над усилиями пресловутого интернационала, русский национализм именно теперь (в конце 20-х гг. — Д. Б.) захватывает некоторые круги, ещё недавно, казалось, совершенно безнадежные»⁷⁰.

Таким образом, именно национализм должен был стать основанием для возрождения национального бытия русского народа, ведь он, как и всякий другой народ, говорил Шульгин, который «народился на свет Божий» и существует, «хочет жить и дальше». И при этом не просто существовать, а «жить полной национальной жизнью, свободно развивая ... свои природные задатки...». Появление любой нации, даёт ей «право на место под солнцем» и на этом основании — на защиту своего бытия и своей индивидуальности. Таким образом, «если что-нибудь или кто-нибудь ... эту народную

⁶⁷ ГА РФ. Ф. 5974, оп. 1, д. 16, л. 3-4. Рукопись статьи В.В. Шульгина «Хуже быть не может».

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 5974, оп. 1, д. 63, л. 3. Письмо В. В. Шульгина А. Д. Билимовичу. 5 мая 1925 г.

⁶⁹ ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 31, л. 160. Шульгин В. «Двуликость национализма» // Возрождение. № 84. 25 августа 1925 г.

⁷⁰ См.: Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. СПб., 1992. С. 46.

или расовую индивидуальность уничтожает, стирает, подменяет, то народ, который не закончил своей «национальной стадии» развития, может и должен защищаться против “засильников”⁷¹.

При этом Шульгин не чурался и идеи мирового господства какой-либо одной или нескольких родственных наций. «Идея мирового могущества... — писал он, — хороша и правильна. И, вероятно, ...путём гегемонии одной или нескольких сговорившихся наций, будут сделаны большие успехи в международных отношениях, будут сбережены бесчисленное количество человеческих жизней, огромные резервы человеческой энергии будут направлены на производительную работу», так как прекратится её истощение в бессмысленных войнах⁷². Однако, не исключал Шульгин и возможности параллельного существования «многих пирамид», то есть систем подчинения одних наций другим — ведущим⁷³. Впрочем, в то же время он понимал опасность установления всемирного господства одной нации: «Тот патриот, который пожелал бы покорить под ножи не только всех врагов своих и супостатов, а вообще весь мир крещённый и некрещённый, тот своё отечество вместо возвеличивания — погубит»⁷⁴.

Он осуждал претензии Германии, развязавшей Первую Мировую Войну, на мировое лидерство. Причиной ее, по мысли Шульгина, стали теоретические изыскания немецких учёных, в том числе и экономистов, которые убедили её (Германию. — Д. Б.) в том, что мировое владычество не завоевывается, а покупается. Покупается не столько золотом, сколько превосходством интеллекта и воли». Но есть владычество ещё одного типа — «владычество эксплуататорское — паразитарное». Таковым Шульгин считал «стремление к мировому могуществу евреев». При этом он отрицал наличие какого-то «плана» или общего руководящего центра полагая, что такое их стремление к мировой власти может осуществляться неосознанно, в силу расового инстинкта. Шульгин сравнивал поведение евреев с растениями-паразитами: «Их семена несёт ветром. Там где они

⁷¹ Там же. С. 45-46.

⁷² ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 24, л. 9 об. — 10. Отрывок рукописи В. В. Шульгина «Интернационал».

⁷³ ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 12, л. 7. Рукопись статьи В. В. Шульгина «Централизация и децентрализация».

⁷⁴ ГА РФ Ф. 5974, оп. 1, д. 15, л. 56. Рукопись статьи В. В. Шульгина «Отечество».

падают на подходящую почву они растут буйно и заглушают всё остальное». Погубив окружающую растительность, ищут новое место, «где они могли бы жить и глушить». То же самое делают евреи со всеми другими нациями⁷⁵. С этой точки зрения антисемитизм оправдан, так как он являлся «естественным последствием инстинкта самосохранения других наций». Но при этом, Шульгин резко выступал против идей физического истребления евреев. Борьба против претензий евреев на мировое господство «не значит, что необходимо бороться со всем еврейским народом»⁷⁶.

Признавая соперничество наций нормальным явлением, Шульгин между тем осуждал межнациональную рознь, «когда ослеплённые... бычьей злостью иные националисты набрасываются на другие нации, проповедуя: “бей жидов; режь армян; линчуй негров”»⁷⁷. А потому не всякого защитника национальных интересов Шульгин признавал националистом. Он писал: «...мир так устроен, что от всего светлого всегда есть и тень... У национализма есть также своё кривое зеркало, есть отвратительная гримаса, есть своя чёрная и зловещая тень... — шовинизм»⁷⁸. Шовинизм для него был «враг, который находится среди нас самих или вернее — внутри нас». И если национализм — это «могучая сила, ибо это действительная любовь, любовь к “ближним”», то шовинизм — «это страшный яд, ибо это есть ненависть к “дальним”». Однако Шульгин прекрасно понимал зыбкость аргументации в пользу разделения понятий «национализм» и «шовинизм», утверждая, что «разница между этими, казалось бы противоположностями, — не качественная, а только количественная. Гипертрофированный национализм есть шовинизм и обратно, если отнять у шовиниста его отрицательные черты — он становится чистым националистом. Всё дело в дозировке... Шовинизм есть уродство, ибо он есть нарушение гармонии»⁷⁹.

⁷⁵ ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 24, л. 16 об. — 21. Отрывок рукописи В. В. Шульгина «Интернационал».

⁷⁶ Там же. Л. 22, 27 об.

⁷⁷ См.: Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. СПб., 1992. С. 140.

⁷⁸ ГА РФ Ф. 5974, оп. 1, д. 15, л. 61. Рукопись статьи В. В. Шульгина «Национализм».

⁷⁹ ГА РФ Ф. Р — 5974, оп. 1, д. 31, л. 27. Шульгин В. «Фашисты всех стран соединяйтесь» // Русская Газета. 4 ноября 1924 г.

Шульгин напоминал, «что хотя борьба наций и рас есть факт, но сотрудничество их есть факт ещё более несомненный»⁸⁰. Он считал, что «в XX веке интересы государств так тесно переплелись между собою, что полностью разделить их невозможно. Самый горячий националист, который пламенно желает добра своему государству, своему народу, своей нации, должен ... в силу этого, желать добра и другим народам»⁸¹. Однажды он даже заявил, что XX век — это эпоха «крушения национализма»⁸². Шульгин говорил, что «солидарность народов не есть бред утопистов, а есть **самая сущность** (выделено В. В. Шульгиным. — Д. Б.) того века, который без устали работает над уничтожением расстояния и пространства...»⁸³.

Таков сложный и противоречивый синтез идей в историческом наследии В. В. Шульгина в попытке решения им национальных проблем в России в первой трети XX в.. Являясь объектом пристального внимания отечественных и зарубежных исследователей, он представляется нам как парадигма поиска русской национальной идентичности, необходимый опыт для создания научной биографии яркого идеолога белого движения.

⁸⁰ См.: Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. СПб., 1992. С. 140.

⁸¹ ГА РФ Ф. Р-5974, оп.1, д.15, л. 62. Рукопись статьи В.В. Шульгина «Национализм».

⁸² Шульгин Василий. «1921 год». // Континент. №118. 2003 г.— с. 256.

⁸³ ГА РФ Ф. Р-5974, оп.1, д.15, л. 58. Рукопись статьи В.В. Шульгина «Отечество».

Е. М. МАКАРЕНКОВА

ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ВО ФРАНЦИИ (1930-е ГОДЫ)

ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ПОЛИЦЕЙСКОЙ ПРЕФЕКТУРЫ ПАРИЖА

Предваряя публикацию двух новых документов о жизни русской диаспоры во Франции в начале 1930-х годов, обнаруженных мною в Архиве Полицейской Префектуры Парижа, замечу, что феномен постреволюционной эмиграции по-прежнему остается объектом пристального внимания современных исследователей. Об этом свидетельствует возрастающий поток литературы у нас и на Западе, посвященный различным аспектам русского «Исхода».

Русское Зарубежье — самостоятельное комплексное социокультурное явление, сформировавшееся за пределами страны как вариант новой общественной модели, антитезы большевизму. Существование зарубежной России воспринимается сегодня как своего рода социальный эксперимент, опыт которого следует учитывать в ходе современных попыток реализации гражданского общества и правового государства.

В противовес лозунгам пролетарской диктатуры и мировой революции идеи социального компромисса, принципы либеральной экономики, а также традиции классической культуры и образования стали главными стратегическими линиями в жизни русской диаспоры. Неоднократно в Париже, который был и остается крупнейшим центром Русского Зарубежья, предпринимались попытки объединения представителей разного рода эмигрантских политических и общественных кругов. Но они не увенчались успехом в силу различного понимания задач борьбы за будущую Россию в широком спектре идеологических установок.

В политических стремлениях эмиграции присутствовали как бы две тенденции: с одной стороны — активизация мероприятий с целью свержения большевиков и реставрации старого порядка в

России с поправкой на временные изменения, а с другой — поиск компромисса с большевиками. Зарубежная Россия дала уникальный опыт соучастия и сотрудничества представителей всех социальных слоев дореволюционного времени (включая различие возрастного, образовательного и имущественного статуса), а также большинства политических партий. Этот процесс самоидентификации русских, пытавшихся хранить верность отечественным традициям, ярко прослеживается при знакомстве с ниже публикуемыми документами, где речь идет о богатой русской инфраструктуре, созданной нашими соотечественниками в послевоенный период в области образования и промышленности.

Характеризуя причины массового русского «исхода» из России в 1920-е годы, нужно обратить внимание на следующий психологический аспект: когда надежды на скорое падение советской власти, долгое время объединявшие все оттенки политических организаций, не оправдались, на первый план — в особенности среди многочисленных выходцев интеллигенции — выдвинулась задача спасения и сохранения культурных ценностей. Несмотря на различие общественного положения, занятий, партийных групп, вкусов и образования, эмигранты, расселявшиеся по всему миру, стали носителями национальной культуры, уцелевшей после катастрофы революций. Они взяли на себя ответственность за воспроизводство интеллигенции, в том числе путем обучения беженства в высших учебных заведениях. И «если иметь в виду, что восстановление кадров русской интеллигенции, этого общенародного интеллектуального и морального капитала, является совершенно необходимым условием для возрождения России, — то вряд ли надо доказывать сколь исключительное национальное значение имеют с точки зрения русской культуры всякие достижения эмиграции в этой области»¹. Воссоздавая свою малую Россию вовне ли, внутри ли себя, Россию без которой они не могли жить, русские беженцы всегда стремились остаться русскими в иной культурной среде. Опыт первой волны показывает, что соотнесенность себя с Россией была для каждого из них центром духовной и психологической жизни, как бы сердцевинной их «Я». Важно напомнить, что этническая и куль-

¹ Зарубежная русская школа (1920–24 гг.). П., 1924, с. 2.

турная идентичность как часть ядра человеческой личности включает в себе базовые ценности и нормы, такие как скажем, этническая картина мира, которая формируется в человеческом сознании на протяжении всей жизни и особенно в период детства. Для последующих «волн» русской эмиграции существуют другие характеристики, связанные с их спецификой. Однако «общим местом» — независимо от временных и качественных параметров всех потоков — остается «встреча» за рубежом старых и новых эмигрантов, символизирующая глобальные изменения, переживаемые Россией на протяжении XIX–XXI вв.

Автор сравнительно-типологического исследования российской эмиграции 1917–1939 гг. И. В. Сабенникова² подчеркивает, что трансформация и адаптация русских в зарубежье независимо от времени их туда попадания, постоянно требует социальной поддержки не только от семейных связей, но прежде всего от соотечественников, то есть от диаспоры. В своей статье «Исторический феномен диаспоры»³ В. А. Тишков дает характеристику самого явления как сочетания особых черт: наличие и поддержание коллективной памяти, представления о «первичной родине», включающее географические ориентиры, историческую версию и культурные достижения; романтическую (ностальгическую) веру в родину, представляющуюся как идеальный дом, в который их потомки должны рано или поздно возвратиться. Присутствует также убеждение, что все члены диаспоры должны коллективно служить восстановлению своей первоначальной родины, ее процветанию и безопасности. Именно эти признаки русской диаспоры во Франции можно обнаружить при знакомстве с ниже публикуемыми архивными материалами, относящиеся к началу 1930-х годов.

Однако, нельзя не отметить, что о таком понимании следует говорить лишь применительно к первой или частично ко второй волне эмиграции⁴. Каждая из них представляла как бы отдельный

² Сабенникова И. В. Российская эмиграция (1917–1939 гг.). Тверь, 2002.

³ Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2002. № 2.

⁴ См.: Бунин И. И. Окаянные дни. М., 1990; Ковалевский П. Е. Исторический путь России. П., 1948; Кудрякова Е. Б. Русская эмиграция между двумя войнами Социальные и гуманитарные науки: зарубежная литература. Сер. 5.

сегмент, поэтому «нащупать» коллективную связь и групповую солидарность в отдельные периоды довольно сложно. Нередко между волнами существовала реальная вражда и взаимное отторжение, вытекающие прежде всего из различного понимания родины, которую часть эмигрантов покинула вынужденно и с горечью, а другая добровольно.

Мне представляется, что сама по себе проблематика Русского Зарубежья требует комплексного подхода. В частности, проблемы аккультурации русских эмигрантов разных поколений в новой культурной среде, их адаптация и самоидентификация завязаны в целый комплекс психологических, нравственных и интеллектуальных задач, осмыслить который возможно при условии определения понятия «национальное самосознание». Именно к этой базовой общественной проблеме в ее научном и практическом значении привлечено сегодня внимание историков, культурологов, этнографов и философов.

Осознание своей этнической принадлежности является одним из самых очевидных проявлений национального самосознания⁵. В понятие национального самосознания входят такие элементы как представление о территориальной общности, государственности и

История. 1994; *Виттенберг Е. В.* Социально-психологические факторы. Адаптация к социальным и культурным изменениям. Дисс. ...канд. психол. наук / СПбГУ, 1994; *Одоевцева И.* На берегах Сены. М., 1989; *Степун Ф.* Мысли о России. М., 1990. Т. 1. Кн. 1; *Варшавский В.* Незаменимое поколение. М., 1992; *Костиков В.* Не будем проклинать изгнание... М., 1990; *Struve N.* Soixante-dis-ans d'émigration russe. P. 1996. *Gousseff O.* Les mutations de la communauté russe de Paris après la Seconde Guerre mondiale // *Le Paris des étrangers après 1945*. P., 1994; *Martino E.* Les émigrés russe en France 1919–1939. Les organisation russes. memoir de maitrise: Université de Paris, IV, 1993; *Касьянова К.* О русском национальном характере. М., Институт национальной модели экономики, 2002; *Hantington W. C.* The Homesick million Russia — out-of-Russia. Boston, 1938; Общество «Икона» в Париже. М.; П., 2002; *Макаренко Е. М.* Русская колония в Париже во время оккупации Германией // *Диаспора*. № 8. П.; СПб, 2006.

⁵ Как отмечает Л. М. Дробижева: «В процессе развития человека во взаимодействии со средой у него складывается представление об окружающей его действительности, как говорят психологи “образ мира”, и выделяется образ “Я” как часть этого образа мира» (Советская этнография. № 5. М., 1985, с. 6).

осознание связи с жизнью предшествующих поколений своего народа, что социальные психологи определяют как «психологическое время личности». А также то, что мы смело можем включить в понятие исторической памяти как совокупности коллективного опыта того или другого народа в его прошлом и настоящем. Следовательно, интересующая нас в этом конкретном процессе, идентификация русских в Зарубежье напрямую связана с их исторической памятью как структурой национального самосознания.

Вся история Русского Зарубежья — это безусловно еще один, если не самый яркий пример «встречи» культур и цивилизаций в современном мире.

По мнению Л. И. Еременко, исследователя миграционных процессов в России, адаптация русских в новой культурной среде стала возможной благодаря специфическому комплексу черт менталитета, как основы обеспечивающей сохранение и развития культуры, традиции, обрядов, веры и языка⁶. Чувство глубокой приверженности к корням, оставленным в родной земле, независимо от времени создавало условия для поддержания всех форм духовной и материальной сферы в художественном, научном и религиозно-философском измерениях. Традиция, восходящая к древнему русскому эпосу, свидетельствует о самоопределении не через государственность, а через землю⁷. Община строилась по территориальному признаку. Не существовало закрытости рода-племени, важно было только единство «родной земли». Отсюда и открытость русского характера, легкая ассимиляция других народов, способность к выживанию на больших территориях, терпимость к межэтническим бракам.

Историческая память трансформировалась с течением времени, фиксируя «смещение» отдельных представлений, но идея искупления грехов мира собственными страданиями характерна для всей истории России вплоть до наших дней. Она оправдывала са-

⁶ Еременко А. И. Русская эмиграция как социокультурный феномен. М., 1993.

⁷ «О Русская земля! Уже ты за холмом!» («Слово о полку Игореве»); «Молим, княже тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу...» («Повесть временных лет»).

мую высокую цену, которую приходилось платить за защиту своей родины⁸. «Мы — не в изгнании, мы — в послании», — так часто оценивали русские эмигранты свою миссию по отношению к России. Православная вера была духовной опорой тех, кто верил в возрождение российской державы, в уничтожение коммунизма и безбожия. Для русской эмиграции первой волны «быть русским» — это прежде всего быть православным. Тема русской зарубежной церкви и ее роль в условиях культурной и духовной изоляции требует самостоятельного и кропотливого анализа. По мнению Н. Лосского, «основная наиболее глубокая черта русского народа есть его религиозность и связанное с ней искание абсолютного добра»⁹. Это меткое наблюдение известного философа нашло свое полное подтверждение в истории эмиграции. Учрежденное В. Рябушинским, С. Маковским, И. Билибиным и князем С. Щербатовым в 1927 г. в Париже Общество «Икона» «имело целью изучение и охрану древней школы искусства Восточной Церкви». Действующая до сегодняшнего дня парижская «Икона», как и в первые годы своего существования занята организацией выставок, курсов, развитием иконописания по древним канонам, а также пропагандой своего мастерства не только во Франции, но и во всем мире. В своей статье «Апология иконы» князь М. В. Оболенский подчеркивал, что «икона есть в одно и то же время произведение кисти и явление духа, ... что предполагает создание известного порядка мысли и чувств, то есть постановку “умного зрения”. Это и есть последняя и величайшая тайна иконописания, сообщающаяся иконе то, чего не имеет никакая картина написанная в подражание Рафаэлю: дыхание духа»¹⁰. Как справедливо отмечал блестящий искусствовед, крупный знаток древнерусского искусства С. А. Щербатов: «Ритм исторических эпох и событий какой-то высшей таинственной логикой и закономерностью связывал поныне судьбы русской жизни с судьбой русской иконы...». «Ее расцвет [был связан] с бытом и укладом святой древней Руси, оберегаемой со щитом в руках и с иконой впереди от вражеского нашествия. Ныне не

⁸ Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков IX–XII вв. М., 1998. С. 181.

⁹ Лосский Н. О. Характер русского народа. Посев, 1957. Кн. 1. С. 5.

¹⁰ Цит. по кн.: Общество «Икона» в Париже. Т. 2, М., 2002. С. 148.

случайно... перед лицом врагов церкви и культуры возгорелся новый интерес к давно забытой и скучной для Европы суровой русской иконе, напоминающей о великой утрате ценного духовного и художественного клада, Византией завещанного на пороге христианства и Россией для вечного мира сбереженного...». «Русской иконе — эмблеме религиозного творчества, проникнутой верой христианской суждено, по мнению Щербатова, быть может свыше стать ныне для России и всего мира тем Крестом, который снял перед ратью император Константин с пламенными знаками: “Сим Победиши”»¹¹. Эти наполненные высоким пафосом слова, высказанные во времена жестокого иконоборчества в России, внушали надежду и оптимизм.

Можно сказать, что вписанная в историю зарубежного православия подвижническая борьба за сохранение сакрального отношения к русской иконе, пронесенной через жертвы и испытания ради будущих поколений, является в контексте исторической памяти индикатором национальной идентичности. В свое время Жозеф Эрнест Ренан связывал процесс складывания наций с определенными «переживаниями» в развитии этнической общности: «Общая слава в прошлом и общая воля в настоящем; воспоминание о совершенных великих делах и готовность к дальнейшим — таковы существенные условия для создания нации... Позади наследие славы и раскаяние, впереди общая программа действий... Жизнь нации — это ежедневный плебисцит»¹². И несмотря на то, что идеалом народа стала не могучая, не богатая, а «Святая Русь», но именно вера спасла русского эмигранта от растворения в многоязычных водах чужбины, спасла и укрепила сложившийся в дореволюционной России тип хозяина, образованного и трудоспособного.

Надеюсь, что данная публикация послужит делу дальнейшего изучения характера «зарубежного» русского предпринимательства, прежде всего старообрядческого толка, несправедливо обойденного вниманием в историографии и мемуарной литературе. Частью этой общей проблемы является анализ адаптационных возможно-

¹¹ Там же. С. 82.

¹² Цит. по: Касьянова К. Особенности русского национального характера. М., 1993. С. 4.

стей наших соотечественников, позволивших благодаря, в первую очередь, сохранению традиционных духовных ценностей, воссоздать во Франции «малую Россию» с богатой инфраструктурой, прочно имплантированную в новую социокультурную среду.

По воспоминаниям М. Зернова в 1930-е годы «внутри столицы Франции образовался русский городок. Его жители могли почти не соприкоснуться с французами. По воскресеньям и праздникам они ходили в русские церкви, по утрам читали русские газеты, покупали провизию в русских лавочках... В эти годы в Париже было более трехсот организаций. Все эти общества устраивали заседания, обеды, “чашки чая”. Приходя на эти собрания, шоферы такси или рабочие завода снова становились полковниками или мичманами флота...»¹³. Интеллектуальный ресурс очутившихся на чужбине отечественных деятелей науки и культуры был очень высок, однако деловой мир, бурно развивавшийся параллельно с процессом духовного обновления, стал еще одним «окном в Европу», за которым туманно просматривалась будущая Россия. Достаточно напомнить, что в Париже в 30-е годы действовали русский Торгово-промышленный и Финансовый союзы, Академический Союз, Федерация инженеров, Союз адвокатов, Высший Технический Институт, Комиссия по реконструкции угольной и металлургической промышленности южной России. Этим двум последним организациям, деятельность которых документально подтверждается канцелярией Префектуры Парижа в 1933–34 гг., посвящена эта публикация. Перевод на русский сделан автором.

Первый документ, помеченный датой 15 декабря 1934 г., представляет донесение Директора Главной разведывательной службы, дивизионного комиссара на имя префекта парижской полиции. В нем речь идет о создании во Франции Высшего Технического Института. В этой связи хочется напомнить, что русская диаспора, стремясь к сохранению духовной близости с Родиной, наивно верила в скорое возвращение интеллигенции и не переставала заботиться о судьбе «выбитой» из седла» молодежи. Воодушевленные патриотическими чувствами, лучшие представители эмиграции активно способствовали созданию за границей русской

¹³ Зернов М. За рубежом. М., 1979. С. 123.

высшей школы. Вот, что писал по этому поводу М. Федоров, секретарь Центрального Комитета по обеспечению высшего образования, созданного еще в начале 20-х годов: «Всем нам очевидно, что во всех областях государственного и народного хозяйства грядущая Россия будет нуждаться, по освобождению ее от коммунистического ига, прежде всего в собственном хорошо подготовленном человеческом материале для громадной предстоящей по ее восстановлению работы»¹⁴. Характерной особенностью деятельности «Федоровского комитета» была ориентация студентов на обучение в технических вузах, что явствует из первого публикуемого документа. Это, по мнению членов комитета, было необходимо для интенсивного подъема промышленности и сельского хозяйства в будущей России.

Созданный в Париже Высший Технический Институт давал высокую квалификацию по механическому, электротехническому и инженерно-строительному делу, готовил химиков, агрономов, специалистов по коммерции. Он просуществовал до 1962 г., его выпускники благодаря хорошей профессиональной подготовке стали известными не только во Франции, но и в других странах Европы и Америки.

Во втором документе, в идейном плане неразрывно связанном с первым, речь идет об образовании в Париже в октябре 1933 года «Комиссии по реконструкции горнодобывающей промышленности и металлургии Южной России», которая должна была развернуть свою деятельность после «падения Советов» в южных регионах страны. Согласно тексту документа географический ареал, намеченный авторами проекта, был избран не случайно. Общеизвестно, что в конце XIX – начале XX в. юг России стал основным поставщиком металла, сосредоточив в себе основные отрасли добычи угля и металлургии. Промышленный профиль Закавказья определялся нефтедобычей и горнодобывающей отраслью; приблизительно 90 % добычи угля к началу 20-х годов обеспечивал Донбасский угольный бассейн.

Как видно из документа, встречи членов «Комиссии», имевших деловой интерес в экспроприированной большевиками тяже-

¹⁴ Русская молодежь в высшей школе за границей. П., 1933. С. 1.

Французская Республика Управление главной расследовательской службы № 79.501-2088 «Высший Технический Русский Институт во Франции»	Париж, 15 декабря 1934 Директор главной расследовательской службы Господину Префекту Полиции Я пересылаю Вам копию бригадира Абриала, подчиненного моего Управления. Директор, дивизионный комиссар (подпись неразборчива)
--	---

лой промышленности южной России, проходили в зале заседаний Галлиопольского Союза. Думается, часть его юнкерского корпуса, уцелевшая после разгрома армии Врангеля и осевшая в Париже, одобрительно отнеслась к идее создания промышленной «Комиссии». Данные брошюры, изданной в Берлине в 1923 г., свидетельствуют о том, что юнкерский контингент включал в себя выходцев с Украины — в количестве 50 %, из Великороссии — 26 %, жителей Кавказа — 12 %. Эти скупые данные отчасти могут служить основанием для объяснения южного вектора интересов, обозначенного в деятельности членов «Комиссии». К сожалению, дальнейшая судьба ее пока неизвестна, так же как и личность Бориса Соколова, который фигурирует в документе в качестве ее генерального секретаря.

«Высший Русский Технический Институт во Франции» принадлежит к системе частного образования, основанный в Париже 2 июля 1931 г., при поддержке «Христианского Союза молодых людей Северной Америки»¹⁵ (Североамериканская ИМКА, русская секция Европы), организации хорошо известной своими гуманитарными и филантропическими наклонностями.

¹⁵ УМСА — «Христианский Союз молодых людей» (Северная Америка), действовавший в 20-е годы в русском Зарубежье.

Это новое учреждение, согласно статьи 26 закона от 25 июля 1919 г., находится под контролем Министерства Национального Образования. Оно создано с целью обеспечить учащимся, число которых сегодня достигает 117 человек, представляющим эмигрантскую русскую молодежь, изучение высших технических дисциплин на родном языке. Преподавание ведется главным образом по-русски, преимущественно в вечерние часы, так как ученики — в большинстве своем русские рабочие, вынужденные днем зарабатывать себе на жизнь. Некоторые из них натурализованы во Франции.

Институт находится по адресу: 10, бульвар Монпарнас, в помещении Христианского Союза молодых людей Северной Америки. До июля текущего года, учащиеся, которые регулярно посещали курсы и успешно сдали экзамены в присутствии жюри под председательством представителя Министерства Национального Образования, получали дипломы Инженера. Предоставление их ранее было запрещено по закону от 10 июля 1934 г. Эти дипломы выдаются только под гарантию учреждения и не могут быть признаны как официальные.

«Высший Технический Русский Институт во Франции» имеет благотворительный характер. Он получает субсидии от Христианского Союза молодых людей Северной Америки, но требует, однако, от своих студентов взносов, исходя из суммы, включающей лабораторные расходы, в первый год обучения — 1600 франков, во второй и третий год соответственно — 1700 и 1800 франков.

Кроме того, чтобы покрыть расходы на подготовку проектов студент обязан в конце обучения внести 600 франков.

С другой стороны, внутри института действует заочная школа факультативного обучения «по переписке», студентов которой, проживающих главным образом за границей, к 1932 г. насчитывалось 292 человека. «Высший Технический Русский Институт во Франции» не имеет пансиона. В том что касается преподавательского состава, то он состоит в основном из старых профессоров и инженеров, русских эмигрантов, проживающих во Франции уже много лет. Число штатных профессоров достигает 15, из них 14 — ведут лекционный курс.

Директором является г-н Арман Лера, француз, единственный ответственный перед Государством, утвержденный Министерством Национального образования. Он имеет двух заместителей — членов административного совета — г-на Финисова Пьера, генерального секретаря, и г-на Козловского Поля — оба профессора школы.

Господин Лера Арман Адольф Вильфред, родился 11 февраля 1872 г. в Ландаперёз (деп. Эр), женат, имеет дочь 18-ти лет, проживает по адресу 21, улица Мэйенн, в Кретей (Сена), где занимает скромный павильон, находящийся в его собственности. Ранее он жил по адресу 59, улица Оберкампф. Старый профессор, занятый в системе свободного образования, связанный с Русским Двором, в течение многих лет является служащим в Информационной Компании «Метцель» по адресу 51, улица Тюрбиго. Он является кроме того, управляющим в следующих газетах: «Паризер Тагеблатт» (Журнал де Пари) и «Последние новости», ежедневный русский антибольшевистский орган, находящийся по тому же адресу. Г-н Лера политикой не занимается.

Г-н Финисов Пьер, названный де Финисов, родился 16 ноября 1879 г. в Москве, русский, женат на Зинаиде Серовой, которая живет в России. Детей нет. Имеет вид на жительство, подтвержденный 26 мая 1933 г. Приехал во Францию в июне 1919 г., живет по адресу: 18, улица де ля Вьевиль с 1 января 1924 г., ежемесячная арендная плата составляет 300 франков. Инженер Национального Института (Пон э Шоссе).

досье № 7023-К-31
Октябрь 1933 г.

**Комиссия по реконструкции
Горнодобывающей и металлургической промышленности
Южной России**

«Комиссия по реконструкции Горнодобывающей и металлургической промышленности Южной России» не зарегистрирована в Префектуре Полиции. Она помещается по адресу 81, улица Фэзандери и объединяет группу лиц, имевших деловой интерес в горнодобывающей и металлургической индустрии в южном регионе России, экспроприированной большевистской революцией. Эти лица

обычно собираются по вышеуказанному адресу, в помещении, где встречаются члены Галлиопольского Союза, чтобы подготовить и суммировать результаты их проектов.

Как это видно из названия, комиссия прежде всего призвана разработать программу по реконструкции тяжелой промышленности (выявление месторождений нефти, металлургии и т.д.) на юге России после падения Советов, но укрепление коммунистического режима вопреки всякого предвидения, казалось, обескуражило ее членов.

В настоящее время комиссия разрабатывает систему добычи любой информации, касающейся экономической ситуации в СССР. Анализ пятилетнего плана, в частности, по мере его осуществления, является объектом ее пристального изучения и детального комментария.

Комиссия публикует каждый месяц тетради с подробными результатами своей деятельности, приводится статистика советских достижений во всех областях национальной экономики, затраты по их реализации и наблюдения, с ними связанные. Эти резюме содержат основательную критику коммунистического режима и стремление доказать, «что он есть утопия и источник заблуждений. Трудности, с которыми он столкнулся, приведут к его полному падению, вопреки лукавым и льстивым утверждениям, опубликованным в советской печати».

Комиссию по Реконструкции горнодобывающей и металлургической промышленности Южной России возглавляет Борис Соколофф, генеральный секретарь.

Н. А. КОВАЛЕВСКАЯ

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В 20-30-е ГОДЫ XX ВЕКА

**НА ПРИМЕРЕ
ДНЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ДНЯ РУССКОГО РЕБЕНКА**

Большую роль в сохранении духовной общности русских людей, рассеянных по разным странам мира, имело проведение единых для всех эмигрантов культурно-просветительных мероприятий, посвященных русской культуре. Наиболее распространены, в которых участвовали эмигранты независимо от возраста и социального положения, были празднования Дня русской культуры и Дня русского ребенка. Они имели особое значение для сохранения русского языка и культуры у детей эмигрантов. Этой цели служили, прежде всего, русские зарубежные школы, которые прививали молодому поколению любовь к России и ее культуре. В условиях, когда пребывание русских людей в эмиграции затягивалось, иссякали собственные средства, сокращался приток иностранных пожертвований и государственных ассигнований славянских народов на помощь беженцам, и тысячи русских детей находились вне русской школы, все большую значимость приобретали новые формы работы с молодежью.

Идея использования праздников, приуроченных к знаменательным датам, для приобщения эмигрантской молодежи к русской культуре, прозвучала в 1924 г. в Праге на совещании по борьбе с денационализацией, проводившемся Педагогическим бюро¹. На нем была поставлена задача «стремиться к тому, чтобы не было ни одного подрастающего русского беженца, который не знал бы род-

¹ Совещание по борьбе с денационализацией русской эмигрантской молодежи 4-5 октября 1924 г., созванное Педагогическим бюро по делам средней и низшей русской школы за границей // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5851. Д. 1 Л. 6.

ного языка». При этом отмечалось, что главным условием выполнения задачи являлась самостоятельная и активная работа русских людей. «Нужно лишь, чтобы русские люди действительно захотели достичь намеченной цели, проявили бы напряжение в индивидуальной и коллективной самодеятельности в этом направлении и привыкли бы отчислять на это дело хотя бы гроши... Дело ведь идет о национальной жизни или смерти наших детей. Но не на иностранную помощь следует рассчитывать, а на самодеятельность русских людей»².

Прообразом праздника «День русской культуры» стал «День русского просвещения», устроенный в 1924 г. коренным русским населением Печерского края, отошедшего к Эстонии и пограничного с Псковской губернией. В 1925 г. русские организации (Объединение русских учительских организаций, Союз русских академических организаций, Педагогическое бюро по делам средней и низшей школы за границей, Объединение русских эмигрантских студенческих организаций) предложили повсеместно праздновать день рождения А. С. Пушкина 26 мая по старому стилю или 8 июня по новому и назвали его «Днем русской культуры». В 1925 г. «День» проходил в 13 странах и получил широкое распространение. В 1927 г. он отмечался уже почти в 20 странах: США, Англии, Бельгии, Болгарии, Греции, Германии, Дании, Италии, Китае, Латвии, Литве, Польше, Финляндии, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Эстонии, Югославии³. Со временем сложились традиции в проведении празднования. Обычно оно начиналось с богослужения и крестного хода. В школах, церквях, русских домах педагоги и ученые выступали с речами об истории России и ее культуре. Каждый год был посвящен какой-либо юбилейной дате, напоминавшей о русских писателях, ученых, известных людях. Кроме того, в это день вспоминали историю старых русских городов — Москвы, Новгорода, Пскова и других⁴. Во второй половине дня обычно проводились концерты, театральные постановки, исполнялась народная музыка, выступал хор, устраивались выставки. По итогам

² Цит. по: Русская школа за рубежом. Исторический опыт 20-х годов. Сб. док. / Под ред. М. Н. Кузьмина. М., 1995. С. 180.

³ Отчет. День русской культуры / Сост. А. Цуриков. Прага, 1928. С. 4.

⁴ Русские в Праге / Под ред. С. П. Постникова. Прага, 1928.

ежегодно выпускались отчеты, информация о проведении праздника помещалась в русской прессе.

Уже в первых отчетах появилась мысль, что «нужный всем День русской культуры, больше всего нужен русским детям»⁵. В 1927 г. в одной из статей организаторы подчеркивали, что едва ли не единственной задачей эмиграции является забота о «русскости» наших детей. А самой плодотворной для русских эмигрантов является работа, посвященная знакомству детей с культурой⁶. Организаторы понимали, что к подготовке праздника необходимо привлекать русские школы, т. к. «школа была первичным очагом культуры, а в деревне единственным»⁷.

В действительности русские школьники активно участвовали в проведении праздника — готовили концерты, спектакли, выставки. Отдельные гимназии сами проводили праздники для своих учеников, и этот день объявлялся неучебным. Так проводился «День» в Харбине в первом смешанном реальном училище. В 1926 г. в первый раз праздник был организован только в рамках учебного заведения, а позже вышел за его пределы. Училище выпускало печатную брошюру — программу «Дня»⁸. С особым подъемом проходили праздники в гимназическом городке в Моравской Тршебове (Чехословакия). Наибольшим размахом отличалось мероприятие в 1928 г., освещавшееся в прессе. Торжество началось богослужением, продолжилось шествием большого количества гимназистов и преподавателей со знаменами под девизом «Помни Россию», «Идем на смену» и возложением венка у памятника русской культуры. Во второй половине дня проводились игры, состязания, инсценировки сказок А. С. Пушкина, декламация, музыкальные номера⁹.

⁵ День русской культуры / Сост. А. Цуриков. Прага, 1927. С. 5.

⁶ Черный А. Наши дети // Там же. С. 13.

⁷ Шериунов А. Как следовало бы праздновать День русской культуры // Там же. С. 23.

⁸ День русской культуры в I смешанном реальном училище / Последние новости 17. 06. 1927 г. // ГАРФ. Ф. 5850. Оп. 1. Д. 10. Л. 139.

⁹ День русской культуры среди русской молодежи в Чехословакии // Сегодня. 19. 06. 1928 г. № 163.

Характерно, что и вне школы русская молодежь приобщалась к «Дню» через молодежные организации и объединения. В Париже, например, содружество русских мальчиков «Восход» праздновало самостоятельно «День русской культуры». Цель его проведения, по словам самих участников, обучавшихся во французских лицеях, заключалась в том, «чтобы находиться в среде русских, не забывать русской речи, русской истории, понятия о русской культуре»¹⁰.

Количество участвовавшей молодежи возрастало и в конце 1920-х гг. в некоторых местах появилась практика проведения отдельного праздника для детей, приуроченного к Дню русской культуры. Актерами и зрителями в них были сами дети. Например, в Праге в 1929 г. состоялся детский праздник, который объединил учащихся из разных детских садов и школ — всего около 200 человек. В программу входило торжественное шествие детей, народные танцы, песни, постановка «Петрушка»¹¹. В 1929 г. в Финляндии в Гельсингфорсе состоялся праздник для детей в возрасте от 4 до 15 лет. В нем участвовал оркестр скаутов и школьный хор¹².

С 1931 г. в Париже проводились «Дни русской культуры для юношества и детей», которые устраивались отделом средней школы русской Академической группы, краевым Союзом русского сокольства, национальной организацией витязей, разведчиков, скаутов, РСХД, учебными заведениями. Праздники были посвящены императору Александру II, русским писателям и деятелям культуры — Ф. М. Достоевскому, Н. С. Лескову, М. П. Мусоргскому, Н. И. Пирогову, А. С. Пушкину. Они проходили при большом стечении русских и французских зрителей¹³.

Таким образом, ДРК привлек большое количество русской молодежи и детей, которые не только наблюдали, но были активными участниками мероприятия. В праздник были вовлечены дети

¹⁰ Праздник Дня русской культуры в Содружестве «Восход» // День русской культуры / Сост. А. Цуриков. Прага, 1928. С. 21.

¹¹ Детский праздник в Праге / Руль. 1929. 11 июня // ГАРФ. Ф. 5850. Оп. 1 Д. 41. Л. 65.

¹² День русской культуры в Гельсингфорсе / Руль. 1929. 11 июня // ГАРФ. Ф. 5850. Оп. 1 Д. 41. Л. 17.

¹³ Очерки истории образования и педагогической мысли российского зарубежья (20-50 гг. XX в.). Саранск, 2000. С. 79.

разных возрастов, начиная с 5-6 летних. В этом случае День приобрел новый смысл — для многих из них он являлся уже не воспоминанием о России, а захватывающим рассказом о ней, иногда первым источником знаний.

Проект «Дня русского ребенка» обсуждался на пленарных заседаниях Педагогического Бюро в 1928 г. На них было принято решение о подготовке воззвания с призывом проведения этого мероприятия от имени организаций — Земгора, Всероссийского Союза Городов, Педагогического Бюро, Христианского юношеского движения, Красного креста, а также об учреждении Центрального комитета из представителей этих организаций¹⁴. Непосредственной организацией праздника должны были заниматься местные комитеты, как и при проведении Дня русской культуры.

В феврале 1929 г. в русской прессе было опубликовано воззвание к русским людям, подготовленное Правлением Союза русских академических организаций за границей, Правлением Объединения русских учительских организаций за границей и Педагогическим Бюро¹⁵. В нем констатировалось, что «все большее количество детей забывает родной язык и порывает последнюю связь с русской культурой. Все мы должны осознать серьезность детского вопроса, должны понять, что долг помощи русскому ребенку и юношеству лежит на каждом из нас. Спасение только в нашей самодеятельности. И основываясь на этой самодеятельности, мы можем сохранить свое достоинство, обращаться за недостающими нам средствами к иностранцам»¹⁶. Для этого русские организации призывали русское зарубежье объединить усилия для оказания помощи детям. Они предложили ежегодно устраивать в один и тот же день — «День русского ребенка» сбор в помощь русским детям, приурочив его к празднику Благовещения, т. е. к 25 марта по старому стилю или 7 апреля по новому.

На пленарных заседаниях Педагогического Бюро были выработаны практические рекомендации по организации Дня русского

¹⁴ День русского ребенка. Проект // ГАРФ. Ф. 5785. Оп. 2. Д. 25. Л. 76.

¹⁵ К русским людям. Воззвание // Возрождение 14. 02. 1929 г. // ГАРФ. Ф. 5785. Оп. 2. Д. 71. Л. 113.

¹⁶ Там же.

ребенка. Во-первых, «День» должен был проводиться сообразно с местными условиями. Во-вторых, сведения и отчеты о его проведении должны направляться в центр для составления общих сводок, которые, с одной стороны, популяризировали дело устройства ДРР, а с другой, знакомили иностранцев с тем, что делается русскими для своих детей и этим облегчали привлечение иностранных средств на сохранение русской культуры. В-третьих, местные комитеты пользовались полной автономией в организации ДРР и в расходовании денег. Характер сборов определяется местными комитетами, сообразно с местными условиями. Иностранцев к проведению ДРР рекомендовалось привлекать лишь там, где для этого была подходящая почва и основание думать, что они отзывчиво отнесутся к предложению. Сборами в День ребенка предполагалось получить, главным образом, новые источники средств по преимуществу в среде массового русского беженства и тех слоев местных иностранцев, с которыми русские беженцы завязали добрые отношения»¹⁷. Помимо сборов, основной целью деятельности Центрального комитета было «убедить русских людей за рубежом, что во всех странах, где имеется хотя бы самая маленькая горсточка русских, они обязаны хотя бы один день в году отдать целиком нашим детям, убедить их в том, что это их национальный и просто человеческий долг; убедить их, наконец, и в том, что при минимуме усилий и расходов можно очень многое сделать»¹⁸.

Для распределения средств, собранных в День ребенка, в Праге был создан Центральный фонд ДРР, который возглавлял князь П. Д. Долгоруков. Он складывался в основном из 10%-х отчислений от местных сборов. При этом не все местные комитеты, проводившие праздник в разных странах, и не каждый год присылали какие-либо средства.

Сведений о проведении ДРР в разных странах сохранилось немного. Это в основном объявления об организации праздника и итогах его проведения, которые помещались в русской эмигрантской печати («Последние новости», «Народная газета» и др.). Эти заметки

¹⁷ Некоторые указания, относительно устройства ДРР // ГАРФ. Ф. 5851. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2.

¹⁸ День русского ребенка. Прага, 1938. С. 7.

содержали, например, такие отклики: «начинание имело на местах несомненный успех и сочувствие. В 1929 г. в тринадцати странах русские люди и их иностранные доброжелатели приняли участие в этом сборе. Одних отчислений в Центральный фонд, не считая сумм, оставшихся на местах, поступило 52,319,80 чешских крон или 39600 франков. Собранные средства пошли на основание и поддержку 24 детских учреждений. В одних местах уже образованы местные комитеты, в других намечено образование таковых»¹⁹.

Как отмечали организаторы, «День» получил наибольшее распространение на Дальнем Востоке, в Чехословакии и в США²⁰. В США было образовано «Общество помощи русским детям эмиграции». Средства, собранные этим обществом, рассылались по всему русскому зарубежью и, как отмечалось, «спасли от физической и национальной гибели не одну сотню русских детей»²¹. Общество возглавил И. И. Шестаковский и секретарь И. В. Алексеева, работавшие в Нью-Йорке, где находилось правление общества. Наиболее известен своей деятельностью был представитель общества в Сан-Франциско Н. В. Борзов — русский педагог, который приехал в Америку из Харбина, где был председателем Бюро по устройству ДРР. Общество стало проводить дни ребенка сразу после опубликования в 1929 г. первого воззвания Центрального комитета ДРР. Мероприятие проводилось каждый год, но не весной как в других странах, а осенью — 7 октября. Правление рассматривало этот День как одну из важных задач общества. «На средства от этого дня», отмечалось в воззвании правления, «мы дадим детям то, что нужно для их физического развития и правильного воспитания, и чем больше для этого примем усилий, тем шире охватим мы детскую нужду, тем большее число детей подготовим к их самостоятельному вступлению в жизнь. Ежегодное устройство дня приучит и нас — эмигрантов, серьезнее заглядывать в будущее, сильнее чувствовать тесную и неразрывную связь старого поколения с новым. Это не только день благотворительности, но и охрана

¹⁹ День русского ребенка // Народная газета 02.09.1930г. // ГАРФ. Ф. 5851. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

²⁰ День русского ребенка. Индивидуальное обращение Центрального фонда ДРР // ГАРФ. Ф. 5851 Оп. 1. Д. 1. Л. 65.

²¹ Там же.

детей, защита их от растлевающих душу и разрушающих тело действий»²².

Сборы, проводившиеся в этот день в США, были самыми успешными по сравнению с другими странами. Общая сумма сборов за 9 лет определялась в 500.000 американских долларов. Она была собрана обществом в С. Америке и Канаде и направлена в основном в Западную Европу²³.

Кроме того, общество организовало ежегодное издание «День русского ребенка». Редакционную комиссию возглавлял Н. В. Борзов. Журнал выходил в Сан-Франциско с 1933 г. по 1955 г. Он распространялся и в Западной Европе среди русских эмигрантов. Авторы призывали к благотворительности, оказанию помощи русским детям, проводили идеи патриотизма, поддерживали интерес к прошлому России. Публиковались исторические статьи о старой Москве, Киеве, Новгороде, Санкт-Петербурге и других городах. Основными разделами журнала были: общий, религиозный, патриотический, литературный отдел, юношеский и детский отдел. В 10-м юбилейном выпуске оценивались результаты работы проведенной обществом и журналом за последние годы: «многие (дети) были отвоены у смерти. Других спасли от морального и физического вырождения. Большому числу удалось обеспечить сносные условия существования, возможность прохождения школы и подготовку к честной трудовой жизни. И сколько можно было бы сделать, будь в русском зарубежье шире развито национальное самосознание, ощущение взаимной связанности, чувство христианской заботливости»²⁴.

Большой успех День русского ребенка имел в Харбине в 1930 г. Программа «Дня» была очень обширна: кружечный сбор в церквях, выпуск однодневной газеты, кружечный сбор по всему городу силами организаций средних русских школ, балет и русские бальные танцы, музыкальное представление, осуществленное силами русской музыкальной школы. Газета освещала жизнь русских учебных заведений в Харбине, проведение праздника, побуждала

²² 17 октября. Воззвание Общества помощи детям русской эмиграции // ГАРФ. Ф. 5851 Оп. 1. Д. 2. Л. 68.

²³ День русского ребенка. Отчет. Прага, 1938. С. 9.

²⁴ День русского ребенка. Вып. 10. Апрель 1943. С. 3.

оказывать помощь русским детям. Организаторы призывали вспомнить о святом русском обычае этого дня (Благовещение) — облегчать чью-либо участь²⁵. Сборы в этот год составили 1.335 долларов.

Третьей страной по масштабам сборов была Чехословакия. Известно, что за 9 лет Центральным комитетом было получено примерно 212.000 чешских крон, из них 181.000 собрана в Чехословакии и 31.000 получена из других стран.

Основными формами сборов в День русского ребенка обычно была организация концертов, балов, вечеринок, театральных представлений, выпуск специальных подписных листов, кружечные сборы. В дни праздника Благовещения во время церковной службы или накануне Всенощной, священнослужители обращались к своей пастве с проповедью, говорящей о задачах Дня и призывающей жертвовать на детей, и здесь же, в храме, проводился сбор. Кроме того, в тех местах, где не было возможности проводить крупные мероприятия, этот День проводили дети. Например, в местечке Халла в Финляндии в 1938 г. детьми из разных русских школ был организован праздник по следующей программе: декламации, выступление хора, сцены из русской жизни, русские народные песни, пьеса в 2 частях «Россия под игмом». На средства от праздника отправили 8 детей в лагерь Лафрой на 30 дней²⁶.

В целом средства, собранные в этот день расходовались Центральным комитетом на устройство детских санаториев, приютов, содержание русских школ, на поддержку деятельности молодежных организаций²⁷.

Таким образом, организация ДРР имела успех среди русского населения и во многом выполняла поставленные задачи — привлекала внимание общественности к заботе о русских детях, оказывала непосредственную материальную и моральную помощь детям.

²⁵ Борзов Н. В. В день благовещения // День русского ребенка. Харбин. 7 апреля-25 мая 1930 г. // ГАРФ. Ф. 5851. Оп. 1 Д. 2. Л. 44 об.

²⁶ Сведения о проведении ДРР в Финляндии // ГАРФ. Ф. 5785. Оп. 3. Д. 10. Л. 4.

²⁷ Отчет Центрального Фонда ДРР. 1937–1938 г. // День русского ребенка. Прага, 1938. С. 3.

Значение рассмотренных мероприятий для русской «взрослой» эмиграции в целом подчеркивал князь П. Долгоруков: «Сохранение нашей молодежи русской, наряду с предоставлением ей возможности приобрести на Западе полезные знания и навыки для культурной работы в свое время в России, является одной из главных задач русской эмиграции. Если ей удастся справиться с этой задачей, то в значительной мере будет осмыслено ее существование и вознаграждены те страдания, которые ей приходится терпеть»²⁸.

Для самих детей эти мероприятия тоже имели большое значение — прививали им интерес к русской культуре, участие в них позволяло тем, кто обучался в иностранных школах, ощутить себя частью духовной общности русских людей за границей, обеспечивало общение со сверстниками из разных учебных заведений на родном языке, вселяло надежду на возвращение на родину. Кроме того, ощутима была и материальная помощь, которую оказывали комитеты Дня русского ребенка.

²⁸ *Кн. Долгоруков П.* Почему устраивается День русской культуры // ГАРФ. Ф. 5851. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ...

Т. В. КОСТИНА

КАРЬЕРА В УНИВЕРСИТЕТЕ, ИЛИ СКОЛЬКО ЛЕТ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРОФЕССОРУ?

НА МАТЕРИАЛАХ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1804–1863 ГОДОВ

В 1803–1804 гг. в России была проведена самая масштабная за историю империи реформа образования, создавшая сеть высших учебных заведений – университеты. Как следствие, началось формирование учебно-научных корпораций в Петербурге, Казани и Харькове, пополнился приглашенными из-за рубежа профессорами Московский университет¹. При этом постоянно ощущалась необходимость в большем числе ученых, людей, в достаточной степени подготовленных для занятия университетских кафедр.

Тогда же стали оформляться новые требования, предъявляемые к соискателям кафедр. Если в XVIII в. присуждение ученых степеней «во многом носило бессистемный характер – спонтанный, определяемый текущими потребностями формирования профессорско-преподавательской коллегии Академического и Московского университетов»², то уже в Уставах Императорских Московского, Казанского и Харьковского университетов 1804 года был описан растянутый во времени и разбитый на определенные этапы процесс подготовки специалиста для занятия этой должности.

Для того чтобы пожелавший войти в университетскую корпорацию студент стал профессором, ему было необходимо последовательно пройти длинный путь подготовки: написать научную работу и стать кандидатом, получить ученые степени магистра и доктора наук, а также последовательно сменить должности магистра, лектора (для иностранных языков), адъюнкта и экстраординар-

¹ К началу 1803 г. в Московском университете было всего 14 профессоров. (*Андреев А. Ю.* Русско-немецкие университетские связи во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. Дисс... д. и. н. М., 2006. С. 490.)

² *Иванов А. Е.* Ученые степени в Российской империи XVIII в.–1917 г. М., 1994. С. 35.

ного профессора. Только после этого его могли избрать ординарным профессором.

Рядом своих постановлений правительство постаралось сделать должность профессора привлекательной: ординарным профессорам назначался высокий оклад в 2000 руб. ассигнациями³ и присваивался 7 класс Табели о рангах⁴. Совсем не так дело обстояло с должностями, предшествующими получению профессорского звания. По уставу 1804 года студент-кандидат получал всего лишь 300, магистр 400, адъюнкт 800, а экстраординарный профессор 1200 рублей. Столь большая разница между окладами делала переход на следующую должность жизненной потребностью.

Изучение корпорации Казанского университета за шестьдесят первых лет ее существования показало, что все перечисленные должности рассматривались их обладателями как временные, как определенные этапы, которые нужно пройти, для того чтобы в конце-концов стать ординарным профессором. Жизнь ученого представлялась восхождением к этой должности. Вероятно, на формирование такого представления оказало влияние сопоставление службы по ученому ведомству с другими альтернативами, существовавшими для выпускников университета – гражданской и военной службой, где выслуга лет, как правило, автоматически (без специальных усилий и проверок) влекла за собой повышение по службе и увеличение оклада.

Служба в университете имела особенности. Во-первых, университет почти не мог увеличивать свои штаты, а квалификация людей, занимавших в нем должности, оказывалась достаточно узко специализированной. При этом «лишнего ученого» еще можно было держать в университете адъюнктом⁵, но число профессорских мест было жестко ограничено, вследствие чего «виды на будущее» могли быть связаны лишь с освобождением кафедры или переводом кандидата в другое учебное заведение. Таким образом, переход на должности адъюнктов и профессоров во многом оказывался связанным с имею-

³ О примерном исчислении сумм на ежегодное содержание Университетов, Гимназий и Уездных училищ в России // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т.1: 1802–1825. Стлб. 31.

⁴ Об устройстве училищ // Там же. Т. 1. Стлб. 16.

⁵ Уставы Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов 1804 г. // Там же. Т. 1. Стлб. 300.

щимися вакансиями. И если их не было, то подготовленный ученый оказывался в сложной ситуации. Учебных заведений, в которые он мог бы перейти на аналогичную должность, в России было очень мало и, как показывает университетское делопроизводство, нередко такой человек уходил из ученого ведомства вообще⁶. Во-вторых, продвижение по лестнице университетских должностей было связано с приобретением ученых степеней и написанием научных работ. Если наличие свободного места в штате не зависело от претендента на него, то научная работа во многом зависела от самого интеллектуала, от его личных качеств и жизненных обстоятельств.

Никаких формальных требований к возрасту человека, защищающего диссертацию на степень кандидата или магистра, получающего должность адъюнкта или ординарного профессора, не существовало. Возрастные ограничения для должности профессора не устанавливались законодательными документами Российской Империи, в отличие, например, от нижней границы возраста студентов⁷. Специальным распоряжением Министерства народного просвещения от 20 августа 1814 года было закреплено: «Следует к испытанию допускать всякого, не взирая на время, сколько мало бы кто в какой либо ученой степени ни состоял, лишь бы при испытании доказал потребные знания»⁸.

Но в университетской корпорации формировались собственные представления о том, сколько лет должно быть кандидату, сколько магистру, адъюнкту, экстраординарному и ординарному профессору. Для университетского человека было важно иметь определенные временные ориентиры того, как должна развиваться его карьера. По этим «меркам» его оценивали окружающие, сомневаясь в основательности знаний и умений обгоняющего этот «график» и размышляя над тем, почему тот или иной ученый еще не достиг должности, в которой находятся его ровесники-коллеги. Такие представления были подвижны. Формировались они на основе сравнения возраста нового члена корпорации с другими членами.

⁶ См., например, случай с Н.М. Алехиным (ОРРК НБЛ, ед. хр. 4689, лл. 1-2 об.)

⁷ По уставу 1863-го года в студенты нельзя было поступать до исполнения 17-ти лет.

⁸ Относительно сроков для получения ученых степеней // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т. 1: 1802–1834. Стлб. 252.

В 1807 г. профессором по кафедре анатомии, физиологии и судебной врачебной науки Казанского университета был назначен И. О. Браун, которому едва исполнилось 28-29 лет⁹. Директор университета И. Ф. Яковкин был неприятно удивлен молодостью ученого, которого попечитель сразу назначил ординарным профессором. Он писал в письме С. Я. Румовскому: «Вчера, 29-го июля, явился ко мне г. профессор Браун. Он еще весьма молод и нет, кажется, еще 25-ти лет... Дай Бог, чтоб душой (!) и сложением (т.е. темпераментом) был стар!»¹⁰. Нехватка профессоров, однако, заставила коллег сделать «возрастной ценз» более гибким. В 1816 г. экстраординарными профессорами стали И. М. Симонов и Н. И. Лобачевский, хотя первому было только 22, а второму 23 года. П. С. Кондыреву, ставшему экстраординарным профессором в 1814 г., было 26 лет.

В 1820-е годы «возрастной ценз» повысился. И хотя некоторые ученые выбирались экстраординарными профессорами, еще не достигнув тридцатилетия, большинство получали эту должность в период от 33-х до 37-ми лет (И. К. Бабст, В. Я. Булыгин, Я. И. Караблинов, М. А. Пальмин, Г. С. Суровцов). Так, избранного в 1819 г. экстраординарным профессором естественной истории и ботаники В. И. Тимьянского попечитель М. Л. Магницкий не утверждал в течение года, полагая, что такое избрание ввиду молодости кандидата «поспешно». Тимьянскому в то время было уже 30 лет, что еще за 5-10 лет до описываемых событий было вполне достаточным для занятия такой должности. Возможно, однако, что Магницкий имел в виду характеристику научного уровня Тимьянского. При том же попечителе экстраординарными профессорами были утверждены двадцатипятилетний А. Е. Лентовский, двадцатисемилетние И. К. Ерохов и П. С. Сергеев. При этом Сергеев и Э. И. Эйхвальд уже в 28 лет стали ординарными профессорами.

Самым молодым профессором Казанского университета в рассматриваемый период был профессор П. А. Дубовицкий. Он был назначен экстраординарным профессором в 22 года в 1837 г., а уже че-

⁹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904) / Под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Т. 2. С. 143.

¹⁰ Цит. по: Загоскин Н.П. История Императорского Казанского Университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Казань, 1902. Т. 1. С. 316.

рез год стал ординарным профессором. Возможно, этому способствовало то, что Дубовицкий занимался преподаванием, отдавая жалование в пользу университета¹¹. В эти годы распространилась практика ускоренного продвижения по службе, если оно проходило «безвозмездно». Таким путем можно было заслужить уважение коллег и благосклонность начальства, чем и воспользовался обеспеченный хирург.

Много молодых профессоров появилось в университете во второй половине 30-х годов. Скорость получения должности профессора позволял увеличить Профессорский институт, открытый в Дерпте. Из его выпускников И. Я. Горлов в 24 года стал экстраординарным, а в 26 ординарным профессором, Н. А. Иванов в 26 и 30 лет, П. И. Котельников в 28 и 29 лет; другой выпускник Профессорского института, П. Я. Корнух-Троцкий, приехал в Казанский университет 33-х лет от роду и сразу был принят ординарным профессором.

На молодых людей, отправляемых в Профессорский институт, возлагались большие надежды в деле обновления университетских корпораций. Существовало представление о том, что «прослужившие усердно 25 лет в звании Профессора, требующем непрестанного внимания и напряжения и достигаемом усиленными занятиями с самых юных лет, по большей части чувствуют уже изнурение умственных и телесных сил, препятствующее им следовать внимательно за ходом усовершенствования наук и исполнять обязанности с точностью и желаемым успехом»¹². В 1835 г., помня о скором завершении заграничных поездок первого выпуска Профессорского института в Дерпте, управляющий Министерством народного просвещения представил записку, в которой речь шла о необходимости обновления корпораций. Как следствие, на свет появилось постановление «О дополнительных правилах относительно поручения Заслуженным профессорам кафедр в Университетах и других высших учебных заведениях»¹³. По этим правилам профессора, прослужившие 25 лет и удостоенные звания заслуженных, увольнялись из университета с правом претендовать на кафедру наравне с другими кан-

¹¹ Национальный архив Республики Татарстан, ф. 977, оп. Ректор, д. 486, л. 3.

¹² О дополнительных правилах относительно поручения Заслуженным профессорам кафедр в Университетах и других высших учебных заведениях // Сборник постановлений... СПб., 1875. Т. 2:1825-1855. Ч. 1. Стлб. 624.

¹³ О дополнительных правилах... Стлб. 623-625.

дидатами. Но и в случае избрания он мог работать только в течение 5-ти лет, после которых уже министр народного просвещения разрешал или запрещал ему дальнейшее преподавание.

В реальности, провести ротацию кадров было очень сложно. В рассматриваемый период только два раза происходил пересмотр корпорации по возрастному критерию. В первый раз его проводил Магницкий во время ревизии. Им были уволены М. Г. Герман и И. И. Эрих. Обоим в это время было по 64 года. Во второй раз пересмотр осуществлялся в связи с введением в действие устава 1835 года, потребовавшего омоложения университетов¹⁴. Как следствие, профессора часто проживали в университете весь свой век и умирали от старости, всё еще состоя на службе. Средняя продолжительность жизни профессоров, служивших в Казани, в рассматриваемый период составляла 64 года.¹⁵ При этом следует учитывать, что не редкими были случаи смерти до 40 лет (С. В. Ешевский, И. И. Запольский, Кондырев, Д. И. Мейер, К. Ф. Реннер).

Судя по письмам профессоров, своеобразным рубежом, после которого мужчина считался пожилым, стареющим, в первой половине XIX века было 50-летие. Давая характеристики учителям гимназии — кандидатам на профессорские и адъюнктские места открываемого университета, Яковкин писал Румовскому в письме от 10 октября 1804 г. об Эрихе: «Особенного сожаления достойно, что при отличных его знаниях произношение его не совершенно ясно как по летам его (с лишком 50 лет), так и по недостатку зубов передних»¹⁶. Хотя Эриху в это время было всего 49 лет, Яковкин, возможно намеренно, представлял его старцем, а 50 лет были для этого знаковыми.

М. М. Попов, вспоминая о приезде М. В. Л. Сторля в Казань, представлял его 50-летним, а его жену, которая «казалась ровесницей ему, или даже немного старше его», «почтенной и приятной старушкой»¹⁷. Отметим, что на момент прибытия в Казань Сторлю было 44 года, но он мог представляться современникам старше, поскольку «страдал отдышкою, всегда тяжело дышал, а всходя на

¹⁴ См., например: НА РГ, ф. 977, оп. Правление, д. 5037, л. 9.

¹⁵ Из 122-х профессоров, служивших с 1804 по 1863 гг. в Казанском университете, у 85 установлены даты жизни с точностью до года. Из выборки исключены по четыре верхних и нижних значения (≈10 % выборки).

¹⁶ НА РГ, ф. 92, оп. 1, д. 54, л. 2 об.

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 4445, л. 3.

верх, в аудиторию, он так задыхался, что не скоро мог начинать лекцию»¹⁸. К. И. Броннер, по-видимому, желая получить освобождение от службы, апеллировал к существовавшим в России в то время представлениям о старости. Он писал в 1816 г. Н. И. Фуссу: «Сегодня мне исполнилось 58 лет; я поседел среди трудов и забот: настало время искать себе покоя; удалиться необходимо»¹⁹. В 1817 г. Броннер покинул Казань, отправившись в родную Швейцарию. Там возраст не помешал ему преподавать с 1818 по 1827 гг. в кантональной школе г. Аарау, жениться в 62 года, в 1827–1842 гг. быть кантональным секретарем и одновременно с 1829 по 1846 гг. городским архивариусом. Умер Броннер в 1850 г., в возрасте 92-х лет.

Постепенно и в России представления о возрасте профессоров изменялись в сторону увеличения порога, отделяющего зрелость от старости. Для сравнения можно привести свидетельство того, что во второй половине века Н. П. Вагнер писал о Лобачевском: «Кончина любимого сына тяжелым гнетом легла на душу Николая Ивановича. Он опустил, поседел, а ему было не более 57 лет»²⁰.

Естественно, что возраст влиял на распределение служебных обязанностей в университетской корпорации. Пожилому профессору не поручали визитации, руководство строительством, организацию публичных собраний и др. Соответственно, старение профессорского совета должно было отягощать корпорацию, добавляло обязанностей молодым профессорам. К тому же, нередко вполне готовые к занятию должности ординарного профессора молодые люди по долгу ожидали освобождения кафедры, а заслуженные профессора пользовались значительным авторитетом и прочими властными ресурсами, что позволяло им занимать места, с трудом выполняя обязанности по службе.

В 1857 г. представители университета попытались решить эту проблему, испрашивая позволения решать вопросы об оставлении преподавателя на кафедре не гласным обсуждением, а баллотировкой. В представлении указывалось, что «гласное суждение в Совете о достоинстве своего сочлена оказывается на деле весьма неудоб-

¹⁸ Там же, л. 3.

¹⁹ Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758–1850 гг.). Казань, 1902. С. СХСVIII

²⁰ Вагнер Н.П. Из жизни великого геометра. Воспоминания о Н.И. Лобачевском и его отношениях к казанскому университету // Книжки недели. 1894: март. С. 32-33.

ным, и <...> вопреки глубокому убеждению членов университета, преподаватели остаются на своих местах с явным ущербом для пользы науки, препятствуют даровитым молодым людям поступать на убылые места»²¹. Министерство, однако, на это не пошло²².

Между старшими и младшими коллегами распределялись дополнительные обязанности по университету. Обыкновенные, а значит и старшие по возрасту профессора, обычно председательствовали в комитетах, были смотрителями университетских заведений. Обыкновенный профессор избирался на должность врача²³. Между адъюнктами и экстраординарными профессорами распределялись должности секретарей совета и правления (хотя по уставу 1804 года секретарем совета должен был быть обыкновенный профессор²⁴), инспектора студентов; они активно участвовали в издательском, цензурном и училищном комитетах.²⁵ Из числа адъюнктов и экстраординарных профессоров-юристов избирался синдик.²⁶ Эти должности требовали активности и не налагали значительной ответственности. Как следствие, адъюнкты и молодые профессора, особенно экстраординарные, обычно несли большие нагрузки в университете, при минимальном вознаграждении.

Таким образом, несмотря на отсутствие четких возрастных критериев для занятия должности профессора, в первой половине XIX века активно формировались представления о профессоре, в том числе о том, сколько ему должно быть лет. Быстрая карьера в университете зависела от представлений, существующих на момент выбора нового члена в корпорации, вакантного места и самого претендента на должность. Уже в 50 лет профессор считался пожилым, стареющим. Но пересмотр необходимости оставления профессора на кафедре связывался не с возрастом, а с выслугой лет. Причем переутверждение на должности происходило таким образом, что превращалось в формальность. Это не способствовало ротации кадров, и реальные увольнения «по старости» были связаны с глобальными пересмотрами корпорации, осуществляемыми «по случаю».

²¹ НАРТ, ф. 977, оп. Ректор, д. 1244, лл. 1-1 об.

²² Там же, лл. 2-2 об.

²³ НА РТ, ф. 92, оп. 1, 2943, лл. 1-2, 6, 11 об.

²⁴ Загоскин Н.П. История... Т. 1. С. 478.

²⁵ ОРРК НБЛ, ед. хр. 7263, л. 1-2.

²⁶ Загоскин Н.П. История... Т. 1. С. 478.

Д. А. АНДРЕЕВ

**«КРАСНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО»
В 1921–1924 ГОДЫ: КОНТУРЫ ОБРАЗА
К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ
«ПРОЛЕТАРСКОГО» ПРОИСХОЖДЕНИЯ**

Российское студенчество 1920-х годов нередко становилось объектом исторических исследований. Они касались различных проблем: политической борьбы внутри вузов, повседневных бытовых аспектов жизни студенчества, государственной политики в области высшего образования. Тем не менее, вопросы создания идеологемы «красный студент», её реализации на практике и особенностей использования студентами этой идеологемы для общения с властью не были предметами детального изучения.

Под идеологемой «красный студент» мы имеем в виду имеющее политическую коннотацию словосочетание, употребляемое в первой половине 1920-х гг. в советской прессе, публицистике и, отчасти, в эмигрантской литературе, выступлениях большевистских лидеров, а также в личных документах учащихся высшей школы. Это словосочетание подразумевало наличие у студента определенных качеств, набор образцов поведения, речи, и даже этапы биографии. Соответствие этому пропагандистскому образцу позволяло студентам идентифицировать себя с «красным студенчеством», что в изучаемый нами период было не только выгодно, но иногда и необходимо. Монополия на средства печати позволила большевикам беспрепятственно создавать такую пропагандистскую модель на страницах журналов и публицистических сборников. Новый образ должен был помочь отделить «своих» от «чужих», чётко указать цели, стоящие перед «красным студенчеством», и, в конце концов, способствовать формированию «нового человека» в стенах высшей школы. В рамках данной статьи мы рассмотрим ряд автобиографических сюжетов, ставших обязательными в начале 1920-х гг. для приписывания себя к «красному студенчеству».

Центральным моментом биографии «красного» студента было его социальное происхождение из среды рабочих или крестьян, что получило в текстах 1920-х гг. название «пролетарского происхождения». Именно важность «пролетарского происхождения» «красного» студента фиксирует, в первую очередь, пропагандистская модель¹. При этом в ней не давалось ясного представления о его определяющих критериях: профессия родителей или других родственников, собственное место работы или что-то иное. В соответствии с новыми «классовыми» требованиями к учащимся советской высшей школы вводился и новый принцип её комплектации. Ещё в 1911 г. один из первых большевистских теоретиков, чьи идеи легли в основу «классовых» образовательных реформ 1920-х гг., А. А. Богданов отмечал, что даже в случае победы социалистической революции необразованный пролетариат не сможет удержать власть. Но получение образования рабочими в «буржуазных храмах науки» могло привести к исчезновению у них «классового инстинкта», поэтому требовалось создания нового (по своей структуре, функциям, программам) высшего учебного заведения — Рабочего (или Пролетарского) Университета². Одним из основных критериев для поступления туда, согласно Богданову, должна была быть рабочая биография³.

¹ О «пролетарском происхождении» «красного» студента см. также: *Иванчиков В.* Смена. К генеалогии русского студенчества // Пролетарское студенчество. 1922. № 1. С. 47; *Платонов А.* Рабфаковцу // Знамя рабфаковца. 1922. № 2-3. С. 93; *Егоров П.* Кто мы? // Там же. С. 108; *Федотов Н.* Из завода в рабфак // Студент-рабочий. 1922. № 7. С. 15; *Мецераков Н.* Современное студенчество и его нужды // Высшая школа в РСФСР и новое студенчество. М., 1923. С. 53; *Богданова К.* Студентка // Красный студент. 1923. № 11-12. С. 31-32; *Гуревич С.Г.* Владимир Ильич, студенчество и рабочая молодежь // Там же. 1924. № 2. С. 19; *Шенкман А.* Пролетарий в ВУЗе // Итоги и перспективы рабочих факультетов. Л., 1925. С. 107; *Фомин Н.* Рабфаковец // Там же. С. 111; *Юсов В.* Красный студент // Там же. С. 119; *Ковесский В.* «34» // Рабфаковец. 1925. № 1. С. 2.

² *Богданов А.А.* Культурные задачи нашего времени. М., 1911. С. 69-70; См. также *Он же.* Пролетарский университет (1918) // *Богданов А.А.* О пролетарской культуре. 1904–1924. М.-Л., 1925. С. 247.

³ *Богданов А.А.* Культурные задачи... С. 70. *Он же.* Пролетарский университет (1918) // *Богданов А.А.* О пролетарской культуре... С. 250.

Придерживаясь богдановских идей, В. И. Ленин на I Всероссийском съезде по просвещению в 1918 г. отмечал, что дореволюционная «школа была целиком превращена в орудие классового господства буржуазии»⁴. Подчёркивая невозможность существования в данное время аполитичной школы, он указывал на необходимость сделать образование доступным именно для «рабочих масс» как на один из необходимых шагов «для победы»⁵. Политика заполнения вузов рабочим и крестьянским студенчеством стала определяющей для Народного комиссариата просвещения (далее НКП) в начале 1920-х гг. Впервые термин «пролетаризация» высшей школы как обозначение целенаправленной политики большевиков появляется в 1921 г. Под ним понималось «привлечение в стены этой школы новых кадров студенчества из среды индустриального пролетариата, настоящих пролетариев от станка и верстака, с фабрик, заводов и рудников; дальнейшее расширение этого понятия — видоизменение методов преподавания и окончательное изживание ещё имеющейся в высшей школе схоластики»⁶. «Пролетарское происхождение», таким образом, должно было быть решающим фактором при зачислении в советские вузы.

В 1921 г. был введен принцип командирования в вузы абитуриентов партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями, которые были обязаны руководствоваться «классовым» принципом при отборе кандидатов⁷. Поступающие, получившие командировку, принимались в первую очередь, однако, должны были иметь уровень подготовки, предъявляемый к выпускникам школ II ступени и рабочих факультетов. Следует отметить, однако, что в 1921 г. не запрещалось принимать в высшую школу людей, не имеющих командировок, хотя они попали на нижнюю ступень иерархической лестницы поступающих и поэтому зачислялись в последнюю очередь в случае наличия свободных мест.

⁴ Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде по просвещению 28 августа 1918 года // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 37. С. 76.

⁵ Там же. С. 77.

⁶ Челябинов Н.И. Рабочие факультеты и профессиональные союзы // Вестник рабочих факультетов. 1921. № 2–6. С. 8.

⁷ Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда (1917–1925). Л., 1984. С. 127.

Начиная с 1922 г., поступление лиц без командировок, согласно правилам приёма, в советские вузы было ограничено, а в некоторые — вовсе закрыто. Общее количество вакантных мест распределялось между командирующими организациями: рабочими факультетами, ЦК РКП, ВЦСПС, ЦК РКСМ, ПУР, которые должны были направлять на учебу кандидатов, отвечающих классовым принципам⁸. Происхождение абитуриента стало решающим фактором при его приёме в высшую школу. В «Положении о высших учебных заведениях» 1922 г., принятом СНК, указывалось, что вузы РСФСР «имеют цель ...распространять научные знания среди широких пролетарских и крестьянских масс, интересы которых во всей деятельности высшего учебного заведения должны стоять на первом плане»⁹.

«Классовый» характер комплектования вузов, введенный в 1922 г., был воспринят неоднозначно в партийной среде. Противником тотальной «пролетаризации» вузов выступила в 1923 г. руководитель Главполитпросвета Н. К. Крупская. Её полемика с представителем Главпрофобра В. Н. Яковлевой была опубликована на страницах «Правды»¹⁰. Крупская критиковала существующую систему приёма в

⁸ Правила приёма в высшие учебные заведения в 1922–1923 учебном году [ЦГА ИПД Ф. 601. Оп. 1. Д. 350. Л. 46]; Правила приёма в высшие учебные заведения в 1923 году // Красный студент. 1923. № 6. С. 30–32; Условия поступления в высшие учебные заведения РСФСР в 1923–1924 учебном году // ЦГА СПб Ф. 4331. Оп. 1. Д. 2894. Л. 23–24; Правила приёма в высшие учебные заведения в 1924 году // Красный студент. 1924. № 7. С. 39–40; По вопросу о приёме в ВУЗы в 1924 году // Ежедневник народного комиссариата. 1924. № 8 (29). С. 1–3; Правила приёма в высшие учебные заведения РСФСР в 1925 году // ЦГА СПб Ф. 2556. Оп. 1. Д. 76. Л. 9–10об.; Ежедневник народного комиссариата просвещения РСФСР. 1925. № 10 (60). С. 12–14.

⁹ ЦГА ИПД Ф. 16. Оп. 2. Д. 1641. Л. 21.

¹⁰ Главпрофобр и Главполитпросвет — комитеты в составе НКП. Главпрофобр учреждён в 1921 году, в изучаемый нами период его возглавлял И. И. Ходоровский. Варвара Николаевна Яковлева работала в руководстве Главпрофобра. Этот комитет занимался подготовкой кадров для всех отраслей «народного хозяйства и социалистического строительства» (вузы, рабфаки, среднее и начальное образование). Главполитпросвет был учреждён в составе НКП в 1920 году. На всём протяжении его существования его возглавляла Н.К.Крупская. Этот комитет руководил «массовым политическим просвещением» взрослого населения (ликбезы, школы и курсы для взрослых, клубы, библиотеки, избы-читальни), а так-

высшую школу, при котором абитуриентами фактически могли быть только «пролетарии». Такую политику НКП она назвала «дворянской навыворот», так как право обучения в советских вузах становилось «классовой привилегией». При этом она соглашалась, что НКП должен «делать всё, чтобы открыть доступ в ВУЗы детям рабочих и крестьян», но в то же время он должен в обязательном порядке допускать туда «галантливых» детей из «нетрудовых элементов»¹¹. Яковлева, отвечая на критику, подчёркивала, что деятельность НКП должна быть «направлена к тому, чтобы вузы заполнялись рабочими и крестьянами, кои будут участвовать в строительстве новой жизни». Подразумевалось, что студенты из других социальных «классов» не способны в будущем выполнять поставленную перед ними задачу «социалистического строительства»¹².

В ответной статье Крупская уверяла, что не является противницей «классового приёма», но повторяла, что считает «перегибом» такую политику, когда поступление в вузы становится возможным только для «пролетариев»: «Пролетарий берёт власть в руки не для того, чтобы на место помещиков и буржуазии поставить другой привилегированный класс — рабочих»¹³. Важнее для Н. К. Крупской был «классовый характер программ занятий», которые могли, по её мнению, «перевоспитать» даже «непролетарского» студента, в то время как их отсутствие могло привести к утрате «пролетарием» его «классового сознания» и превращения его в «мелкобуржуазный элемент». Она подчёркивала, что «если преподавание в ВУЗах будет поставлено, как следует, каждый студент будет воспитываться в коммунистическом духе, [то] будет выходить из ВУЗа верным слугой пролетариата»¹⁴. Воспитание или перевоспитание в пролетарском духе могло исправить «пороки» социального происхождения.

же «партийным просвещением» (коммунистические вузы, советские партийные школы).

¹¹ Крупская Н.К. О классовом приёме в вузы // Правда. 1923, 15 августа.

¹² Яковлева В.Н. Классовый приём и реорганизация вузов // Там же. 30 сентября.

¹³ Крупская Н.К. Классовый приём и реорганизация вузов // Там же. 4 октября.

¹⁴ Она же. О классовом приёме в вузы // Там же. 15 августа.

В 1924 г. Н.К. Крупская несколько раз публиковала статьи, посвящённые этому вопросу. Она подчёркивала, что «люди не пролетарского происхождения прекрасно могут стать на точку зрения пролетарской идеологии», тогда как «люди пролетарского происхождения могут стать форменными буржуями». Решающую роль в этом, по её мнению, играла именно воспитательная политика учебного заведения. Веским аргументом Н.К. Крупской было указание на непролетарское происхождение Маркса, Энгельса и Ленина, которое, по её словам, не помешало им стать пролетарскими вождями¹⁵. Позиция Н.К. Крупской была поддержана на I конференции ленинградского пролетарского студенчества¹⁶. Выступления Н.К. Крупской нашли отклик и в студенческой прессе (естественно подконтрольной партийным органам): в журнале «Красный студент» были попытки в дискуссионном порядке оспорить первостепенную важность «пролетарского» происхождения студента, выдвинув его «пролетарское сознание» как более значимое¹⁷.

Статьи Н.К. Крупской и последовавшие за ней публикации внесли существенные поправки в идеологему «красный студент», так как с её точки зрения им мог быть любой учащийся, даже «непролетарий». Важнее было так называемое «пролетарское сознание», понимание задач, поставленных партией, общественная активность и другие особенности поведения, характеризующие учащегося как сторонника советской власти. Сложно ответить на вопрос, была ли это личная позиция Крупской, или она всего лишь отражала позицию высших партийных структур по вопросу о переменах в политике «пролетаризации» высшей школы. В любом случае, уже с 1924–1925 учебного года «классовые» правила приёма в вузы были несколько изменены.

¹⁵ Она же. Партия и студенчество // Красная молодёжь. 1924. № 1. С. 18. Об этом же см. *Крупская Н.К.* О студенческом дне // Правда. 1924, 22 февраля.

¹⁶ Стенографический отчёт, резолюции, доклады и материал I конференции ленинградского пролетарского студенчества 6 апреля 1925 года. [ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 69. Д. 40. Л. 9.]

¹⁷ См., например, *Львов В.* О студенчестве петроградских вуз // Красный студент. 1923. № 1. С. 24; *Н-ий.* О пролетарском студенте // Там же. № 6. С. 14-15.

Против канонизации «пролетарского» происхождения выступил в 1923 г. и нарком просвещения А.В. Луначарский. Он поддерживал идею «пролетаризации» вузов, однако считал допустимым поступление туда талантливых «не-пролетариев».¹⁸ Более того, в том же 1923 г. Луначарский подчёркивал, что «красное» студенчество — «это не только студенты, вышедшие из рабочего класса и крестьянства, это в большинстве своём люди, несмотря на свои молодые годы, вынесшие громадный и тягостный опыт. Это молодежь, от ранних ногтей дравшаяся в рядах Красной армии».¹⁹ Служба в РККА, таким образом, стала своеобразным заменителем «пролетарского» происхождения. Она доказывала преданность студента советской власти на деле, говорила о «сознательности» студента. За выступлением А. В. Луначарского последовало несколько статей в студенческой прессе, закреплявших новые каноны идеологии «красный студент». Служба в РККА стала неопровержимым доказательством «классового сознания» студента: отмечалось, что участием в борьбе с белогвардейцами «молодежь недвусмысленно доказала свою преданность Советской власти».²⁰ Так, например, в одном тексте рассказывалось о «буржуазной» студентке: «Добровольно ушла на фронт. Стала пулеметчицей; занимала какую-то командную должность. Жила несколько лет с красноармейцами, носила красноармейский костюм... Она не пролетарка, но попробуй оторвать ее от пролетариата».²¹ Пропагандистская модель, таким образом, допускала возможность исправления «неправильного» происхождения студента участием в революционных событиях первых лет существования большевистской власти.

¹⁸ Цит. по *Купайгородская А.П.* Советская высшая школа в 1917–1927 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1990. С. 238–239. [Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Фонд диссертаций. Д. 228.]

¹⁹ *Луначарский А.В.* Студенчество и контрреволюция // *Луначарский А.В.* Проблемы народного образования. М., 1923. С. 18.

²⁰ Сверните националистическое знамя. Открытое письмо в редакцию журнала «Еврейский студент» // *Красный студент.* 1923. № 4. С. 50; об этом же см., *Гуревич С.Г.* Владимир Ильич, студенчество и рабочая молодежь // *Там же.* 1924. № 2. С. 19.

²¹ *Мещеряков Н.* Современное студенчество и его нужды // *Высшая школа в Р.С.Ф.С.Р. и новое студенчество.* М., 1923. С. 53.

Отход от политики «пролетаризации» проявился и в законодательстве: начиная с 1923–1924 учебного года право поступать в вуз на льготных условиях (фактически наравне с «пролетариями») получили дети профессоров и преподавателей вузов, дети обслуживающего персонала данного вуза, школьные работники и их дети, а также круглые сироты, находящиеся на государственном снабжении²².

В 1924–1925 гг. в прессе появляются сообщения о том, что «пролетаризация» высшей школы успешно завершилась. В мае 1924 г. А.В. Луначарский выступил на страницах журнала «Красная молодежь» с заявлением, в котором подчеркивал, что советские вузы «завоєваны уже пролетарским студенчеством»²³. Это указание наркома было сразу же подхвачено прессой. Уже в следующем номере этого же журнала содержалась заметка, утверждающая, что «брошенный 5 лет назад лозунг пролетаризации вузов через рабфаки воплощён теперь в жизнь»²⁴. Новой задачей НКП была объявлена культурно-просветительная работа среди беспартийных студентов²⁵. Очевидно, что победила позиция, которую с 1923 г. отстаивала Н.К. Крупская: основные силы должны быть брошены

²² Положение о комиссиях по проведению приёма в студенты ВУЗ [ЦГА СПб Ф. 2556. Оп. 1. Д. 364. Л. 76]; О порядке зачисления в студенты ВУЗ // Вузы и Рабфаки. Справочная книжка. М., 1923. С. 42-43.

²³ Луначарский А. О положении высших учебных заведений в республике // Красная молодежь. 1924. № 1. С. 97.

²⁴ Вихрев Н. Итоги и перспективы развития рабфаков // Красная молодежь. 1924. № 2. С. 89. Об этом же см. также: Ярославский Е. Ближе к массам // Красная молодежь. 1925. № 1. С. 3-6.

²⁵ О новой задаче «красного» студенчества — работе среди беспартийных масс см.: Розит Д. О работе профорганизаций в ВУЗах // Красная молодежь. 1925. № 1. С. 66-70; Требелев А. Вопрос жгучий (О работе среди беспартийного студенчества) // Там же. С. 71-75; Кудряцев А. Итоги 2-ой Московской конференции Пролетстуда // Там же. С. 79-82; Гельберг Л. Клуб и работа среди беспартийных (Московское высшее техническое училище) // Там же. С. 112-114; Клименко К вопросу о работе среди беспартийных (Новочеркасский педагогический институт) // Там же. С. 114-117; Буш. Кто работает в наших организациях (К вопросу о вовлечении беспартийных) // Там же. № 2. С. 121; Шамберг М. Новая полоса работы (к I Всесоюзной Конференции пролетарского студенчества) // Там же. № 3-4. С. 3-8; Каганович Л.М. О партийной работе в вузах // Там же. С. 9-17; Розит Д. Итоги совещания вузовских ячеек при ЦК РКП(б) // Там же. С. 65-67.

не на «пролетаризацию» вузов, а на «воспитание» или «перевоспитание» студентов в стенах высшей школы.

Политика «пролетаризации» высшей школы, объявленная официально в 1921 г., была завершена в 1924 г. Итогом стал переход вузов под тотальный контроль советской администрации и появившаяся в связи с этим возможность реформирования их изнутри (программы, методики преподавания и т.п.). За эти четыре года изменилась и пропагандистская модель «красного студента», в частности, требования к биографии. Если в 1921 г. «пролетарское» происхождение было обязательным для приписывания к этой категории, то уже через два года этот тезис начал оспариваться. Изменения в период с 1921 по 1924 гг. происходили не только в содержании самой идеологемы. Несмотря на сохранение принципа командирования в вузы через определённые организации, изменения происходили и в комплектовании высшей школы.

Для изучения эволюции образовательной политики НКП необходимо проследить изменения в распределении процента вакантных мест среди командирующих организаций (см. таблицу № 1).

Таблица № 1²⁶

Учебный год / Командирующая ор- ганизация	1922 – 1923	1923 – 1924	1924 – 1925	1925 – 1926
ЦК РКП	25% (45%)	25%	25%	15%
ВЦСПС	55% (35%)	35%	30%	15%
ЦК РКСМ	5% (5%)	15%	15%	15%
РВСВ и ПУР (до 1922 года включительно — «исключительно для красноармейцев, участ- вовавших в гражданской войне»; с 1924–1925	5% (5%)	10% ²⁷ + 3%	15%	15%

²⁶ Таблица составлена по «Правилам приёма в высшие учебные заведения...» в 1922–1925 учебных гг. // ЦГА ИПД Ф. 601. Оп. 1. Д. 350. Л. 46; Красный студент. 1923. № 6. С. 31; ЦГА СПб Ф. 4331. Оп. 1. Д. 2894. Л. 24; Красный студент. 1924. № 7. С. 39; Еженедельник народного комиссариата просвещения. 1924. № 8 (29). С. 3; ЦГА СПб Ф. 2556. Оп. 1. Д. 76. Л. 9; Еженедельник народного комиссариата просвещения РСФСР. 1925. № 10 (60). С. 12.

учебного года — «для трудового крестьянства, мобилизованных красноармейцев и инвалидов Красной армии и флота»)				
ГУБОНО по разверстке Наркомпроса («для особо талантливых», закончивших профессионально-технические учебные заведения и трудовые школы II ступени; с 1924 года — добавляются опытно-показательные школы НКП и совпартшколы)	—	2%	10%	25%
Союзные советские республики	—	—	5%	5%
Совнацмен НКП (для национальных меньшинств)	5% (5%)	—	—	—
Для «трудовой интеллигенции» (через соответствующие профсоюзы)	—	—	—	10%
Наркоматам	5% (5%) ²⁸	—	—	—
Платные места ²⁹	—	10% ³⁰	—	—

Данные таблицы позволяют выделить основные тенденции в регулировании социального состава вузов в период с 1922 по 1925 г. Не отменяя основополагающий «классовый» принцип, власти корректировали правила распределения мест между командирующими организациями. В этот период прослеживается тенденция ограничения «классового» принципа комплектования вузов (при сохранении лозунга о «пролетаризации высшей школы»). Если в 1922 г. 85% мест

²⁷ 3% — «исключительно для красноармейцев, участвовавших в гражданской войне»; 10% — «для трудового крестьянства, мобилизованных красноармейцев и инвалидов Красной армии и флота».

²⁸ В скобках показана развёрстка для педагогических и социально-экономических вузов и факультетов в том же 1922–1923 учебном году.

²⁹ Платные места в советских вузах были и в последующие годы, но их уже не включали в развёрстку.

³⁰ В художественных вузах в 1923–1924 учебном году платных мест было 40% // Вузы и Рабфаки. Справочная книжка. М., 1923. С. 103.

было выделено для членов профсоюзов (в основном рабочих), членов партии и комсомола, то к 1925 г. эта цифра уменьшилась до 45%. При этом до 25% повысилось количество командировок, выделяемых для «талантливых» и «успешно закончивших» средние школы, и появилась новая категория командируемых — «трудовая интеллигенция» (к ней относились дети преподавателей вузов, а также учителя школ II ступени и их дети). Эта тенденция характерна и для последующих приёмных кампаний, вплоть до т.н. «культурной революции». В 1926 г., наряду с увеличением конкурса для командированных абитуриентов, был увеличен процент поступающих по принципу «свободной конкуренции» до 45% (для т.н. «талантливых»). Остальные места распределялись следующим образом: 35% — рабфаковцам, 10% — рабочим, 8% — представителям национальных меньшинств, 2% — правительственным организациям, включая РККА³¹. «Классовый» статус поступающего отошёл на второй план. Член ЦК Рабочего просвещения Ф.В.Кипарисов отмечал на объединённом заседании Президиума ЦК работников Союза просвещения и Коллегии НКП, проходившем в июне 1926 г., что «важнее для хозяйственного развития иметь хорошего инженера, а не плохого инженера обязательно из рабочей среды»³². Более того, 10 июля 1926 г. СНК РСФСР приравнял в отношении поступления высшую школу детей работников государственных учреждений с детьми рабочих³³. Это был существенный отход от «классовых» принципов комплектования высшей школы.

Одной из причин «отступления» стала невозможность в короткие сроки подготовить в вузах специалистов, необходимых государству. Ещё в 1922 г. об этом заявлял А.В.Луначарский. Говоря о нехватке специалистов в различных отраслях хозяйства, он подчёркивал, что «деловым образом настроенное студенчество может с удовлетворением сказать, что независимо от его происхождения, его политического прошлого и т.д., его может ждать впереди очень интересная работа и своеобразное привилегированное место в строящемся коммунистиче-

³¹ Рожков А.Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. Кн. 1. Краснодар, 2002. С. 216.

³² Цит. по *Купайгородская А.П.* Советская высшая школа в 1917–1921 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1990 // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Фонд диссертаций. Д. 228. Л. 257–258.

³³ Там же. Л. 258.

ском обществе»³⁴. Более того, несмотря на объявленную тотальную «пролетаризацию» вузов, уже в том же 1922 г. были высказаны сомнения относительно её реалистичности. В частности, подчёркивалось, что из-за нехватки «спецов» придется закрывать глаза на социальное происхождение некоторых абитуриентов³⁵.

Другой причиной, которая привела как к перераспределению командировок в пользу «talантов», так и к ограничению принципа «пролетаризации», была неэффективность системы комплектования вузов. Несмотря на существующую развёрстку, в 1923 г. ЦК РКП(б) заполнил своими командированными 7,8% мест (вместо требуемых 25%), ЦК РЛКСМ 5,8% (вместо 15%), ПУР всего лишь 0,7%. Полностью использовал все выданные ему вакансии лишь ВЦСПС³⁶. В целом, если верить этим данным, партийные и комсомольские органы не справились с задачей «классовой» комплектации вузов. Хотя эта информация, опубликованная весной 1924 г., могла использоваться для доказательства необходимости «чистки» студенческих рядов (которая началась в конце мая 1924 г.).

Следует выделить ещё одну причину отхода от политики тотальной «пролетаризации». Зачисление студента в ту или иную «классовую» категорию зависело как от отметки в его командировочном удостоверении и личной стратегии поведения, так и от представлений членов приёмных, стипендиальных, проверочных комиссий о «классовости». Но установление «классового» статуса студента могло стать проблемой. Впервые на это обратила внимание А.П. Купайгородская, указывая на нечеткость и неопределенность некоторых категорий студентов, отмечаемых в официальных документах, таких, например, как «прочие»³⁷. Эта же проблема была поставлена в статье американской исследовательницы Ш. Фитцпатрик, посвящённой изучению классовой идентичности. Говоря о студенческих «чистках», она приводит случай, о котором сообщалось в журнале «Красная молодёжь» в 1924 г.: проверочная комиссия не могла решить вопрос о социальном происхождении одного учащего-

³⁴ Луначарский А.В. Студенчество и новая экономическая политика // Пролетарское студенчество. 1922. № 1. С. 7.

³⁵ Коган Б. К вопросу о приёме в ВУЗ // Там же. С. 48-51.

³⁶ Коммунистическое студенчество (По материалам учраспреда ЦК) // Правда. 1924, 10 мая.

³⁷ Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда... С. 129-130.

ся, потому что его отец, трудившийся до революции 1917 г. рабочим на заводе, в 1917–1918 гг. был уже пекарем, а в 1919–1923 гг. — инспектором АРА³⁸. Такая социальная мобильность отца приводила в замешательство членов комиссии, которые не знали, можно ли считать происхождение этого учащегося «пролетарским» или нет.

Проблемы с установлением социального статуса студентов отмечались и в официальных отчётах руководителей вузов. Данные по Петроградскому государственному университету за 1921 г. показывают, что у 2200 студентов не было установлено социальное происхождение (всего в вузе обучалось 7391 человек)³⁹. Не говоря уже о том, что почти у четверти студентов не было установлено социальное происхождение, некоторые категории могли трактоваться неоднозначно. Так, например, «дети лиц военного звания» в случае, если родители были офицерами царской или «белой» армий, попадали в политически невыгодную категорию. Если же под ними понимались служащие РККА, то результат был другой. Ситуация не изменилась и в последующие годы. Говоря о социальном составе всех советских вузов в 1923 г., один из членов ВЦСПС Ф.М. Сеньюшкин отмечал, что у 17,5% первокурсников социальное происхождение не установлено⁴⁰.

Проблема определения социальной принадлежности студентов существовала даже в исключительно «пролетарских» учебных заведениях, таких как рабочие факультеты, где, казалось бы, согласно существовавшим нормативным документам, должен был проводиться серьёзный «классовый» отбор абитуриентов. Заведующий отделом рабочих факультетов при Главпрофобре Н.В. Вихирёв в отчёте Наркомпросу от 15 декабря 1922 г. выделял две категории учащихся этих заведений: рабочих (46%) и крестьян (25%). Оставшиеся 29% рабфаковцев были отнесены им к «лицам неопределённых профессий»⁴¹.

³⁸ *Fitzpatrick Sh.* The Problem of Class Identity in NEP Society // *Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture*. Bloomington, Indianapolis, 1991. P. 14; *Ш-рин В.* Чистят // *Красная молодёжь*. 1924. № 2. С. 126.

³⁹ Сведения о социальном составе студентов ПГУ в 1921 году. [ЦГА СПб Ф. 2556. Оп. 1. Д. 276. Л. 160 об.]

⁴⁰ *Сеньюшкин Ф.М.* Высшая школа и профсоюзы // *Высшая школа в РСФСР и новое студенчество*. М., 1923. С. 46.

⁴¹ *Культурное строительство в РСФСР*. Т. 1. Ч. 2. 1917–1927. М., 1984. С. 78.

Не только высокая социальная мобильность, которую отмечала Ш. Фитцпатрик, была причиной, осложнявшей приписывание студенту того или иного «классового» статуса. Проблемным было и определение «физического труда» — одного из важнейших критериев приписывания к «пролетариату». Вопрос о причислении к одной из этих категорий решался членами приёмных комиссий и, таким образом, зависел от их представления о «физическом» труде. Если работа «у станка и сохи» однозначно относилась к нему, то некоторые виды деятельности могли трактоваться различно. Так, например, в отчётных анкетах рабочих факультетов Ленинграда в 1924 г. было три графы, делящих учащихся по социальному происхождению: «рабочие», «крестьяне» и «лица нефизического труда». Немногие объяснения, которые давались к последней графе, позволяют установить, что туда причисляли «мещан», «служащих», «воспитанников бывшего военного дома», а также «ремесленников» и «лиц с неполным физическим стажем» (!)⁴². Встречаются и более парадоксальные случаи, когда «лица пролетарского происхождения» и «лица физического труда» рассматривались приёмными комиссиями как разные категории абитуриентов⁴³.

Н. К. Крупская особо указывала на этот субъективизм в оценке профессиональной деятельности. Так, например, «сестры милосердия», по её мнению, должны были относиться к «трудовому элементу», так как они «несут тяжёлый труд по уходу за больными, связанный с физическим трудом». Крупская отмечала, что если в приёмной комиссии присутствовали красноармейцы, то сёстры милосердия рассматривались как «лица физического труда», если же нет, то как «нетрудовой элемент».⁴⁴ Для разрешения подобных спорных вопросов во второй половине 1920-х гг. статистический отдел ЦК ВКП(б) издавал специальные брошюры, в которых подробно были расписаны «пролетарские» и «непролетарские» про-

⁴² Анкета о текущей жизни Рабочего факультета Педагогического института им. А.И. Герцена за октябрь 1924 года; Анкета о текущей жизни Рабочего факультета Политехнического института за ноябрь 1924 года. [ЦГА СПб Ф. 2556. Оп. 1. Д. 480. Л. 19, 46.] В анкетах других рабочих факультетов графа «лица нефизического труда» не расшифровывалась.

⁴³ Коган Б. К вопросу о приёме в ВУЗ // Пролетарское студенчество. 1922. № 1. С. 48-49.

⁴⁴ Крупская Н.К. О классовом приёме в вузы // Правда. 1923, 15 августа.

фессии, хотя это не решало проблему тех, кто сменил несколько разных с «классовой» точки зрения работ⁴⁵.

Что касается графы «прочие», то она встречается и в документах не только ленинградских вузов. Изучение социального состава вузов Сибири в 1920-е гг. показало, что наравне с рабочими, крестьянами, служащими и интеллигенцией в них обучались и пресловутые «прочие». Даже после официального окончания «пролетаризации» высшей школы в 1924–1925 учебном году учащиеся из «прочих» составляли, хотя и не большой, процент студентов. Так, в Томском технологическом институте в 1924–1925 учебном году количество «прочих» было 2,8%, в Томском и Иркутском институтах 21,4% и 11,5%, а в Омском сельскохозяйственном институте и Омском медицинском институте — 3% и 4,6% соответственно.⁴⁶ Существование этой графы в официальных отчётах вузов связано с двумя причинами: 1) с невозможностью руководства учебного заведения выяснить социальное происхождение студента (как в случае, приведённом Ш.Фитцпатрик); 2) с непониманием того, в какую категорию следует зачислять учащегося (как, например, это было с сестрами милосердия).

Идея о необходимости «пролетарского» происхождения для «красного студента», получившая теоретическое обоснование ещё до революции и утвердившаяся в 1921 г. вместе с началом «пролетаризации» высшей школы, была серьёзно скорректирована уже в 1923–1924 гг. Несомненно, отказ от тотального «орабочивания» вузов был вызван, прежде всего, утопичностью самой идеи. Её нереализуемость была доказана на практике, хотя следует констатировать определённые изменения в социальном составе советского студенчества. В период с 1921 по 1924 гг. пропагандистский механизм НКП показал свою гибкость, вводя новые социальные группы, допускаемые в категорию «красных студентов». Хозяйственные проблемы страны и потребность в квалифицированных специалистах, невозможность четко определить критерии «пролетария», а также развитие идеи о возможности «перевоспитания» студентов в высшей школе предрешили отход от политики «пролетаризации» вузов уже через 2 года после её объявления.

⁴⁵ *Fitzpatrick Sheila*. The Problem of Class Identity... P. 12.

⁴⁶ *Косцова Л.В.* Динамика состава сибирского студенчества в 1920-е годы. В кн. *Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири. 1917–1941*. Новосибирск, 1980. С. 242-244.

А. Н. ГАЛЯМИЧЕВ

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИДЕРА В СТАНОВЛЕНИИ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

С. М. СТАМ И СУДЬБЫ МЕДИЕВИСТИКИ В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Одним из редких и потому достойных внимательного изучения явлений в развитии дисциплины всеобщей истории в провинциальных вузах России XX века является складывание центра изучения истории западноевропейского Средневековья в Саратовском университете.

С момента основания в 1917 г. историко-филологического факультета здесь довелось работать ряду видных представителей отечественной медиевистики. В 1920–1922 гг. историю средних веков преподавал выдающийся русский религиозный мыслитель Г. П. Федотов, творческий путь которого открывали исследования вопросов духовного развития Западной Европы в эпоху раннего Средневековья, начатые в Петербургском университете под руководством И. М. Гревса. После основания в Саратовском университете исторического факультета (третьего в СССР) в 1935 г. была создана кафедра истории средних веков, укомплектованная выпускниками аспирантуры столичных вузов, а заведовали ею питомцы Ленинградского университета — А. С. Бартенев (в 1937–1941 гг.) и С. М. Пумпянский (в 1941–1948 гг.)¹. За эти годы были заложены определенные традиции в деле преподавания общих курсов и дисциплин специализации, проводилась работа по комплектованию кафедральной библиотеки. Однако в послевоенные годы в работе кафедры обозначились серьёзные проблемы. Единственным преподавателем, имевшим основательную специальную подготовку, оставался тогда С. М. Пумпянский. Его отношения с руководством факультета и университета постепенно приобрели конфликтный характер, в связи с чем перед началом 1948/1949-го учебного года кафедра истории средних веков была упразднена, а ее работники

¹ О судьбах медиевистики в Саратовском университете с момента основания историко-филологического факультета до конца 40-х годов XX века см. подробнее: *Галямичев А.Н.* Медиевистика в Саратовском университете (страницы истории) // *Средневековый город. Саратов, 2001. Вып. 15. С. 3-12.*

переведены в штат объединенной кафедры новой истории и истории средних веков.

По свидетельству А. Е. Москаленко, руководители факультета и университета объясняли такое решение нередкими проявлениями неорганизованности и даже равнодушия С. М. Пумпянского к работе². Принимая решение об объединении кафедр, они предполагали в ближайшем будущем восстановить самостоятельную кафедру средневековой истории в СГУ (тем более что существование в его структуре таковой предписывалось Постановлением ЦК ВКП (б) и Совета Народных Комиссаров СССР от 30 мая 1934 года, во исполнение которого был основан саратовский истфак) и в течение 1948/1949 учебного года вели целенаправленный поиск человека, способного вдохнуть в ее работу новые творческие силы, резко активизировать научно-исследовательскую и учебно-методическую деятельность, привлечь заинтересованное внимание взыскательно-го к труду вузовских педагогов студенчества послевоенной поры к проблемам медиевистики.

Именно в это время молодой кандидат исторических наук, выпускник легендарного Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ), ученик будущего академика С. Д. Сказкина Соломон Моисеевич Стам³, для которого не нашлось тогда работы ни в одном из многочисленных московских вузов и научно-исследовательских институтов, принял решение «искать преподавательской работы в провинциальных вузах — с условием предос-

² См.: Москаленко А. Е. Из истории медиевистики в Саратовском университете второй половины 30-х – 40-х годов XX столетия // Историографический сборник. Саратов, 1987. Вып. 13. С. 146.

³ С. М. Стам окончил МИФЛИ в 1939 г. и тогда же поступил в аспирантуру при родном институте. Обучение в аспирантуре ему пришлось прервать летом 1941 года в связи с началом Великой Отечественной войны, когда С. М. Стам вступил в ряды народного ополчения, оборонявшего ближние подступы к столице в трагические осенние месяцы 1941 года. С января 1942 года С. М. Стам проходил военную службу в качестве офицера Политуправления 17-й армии на Дальнем Востоке. Принимал участие в войне с Японией в августе 1945 года, был награжден орденом Отечественной войны I степени. После демобилизации продолжил обучение в аспирантуре МГУ, в состав которого в декабре 1941 года вошел МИФЛИ. Выполненная под руководством С. Д. Сказкина кандидатская диссертация на тему «Иоахим Калабрийский. Социальная сущность его учения (Из истории ранних антикатолических и антифеодальных учений в средние века)» была защищена С. М. Стамом в Московском университете в ноябре 1947 года.

тавления двухкомнатной квартиры»⁴. Последнее условие было продиктовано суровой необходимостью: С. М. Стам с женой и дочерью-дошкольницей был вынужден тогда ютиться в комнате тещи — работницы трикотажной фабрики — площадью 12,5 кв.м.

«Весной 1949 года, — вспоминает С. М. Стам, — я послал соответствующие запросы в несколько периферийных университетов и пединституты. Положительно ответили, кажется, три адресата, в том числе и Саратовский университет»⁵. По совету друга студенческих лет М. Персица, который «по распределению года три или четыре проработал в Саратовском пединституте и не потерял связей с городом», С. М. Стам остановил свой выбор на Саратове. Деловая встреча с тогдашним ректором СГУ, выдающимся учёным-физиком П. М. Голубковым во время первой, ознакомительной поездки в Саратов⁶ убедила С. М. Стама в обоснованности этого выбора.

Жена С. М. Стама, писательница Е. М. Рязанова, автор ряда известных произведений для детей и юношества, вспоминает в своем автобиографическом романе «Три Екатерины»: «Вопрос был решен. Для Стама переезд в провинцию не содержал никакого драматизма. Он и сам был провинциалом и тоже из Поволжья. Ведь родился он в Казани⁷. Правда, почти половина молодости прошла в Москве. И Москву он полюбил. Но не настолько, чтобы в его глазах за кольцевой дорогой кончался белый свет»⁸.

Отмеченное обстоятельство стало, пожалуй, одной из главных причин того, что С. М. Стаму удалось создать в Саратове школу медиевистов, сумевшую приобрести признание как в России, так и за рубежом. Его предшественники — выпускники аспирантур столичных вузов — не могли освободиться от ощущения вынужденности своего пребывания в старинном волжском городе, не имевшем богатых книжных собраний и вековых академических традиций, и, как правило, стремились к скорейшему возвращению в Москву или Ленинград. Что же касается С. М. Стама, то он ехал в Саратов с твердым намерением построить здесь свой Дом и про-

⁴ Стам С. М. Моя жизнь, друзья и наука (воспоминания) // Средневековый город. Саратов, 2006. Вып. 17. С. 63.

⁵ Там же.

⁶ Решающим доводом в пользу Саратовского университета стало предоставление С. М. Стаму двух комнат в новом общежитии.

⁷ С. М. Стам родился 21 ноября 1913 г. в семье столяра и фельдшерицы.

⁸ Рязанова Е. Три Екатерины. Кн. 2. Саратов, 2000. С. 131.

должить нелегкое восхождение к вершинам профессионального мастерства историка-медиевиста.

Разумеется, осознания прочности своего обустройства в Саратове и желания — вопреки немалым объективным трудностям — создать в местном университете центр изучения истории западноевропейского Средневековья было недостаточно для достижения успеха. Он был определен уникальностью самой личности С. М. Стама — ученого, педагога, руководителя, человека. Это был тот довольно редкий для наших реалий случай, когда формальный глава научного коллектива являлся одновременно и его неформальным лидером. Из каких же важнейших слагаемых состоит секрет успеха С. М. Стама, сумевшего практически «с нуля» выстроить здание научной школы?

Прежде всего следует, на наш взгляд, отметить исключительную глубину исследовательского мышления С. М. Стама, одного из немногих наших историков, способных самостоятельно ставить вопросы и вести поиск ответов на них в рамках марксистской методологии истории. Методологические вопросы медиевистики неизменно привлекали его внимание, и голос С. М. Стама отчетливо звучал в ходе всех наиболее значимых для нашей науки дискуссий, высоким накалом которых были отмечены 50–60-е годы ушедшего столетия⁹.

⁹ См. публикации С. М. Стама этих лет: *Стам С. М.* О некоторых вопросах истории Реформации и Крестьянской войны в Германии // Учен. зап. Саратов. ун-та. 1954. Т. 39. С. 293-322; *Он же.* О некоторых экономических закономерностях феодализма // Научный ежегодник Саратов. ун-та за 1954 г. Саратов, 1955. С. 127-130; *Он же.* Об основном экономическом законе феодализма. Выступление в дискуссии. Изложено в «Кратком обзоре статей об основном экономическом законе феодализма» // Вопросы истории. 1955. № 2. С. 85-86; *Он же.* Чем же в действительности была Реформация в Германии? // Вопросы истории. 1958. № 4. С. 100-113; *Он же.* К вопросу об основном экономическом противоречии феодализма // Учен. зап. Саратов. ун-та. 1958. Т. 66. С. 264-277; *Он же.* К вопросу о социально-экономических основах господства религиозной идеологии при феодализме // Научный ежегодник Саратов. ун-та за 1955 г. Саратов, 1958. С. 85-91; *Он же.* В. И. Ленин о крестьянском лозунге равенства в антифеодальной борьбе // Историографический сборник. Саратов, 1962. С. 52-63; *Он же.* Проблема происхождения средневековых городов и критика континуитивизма. Выступление на научной сессии по проблеме генезиса феодализма (Москва, АН СССР, 30 мая – 3 июня 1966 г.) // Средние века. М., 1968. Вып. 31. С. 94-98; *Он же.* Разложение феодализма и проблема исто-

Наиболее ярко глубина и творческая свобода исторического мышления С. М. Стама проявилась, на наш взгляд, в созданной им концепции истории средневекового города. Впервые в мировой науке¹⁰ городская история Средневековья была рассмотрена с позиций материалистической диалектики, и перед внимательным читателем раскрылась увлекательная, полная внутреннего драматизма картина рождения, становления и развития средневекового города в ее многомерной противоречивости, с неослабевающей борьбой классов, сословий, внутрисословных групп, наконец, отдельных людей, за насущные жизненные интересы, ход которой определял вектор движения истории. Изложенная в концентрированном виде в статье с исключительно точным, динамичным названием «Движущие противоречия истории средневекового города»¹¹, а затем наполнившая историческим смыслом свидетельства средневековых грамот и хроник о ранней истории южнофранцузского города Тулузы на страницах монографии¹², концепция С. М. Стама открыла перспективы развития нового направления в отечественной медиевистике.

Развитие средневекового города, движущие силы его удивительного динамизма и корни пронизывающей все сферы его жизни противоречивости, остававшиеся неразрешимой научной загадкой,

ков абсолютизма. Выступление на научной сессии 11-13 мая 1966 г. // Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. М., 1969. С. 150-157.

Необходимо при этом отметить, что О. Л. Вайнштейн (в целом весьма критически относившийся к научному творчеству С. М. Стама) в работе «История советской медиевистики» счел необходимым отметить его участие в имевших важное значение для развития отечественной исторической науки дискуссиях о сущности германской Реформации, феодальном способе производства, проблеме разложения феодализма и генезиса капитализма в странах Западной Европы и кратко изложить суть высказывавшихся им мыслей (см. *Вайнштейн О.Л.* История советской медиевистики. 1917-1966. Л., 1968. С. 147-148, 306-312, 323-326, 356-361).

¹⁰ Считаю необходимым подчеркнуть, что внешне марксистское освещение истории средневекового города в обобщающей работе В. В. Стоклицкой-Терешкович «Основные проблемы истории средневекового города» (М., 1960) и более поздних трудах сторонников обосновывавшегося на языке марксистской терминологии мнения о единственности средневекового города и феодализма по сути дела было непосредственным продолжением либерально-позитивистской урбанистики второй половины XIX – начала XX в. и в методологическом плане не содержало в себе ничего нового.

¹¹ Вопросы истории. 1965. № 7. С. 93-105.

¹² Стам С. М. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI–XIII веков). Саратов, 1969.

нашли, наконец, убедительное объяснение в свете выявленной С. М. Стамом самобытной, нефеодальной природы средневекового города как носителя качественно нового для западноевропейского Средневековья общественно-экономического уклада — простого товарного производства. Являясь островками свободного труда в безграничном море продолжавшего господствовать феодализма, они, по мысли С. М. Стама, с каждым новым десятилетием своего существования и развития оказывали все более мощное преобразующее воздействие на средневековое общество, но вместе с тем были вынуждены приспосабливаться к объективным условиям выживания в инородной социально-экономической и политико-правовой среде, обволакивая принципиально новое содержание хозяйственной и духовной жизни феодальной по форме и происхождению политико-правовой оболочкой городских привилегий, корпоративной замкнутости, сословной обособленности и т. д. Фундаментальные идеи урбанистической концепции С. М. Стама открыли новые горизонты изучения самых разных аспектов городской истории западного Средневековья на материале различных стран и регионов.

Следует отметить, что концепция С. М. Стама была более чем сдержанно встречена в столичных научных центрах. В воспоминаниях С. М. Стама содержится яркий и очень поучительный рассказ об истории его борьбы за публикацию статьи «Движущие противоречия развития средневекового города», во время которой противники выхода этой работы в свет проявили немало изобретательности, мобилизовав весь арсенал методов околонучной закулисной интриги¹³. Но и после опубликования этой статьи и монографии о раннем развитии средневековой Тулузы, которая в 1970 г. была защищена в качестве докторской диссертации в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина (во многом благодаря принципиальной научной позиции ведущего медиевиста этого вуза В. Ф. Семенова), концепция С. М. Стама игнорировалась при написании учебников, обобщающих и специальных урбанистических работ столичных исследователей, а время от времени подвергалась косвенной критике¹⁴.

¹³ См. *Стам С. М.* Моя жизнь, друзья и наука (машинопись). С. 186-192.

¹⁴ В качестве примера приведу завершающие строки в целом положительной рецензии академика С. Д. Сказкина на монографию С. М. Стама: «Наконец, отметим определенную эволюцию концепции самого С. М. Стама. Четырьмя годами раньше он утверждал, что «в равной мере ненаучны попыт-

Характерно, что никто из противников концепции С. М. Стама ни разу не рискнул вступить в прямую, конкретную, содержательную полемику по существу спорных вопросов, что наталкивает на мысль, что неприятие результатов его исследовательского поиска определялось не принципиальными научными позициями, а соображениями конъюнктурного порядка, задачами политической «перестраховки». Осмелюсь лишь предположить, что в коридорах столичной научной власти концепция С. М. Стама с ее идеями о многоукладности как факторе ускорения прогрессивного экономического развития общества, с ее выводами о великой преобразующей силе свободного труда, с раскрытием всего драматизма становления городов Средневековья, связанного с борьбой простого труженика за право на достойную жизнь¹⁵ могла восприниматься как «крамольная», поскольку в ее свете склонный к сравнительно-историческим наблюдениям читатель лишней раз убеждался в порочности проводимой «марксистским» руководством нашей страны в те годы экономической политики.

Тем не менее непроходимых препятствий на пути дальнейшей разработки С. М. Стамом его историко-урбанистической концеп-

ки представить средневековый город как в качестве явления, абсолютно противоположного феодализму, так и в качестве явления вполне феодального», что средневековый город «не является сферой собственно феодальных отношений» (далее следует ссылка на статью «Движущие противоречия развития средневекового города» (С. 105). — А. Г.). В рецензируемой книге мы столь категоричных утверждений не обнаружим. И хотя автор не ставит в ней данный вопрос в его общей форме, ознакомление с исследованными им материалами автоматически приводит читателя к мысли, что, когда С. М. Стам окунул свою прежнюю концепцию в раствор конкретных фактов — реальная историческая действительность заговорила сама за себя. А действительность эта гласит: всё зависит от того, о городе какой эпохи идёт речь; феодальный город невозможно вырвать из феодальной общественно-экономической формации» (*Сказкин С. Д.* Рец. на кн.: Стам С. М. Экономическое и социальное развитие раннего города. Саратов, 1969 // Вопросы истории. 1970. № 5. С. 178). Приведенные слова уважаемого академика представляются совершенно бездоказательными и выдают желаемое за действительное.

¹⁵ Последняя черта урбанистической концепции С. М. Стама была отмечена лишь в одном из откликов на его работы, и потому заслуживает, на наш взгляд, быть отмеченной особо. Я. Д. Серовайский в своей рецензии на монографию С. М. Стама отмечал: «Отделение города от деревни рисуется как процесс не постепенный и плавный, но бурный и даже мучительный для массы трудового люда» (*Серовайский Я. Д.* Рец. на кн.: Стам С. М. Экономическое и социальное развитие раннего города. Саратов, 1969 // Средние века. М., 1973. Вып. 36. С. 216).

ции воздвигнуто не было, и он упорно продолжал работать над углублением и более убедительным обоснованием своих основополагающих выводов и наблюдений, используя все предоставлявшиеся возможности для того, чтобы довести суть своих идей до научного сообщества «от первого лица», без искажений и упрощений. Большую роль сыграли в этой борьбе доклады С. М. Стама на Международном конгрессе историков в Москве (1969) и Международном конгрессе по экономической истории в Ленинграде (1970), благодаря которым с концепцией С. М. Стама получили возможность более основательно познакомиться представители зарубежной медиэвистики¹⁶. Берлинская Академия наук обратилась к нему с предложением подготовить обобщающую статью о природе средневекового урбанизма для многотомного серийного издания «Проблемы европейского феодализма», на что С. М. Стам откликнулся большой аналитической статьей¹⁷.

С точки зрения сегодняшнего дня становится все более ясно, что неприятие и противодействие большинства отечественных урбанистов в конечном счете убедили С. М. Стама в своей научной правоте, активизировали его дальнейший творческий поиск. Здесь веское слово сказал бойцовский, неуступчивый характер заведующего кафедрой истории средних веков СГУ (важное качество лидера научной школы), который — могу судить об этом по личному опыту работы под его руководством — никогда не спешил выполнять сомнительные, по его мнению, распоряжения начальства любого уровня (прежде всего, связанные с бесконечными и бессмысленными попытками «реформирования» учебного процесса) и не был склонен присоединяться к мнению большинства, если послед-

¹⁶ С особым успехом С. М. Стам выступил на ленинградском научном форуме. Е. М. Рязанова вспоминает об этом так: «Через два года в том же Ленинграде проходил 5-й Всемирный конгресс по экономической истории. Стам выступил с докладом об экономической природе и исторической роли средневекового города. Когда он кончил, со своего места порывисто поднялся председатель, старый профессор Такахаси, крупнейший японский историк-медиевист марксистского направления. Он называл себя учеником Косминского. — Merci! Merci beaucoup! — (Спасибо, большое спасибо), — пользуясь французским языком, воскликнул он. Смущенный и счастливый Стам поспешил сойти с эстрады, даже не замечая протянутых к нему рук» (Рязанова Е. М. Три Екатерины. Саратов, 2000. Кн. 3. С. 50).

¹⁷ *Stam S. M. Die ökonomischen Grundlagen der Herausbildung und Entwicklung der mittelalterlichen Stadt in West- und Mittel-Europa // Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. Berlin, 1978. Bd. 2. S. 73-100.*

нее не было для него вполне убедительным. Положение автономной научной общины, защищавшей особую, отличную от господствующей точку зрения, пожалуй, более всего способствовало становлению саратовской школы медиевистов, «лица необщим выраженьем» которой стал новый взгляд на одну из коренных проблем истории западноевропейского Средневековья.

Важную роль сыграло при этом восстановление аспирантуры по кафедре истории средних веков в Саратовском университете в середине 1960-х годов. Руководство подготовкой кандидатских диссертаций осуществлял С. М. Стам, направивший исследовательскую мысль молодых историков на изучение тех явлений и процессов истории средневекового города, представления о которых, по его мнению, нуждались в серьезной корректировке¹⁸.

Вытекающие из урбанистической концепции С. М. Стама новые научные подходы способствовали обращению к проблематике истории города представителей старшего поколения работников кафедры, начинавших свою исследовательскую деятельность с других сюжетов медиевистики. Выпускница аспирантуры Ленинградского университета М. М. Яброва, работавшая в Саратовском университете с 1950 г. и первоначально занимавшаяся проблемой ранней колониальной экспансии Англии¹⁹, с середины 60-х годов стала активно разрабатывать вопросы генезиса раннекапиталистических отношений в английском городе XIV – начала XVI в.²⁰ Крупнейший советский исследователь истории гуситского движения А. И. Озолин²¹, пополнивший ряды кафедры истории средних

¹⁸ См. кандидатские диссертации: *Осипов В. И.* Социально-экономические отношения в Монпелье в XII–XIV веках и особенности его муниципального развития. Саратов, 1967; *Негуляева Т. М.* Эволюция поземельных отношений в средневековом городе (на материалах Страсбурга XI–XIV вв.). Саратов, 1968; *Карпачева М. Е.* Возникновение и ранний этап развития средневекового Каркассона и мелких городских центров Каркассонского района. Саратов, 1973.

¹⁹ Итоги этой работы были обобщены в монографии: *Яброва М. М.* Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Саратов, 1966.

²⁰ Историко-урбанистические исследования М. М. Ябровой завершились опубликованием монографии «Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI века)» (Саратов, 1983), защищенной в качестве докторской диссертации.

²¹ В 50-е годы А. И. Озолин опубликовал цикл гуситоведческих статей в центральных изданиях, принял участие в работе над академической двухтомной «Историей Чехословакии», а в 1962 г. опубликовал в издательстве Сара-

веков СГУ в 1955 г. при объединении исторических факультетов Саратовского пединститута (где он являлся деканом) и университета, тогда же начал работу над монографией «Бюргерская оппозиция в гуситском движении»²². Что же касается видного специалиста по истории германской Реформации В. А. Ермолаева²³, ставшего постоянным сотрудником кафедры в 1956 г., то тематика его исследований изначально была связана с урбанистикой: кандидатская диссертация В. А. Ермолаева «Немецкий город в Крестьянской войне 1525 года», подготовленная под руководством М. М. Смиринна, была защищена в МГУ еще в 1953 г.

К рубежу 60–70-х гг. успехи средневековой урбанистики как особого научного направления в Саратовском университете стали настолько очевидными, что Минвуз РСФСР принял решение об издании на базе кафедры истории средних веков СГУ тематического межвузовского научного сборника «Средневековый город»²⁴. Издание сборника еще более упрочило позиции формирующейся научной школы, а несомненный успех начатого дела был во многом связан с деятельностью С. М. Стама в качестве его ответственного редактора.

На этом посту в полной мере проявились такие черты характера С. М. Стама, как основательность и стремление к достижению самой высокой степени профессионализма на том поприще, которое выпадало на его долю. Основа этих качеств была, по-видимому, заложена уже в раннем детстве, воспитана личным примером родителей, профессии которых, столь нужные людям, исключали всякую долю неряшливости и легкомыслия. Автор этих строк имел возможность видеть, насколько основательно и ответ-

товского университета монографию «Из истории гуситского революционного движения», которая и сегодня является наиболее обстоятельным по постановке проблем и обширности источниковой базы отечественным исследованием истории гуситской эпохи.

²² К сожалению, задуманная А. И. Озолиным работа не была завершена в полном объеме, и лишь одна из её частей была опубликована в виде небольшой монографии: Озолин А. И. Бюргерская оппозиция в гуситском движении. Социально-политические требования. Саратов, 1973.

²³ Перу В. А. Ермолаева принадлежат две интереснейшие книги: Ермолаев В. А. Революционное движение в Германии перед Реформацией. Саратов, 1966; *Он же*. Гейльброннская программа. Программа немецкого радикального бюргерства в Крестьянской войне 1525 года. Саратов, 1986.

²⁴ Первый его выпуск вышел в свет уже в 1968 г., в порядке научной инициативы саратовских медиевистов.

ственно подходил С. М. Стам к формированию состава каждого из выпусков «Средневекового города», с каким пристальным вниманием он вчитывался в каждую строку предлагавшихся к публикации рукописей, работал с авторами, а зачастую – и за них, вновь и вновь выверяя логику и литературный стиль изложения, структуру аргументации, отчетливость итоговых обобщений. Немалую роль, несомненно, сыграл здесь и опыт редакторской работы, который С. М. Стам приобрел в 1948–1949 гг., будучи старшим научным редактором исторического отдела Государственного издательства иностранной литературы²⁵, хотя при научном редактировании тематического сборника ему приходилось решать принципиально иные задачи.

Столь же основательно и ответственно С. М. Стам подошел к делу организации Всесоюзного симпозиума по проблемам истории и историографии средневекового города, который состоялся в Саратове в сентябре 1977 года и еще больше упрочил статус кафедры истории средних веков СГУ как центра урбанистических исследований. Проведение научных конференций, тем более такого ранга, в российской провинции было в те времена большой редкостью и требовало огромных усилий по решению бытовых проблем (рассе-

²⁵ Вспоминая годы работы в Иноиздате, С. М. Стам отмечает: «Я же влез в свою функцию старшего редактора. В ней была своя привлекательность. Нужно было рыться в поступающей новой зарубежной литературе на трёх основных западноевропейских языках, отыскивать, что заслуживает перевода и издания на русском языке. Удалось уловить и выпустить интересную книжку Чайлда по археологии; перевести известную работу Бааша по экономической истории Нидерландов; журналистскую работу о социально-политическом развитии современного Китая; о развитии крупных капиталистических корпораций в Японии и еще ряд работ, нужных нашим историкам, да и политикам, и просто тем, кто интересуется историей и современным развитием зарубежных стран. Но сколько сил это потребовало! Чтобы выбрать подходящее, научно интересное, требовалось перерывать гору книг. Но, что пожирало уйму времени и сил, — так это постоянная сверка перевода с оригиналом. В целом переводчики были порядочные, но встречались и грубое непонимание, и недопустимая небрежность. Мы выпустили ряд интересных книг, но какого труда мне это стоило! Офисного времени совершенно не хватало. Читал дома, порою — до полуночи. А изнутри, признаться, меня грызло сознание того, что дело это, хоть и интересное, всё больше уводит меня от моей главной умственной привязанности — от медиевистики» (Стам С. М. *Моя жизнь, друзья и наука*. С. 62). С той же мерой ответственности, на самом высоком уровне профессиональной культуры научного редактора, С. М. Стам работал над сборником «Средневековый город».

ление в гостинице, организация питания, приобретение проездных документов и т. п.) иногородних участников. Это повлекло за собой обращение за помощью в Областной комитет КПСС, убеждения его тогдашних работников в значимости проводимого в Саратове симпозиума.

В том же 1977 г. С. М. Стам впервые выступил в роли зачинателя нового исследовательского направления на кафедре истории средних веков СГУ — изучения культуры итальянского Возрождения и ренессансного свободомыслия, опубликовав статью, в которой поднимались ключевые вопросы истории Ренессанса²⁶. Здесь с наибольшей отчетливостью проявила себя еще одна неповторимая черта С. М. Стама-исследователя — удивительная широта научного кругозора и умение ставить новые вопросы, видеть в исторической действительности скрытые от поверхностного взгляда грани. При изучении ренессансной проблематики С. М. Стам не выдвинул столь же новаторской общей концепции феномена Возрождения²⁷, но, быть может, даже полнее реализовал себя как исследователь конкретно-исторических проблем, впервые в нашей науке обратился к изучению идейного содержания памятников художественного²⁸ и литературного²⁹ наследия итальянского Ренессанса. Увлеченный грандиозностью свершений корифеев Возрождения, он сумел передать свою увлеченность ученикам — студентам и аспирантам, обратившимся под его руководством к изучению различных аспектов истории ренессансной культуры и ставшим к сегодняшнему дню авторитетными специалистами в этой области³⁰.

²⁶ Стам С. М. Культура Возрождения: вопросы содержания, эволюции, периодизации // Вопросы истории. 1977. № 4. С. 75-93.

²⁷ Концептуальные вопросы истории культуры Возрождения поднимаются также в статье: Стам С. М. Ведущие идеи итальянского гуманизма // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Сборник текстов. Саратов, 1985. Ч. 1. С. 4-74.

²⁸ Назовем лишь вышедшие из-под пера историка монографии: Стам С. М. Флорентийские мадонны Рафаэля (Вопросы идейного содержания). Саратов, 1982; *Он же*. Корифеи Возрождения. Искусство и идеи гуманистического свободомыслия. Саратов, 1991-1993. Кн. 1-2; 2-е изд., исправленное и дополненное. М., 2006 (в одном томе); *Он же*. Загадочный шедевр: «Джоконда» Леонардо да Винчи и культура Возрождения. Саратов, 1999.

²⁹ Стам С. М. Странная комедия. Читая Данте... Саратов, 2003.

³⁰ Из руководимого им спецсеминара вышли продолжившие изучение истории культуры Возрождения в аспирантуре МГУ доктора исторических наук И. А. Краснова и И. Я. Эльфонд, а возглавляющая сегодня кафедру истории средних веков СГУ Н. И. Девятайкина весь путь от первого студенческо-

Успех С. М. Стама как научного руководителя определялся всеми вышеназванными качествами его личности, а также еще одной чертой, которую профессор М. М. Яброва в письме к автору этих строк от 2 мая 2003 года (это был ответ на мою просьбу поделиться своими соображениями о роли С. М. Стама в судьбах медиевистики в Саратовском университете) определила следующим образом: «С. М. всегда поощрял научные изыскания истории средневекового города в различных странах и в разных хронологических рамках. Конечно, это стало возможным благодаря широкой эрудиции С. М. и удивительной щедрости: он всегда охотно делился своими соображениями, буквально разбрасывался ими». Последнее представляется мне очень важным: каждая консультация С. М. Стама и каждый научный семинар кафедры истории средних веков давали обильнейшую пищу для размышлений, новых поворотов проблематики, сравнительно-исторических наблюдений.

Нельзя в заключение не сказать и о такой черте С. М. Стама, как его редкое трудолюбие, взращенное традициями семьи и ставшее краеугольным камнем всех его успехов. Страстно разоблачавший лицемерие идеологов средневекового аскетизма в своих лекциях и научных трудах, он был подлинным подвижником науки, являвшейся его всепоглощающим увлечением. Пожалуй, наиболее ярко оно проявилось при работе над докторской диссертацией, продолжавшейся в течение долгих 19 лет и потребовавшей крайнего напряжения всех сил. В своих воспоминаниях С. М. Стам пишет о первых шагах этой работы в читальных залах ленинградской Публичной библиотеки³¹: «Наскоро перекусив в гостиничном буфете, к 10 часам утра, когда Публичная библиотека открывалась, я был уже у ее двери. В читальном зале я спешил занять один из боковых, одноместных столиков — на весь день. Обедом служил перекус в молочном кафе на другой стороне Невского. И — опять за столик с лампой и с тяжелыми фолиантами с трудной, но манящей средневековой латынью.

Я не пропускал ни одной грамоты, так или иначе бросающей свет на повседневную жизнь городов Лангедока, на права и требования горожан, на формы их хозяйственной и общественной жизни. Но вскоре я почувствовал себя сидящим на берегу моря с круж-

го доклада до защиты докторской диссертации прошла в стенах Саратовского университета под руководством С. М. Стама.

³¹ Ныне — Российская Национальная библиотека в Санкт-Петербурге.

кой в руках, пытаясь это море вычерпать. Нужно максимально самоограничиться, сосредоточиться на Тулузе; остальное — только постольку-поскольку. Конечно, мне не очень удавалось такое строгое самоограничение: порой ткнешься в грамоту, казалось бы, для моей темы постороннюю. И вдруг в ней обнаруживаешь интересные данные, хотя бы для сопоставления. А то — упустишь эту «постороннюю», а потом эта грамота оказывается очень показательной для того, что меня интересует»³².

Пройти этот труднейший путь до конца, до завершения работы было невероятно трудно. Далеко не каждому он был по силам. Но только осиливший этот путь человек мог стать зачинателем столь редкого явления, как научная школа историков средневекового западноевропейского города в одном из провинциальных университетов России.

В 1991 г. С. М. Стам сдал полномочия заведующего кафедрой истории средних веков, оставаясь ее неформальным научным лидером до последних дней своего пребывания в Саратове.

Весной 2000 года С. М. Стам переехал на постоянное место жительства в Москву, где живет и работает его дочь. В своих воспоминаниях он пишет: «В моей жизни и в моей научной деятельности это саратовское полу столетие явилось самым плодотворным периодом»³³. Саратовские медиевисты и сегодня обращаются к нему за советом, столкнувшись с трудноразрешимым вопросом средневековой истории, помнят о нем как ученом и человеке его многочисленные друзья в университете и городе.

Думаю, что завершить размышления о роли С. М. Стама как лидера научной школы будет уместно указанием на, возможно, уникальный для нашей страны факт: авторы-составители «Энциклопедии Саратовского края», определяя круг ученых-саратовцев, которые внесли наиболее весомый вклад в развитие отечественной науки, сочли необходимым включить в их число историка-медиевиста Соломона Моисеевича Стама³⁴.

³² Стам С. М. Моя жизнь, друзья и наука (машинопись). С. 199.

³³ Стам С. М. Моя жизнь, друзья и наука (машинопись). С. 266.

³⁴ Энциклопедия Саратовского края в очерках, событиях, фактах, именах. Саратов, 2002. С. 601.

ИНСТИТУТЫ ПАМЯТИ

Н. Н. ЗАСЛАВЕЦ

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МУЗЕЙНОЙ ПРАКТИКЕ

Применение информационных технологий в экспозиции музея тесно связано с общественными изменениями, которые наблюдаются современными философами, социологами и футурологами начиная с середины XX века. Музей представляет собой социокультурный институт, в котором как в зеркале можно наблюдать современные тенденции общественной жизни. Опираясь на утверждения одного из идеологов теории информационного общества Элвина Тоффлера, можно предположить, что музей будет занимать важное место в прогнозируемом обществе. Для автора волновой концепции развития общества Э. Тоффлера Первая волна (8 тыс. лет до н. э. — 1650–1750 гг.) — аграрное общество, Вторая волна (начиная с 1650–1750 гг.) — индустриальное и Третья волна — сверхиндустриальное информационное общество, главными чертами которого являются возрастание темпов перемен, увеличение количества информации и знания, появление развитой структуры телекоммуникаций как самостоятельных социальных технологий и т. д.

Поскольку смена Второй волны Третьей может носить болезненный характер, именно музей будет играть роль некоего «анклава прошлого», прошлого, которое для многих людей может казаться лучше настоящего и, тем более, неизвестного будущего.

Кроме того, по мнению Тоффлера, информационное общество будет иметь сходные черты с ушедшем временем Первой волны (слияние сфер производства и потребления, производство на заказ и др.), главное отличие заключается в смене технологической базы, так как общество Третьей волны предполагает использование, главным образом, синергетических ресурсов. Музей с экспозицией, рассказывающей о времени Первой волны, может стать источником для новых преобразований. «Как сознание, обладая памятью и воображением, оценивает опыт и ставит новые задачи, так и музей способен формировать образ прошлого и генерировать представле-

ние о будущем»¹. Кто не знает своего прошлого, не сможет разобраться в настоящем, а тем более правильно спланировать будущее. Таким образом, музей, осуществляющий связь времен, в будущем может усилить функцию института социальной адаптации личности в изменяющихся условиях. Разнообразие Третьей волны приносит с собой огромную сложность, требуется все больше данных, информации и нововведений. Самым ценным сырьем Третьей волны станет знание. Тоффлер утверждает: «...если технологию рассматривать как великий двигатель, мощный ускоритель, то знание следует рассматривать как его топливо»².

На наш взгляд, познавательные возможности музея особенно актуальны в формирующемся обществе, где особую роль играет знание. Источником информации в музее является музейный предмет. Музей становится источником знаний о прошлом. «Ведь как информация — условие жизни человека в новой цивилизации, так и культура — основа развития и качества информации.»³ Интенсивные работы по повышению уровня достоверности исторических экспозиций помогут углубить содержание экспозиций, а новые информационные технологии позволяют сделать более доступной историческую информацию для музейной аудитории. Информационно-коммуникационные технологии расширяют познавательные возможности музея.

Другая тенденция связана с усилением активности процесса развития «индустрии ощущений», вследствие которой музейная экспозиция должна в первую очередь воздействовать на эмоции посетителя, тем самым, реализуя функцию досуга. Потребность в постоянной смене ощущений и впечатлений заставляет музей применять зрелищные формы воздействия на посетителя.

Мы полагаем, что противопоставлять две вышеперечисленные тенденции как научную и ненаучную неправильно. Они должны рассматриваться в комплексе. Музейная коммуникация — это двусторонний процесс, диалог. Посетитель — не пассивный объект просвещения и воспитания, он равноправный участник диалога, интересы которого должны учитываться. Если в обществе назрева-

¹ *Никишин Н.А.* Коммуникационный потенциал музея в современном мире // Музейная коммуникация: Материалы научно-практической конференции, состоявшейся в г. Самаре 24–28 сентября 2001 г. / ГЦМСИР. М., 2002. С. 46.

² *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2004. С. 423-424. (Philosophy).

³ *Арнольдов А.И.* Цивилизация грядущего столетия: Культурологические размышления. М., 1997. С. 6.

ет потребность в создании новых знаний и ощущений, значит, музей должен идти навстречу обществу. Но специфика музея заключается в наличии музейного предмета, точнее говоря — музейного объекта, поскольку предметность как таковая может отсутствовать (например, в случае музеефикации традиции, которая является историческим источником). Музей — центр аккумуляции информации, заключенной в музейных предметах. Если главным ресурсом Третьей волны является знание, то музей должен бороться за качество информации. Для решения этой задачи у музея есть потенциальные возможности, исходя из его специфики.

Одним из средств реализации вышеперечисленных направлений развития музейной жизни, на наш взгляд, является использование современных информационных технологий, в частности, в музейной экспозиции. Центром содержания, транслируемого с помощью применения современных информационных технологий, является культурное наследие, таким образом, подобная область практики способствует реализации социальных функций культурного наследия. Музей — один из общественных институтов, в котором отражено аксиологическое отношение человека к вещи, свойственное каждой эпохе.

Информационные технологии, применяемые в музейном проектировании, представлены различными аппаратными решениями: плазменная панель, сенсорный киоск, проекционный экран с проектором, DVD-плеер, аудиогид, специально изготовленные и встроенные в экспозицию модули, и даже стандартное компьютерное рабочее место и т. д. С технологической точки зрения демонстрируемое содержание информационных систем представлено мультимедийными программами, художественными фильмами и кадрами кинохроник, локальными базами данных и синхронизированными с единой музейной базой данных, комплексными решениями, объединяющими вышеперечисленные элементы.

Вне зависимости от теоретического подхода, современные информационные технологии обладают функцией дополнения, усиления и расширения содержания экспозиции, играя роль либо элемента архитектурно-художественного решения, либо особого вида научно-вспомогательного материала, либо нового экспозиционного приема, позволяющего показать музейные объекты в виртуальной форме, либо дополнительного канала коммуникации, либо средства, помогающего понять «язык музея», либо инструмента повышения количества и качества информации в пространстве экспозиции.

Частично наследуя функции аудиовизуальных средств, применяемых в экспозициях музеев СССР 1960–80-х гг., современные информационные технологии выполняют следующие задачи:

- Ознакомление посетителя с общей информацией о музее (график работы, правила поведения в музее, темы и виды экскурсий, основная тема экспозиции, схема и тематика залов, коллекции, афиша выставок, концертов, вечеров, лекций и иных мероприятий и т. д., график работы библиотеки), т. е. предоставление посетителю вводной информации перед непосредственным осмотром экспозиции;
- Предоставление общей информации по теме экспозиции, раскрывающей ее основной замысел, концепцию, цель, ключевые экспонаты;
- Информирование посетителей о внутренней работе музея: какие есть фонды (интересные предметы, не представленные в экспозиции), чем занимаются отделы, услуги музея (не считая экспозиции и культурных мероприятий);
- Информационная система как коллекция информационных продуктов, разработанных когда-либо музеем;
- Разъяснение, объяснение материала по теме экспозиции, которые трудно осветить традиционными средствами;
- Показ предмета в нетрадиционном ракурсе (например, листание альбома), в различных режимах съемки и т. д.;
- Реконструкция утраченного или частично утраченного движимого или недвижимого объекта, а также события, явления или процесса;
- Дополнения экспозиции материалами, которые по тем или иным причинам не вошла в традиционную экспозицию;
- Возможность сэкономить музейное пространство путем демонстрации, как правило, иллюстративного материала с помощью информационных технологий;
- Функция полноправного музейного экспоната (например, демонстрация кинохроники, звукозаписи выступлений исторических лиц и т. д.);
- Функция усиления эмоциональной составляющей экспозиционного замысла;
- Музейная информационная система как элемент архитектурно-художественного решения экспозиции.

Компьютерное обеспечение социологических исследований

- музейных посетителей музейных посетителей, изучение уровня успешности музейной коммуникации;
- Функция развлечения и снятия утомляемости у посетителя с помощью познавательных, учебных игр, тестов и т. д., которые используются в целях закрепления материала;
- Функция исследовательского инструмента для реализации познавательных запросов музейной аудитории, с целью серьезного изуче-

ния освещаемой в экспозиции проблемы, систематизации полученных и расширения полученных знаний;

- Предоставление возможности посетителю выбора канала получения и уровня ознакомления с информацией в силу различия посетителя по способу получения информации, по степени изучения конкретной темы, по физическим возможностям, по принадлежности к определенной языковой группе.

На практике большинство информационных средств для музейной аудитории в околоэкспозиционном или экспозиционном пространстве могут сочетать в себе несколько из перечисленных функций. Одной из главных черт современных мультимедийных технологий от аудиовизуальных средств 1960–80-х гг. является наличие интерактивности. Способ показа информации на экране компьютера предоставляет посетителю возможность выбора информации путем создания интерактивных систем. Элвин Тоффлер указывает на интерактивность как на одну из определяющих черт будущего. В отличие от общества Второй волны, общество Третьей волны будет строится на сегментации и дифференциации. Постоянное образование, потребность творческого начала в работе, анализ получаемых сообщений приводит к тому, что мир становится все более социально разнороден. Все это подтверждает тот факт, что возможность выбора информации по интересу необходима в музее. Компьютер создает возможность многоуровневого построения информации в музейной экспозиции. Например, желающие узнать подробную информацию о предмете могут взглянуть на экран монитора, и благодаря иерархической структуре информации, интерактивным путем найти предмет интереса. По степени взаимодействия с пользователем информационные системы могут быть:

- линейными (режим работы non-stop, демонстрация с временной периодичностью);
- интерактивными (интерактивность может достигаться разными техническими приемами);
- частично интерактивными. Это относится к сложным системам, в которые включены отдельные презентационные файлы (презентации, видео-, аудиофрагменты), демонстрируемые в автоматическом режиме.

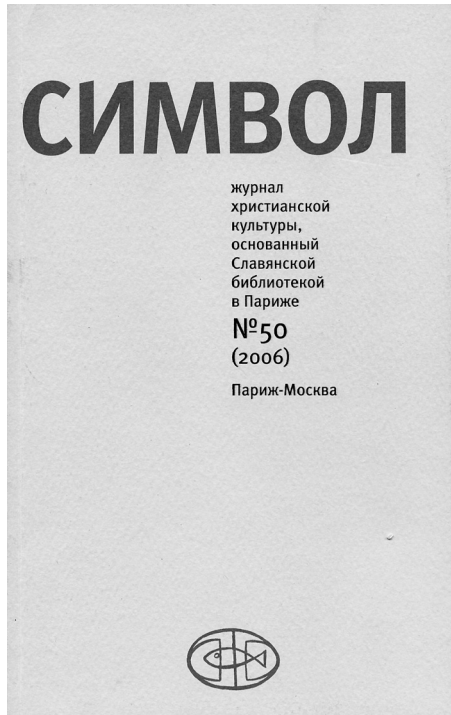
Подводя итог, отметим, что процесс внедрения информационных технологий в экспозиционной практике развивается, усложняется с функциональной точки зрения, отвечая познавательным запросам посетителей, что подтверждает гипотезу развития музея как одного из важных институтов будущего информационного общества.

ЧИТАЯ КНИГИ

СИМВОЛ

ЖУРНАЛ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ПРИ СЛАВЯНСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ В ПАРИЖЕ

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ*

Отечественной интеллигенции хорошо известен журнал *Символ*, ставший ярким примером установления диалога между православной и католической традициями в советское время. Действительно, для русскоязычных читателей той эпохи журнал был символом — знаком, олицетворяющим культуру.

Сам журнал — парижский. Он начал издаваться иезуитами в Медоне (пригород Парижа), где существовало братство святого Георгия, функционировавшее как центр по изучению русского языка. Там же в Медоне, после множества трудностей, обрела постоянное место Славянская библиотека¹, основ-

* Работа выполнена при поддержке фонда Дома наук о человеке (Париж) — Fondation Maison des sciences de l'homme (FMSH), Paris.

¹ О Славянской библиотеке см. Л. Ш[ур], «Из истории Славянской библиотеки», *Символ*, № XIV, с. 247-253. В настоящее время в Славянской библиотеке иезуитов с обширным архивом хранится около 50 тысяч книг, большей частью посвященных России, богатейшее собрание периодических изданий XIX в., а также еще не опубликованные архивы (в частности, с доку-

ную часть фондов которой составили личные книги и документы князя Ивана Сергеевича Гагарина (1814–1882)², ставшего иезуитом (1843) и страстно желавшего примирения Русской церкви со Святейшим престолом³.

Иезуиты вместе с Александром Менем (1935–1990) и о. Михаилом Аксёновым-Меерсоном (р. 1944, ныне настоятель храма Христа Спасителя в Нью-Йорке) решили создать журнал, обращенный к российским христианам, который отвечал бы духовным запросам людей, просивших придать бóльший резонанс их исследованиям и духовным поискам — с ними у членов малого редакционного коллектива, группировавшегося вокруг Славянской библиотеки, проходили «подпольные»⁴ встречи, существовала и личная переписка⁵ (№ XXX, с. 3-4). В Советском Союзе духовная литература появлялась исключительно благодаря самиздату, каких-либо публикаций, удовлетворяющих интерес читателей к богословской мысли западного христианства и практической жизни христианских общин, не существовало.

ментами кн. И. С. Гагарина и письмами его корреспондентов: И. С. Аксакова, А. Н. Бахметьевой, А. И. Герцена, Ю. Ф. Самарина, П. В. Долгорукова, Н. И. Тургенева, А. Гакстхаузена, В. С. Печерина, С. П. Шевырева и других видных деятелей русской и западной культуры). См. Г. И. Любина, «Русская научная эмиграция XIX века в Париже: общий взгляд и уроки», *Вопросы истории естествознания и техники* № 2 (2002).

² См.: Иван Гагарин, *Дневник. Записки о моей жизни. Переписка*, сост., вступ. статья, пер. с фр. и коммент. Р. Темпеста (М.: Языки рус. культуры, 1996), с. 7-48; Л. Ш[ур]., «К биографии И. С. Гагарина», *Символ*, № XII, с. 200-203. Тридцать второй выпуск *Символа* полностью посвящен этому представителю русской и западной культуры, неизменно порождающий в России одновременно и резко критическое отношение, и глубокий интерес к его жизни и творчеству (XXXII, с. 3)

³ Этому вопросу посвящена работа И. Гагарина, озаглавленная *О примирении Русской Церкви с Римскою* (Париж, 1856 г.). См. также Л. Ш[ур], «О книге И. С. Гагарина “О примирении Русской Церкви с Римскою”», *Символ*, № VIII, с. 197-202.

⁴ Нет нужды напоминать читателю о тех трудностях, которые выпали на долю христианских общин СССР, тех унижениях, преследованиях, арестах, помещениях в психиатрические лечебницы, что обрушились на миллионы людей России, Украины, Белоруссии и Литвы (XXX, с. 5).

⁵ Конечно, контакты между христианами Франции и России были налажены. Сами иезуиты приезжали в Россию; многие через них покидали Россию навсегда.

Журнал *Символ* был создан в 1979 г. и выходил два раза в год. Его редакционную коллегию составили⁶: кардинал Анри де Любак (Общество Иисуса), о. Ив Конгар (Доминиканский орден), С. С. Аверинцев, В. В. Иванов, А. Валицкий (Нотр-Дам, США), Н. Рязановский (Беркли, США), А. М. Мосин (гл. редактор, Париж), М. Арранц (Рим), Р. Маришаль (директор Славянской библиотеки, Париж), А. Стерпен (отв. секретарь, Париж), Ф. Руло (Париж), Р. Темпест (редактор отдела архивных и литературных публикаций, Урбана, США). Самой редакцией вновь созданный журнал мыслился, с одной стороны, «...перекрестком; где две христианские традиции, две культуры, черпающие из одного источника, но долгие столетия шедшие параллельными путями, могли бы встречаться для того, чтобы постепенно осознать сущность своей взаимодополнительности» (№ I, с. 39), с другой стороны, — «как некое пространство для диалога между представителями католической и православной традиций... но с учетом культурного измерения обеих сторон... вносящего различие в образы христианского бытия “по-западному” и “по-восточному” — элемента, ставшего скорее проявлением многообразного богатства общего христианского наследия, нежели фактором разрыва и разделения» (№ XXX, с. 4). Такому замыслу отвечали и рубрики журнала («Богословие», «Вера и наука», «Западная духовность», «Иезуиты», «Подвижничество», «Русская мысль», «Русские католики», «Святоотеческие писания», «Церковь», «Экуменизм», «Эсхатология» и др.), которые отражали мировоззрение ориентированных на диалог представителей обеих культурных традиций. Немалое место отводилось публикации архивных материалов⁷ и, в частности, изданию эпистолярного насле-

⁶ См.: *Символ*, № XXV, с. 2.

⁷ Мы укажем лишь на некоторые публикации: М. Гершензон, «Нагорная проповедь» (публ. В. Проскуриной), *Символ*, № XXVIII, с. 267-277; Р. Темпест, «Два письма М. Жихарева», *Символ*, № XXX, с. 340-341; «Маркиз де Кюстин и его книга “La Russie en 1839” в неизданной переписке русских современников (А. И. Тургенев, Н. И. Тургенев, П. А. Вяземский)» (публ., вступит. ст., примеч. В. А. Мильчиной и А. Л. Осповата), *Символ*, № XXIV, с. 255-281; «Неизданные письма И. С. Гагарина А. И. Тургеневу» (публ., вступит. ст., примеч. В. А. Мильчиной и А. Л. Осповата), *Символ*, № XXII, с. 217-236. Полный перечень опубликованных работ (I–XXX) см.: «Тематический указатель», *Символ* № XXX, с. 345-356; «Содержание *Символа* (I–XL)», сайт *Socie-*

дия, источников и документов, содержащихся в фондах Славянской библиотеки⁸, а также материалам “Ad memotiam”⁹ и “Ad majorem Dei gloriam”¹⁰. Собирая фонды, необходимые для издания *Символа*, члены редакции обратились с просьбой к сотням людей во Франции, связанных с Медонским центром св. Георгия и Сла-

tas Iesu, <http://www.jesuit.ru/action/simvol1-40.htm> (сентябрь, 2007). Полный комплект журнала имеется в библиотеке Иностранной литературы (Москва).

⁸ Немалое место в журнале было отведено публикациям об издательской деятельности основателя Славянской библиотеки князя И. Гагарина, его переписке с выдающимися представителями отечественной культуры, а также его неопубликованным материалам. См.: «И. С. Гагарин — издатель Ф. И. Тютчева и хранитель его литературного наследия (публ. Л. Шур)», *Символ*, № XI, с. 197-229; «И. С. Гагарин — издатель *Философских писем* П. Я. Чаадаева (публ. Л. Шур)», *Символ*, № IX, с. 219-236; «Переписка И. С. Гагарина с Ю. Ф. Самаринным», *Символ* № I, с. 167-174, *Там же*, № II, с. 164-181, *Там же*, № III, с. 157-166, *Там же*, № VII, 182-189; «Переписка И. С. Гагарина с П. В. Долгоруким (публ. Л. Шур)», *Символ*, № XIII, 210-253; «Переписка И. С. Гагарина с И. В. Киреевским», *Символ*, № III, с. 167-174, *Там же*, № IV, с. 171-167, *Там же*, № V, 152-158; «Переписка И. С. Гагарина с Н. С. Лесковым», *Символ*, № XVII, с. 241-260; Гагарин И. С., *Дневник* (1834–1842), *Символ*, № XXXIV, с. 229-322; Л. Ш[ур], «Из истории полемики И. С. Гагарина со славянофилами», *Символ*, № VII, с. 178-181; Л. Ш[ур], «Неопубликованная статья И. С. Гагарина *Наша цель*», *Символ*, № VIII, с. 247-251 и др.

⁹ См. *выше*, примеч. 2.

¹⁰ Двадцать шестой выпуск *Символа*, посвященный «личности и делу» (XXVI, с. 3-4) св. Игнатия Лойолы (1491–1521), основателя Ордена Иисуса (1537–1541), выпущен к 500-летию со дня его рождения. В нем (в соответствии с академическими нормами) опубликованы его наставительные сочинения (*Духовные упражнения* [с. 15-121] в исправленном редакцией переводе С. Лихаревой (1933 г. Краков) (хотя не без имеющихся в раннем издании опечаток), предваряемые новой вводной статьей Э. Пуссе [с. 9-14]); *Выдержки из общего экзамена* [с. 129-133]); жизнеописание Лойолы, составленное о. Перроа (с. 135-195) и работы о нем (Ф. Руло [с. 195-205], Ф. Фарузи [с. 207-211]). Обратим внимание читателя на то, что *Духовные упражнения* и *Духовный дневник* Игнатия Лойолы в новом русском переводе были опубликованы Институтом философии, теологии и истории св. Фомы (2006 г.) в виде отдельного издания, включающего в себя *Автограф* св. Игнатия на старо-испанском языке теологии. См.: *Игнатий Лойола, Рассказ паломника о своей жизни. Автобиография св. Игнатия Лойолы, основателя Общества Иисуса* (с илл. — 47 гравюр П.-П. Рубенса). Информацию о книге см.: <http://www.jesuit.ru/action/books.htm> (сентябрь, 2007).

вянской библиотекой, с предложением подписаться на журнал вместо того или иного российского читателя, т. е., по сути, редакция попросила оплатить подписку на журнал, получать который они не будут...¹¹. Эта страница истории *Символа* свидетельствует о силе превосходящей конфессиональные перегородки христианской солидарности, в лоне которой родился журнал (№ XXX, с. 5-6).

Для российского читателя появление *Символа* было значительным событием: в журнале публиковались не только недоступные в России труды по истории церкви и монашества русских религиозных философов и медиевистов [Л. П. Карсавин¹², П. А. Флоренский¹³, Н. А. Бердяев¹⁴, Вл. С. Соловьев¹⁵ и др.], но и переводы с французского на русский язык работ выдающихся французских ученых и богословов — Анри де Любака (1886–1991)¹⁶, Жана Даниэлу (1905–1974)¹⁷ и др.; перепечатывались ставшие недоступны-

¹¹ В обмен на это по выходе в свет очередного номера *Символа* редакционный коллектив направлял таким «подписчикам» письмо, в котором давались сведения о содержании журнала и текущей ситуации верующих в СССР. Многие из тех, кто подписался на первые номера журнала, продолжали оплачивать «свою» подписку вплоть до Перестройки (№ XXX, с. 5-6).

¹² См.: Л. Карсавин, «Монашество в Средние века», *Символ*, № №XXV, с. 39-156; Он же, «О началах», (гл. 5-9), *Символ*, № XXXI, с. 177-350; Он же, «Проблема учения об ангелах (ангелология)», *Символ*, № XXXI, с. 357-365; Он же, «Святой Августин и наша эпоха», *Символ*, № XXVIII, с. 233-241. Публикация работ Л. П. Карсавина (как яркого представителя восточной традиции) великолепно демонстрирует тот диалог культур, существование которого стремилась показать редакционная коллегия журнала (XXXI, с. 3).

¹³ См.: П. Флоренский, «Философия культа (неопубликованные фрагменты)», *Символ*, № №XXVI, с. 215-226; Он же, «Записка о Православии», *Символ*, № XXI, с. 91-98; Он же, «О суеверии», *Символ*, № XX, с. 241-267; Он же, «Общечеловеческие корни идеализма», *Символ* № XI, с. 171-193; Он же, «Около Хомякова», *Символ*, № XVI, с. 141-226; Он же, «У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики) (часть вторая)», *Символ*, № XXVIII, с. 125-216; Он же, «Христианство и культура», *Символ*, № XXI, с. 69-83.

¹⁴ См.: Н. Бердяев, «Идеи и жизнь (А. С. Хомяков и свящ. П. А. Флоренский)», *Символ*, № XVI, с. 227-236.

¹⁵ См.: Вл. Соловьев, «Догматическое развитие Церкви в связи с вопросом о соединении Церквей», *Символ*, № XIV, с. 175-232.

¹⁶ См.: А. де Любак, «Тайна Церкви», *Символ*, № III, с. 43-67.

¹⁷ См.: Ж. Даниэлу, «Бог и мы», *Символ*, № XI, с. 7-155; Он же, «Истоки латинского христианства», *Символ*, № XXXI, с. 7-92; Он же, «Христос —

ми в советское время дореволюционные комментированные переводы, выполненные протоиереем П. А. Преображенским (1828–1893) — например, Иустина¹⁸ (ум. ок. 165).

Номера журнала в советское время тотчас же становились библиографической редкостью. Их искали... добывали... бережно хранили, передавали из рук в руки... но, главное, ими пользовались¹⁹. Журнал того времени представлял собой «некую живую реальность» — реальность, которая была создана самими людьми, мысль которых изменялась и развивалась (XXVII, с. 3). Так продолжалось вплоть до перестройки.

Nil permanet sub solis. Так было и с *Символом*. С появлением в постперестроечной России изобилия духовной литературы и публикациями собраний сочинений многих русских христианских мыслителей (пусть зачастую на плохой бумаге, с почти неразличимым текстом и рассыпающимися в руках), журнал отчасти «потерялся»; у редакции складывалось впечатление, что он перестает

центр истории», *Символ* № X, 9-23; Он же, «Христианское понимание истории», *Символ*, № XVI, с. 33-48; Он же, «Эсхатологические чаяния», *Символ*, № XVI, с. 49-56; Он же, «Богословие иудеохристианства», *Символ*, № IX, с. 15-32; Он же, «Израиль по замыслу Бога», *Символ*, № IX, с. 46-60. Редакция, публикуя работы Жана Даниэлу, позиционировала их автора как представителя западной традиции, труды которого оказали наибольшее влияние в Католической Церкви середины XX века и по сей день не утратили своей актуальности. В частности, исследование Ж. Даниэлу «Истоки латинского христианства» посвящено анализу основных памятников латинской раннехристианской литературы, раскрывается конвергенция характерных для той эпохи различных тенденций и подходов — конвергенция, которая порождает богатство вселенской религии, поскольку она укоренена во всех человеческих культурах (XXXI, с. 3-4).

¹⁸ См.: Иустин Мученик, «Послание к Диогнету», *Символ*, № IX, с. 137-145; Он же, «Речь к эллинам», *Символ*, № X, с. 165-169; Он же, «Увещание к эллинам», Там же, с. 174-204; Он же, «О единовластительстве».

¹⁹ Во время встреч членов редакции с лицами, ответственными за учебный процесс в церковных учебных заведениях, или через письма их учащихся и преподавателей, приходящих на адрес Славянской библиотеки, были сообщения о том, что благодаря тем или иным томам *Символа* они получили доступ к материалам, необходимым для их обучения или преподавания — для членов редколлегии журнала это являлось свидетельством о качестве проводимой работы (№ XXX, с. 5).

быть нужным читателю. Но были и радости: в России, в СНГ²⁰ журнал стал распространяться свободно, по подписке; его можно было купить в Москве; о появлении новых номеров стали сообщать средства массовой информации²¹. Кроме того, за годы существования журнала между редакцией и читателями установились достаточно прочные связи, превратившиеся из узких «тропинок» в широкие пути. Об этом говорили письма, приходившие в редакцию — иногда из тех мест, куда журнал ранее никогда не поступал — свидетельствуя тем самым, что и в глубинке России, в ее провинциальных городах и селениях он достигал людей, которые ждали его (XXVII, с. 3).

Редколлегия все же пыталась «перестраиваться», продолжая работу и в постперестроечный период. В журнале становилось все больше материалов, посвященных русской православной духовности²², исследованию сущности понятия «христианская простота»²³; появились переводные работы об идеологизированном обществе,

²⁰ С 1991 г. читателям не только России, но и СНГ на журнал можно было подписаться в московском представительстве.

²¹ Так, в литературном журнале *Новый мир* (№ 1, 1994) появилась статья, посвященная обзору содержания двух (уже «перестроечных») выпусков *Символа* (№№ XXVII и XXVIII), в заключении которой была помещена информация о возможности оформления подписки на *Символ* (см. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/1/knzarub.html (сентябрь, 2007)).

²² Например, большая часть материалов XXVII выпуска *Символа* посвящена именно этой теме. В нем опубликованы хорошо известные западной читающей публике и переведенные на множество иностранных языков *Рассказы странника* арх. Михаила (Козлова) ([с. 7-75], с приложением *Рассказов пятого, шестого и седьмого* [с. 79-135]), раскрывающие глубину русской православной духовности, и сопровождаемые статьями А. Пентковского и И. Басина. См.: А. Пентковский, «От *Искателя непрестанной молитвы* до *Откровенных рассказов странника* (К вопросу об истории текста)», *Символ*, № XXVII, с. 137-166; И. Басин, «Авторство *Откровенных рассказов странника*», *Символ*, № XXVII, с. 167-190. Также большую часть XXXV выпуска занимает переведенное на русский язык сочинение Лоренцо Скупполи *Брань духовная, или Наука о совершенной победе самого себя*, вышедшее впервые в 1787 г. в Москве, которое стало одним из главных «духовных руководств восточных иноков» (прежде всего на Афоне) (XXXV, с. 3). Оно сопровождается обстоятельной вступительной статьей А. Мосина (с. 7-12).

²³ См.: Г.-У. фон Бальтазар, «О простоте христиан», *Символ*, № XXIX, с. 7-69.

лишающем индивида права быть самим собой²⁴, а также работы культурологического и историко-философского характера²⁵. Как значительную публикацию того периода отметим появление третьей книги труда Я. Голосовкера *Имагинативный абсолют (Абсолют воображения)*, озаглавленную *Имагинативная эстетика*²⁶, опубликованную в рубрике «Общественная и религиозная мысль».

Тем не менее, появлялись все новые трудности. Регулярность выхода журнала нарушилась. Складывалось впечатление, что редакция утратила понимание того, на какого читателя ориентирован журнал и для кого он предназначен. Так, была выпущена еще одна работа Я. Голосовкера — *Логика мифа* — исследование по фольклору и мифологии Востока; появился переизданный Майстер Экхарт²⁷. Но эти выпуски уже не находили своего читателя²⁸, возможно, потому, что им он казался «явным анахронизмом»²⁹.

²⁴ См.: П. Тиллих, «Мужество быть», пер. с англ. О. Седаковой, *Символ*, № XXVIII, с. 7-119.

²⁵ Например см. работы А. Ф. Лосева, опубликованные в разных выпусках *Символа* — Лосев А., «Первозданная сущность», *Символ*, № XXVII, с. 255-281; Он же, «Миф — развернутое магическое имя», *Символ*, № XXVIII, с. 217-232; Он же, «Философия имени у Платона (доклад 1 ноября, 1922г.)», *Символ*, № XXIX, с. 135-144; Он же, «Философия символических форм у Э. Кассирера», *Символ*, № XXX, с. 311-336; Он же, «Абсолютная диалектика = Абсолютная мифология», *Символ*, № XXXVII, с. 307-318; Он же, «Бытие, его сверхлогические, логические и алогические элементы», *Символ*, № XXXII, с. 191-209.

²⁶ См.: Я. Голосовкер, «Имагинативная эстетика как опыт имагинативной гносеологии», *Символ*, № XXIX, с. 73-128. В этом же выпуске см. статью Н. Брагинской о Я. Голосовкере (с. 129-134).

²⁷ Ситуация складывалась весьма критически. Зачастую выбранные для публикации статьи зарубежных авторов попадали для перевода к не вполне компетентным людям, о чем свидетельствуют ошибки и изменение смысла исходного текста.

²⁸ Если точнее, то «залеживаться» на прилавках журнал стал начиная с XXX выпуска. В 80-е годы были случаи, когда читатели пытались обменивать первые номера журнала, в которых были опубликованы статьи Ж. Даниэлу, на только что вышедшие книги.

²⁹ См.: А. А. Кочетков, «Ненавязчивая пропаганда веры: иезуитский журнал *Символ* продолжает дело князя Гагарина», *Независимая газета* (15 июня, 2005 г.). См. также http://religion.ng.ru/politic/2005-06-15/6_propaganda.html (сентябрь, 2007).

Характерно и то, что вечер, посвященный 25-летию журнала, который редакции следовало бы отмечать в 2004 г., состоялся лишь в 2005 г.³⁰.

Редколлегия *Символа* обратилась за помощью к Институту философии, теологии и истории св. Фомы, поскольку уже не могла своими силами изменить сложившуюся ситуацию. Таким образом, пятидесятый номер журнала³¹, посвященный Игнатию Лойоле, вышел в конце 2006 г. не только в новом качестве, но и в другом редакционном составе — Н. Мухелишвили (гл. редактор), А. Ахутин, О. Вилчес-Ландин, Ж-М. Глорье, А. Коваль, Р. Марिशаль, А. Мосин, Дм. Спивак, С. Хоружий, Н. Шабуров. Обновленный *Символ* был сразу же замечен³² читателями. Новому составу редакционной коллегии удалось продолжить дело, начатое еще 150 лет назад И. С. Гагариным, возобновить диалог западного и восточного богословия³³ и сохранить прежнюю академичность. Ниже мы кратко скажем о содержании этого выпуска (который правильнее было бы назвать посвященной Игнатию книгой). Его составляют и аналитические статьи, посвященные изучению литературного

³⁰ Этот вечер, приуроченный к выходу XLVIII выпуска, прошел 9 июня 2005 года в Овальном зале Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы. О нем сообщала *Независимая газета* (15 июня, 2005 г.). См. *выше*, примеч. 29.

³¹ Этот номер «обозначил» юбилей, отмечавшийся Орденом Иезуитов в 2006 году. В 2006 г. исполнилось 450 лет со дня смерти Игнатия Лойолы (31 июля 1556 г.), основателя монашеского Ордена Иезуитов и прошло 500 лет со дня рождения товарищей Игнатия по годам парижского студенчества — Франциска Ксаверия и Пьера Фавра, единомышленников Игнатия, составивших вместе с ним «малое общество» — прообраз будущего ордена (L, с. 4).

³² См. появившуюся 1 марта 2007 г. публикацию О. Балла «Дон Кихот из Лойолы: *Символ*: журнал христианской культуры (№ 50, 2006)» в *Независимой газете*, в рубрике «Ex libris». См. также http://exlibris.ng.ru/izdat/2007-03-01/10_news.html?insidedoc (сентябрь, 2007).

³³ Ранее *Независимая газета* (15 июня, 2005 г.) писала: «...интересы издателей почему-то “перекочевали” с Запада на Восток. *Символ* стал все больше и больше писать о православии. Из журнала, освещающего жизнь Католической Церкви, он превратился в издание, в значительной степени посвященное восточному христианству, его богословию, истории и культуре. О причинах такой метаморфозы остается только догадываться...».

наследия Игнатия Лойолы³⁴, и источники, дополняющие и разъясняющие ранее переведенные на русский язык труды Игнатия, позволяющие лучше понять его духовное становление.

Выпуск открывает статья Пьера Эмоне «Друзья во Господе» (с. 7-26), анализирующая переписку (личную и предназначенную для распространения) между Лойолой, Фавром и Ксаверием (с. 18). Отмечены стилистические особенности каждого из участников переписки: официальность и нейтральность стиля самого Игнатия (с. 17); сухость и краткость адресованных Лойоле писем Ксаверия; непринужденность и эмоциональность личных писем Фавра и Ксаверия. Для русскоязычного читателя немаловажно и то, что это исследование включает в себя немалое количество фрагментов писем Лойолы, Ксаверия и Фавра. Публикация на русском языке двух писем Фавра, написанных в Кельне, в эпоху борьбы с последователями Лютера (1544 г.) и адресованных Ксаверию (с. 19-26), с одной стороны, продолжает предыдущую работу, «иллюстрируя» её, а с другой стороны, являет собой самостоятельную ценность (поскольку в научный оборот вводится новый эпистолярный источник), дополняющий историческую картину той эпохи.

Немалый интерес вызывает работа Хуго Ранера «Видение св. Игнатия в часовне Ла Сторта» (с. 27-44), направленная на изучение духовной жизни св. Игнатия. В ней реконструируется душевное состояние Игнатия перед видением (с. 32-38), показано, как это видение встраивается в историю его внутренней жизни (с. 38-39) и какое влияние оно оказало на последующие годы Игнатия, его мистическую жизнь.

Статья Жилия Кюссона «Духовные упражнения» (с. 45-68) ориентирована на надлежащее представление читателю этого текста Игнатия Лойолы, его правильное прочтение и правильную интерпретацию (с. 58-62)³⁵. В ней говорится об истории появления *Упражнений* (с. 50-51 и 56-58), их композиции (с. 55-56), указываются

³⁴ Все помещенные в настоящем выпуске исследования, прежде всего, связаны с наиболее известным и востребованным сочинением Лойолы, *Духовными упражнениями*, в котором он записал свои открытия и выразил собственные взгляды в области духовной жизни.

³⁵ Напомним, что ранее (2006 г.) Институтом св. Фомы была выпущена книга *Св. Игнатий Лойола, Духовные упражнения. Духовный дневник*. О ней см. <http://www.jesuit.ru/action/books.htm> (сентябрь, 2007).

источники Лойолы (с. 51-55), конспективно излагается содержание и структура этого сочинения, выявляются текстуальные (весьма различные) элементы *Упражнений* (с.45-48). Филологическое исследование Ролана Барта «Лойола» (с. 227-263) также посвящено анализу *Духовных упражнений*. Барт демонстрирует многоплановость этого сочинения (229-230), выявляет стиль Лойолы (227-228). Следующие две работы, принадлежащие Луи Бернарту, отражают возможности психоаналитического прочтения текстов Лойолы, как его *Упражнений* (с. 293-305), так и его *Дневника* (с. 307-322); еще одна, также написанная Л. Бернартом (с. 264-292), посвящена изучению и анализу духовного опыта Игнатия, из которого родились его *Духовные упражнения*.

Весьма интересной представляется работа Вальтера Байера, озаглавленная «*Vita Christi* Лудольфа Саксонского» (с. 69-90). Как пишет сам автор, это первое сопоставительное исследование выполненных на испанский язык переводов *Духовных упражнений* и *Vita Christi* (с. 75). Автор не только подчеркивает значимость для Игнатия сочинения немецкого картезианца Лудольфа — и для его духовного становления (с. 69-70), и при создании *Упражнений*, — но и показывает тематические сходства обеих работ, приходит к выводу о зависимости Лойолы от Лудольфа. В этой работе выявлены и другие источники *Духовных упражнений* Лойолы, оказавшие существенное влияние на его дальнейшее мировоззрение (с. 72-73)³⁶. Немалый интерес вызывает и приводимая автором статьи историографическая полемика исследователей, образовавшаяся вокруг источников Лойолы, с объяснением полученных ими заключений или критикой их выводов (с. 73-75, 75-77, 83-86). Помимо этого, автор исследования пишет о дружеских отношениях Игнатия с картезианцами, подчеркивая их взаимовлияние (с. 71-72).

Отдельный тематический блок выпуска представляют две публикации: комментированный перевод анонимного *Краткого компендия “Духовных упражнений”* (с. 127-226) и фундаментальная статья Эме Солиньяка под названием «*Краткий компендий Сборника упражнений* Гарсии Хименеса де Сиснероса как один из источников *Духовных упражнений* Игнатия Лойолы» (с. 91-125), которая в методическом и проблемном отношениях примыкает к

³⁶ Конкретно: *Flos Sanctorum, О подражании Христу, Exercitatorium* Сиснероса.

упомянутой выше работе В. Бальтера. Э. Солиньяк сосредоточивается на изучении источников Лойолы, с применением методов просопографии. Он выдвигает рабочую гипотезу о возможности знакомства Игнатия с неким вариантом *Краткого компендия*. Автор исследования, замечая, что *Краткий компендий* вполне мог служить источником Игнатию, реконструирует историческую картину событий 1522 года, связанных с пребыванием Игнатия в Монтсеррате и Манресе, чтением им *Краткого компендия* и написанием своих *Духовных упражнений* (с. 123-125).

В целом, все исследования, опубликованные в первом номере обновленного *Символа*, отражают новые подходы, основанные на самых разных методах ведения научного исследования, и в частности, методах психоанализа и структурализма³⁷. В будущем редколлегия обещает читателям и другие тематические выпуски. Планируется, что пятьдесят первый выпуск будет посвящен рейнской мистике — его ядро составят не только не публиковавшиеся ранее работы Генриха Сузо, но и новый, научный перевод Майстера Экхарта. Ключевой темой пятьдесят второго выпуска будет исихазм. Пятьдесят третий том будет содержать в себе неизданные работы Вяч. Вс. Иванова.

Как представляется, члены новой редколлегии, продолжая традиционный диалог восточного и западного богословия, делают *Символ* в большей степени научным и академичным, чем прежде. Тематически журнал будет охватывать не только область богословия (ранее основной темы), но и проблемы психологии, философии, интеллектуальной истории. Журнал становится междисциплинарным в самом лучшем понимании этого слова. Философами, историками и религиоведами такие подходы вряд ли останутся незамеченными и недооцененными, и вполне очевидно, что всякий специалист, преподаватель, студент и просто образованный читатель непременно найдет для себя что-то нужное, как для профессиональной деятельности, так и просто — для души.

М. С. Петрова

³⁷ Заметим, что 50-й выпуск великолепно иллюстрирован. Наиболее значительными представляются автограф *Духовных упражнений* (с. 46), титульный лист (с. 126) и страница (с. 135) *Краткого компендия* “*Духовных упражнений*”, а также страница рукописи *Духовного дневника* Лойолы (с. 306).

Curiosity and Wonder from the Renaissance to the Enlightenment / Ed. By R.J.W. Evans, A. Marr. 2006;

Kenny N. The Uses of Curiosity in Early Modern France and Germany. Oxford, 2004.

В 1677 г. в «Естественной истории Оксфордшира» ученый антиквар Роберт Плот, говоря о двух удивительных ложных солнцах, появившихся на небе, с неудовольствием замечал, что в толпе зевак не нашлось ни одного любопытного человека, который бы зафиксировал диаметр этих кругов. В 1697 г. в сказке Шарля Перро жена Синей Бороды едва не поплатилась жизнью за излишнее любопытство, заглянув в запретную комнату. Можно ли сказать, что в этих текстах речь шла об одном и том же чувстве, или под любопытством понимались разные вещи?

В европейских текстах в XVI–XVIII вв. слова, группирующиеся вокруг латинского *curiositas*, встречаются в разных дискурсах. «Любопытство» обсуждается в научных трактатах и диссертациях, проповедях, романах и пьесах, записках путешественников, — как страсть, поощряемое или порицаемое чувство, основа познания, как набор практик, связанных с собиранием коллекций, изысканиями антикваров, исследованием природы или прошлого, — и во многих других контекстах. Интенсивность обращения к широкому смысловому полю, выстраиваемому вокруг этой группы слов, в свою очередь, стимулировала любопытство историков, проблематизировавших его значение и использование в раннее Новое время.

В 1980–2000-е гг. «любопытство» оказалось одним из привилегированных объектов внимания историков, которые занимаются интеллектуальной и культурной историей. Оно не только рассматривается как «важный» объект изучения или даже «уникальный» феномен раннего Нового времени, но становится своеобразной дверью, в которую входят историки, желая приобрести более точное, детальное и методологически выверенное знание о прошлом. Как современные исследователи конструируют любопытство? Какую роль оно играет для их рассуждений? Что с его помощью они хотели бы объяснить?

Любопытство как тема отвечает критерию сравнительной новизны, позволяет находиться в востребованном поле социокультурной/интеллектуальной истории. В работах, посвященных этой проблематике, часто говорится о том, что книги ученых-*curiosi* сами становились объектом любопытства. Нынешние исследования пишутся и издаются так, чтобы тоже следовать этой традиции: их объект — коллекции и кабинеты редкостей, трактаты антикваров и

мистиков-окультистов, описания Нового Света и пр. — дает возможность поддержать интерес широкого круга читателей. В то же время, семантическая многозначность понятия «любопытство», незафиксированность его границ предлагает каждому автору переформулировать этот предмет по-своему и вложить в эту форму свое содержание.

У исследований «любопытства» есть своя история, и современная историография этого культурного феномена весьма обширна. К ней относится изучение классических «мест любопытства» — коллекций, кабинетов, ранних музеев в рамках истории искусств, исследование истории науки и познания, литературы раннего Нового времени, истории книг и книжной иллюстрации, и многое другое.

В рассматриваемых нами сочинениях авторы (Neil Kenny и Alexander Marr) предлагают свое видение истории изучения «любопытства». Они отталкиваются от работ немецкого философа Х. Блюменберга (Hans Blumenberg). В его трудах (особенно: *Der Prozess der theoretischen neugierde*, 1966) любопытство рассматривалось в рамках «истории концептов» как неизменное во времени понятие. Блюменберг писал о постепенном освобождении познающего любопытствующего разума от ограничений, накладываемых институтами (в частности, церковью) вплоть до Научной Революции и Просвещения, когда стало возможным систематическое изучение природы. Для авторов, ссылающихся на него, этот опыт важен, поскольку позволяет не только указать на значимость этой темы для изучения прошлого, но и дистанцироваться от методологии построения прогрессистской объяснительной модели. Концепция Блюменберга критикуется за искусственное выделение любопытства как вневременной сущности и «концепта» (каковым его не осознавали представители разных социальных групп и носители иногда противоположных интересов).

Говоря об исследовании конкретных историко-культурных форм воплощения любопытства, авторы отмечают важность работы К. Помиана (Krzysztof Pomian, *Collectionneurs, amateurs et curieux: Paris, Venise, XVIe – XVIIIe siècle*, 1987). Помиан ввел в научный оборот понятие «культуры любопытства», объединившее множественные значения и практики, распространенные в европейской культуре раннего Нового времени. Любопытство в его

представлении — когнитивное поведение, разное в изменчивых специфических контекстах. Полемизируя с Блюменбергом, Помиан предлагал изучать не «идеи» как застывшие целостности, а социокультурное «поведение». В его работах центральной практикой «века любопытства» представало составление коллекций, общее для антикваров, путешественников, исследователей естественной истории, алхимиков. Значимой идеей для авторов рассматриваемых нами книг является тезис Помиана о различии запретного любопытства в культуре христианского Средневековья и страсти к полезному познанию в раннее Новое время.

Другая традиция, на которую ссылаются авторы, связана с изучением ключевых слов из тезауруса той эпохи, связанных с «любопытством»: «удивления», «страха», «редкого», «странного», «интересного». Наиболее устойчива связь «любопытства» и «чуда» (*wonder*). Для участников сборника «*Curiosity and Wonder from the Renaissance to the Enlightenment*» вехой в историографии этих понятий являются книги С. Гринблатта, Л. Дэстон и К. Парк. Так, в монографии одного из идеологов нового историзма С. Гринблатта (Stephen Greenblatt, *Marvelous Possessions: The Wonder of the New World*, 1991) формулировались программные вопросы о том, как можно исследовать отношение к «чуду» в той или иной культуре: что значило испытывать или переживать чудо? С какими чувствами сопоставимо такое переживание?

Большую роль в разработке этой проблематики сыграла фундаментальная книга Л. Дэстон и К. Парк (Lorraine Daston and Katherine Park, *Wonders and the Order of Nature, 1150–1750*, 1999), в которой чудо интерпретировалось как устойчивый элемент культуры элиты, маркировавший и отличавший ее от культуры народной. В этой книге изучались подвижные границы возможного, описывалась «история чувствительности», увиденной во множестве несопадающих форм в контекстах придворной культуры, философских споров, трудов научных обществ, медицинских изысканий, развития торговли и т. д. Представленная в ней диверсифицированная картина выстраивалась не столько вокруг коллекций и их собирания, но вокруг разных ведущих привилегированных и маргинальных «мест» элитарной культуры. Интерес к чуду и любопытство, долгое время разнонаправленные страсти, по мысли Л. Дэстон и К. Парк сошлись в XVI–XVII вв., положив начало новым видам знания и опыта. В качестве значимых современных исследований в

книгах упоминаются работы А. Графттона, Б. Бенедикт, М. Кемпбелл, М. Свонн, Д. Фридберга, и мн. др.

В рассматриваемых нами книгах, монографии Н. Кенни и сборнике под редакцией Р.Дж.У. Эванса и А. Марра, «любопытство», артикулированное в разных дискурсах, также размещается на «карте» представлений, чувств и практик европейцев раннего Нового времени. Здесь задействованы разные подходы и методологические позиции. Остановимся подробнее на том, чем в рассуждении авторов оказывается «любопытство».

В распоряжении историка есть множество способов для выстраивания той целостности, которую он называет прошлым: это выбор объектов внимания и невнимания, источников, методов их прочтения и интерпретации, объяснительных теорий и т. п. Выбор любопытства как «линзы» для изучения прошлого указывает на определенную констелляцию в историческом знании: легитимность интереса к истории культурных форм и процессов, предпочтение мелкого масштаба, внимание к «человеческому измерению» прошлого, выбор сюжетов, соединяющих идеи и социокультурные практики.

В рассматриваемых книгах любопытство понимается как одна из наиболее обсуждаемых в культуре раннего Нового времени страстей, принимавшая многообразные формы и варьирувавшаяся в текстах и социальных средах. Историки как бы «находят» его проявления в прошлом, наделяя им мужчин и женщин, представителей разных групп и институтов, стран, сословий, конфессий, интеллектуальной элиты и простого народа. Авторы текстов разделяют мысль о том, что любопытство можно изучать и как установку индивидуального или коллективного сознания, и через «вещи», на которые направлен заинтересованный взгляд. В их работах фиксируются привычные и новые объекты: редкости Востока и Нового Света, древности, собственное тело, природные чудеса, механизмы и автоматы, другие «странные» люди.

Конструирование предмета изучения подразумевает выборку материала по тому или иному признаку: по событиям, процессам, социальным группам, гендеру и т. п. В данном случае принцип, в соответствии с которым производится такая выборка, переопределяется. Любопытство — менее очевидный, «изобретенный» объект, который утверждается поверх устоявшихся границ событий, про-

цессов и дисциплин. Подобное «учреждение» предмета изучения в историографии нередко производится для того, чтобы акцентировать внимание на его *конвенциональной природе* (как, например, это происходит в книге Стивена Шейпина «Социальная история истины», где рассматриваются культурные конвенции «правды», «доверия», «честности» в XVII в.).

Масштаб, с которым работают исследователи, уменьшается: так, авторы сборника предпочитают писать статьи о частных случаях, казусах, на примере отдельных героев и текстов. Думается, что это связано не столько с изученностью больших структур в истории, сколько с осознанием той меры условности, в соответствии с которой выделяются, к примеру, «абсолютизм» или «Научная революция». В обеих книгах говорится о нежелании искусственной объективации предмета изучения; авторы хотели бы избежать превращения любопытства в «сущность».

Те подходы к изучению любопытства, которые предлагают авторы, позволяют увидеть, насколько *междисциплинарной* в настоящее время является академическая история. Она сохраняет свою автономию, эрудитскую основу (построения авторов укоренены в работе с источниками, в глубоком знании обширного материала). В то же время, на примере этих книг видно, насколько в повседневную практику исторического знания вошли установки и подходы из лингвистики, антропологии, социологии. Особенно хорошо это прослеживается на примере базовых идей, связанных с так называемым «лингвистическим поворотом», включаемых в методологию исторического исследования: о том, что реальность прошлого учреждалась и, следовательно, может быть познана через язык, в речи и письме, при анализе разнообразных дискурсивных практик. При таком видении на первый план выходит нарративное измерение прошлого. Александр Марр, говоря о книге Помиана, критикует его за работу с «экстралингвистическим» концептом любопытства, и за нежелание «спускаться» на уровень языка. Нейл Кенни предлагает рассматривать любопытство не как внетекстовую данность, но как группу слов из одной семьи с множеством противоречащих значений и способов их использования. Обращение к этой группе слов в источниках, по его мысли, служило для регулирования норм знания и поведения. Взгляд читателя, таким образом, привлекается к уровню языка, который служит обязательной основой для изучения привычных в историческом знании событий и процессов.

Для чего исследователям нужно конструирование идеи любопытства? Какие ответы они надеются получить с его помощью?

В статьях говорится о желании их авторов «понять» прошлое, посмотреть на мир «глазами человека раннего Нового времени». Такая задача могла бы быть поставлена культурным антропологом, думающим о *способах понимания инокультурного опыта*. Для ее решения авторы рассматривают, какими значениями наделялось любопытство в различных повседневных контекстах: у больного, искавшего вместе с врачом методы лечения (в статье Д. Харкнесс), у паломника по святым местам и путешественника в Америку (У. Уильямс), при изготовлении и описании механизмов и автоматов (А. Марр), при прочтении оккультных сочинений (С. Клюкас).

В ряде статей используется общий прием: любопытство — на первый взгляд, одно из разделяемых человеческих чувств, вписывающееся в ряд антропологических универсалий (страх, интерес, удивление) — рассматривается как культурная конструкция, подвижная форма в разных дискурсах и контекстах. Взгляд читателя, таким образом, направляется на места несовпадения этих, вроде бы привычных чувств с их современными, знакомыми версиями, позволяя выявить «странность» представлений, распространенных в изучаемой культуре. Таким образом, изучение любопытства дает возможность корректно рассуждать об инаковости прошлого.

Например, в статье У. Уильямса рассматривается меняющийся статус любопытства в ренессансных текстах путешественников по старым и новым землям. Автор прослеживает, какие формы принимало любопытство паломников, или как строилось описание личного опыта любопытствующего путешественника (в наполовину вымышленных историях Андре Теве или записках кальвинистского миссионера в Бразилии Жана де Лери). У. Уильямс привлекает внимание к устойчивому сочетанию в нарративах любопытства и опасности: пережитые автором-свидетелем испытания давали ему преимущественное право высказывания о других землях и народах; сам же такой автор превращался в объект любопытства.

В качестве сопоставимого с любопытством чувства в сборнике фигурирует переживание чуда, также указывающее на особенности смыслополагания в культуре. Так, в статье П. Форшоу об оккультных трудах философа-мистика и алхимика Генриха Кунрата обсу-

ждается «неисчерпаемое чувство чудесного» (по мысли автора, связанное с традициями культуры элиты). В тексте показано как это «странное» для современного взгляда чувство позволяло философу находиться в постоянном поиске истинного знания, извлекаемого из синтеза каббалы, библейской теософии и духовных откровений, и в ожидании способности к чудотворчеству.

Таким образом, в рассматриваемых книгах любопытство работает как средство, дающее возможность историку *сравнивать и различать*. Большинство исследований в них следуют логике различения. Это касается не просто поиска несовпадений смыслов культурных форм прошлого и настоящего, но внимания к отличиям, внутренней дифференциации изучаемого предмета. Склонность авторов к анализу единичного вполне отвечает духу самих ученых-*curiosi* с их любовью к уникальному. Но для современных авторов такая позиция имеет методологическое обоснование.

Представленные в сборнике тексты фрагментарны. Авторы упоминают об опасности конструирования «большого нарратива» в истории о когнитивных страстях, поскольку «любопытство» XVI–XVIII вв. не было однородным; его формы и их использование бесконечно варьировались в разных странах, внутри групп и институтов. В этом смысле, вместо «большого нарратива» должна была бы быть представлена текучая история постоянно меняющихся значений. Поэтому в сборнике преобладают локальные нарративы, мелкие частные случаи. Многие авторы идут от казуса, микроисторического сюжета. Любопытство представлено как персонализированное чувство, и в статьях рассматриваются небольшие личные «истории» в определенных контекстах. На примерах индивидуальных проявлений этой познавательной страсти (у склонного смешивать свой опыт и вымысел путешественника Андре Теве, натурфилософа скептика и постановщика «природных чудес» Жана Антуана Нолле, английского филолога Мерика Казобона, издавшего оккультный трактат Джона Ди) авторы демонстрируют возможности в культуре для того или иного типа поведения или системы взглядов, укорененных в любопытстве.

Стремление авторов к фиксации отличий прослеживается и в их концепциях. В ряде статей доказывается тезис о том, что европейская «культура любопытства» при внешнем сходстве проявлений была весьма диверсифицированной. Так, в статье А. Турпин о коллекции предметов из Америки, собранной для Козимо Медичи,

ставится вопрос о том, что итальянские ренессансные коллекции, несмотря на совпадающие черты, отличались от кабинетов диковин по другую сторону от Альп. Сопоставляя описи коллекций из Палаццо Веккио и из собрания Альбрехта V в Мюнхене, автор приходит к выводу о разнообразии форм любопытства. На севере сбор и экспонирование редкостей и «чудес» носили более публичный характер, и коллекция превращалась в раннюю форму музея, в то время как флорентийские коллекционеры ориентировались на давнюю традицию размещения артефактов в частных кабинетах для ученых занятий (*studiolo*).

В тексте Д. Харкнесс говорится о различии форм любопытства по отношению к телу в Англии и на континенте в конце XVI–XVII вв. Автор доказывает, что медицинское представление о теле в европейских странах основывалось на практике публичных вскрытий. В Англии же знание о «живом» теле строилось на основе бесед больного с терапевтом, наблюдений и записей своих состояний — с «удивительно небольшими» отсылками к анатомическим штудиям. На материалах переписки с врачами, дневников и книг рецептов Д. Харкнесс анализирует интенсивные практики исследования своего тела, к которым прибегали представители разных социальных слоев, и объяснительные модели, с помощью которых больные удовлетворяли интерес к причинам дурного самочувствия. Было ли связано расхождение британской и континентальной традиций с протестантской культурой самопознания, скепсисом англичан по отношению к обобщенным анатомическим теориям или их доверием к чувственному восприятию? Этот вопрос остается открытым; опыт же британской ренессансной медицины, основанной на популяризации теории «гуморов», описывается как уникальный.

В ряде текстов говорится о противоречивых оценках, которые получали познавательные практики, о призывах к различению между «хорошим» и «дурным» чудом и любопытством в источниках XVI–XVIII вв. Например, в статье и книге Нейла Кенни подчеркивается, что в ряде дискурсов (церковные проповеди, философские дебаты о полезном и бесполезном любопытстве, романы и др.) проявлялись негативные реакции на распространение любопытства как стиля поведения, артикулировалось культурное беспокойство о пересечении границ допустимого в сообществе.

В статье К. Престон рассматривается другая линия, связанная с осуждением любопытствующих: сатирическая английская литература конца XVI–XVII вв., высмеивающая собирателей редкостей и древностей. Согласно автору, антиквары нередко становились объектами иронии либо за бесполезность своих трудов, подчеркивавших человеческую тщету, либо за их «вредоносность» для повседневных установлений социума (самоизоляция, пренебрежение хозяйством, праздность, трата средств и т. п.): если бы Бог вел себя так, как коллекционеры, мир пребывал бы в хаосе.

С. Клюкас в своем тексте обращает внимание на противоречивое отношение героя статьи, протестанта Мерики Казобона, к «проклятому любопытству» Джона Ди. Осуждая сочинения знаменитого алхимика, Казобон, тем не менее, издал его трактат. Чтение этого сочинения, как демонстрирует автор статьи, должно было побудить и атеистов, и оккультистов избежать ошибок любознательного мистика: с одной стороны, подтвердить существование духов, а с другой, показать, что людям, практикующим оккультные науки, являются злые духи и лгут им, совращая с истинного пути.

Любопытство в этих книгах используется не только как инструмент для нахождения различий, но и как средство для выстраивания *целостного пространства прошлого*. Это «культурное» чувство (наряду с другими обсуждаемыми понятиями и идеями того времени) в интерпретации историков функционирует как медиум, опосредующий и связывающий разные группы в социум, становящееся в Новое время «общество модернисты». Любопытство предоставляет общую почву и тезаурус для проговаривания собственных приоритетных представлений, используется (как показывает Кенни) для заявления о несогласии со взглядами других людей или институтов. Таким образом, эта конструкция дает возможность на своем примере изучать связи между словами, текстами, идеями, практиками и группами в XVI–XVIII вв.

Один из сквозных сюжетов в книгах — широкие социальные связи, которые выстраивались вокруг любопытства. Эта постановка вопроса призвана проблематизировать концепцию Дэстон и Парк, в которой «чудо» трактуется как атрибут элитарной культуры. Авторы статей привлекают внимание к другим социальным стратам с их пониманием и использованием любопытства, природных и рукотворных чудес — купцам, ремесленникам, книготорговцам, аптекарям и др.

Другой тип последовательности, который рассматривается на примере любопытства, — это преемственность и разрывы в его понимании и использовании в XVIII в. Авторы показывают, как эта познавательная страсть встраивалась в корпус научного знания, подчиняясь ее требованиям и правилам. В работах П. Бертулчи и Дж. Руссо прослеживаются стратегии личного успеха, выстроенного на основе любопытства, в XVIII в. В них рассматриваются примеры натурфилософа Жана Антуана Нолле, путешествовавшего по Италии (скептика по отношению к местным природным чудесам, но успешного постановщика популярных чудесных опытов при дворах во Франции и в Италии), и Джона «Протея» Хилла, человека, перепробовавшего разные виды деятельности — от натурфилософии до журналистики — и ставшего объектом любопытства для своих современников. Дж. Руссо в своей статье предполагает, что одной из линий трансформации любопытства в XVIII–XIX вв. был сдвиг интереса от объектов внешнего мира к человеку — его несхожим культурам (в этнографии), личности, душевному складу, разуму (в литературе, психологии, психиатрии).

Рассмотрим более подробно книгу Нейла Кенни «Использование любопытства». В этой программной для изучения данной проблематики монографии предпринимается попытка подняться на более высокий уровень обобщения и представить картину, выстроенную над отдельными «историями». Принципиальная методологическая позиция автора состоит в том, что «любопытство» некорректно рассматривать в качестве «концепта». Огромное семантическое и прагматическое разнообразие в этом поле не позволяет говорить о существовании одного общего понятия или идеи любопытства, и искусственное помещение его в жесткие рамки отсекает те его версии, которые не подходят под спущенное «сверху» определение. Поскольку идеи не существуют вне слов, то пространство анализа для Кенни — «обыденный язык».

Однако любопытство в его книге — нечто большее, чем набор терминов. Автор трактует его как медиум (средство коммуникации), дававший возможность проговаривать версии «правильного» знания и поведения, предписывать другим, что и когда им следовало знать и как себя вести, чтобы быть приемлемым для общества. Любопытство — «дискурсивный клей, позволяющий людям, в первую очередь,

не соглашаться друг с другом». Уникальное место в культуре XVI–XVIII вв., которое, по мысли автора, занимало любопытство, было обязано его способности увязать разные дискурсы между собой.

В книге Кенни ярко раскрывается тезис о роли исследований языка для работы историка. Сам автор, заявляя о приверженности технике медленного чтения (*technique of close reading*), в числе своих интеллектуальных предшественников называет Л. Витгенштейна и Дж. Остина, в опоре на труды которых он разрабатывал свою методологию. «Обычный язык», дискурс понимается им как место постоянной смены, обновления, как поток форм и значений.

Прошлое, увиденное с точки зрения пространства коммуникации, предстает как «поле битвы» за значения и контроль над ними. Особенно четко эта мысль выражена во введении, изобилующем метафорами военных сражений. Хотя автор не рассматривает историю эпистем, но его видение прошлого напоминает о работах М. Фуко с его акцентированием идеи знания-власти при анализе историко-культурных дискурсов.

Задача, которую ставит перед собой Кенни, имеет дополнительные эпистемологические и этические смыслы: автор намеревается рассмотреть дискурсы любопытства так, чтобы ни один из них не был поставлен в привилегированное положение над другим. В тексте угадывается неназванная презумпция объективного письма историка как беспристрастного свидетеля боев разных групп и институтов за свою правоту. Сам Кенни периодически упоминает о том, что было бы нечестно и нечестно отдать приоритет тому или иному участнику спора, поддержать кого-то одного в давно прошедшем споре в ущерб другой стороне. Поэтому в главах равное место отводится разным голосам: университетским профессорам, церковным деятелям, ученым, торговцам редкостями, антикварам, писателям.

Таким образом, любопытство предстает как надличностное и надинституциональное пространство столкновения различных интересов, «жившее собственной жизнью», неподконтрольное отдельным людям и группам. Сквозной для книги образ коммуницирующих групп и учреждений указывает на еще одну важную для истории междисциплинарную связь — с социологией культуры, предлагающей взгляд на общество как на фиксированные и подвижные институты, со своими пересекающимися и конфликтующими интересами. Такой образ общества предполагает постоянное пересечение кругов, позволяет рассматривать одного

человека как носителя разных дискурсов. (Например, один и тот же герой в книге Кенни мог иметь духовный сан и входить в ученое общество: чей дискурс возобладал бы в его рассуждениях?). Дебаты о любопытстве позволяют увидеть то дискурсивное поле, в котором происходило становление «общества модернити» (с его старыми и новыми участниками, с посредниками между социальными группами — например, журналистами, продавцами книг, популяризаторами науки и т. п., и между типами текстов — например, сатирическими сочинениями).

Любопытство изучается автором с точки зрения его прагматического использования. По мнению Кенни, значение любопытства зависело от его употребления, а оно — от разнообразных интересов тех, кто к нему обращался. Рассуждения о любопытстве использовались для введения запретов на знание, прославления того или иного научного центра, поиска финансирования, атак на идейных противников, продажи книг и диковин, контроля над сексуальностью, манипуляции мнением, развлечения читателя.

Автору книги приходится во многом пожертвовать индивидуальным звучанием голосов, поскольку он делает из них своеобразный дайджест. Изучая «дискурсивные тенденции», он приходит к выводу о том, что в европейской культуре до XVI в. любопытство преимущественно толковалось как порок, тогда как в XVII в. у этого слова преобладало нейтральное значение. Оно могло пониматься как зло, как «здоровая страсть», и как естественное свойство живых существ; как поощряемый или дурной объект желания. Такой взгляд позволяет исследователю избежать выстраивания линейной однонаправленной истории любопытства.

Кенни описывает «субъектно» и «объектно» ориентированную версию любопытства (*subject-oriented curiosity*, *object-oriented curiosity*, — это наименование кажется не слишком удачным, учитывая связь этих понятий с объективистской парадигмой). Речь идет о познавательной активности человека, интересующегося тем или иным предметом (*curioso*), или о способности самих предметов, редкостей, древностей, природных феноменов становиться объектами интереса (*curiosities*). Версии любопытства могли выражаться в тексте при помощи двух стратегий: «составления коллекции» (*collecting*, собирание, описание занятных вещей или примечатель-

ных текстов, секретов, рецептов, анекдотов и пр.) или «рассказывания истории» (*narrating*, нарратив, часто строившийся как личная история автора, ведомого любопытством). Они проявлялись в разных жанрах — в книгах по искусству, истории, оккультным наукам, романах, описаниях других земель. Фрагментарная логика «коллекционирования» приходила в противоречие с причинно-следственными нарративными конструкциями. По мысли Кенни, «рассказывание историй» со временем возобладало над стратегией составления универсального перечня объектов любопытства.

В главах подробно рассказывается, как любопытство использовалось для поощрения или осуждения знания и поведения. Так, в немецких университетах оно долго служило темой лекций и дискуссий (автор упоминает 42 диссертации, затрагивавшие любопытство, опубликованные между 1652–1744 гг.), считалось телесной и эмоциональной страстью, способной в зависимости от контекста служить добру или злу. В разных конфессиях христианской церкви сохранялась традиция порицания любопытства как тяги к недозволенному, в то время как многим духовным лицам приходилось искать компромиссы со светской культурой, вводить понятие «хорошего любопытства», использовать его риторику для продажи своих книг. Позитивный образ этой страсти формировали общества, академии, лаборатории, кабинеты, музеи, библиотеки, салоны, газеты, поощрявшие интерес к пересечению установленных границ «своего» и «чужого» и создававшие множественные объекты любопытства. По-разному складывалось дозволенное отношение к любопытству у мужчин и женщин. Тем и другим предлагалось учиться избегать «излишнего» интереса к миру и противоположному полу на примере разнообразных нарративов — романов, новелл, комедий, эмблем, историй о нарушении запретов и воздаянии. Но если любопытство мужчин оставалось допустимым, то для женщин это чувство было нелегитимным и подлежало суровому осуждению.

Вернемся к вопросу, с которого мы начали. Можно ли говорить о том, что в этих разных контекстах речь шла об одном и том же феномене, или под именем «любопытства» скрывались различные друг от друга чувства?

В своей книге Кенни пишет о том, насколько сложно ответить на этот вопрос. В европейской культуре раннего Нового времени не было «типичного» любопытства. Для объяснения своей позиции автор приводит метафору «семейного альбома»: в нем могли бы

найти свое место разнородные версии любопытства, не совпадавшие, но объединенные родством.

Рассмотренные нами исследования побуждают к рефлексии и дают возможность читателям поставить новые вопросы о месте и роли любопытства в культуре раннего Нового времени. В ряду каких других ключевых слов существовало любопытство, и с чем его можно сопоставить? Насколько уникально его место в дискурсах раннего Нового времени, и какого рода иные «истории» могут быть рассказаны об иных «антропологических» / когнитивных понятиях? С чем связан его статус, позволивший любопытству занять столь важное место в культуре и сохранять свои позиции несколько столетий? Наименее изученным, и поэтому «любопытным», остается постоянно возникающий вопрос о более общих культурных значениях или следствиях того или иного чудесного или любопытного объекта или практики.

Отдельная группа вопросов связана с методами исторического исследования. Насколько оправданным или произвольным может считаться выбор такого рода «линзы» для взгляда на прошлое? Как просчитать те искажения, которые она способна создать? Какого рода дефицит стремятся восполнить современные исследователи, выбирая эту проблематику, и, говоря словами Нейла Кенни, каково использование любопытства в нынешнем историческом знании?

В данных исследованиях представлены различные подходы к изучению «любопытства». Для авторов сборника любопытство и чудо видятся с точки зрения истории чувств, познания и открытия нового; любопытство часто описывается как «познавательная страсть». В монографии Нейла Кенни оно рассматривается на языковом уровне и понимается как медиум, опосредующий различные социальные интересы и ценности. Несмотря на разницу в оптике, в книгах складывается общий взгляд на любопытство как исторический феномен. Его важная роль в европейской культуре раннего Нового времени связывается с тем, что это подвижное понятие было вовлечено в постоянный процесс социальной коммуникации и активно задействовалось в процессе создания новых социокультурных значений.

В. В. Зверева

**Рец. на кн.: Бодров О. В. Профессор М. М. Ковалевский.
У истоков изучения английской общественной и политической
мысли в России. Казань, 2006. 325 с.**

В истории России десятилетия, охватывающие последнюю треть XIX – начало XX столетия, стали одним из периодов взлета философской и исторической мысли, в рамках которой проходила полемика между либералами и консерваторами, по-разному видевшими пути дальнейшего развития страны. Она отражалась в научных дискуссиях, выплескивалась на страницы печати. На фоне плеяды замечательных ученых и публицистов того времени фигура Максима Ковалевского выделяется, становится особо заметной. Это был выдающийся историк, круг интересов которого был чрезвычайно широк (история, социология, этнография), а в последние годы жизни государственный деятель, политик, попытавшийся соединить либеральные идеи с политической практикой. Перу Ковалевского принадлежит большой блок работ, специально посвященных истории Британии, как исследовательского, так и популярного характера. В их число входят магистерская и докторская диссертации, исследования политической мысли, первое системное изложение истории страны. Оно охватывает обширный период от раннего средневековья до парламентской реформы 1911 года. Англии он неизменно уделял большое внимание в общих работах, посвященных рассмотрению проблем социально-политической истории европейских стран.

С 1970-х годов о Ковалевском написано немало статей и монографий¹. В них вполне справедливо он называется одним из столпов «русской исторической школы», разрабатывавших историю европейских стран. Но, несмотря на довольно широкое освещение вклада Ковалевского в развитие российской исторической мысли, в исследовании этих сюжетов еще остаются лакуны.

В этой связи встают правомерные вопросы. Сейчас, когда уже накоплен определенный объем знаний, в каком направлении должно проходить дальнейшее изучение идей и произведений Ковалевского.

¹ *Куприц Н. Я.* М. М. Ковалевский. М., 1978; *Мягков Г. П.* «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988; *Емельянов Ю. Н.* Максим Максимович Ковалевский (1851–1916). Библиография трудов М. М. Ковалевского / История и историки. Историографический ежегодник. 1980. М., 1984. С. 298–337; Становление англоведения в России: М. М. Ковалевский // *Викторианская Британия: события, люди, явления, процессы* / Уфа, 1995; *Погодин С. Н.* «Русская школа» историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский. СПб., 1997; *Погодин С. Н.* Максим Максимович Ковалевский. СПб, 2005; и др.

Какими критериями, задачами, целями должен руководствоваться в начале XXI в. исследователь, обращающийся к работам, написанным в последней трети XIX – начале XX в.? Какой результат он надеется получить и, соответственно, какой вклад внести в развитие современной исторической мысли? Ответы на эти и другие вопросы представляются важными именно в наши дни, они востребованы повышенным вниманием к трудам отечественных историков XIX века. Творческое наследие Т. Н. Грановского, В. И. Герье, Н. И. Кареева, И. В. Лучицкого и многих других выдающихся исследователей, закладывавших основы российской исторической науки, стало объектом разносторонних исследований. Так должно ли оно продолжаться в традиционных рамках, или же историк будет искать новые подходы, развивая тем самым современную историографию?

Монография казанского исследователя Олега Бодрова призвана восполнить существующие пробелы в изучении жизни и трудов Ковалевского. И, вместе с тем, автор попытался отойти от традиционного изложения содержания работ историка. Его взгляд на наиболее важные проблемы автор книги сверяет с исследованиями, проведенными в XX веке, выявляя тем самым непреходящее значение вклада Ковалевского в разработку британской истории, либо же утверждения, опровергнутые впоследствии. К сожалению, в меньшей мере Бодров «вписал» свое исследование в развитие исторической мысли Британии последней трети XIX века. Освещение новаторства Ковалевского, прорыва, который он совершил в изучении становления институтов самоуправления, политической и социальной систем, на широком фоне представлений современников был бы весьма продуктивен. Сказанное можно с полным правом отнести и к исследовательским методам Ковалевского, его отношению к документу, источниковой базе исследования.

Однако отсутствие подобного рода подробных сюжетов не умаляет достоинств рецензируемой монографии, так как Бодров сосредоточил внимание на интерпретации Ковалевским общественно-политической мысли. По сути, книга является своеобразным подведением итогов длительного исследования жизни и трудов Ковалевского, проведенного автором на протяжении нескольких лет.

Исследование О. Бодрова отличает фундаментальность проделанной работы. Основательность ей придает тщательное изучение опубликованных трудов «героя» повествования и хранящихся в московских и петербургских архивах его же рукописных материа-

лов. Собранные автором материалы не только являются свидетельством его кропотливой работы, но и окажут существенную помощь будущим исследователям, которые займутся изучением биографии и трудов М. М. Ковалевского.

Реконструкция жизненного пути, анализ основных работ и связей Ковалевского с Британией является свидетельством того, что обращение к известным, на первый взгляд, сюжетам всегда может быть дополнено новыми подробностями. В данном случае речь идет об «англомании» Ковалевского (с. 68-69), его связях с университетами Эдинбурга и Оксфорда (с. 84-86), с людьми, проживавшими в Британии (с. 87-89). Едва ли может быть подвергнуто сомнению утверждение автора о том, что именно Ковалевский заложил основы изучения истории Британии в России. Этот тезис Бодрова обусловлен первенством Ковалевского в использовании документального материала из британских архивов и библиотек (с. 66-68).

Бодров акцентирует внимание на взглядах Ковалевского на политическую и общественную мысль Англии в Средние века и раннее Новое время. В отдельной главе проведен анализ исследований Ковалевского по демократической мысли Английской революции середины XVII в. Автор выделяет следующие проблемы: концепция абсолютизма, взгляды сторонников парламента на статус монарха, республиканская мысль, демократическая идеология революционной поры, свобода совести. К ним логично примыкает антиабсолютистская доктрина Дж. Локка. Видение Ковалевским этих проблем британской интеллектуальной истории эпохи Тюдоров и ранних Стюартов Бодров скрупулезно рассмотрел на основе фундаментальных трудов, опубликованных лекций, статей, архивных материалов историка. Автор монографии дает возможность читателю, погружаясь в полемику, которая занимала умы британцев, проследить за ходом рассуждений Ковалевского. Работа Бодрова позволяет четче выявить фигуры из английской истории, привлекавшие внимание Ковалевского. Она также ознакомит со взглядами последнего по проблемам далекой истории, но столь важным для России последней трети XIX – начала XX в.

Монография О. Бодрова будет интересна и полезна, как для специалистов, так и для людей, просто интересующихся историей России и Британии, научными и общественными связями двух стран.

М. П. Айзенштат

**Рец. на: Щербатов А. Г. Мои воспоминания.
СПб.: Нестор-История, 2006. 278 с.**

Вряд ли нужно доказывать истину, что развитие исторической науки немислимо без привлечения новых источников. Однако общеизвестно и то, что сегодня новые источники обнаружить крайне сложно — особенно если это касается истории России начала XIX в. И когда в 2005 г. Санкт-Петербургское издательство «Нестор» выпустило в свет мемуары князя Алексея Григорьевича Щербатова, известного героя Отечественной войны 1812 года, публикация эта стала весьма значимым событием в исторической науке. Известные профессионалам, занимающимся военной историей России лишь в отдельных фрагментах, мемуары эти — единственные среди мемуаров «генералов 12-го года», остававшиеся до сего дня неопубликованными.

В биографии Алексея Щербатова отразилась вся история российских войн первой половины XIX века. Он — участник войны 1806–1807 гг., руководивший обороной крепости Данциг и получивший за это от современников почетное прозвище Щербатов-Данцигский. За плечами у Щербатова — война с Турцией начала XIX в., Отечественная война 1812 года, в которой он участвовал в составе Дунайской армии П. В. Чичагова, бои за Брест-Литовск, Кобрин и Борисов, Березинская переправа, затем — Заграничные походы, в которых он командовал дивизией, а потом и корпусом. В николаевскую эпоху послужной список Щербатова пополнился русско-турецкой войной 1828–1829 гг. и польской кампанией 1831 года. Последний этап карьеры Щербатова — высокий пост московского генерал-губернатора, который он занимал с 1843 по 1848 гг. И обо всех этих эпизодах российской истории, тесно переплетенных с его личной биографией, Щербатов рассказывает в воспоминаниях.

А. Г. Тартаковский говорил о мемуарах, что они — «повествования о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти автора»¹. В целом это высказывание верно и в данном случае: судя по его воспоминаниям, князь Щербатов обладал отменной памятью и немалым личным опытом. Однако на страницах мемуаров князь тщательно выстраивал собственный имидж — образ человека, чья жизнь была наполнена прежде всего армейскими буднями и

¹ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 22-23.

сражениями, и который лишь иногда позволял себе отдых — любовь, заграничное путешествие, отставку. Мемуарист тщательно избегает любых рассуждений на общественные темы, отговариваясь тем, что пишет «не общие записки того времени, а только воспоминания», причем воспоминания, касающиеся исключительно фактов его личной биографии².

Князь был ценим Павлом I, но в его мемуарах не нашлось места описанию насильственной смерти императора. Щербатов был дружен и знаком со многими декабристами, но, рассказывая о событиях декабря 1825 года, ограничился общими фразами типа: «в последних годах царствования императора Александра составилось несколько тайных обществ с целью ниспровергнуть образ государственного правления»³. Будучи московским генерал-губернатором, он выдал заграничный паспорт опальному Александру Герцену — но и этот эпизод не нашел отражения в его записках. Николай I не любил Щербатова за самостоятельность мнений и вольномыслие, в 1826 г. карьера князя висела на волоске — однако и об этом он предпочел не распространяться. Хороший источник по истории войн первой половины XIX века, мемуары Щербатова вряд ли могут внести что-то новое в наши представления об общественной жизни, о быте и нравах павловской, александровской и николаевской эпох.

Полезным дополнением к тексту мемуаров являются приложения и комментарии, составленные О. И. Киянской. Они, по сути, самостоятельное научное исследование, позволяющее увидеть то, о чем умолчал мемуарист — широкий общественно-культурный фон, на котором протекала его собственная жизнь. Собственно, приложений в книге два: «А. Г. Щербатов и движение декабристов» и «А. Г. Щербатов в воспоминаниях современников». Особенно интересно первое из них — оно рисует нам князя Щербатова с совершенно неожиданной стороны.

Военные мятежи 1825/1826 гг. застали Щербатова в Киеве — там располагался штаб 4-го пехотного корпуса, которым он тогда командовал. Князь оказался свидетелем восстания Черниговского полка и об этом событии поведал в мемуарах очень коротко: «Чер-

² Щербатов А. Г. Мои воспоминания. СПб., 2006. С. 36.

³ Там же. С. 124.

ниговского полка подполковник Муравьев взбунтовал этот полк, собранный в Василькове в 30 верстах от Киева для присяги, и повел его на соединение с другими полками 3-го корпуса». Но все окончилось благополучно: «На третий день Муравьев принужден был положить оружие против посланной для покорения его гусарской бригады 3-го корпуса»⁴. Между тем, из собранных в приложении документов выясняется, что эта история в изложении самого Щербатова — не что иное как ширма, за которой генерал пытался скрыть свою собственную причастность к заговору. Исходя из документов, князь впрямую отказался подавлять мятеж черниговцев — за что имел по службе большие неприятности. Щербатов, кроме того, был дружен с одним из лидеров тайных обществ — С. П. Трубецким, до ноября 1825 года служившим в его штабе в Киеве. Разрабатывая планы восстания, Трубецкой весьма рассчитывал на помощь генерала. Существуют показания декабристов о том, что Щербатов состоял в тайном обществе, и показания эти приводятся в приложении.

Воспоминания современников об А. Г. Щербатове помогают лучше понять личность мемуариста: личность гордую, самолюбивую, не желавшую вписываться в узкие военно-бюрократические рамки своей эпохи. Мы узнаем, что как генерал-губернатор Москвы Щербатов в 1840-х гг. — одна из самых популярных личностей в русском обществе, что он был любим и ценим не только своей семьей и своими друзьями. Когда незадолго до смерти Щербатов покинул свой пост, жители Москвы стали спешно покидать город и уезжать в свои имения — боясь нового начальника, генерал-губернатора А. А. Закревского, который получил от императора приказание «подтянуть» древнюю столицу, «распущенную» щербатовским правлением.

Конечно, комментарии к этим мемуарам можно было бы дополнить. Так, например, Киянская утверждает, что сведений о дуэли («несчастной истории»), которая произошла в конце XVIII в. между младшим братом мемуариста, Николаем Щербатовым, и неким «шевалье де Саксом», «обнаружить не удалось»⁵. Однако «история» эта достаточно хорошо известна: в 1796 г. между шева-

⁴ Там же. С. 124-125.

⁵ Там же. С. 35, 156.

лье де Саксом, незаконным сыном герцога Саксонского, и Николаем Щербатовым произошла ссора в театре. «В антракте Щербатов спросил по-французски своего соседа: “Как вам нравятся, князь, наши русские актеры?” Но, не получив ответа, повторил свой вопрос по-немецки. Вместо ответа гордый иностранец, обратившись к своему приставу, сказал ему “Как дерзки у нас молодые люди! Они так смело навязываются со своими разговорами”. — “Ах ты, немецкая свинья! Я сам русский князь”, — закричал вспыльчивый Щербатов и ударил своею палкою по лицу надменного немца».

За этой ссорой современники усматривали не только гордый нрав младшего брата автора мемуаров и надменность немецкого гостя. Современникам казалось, что ссору спровоцировал Платон Зубов, фаворит государыни, увидевший в де Саксе своего конкурента. Именно Зубову, а не Щербатову, сразу же после этого случая вернувшийся на родину де Сакс отправил вызов на дуэль. Однако Зубов, «считая себя не вправе стреляться за Щербатова, переслал ему вызов». В 1802 г. Николай Щербатов приехал за границу и убил на дуэли де Сакса⁶.

К чести О. И. Киянской стоит отметить, что подобные пробы в комментариях — редкость. В целом комментарии очень хорошо раскрывают ускользающий от современного читателя смысл многих описанных в них событий. Таким образом, перед нами — картина русской жизни первой половины XIX века, с ее войнами, мирной жизнью, политическими и общественными исканиями и, что самое главное, — с ее неординарными деятелями, составившими славу российской истории и культуры.

А. Г. Готовцева

⁶ Рассказы генерала Кутлубицкого о временах Павла I-го // Русский Архив. 1812. № 8. С. 518-519. Другую версию той же истории см.: Алданов М. Ольга Жеребцова // *Он же*. Портреты. М., 2007. Т. 1. С. 357-359.

В. А. ФИЛИМОНОВ

Н. И. КАРЕЕВ: АНТИЧНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЛИТИКИ

Российская историографическая наука немало сделала для исследования отечественного антиковедения¹. При этом не остался без внимания вклад Николая Ивановича Кареева (1850–1931), выдающегося русского ученого-гуманитария, члена-корреспондента Петербургской (1910) и действительного члена Краковской (1903) Академий Наук, почетного члена АН СССР (1929), более известного специалистам своими фундаментальными трудами по истории Великой Французской революции и социологии.

Однако практически все существующие оценки его трудов по античной истории сводятся к сказанным более века назад словам В.П. Бузескула: «Н.И. Кареев — специалист по новой истории, а не по древней; но это имеет и свою хорошую сторону: он мог взглянуть на историю древности со свежей, с иной и более широкой точки зрения; он мог пользоваться сравнительным методом, приводить много аналогий и делать сравнения»². В той или иной степени были

* Автор выражает глубокую благодарность д. и. н., проф. С.Г. Каршоку за предложенную тему настоящей статьи.

¹ *Бузескул В.П.* Введение в историю Греции. Харьков, 1903; *Он же.* Разработка древнегреческой истории в России // *Анналы.* 1924. № 4. С. 139-153; *он же.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. М., 1931. Ч. II; *Историография античной истории* / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1980; *Фролов Э.Д.* Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967; *Он же.* Русская наука об античности: историографические очерки. СПб., 1999.

² *Бузескул В.П.* Введение в историю древней Греции. Изд. 3-е. Пг., 1915. С. 541-542. Из современных работ отметим: 1) *Кузищин В.И.* Русская историография античности // *Историография античной истории* / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1980. Автором отмечено, что «генезис и эволюцию политических форм Кареев рассматривает в неразрывной связи с эволюцией социальных отношений,

подвергнуты анализу и политические взгляды ученого³. При этом характеристика кареевской концепции истории античного мира оставалась без учета его общественно-политических установок. Между тем, факты биографии историка, хорошо восстанавливаемые по ме-

что делает его общую концепцию оригинальной и свежей» (С. 177). 2) *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности: историографические очерки. СПб., 1999. Указывая на научно-популярный характер книги, автор при этом все же отмечает, что Кареев «отлично разбирается в сути затрагиваемых проблем; более того, общая историческая культура и приверженность к сравнительно-историческому методу позволяют ему избежать тех крайностей, в которые нередко впадали его именитые предшественники» (С. 391). 3) *Карпюк С.Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. Здесь Н.И. Кареев наряду с М.С. Куторгой и М.И. Ростовцевым, заслуженно причислен к числу немногих в дореволюционном антиковедении исследователей полиса, при этом отмечено, что он «подчеркивал преемственность между средневековыми европейскими и современными ему парламентскими институтами, но был весьма осторожен, когда дело касалось возможного влияния греческих городов-государств на средневековые и современные города» (С. 27). Кроме того, см.: *Кучеренко Л.П.* Политическое устройство римлян в эпоху ранней Римской республики в оценке Н.И. Кареева // Социология истории Николая Кареева. СПб., 2000. С. 317-323; *Она же.* Оценка Н.И. Кареевым политического устройства раннереспубликанского Рима в свете современных отечественных исследований // Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель. Сыктывкар, 2002. С. 94-104; *Павлов А.А.* Н.И. Кареев о месте и значении плебейского трибунала в римской политической системе: диалог истории и социологии, теории права и романистики // Там же. С. 105-112.

³ См., например: *Золотарев В.П.* Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988. С. 10-33; *Гнатюк О.Л.* Русская политическая мысль начала XX века: Н.И. Кареев, П.Б. Струве, И. А. Ильин. СПб., 1994; она же. Н.И. Кареев как политический мыслитель // Социология истории Николая Кареева. СПб., 2000. (Российская социология. Вып. 2). С. 339-352; *Климин И.И.* Н.И. Кареев о российском парламентаризме // Там же. С. 353-358; *Лаптева Л.П.* Русский историк Н.И. Кареев (1850–1931) и его взаимоотношения с политическими режимами // Проблемы славяноведения. Сб. статей и материалов. Вып. 2. Брянск, 2000. С. 88-95; *Мягков Г.П.* «Русская историческая школа» и становление политической науки в России // Социально-историческое знание в Татарстане: исследовательские традиции и современность. Казань, 1995. С. 26-28; *Сивков Д.И.* Общественно-политические взгляды Н.И. Кареева // Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель. Материалы Первой Всероссийской научно-теоретической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.И. Кареева. Сыктывкар, СыктГУ, 2002. С. 73-82.

муарам⁴ и архивным документам⁵, а также его публицистическое наследие, доставляют необходимый источниковый материал для обнаружения и реконструкции такой связи.

Надо сказать, что для второй половины XIX – начала XX вв. отношение к классическому наследию того или иного представителя гуманитарных наук было своеобразным индикатором для определения его общественно-политических позиций. Как отметил Э.Д. Фролов, натиску новых идей (с легкой руки министра народного просвещения Уварова, с его пресловутым лозунгом «православия, самодержавия и народности») «сознательно был противопоставлен консервативный барьер в лице усиленного классического образования»⁶. Эта тенденция, старательно продолженная его преемниками по руководству министерством просвещения, графом Д.А. Толстым (инициатор гимназической реформы 1871 г., министр 1866–1880 гг.); И.Д. Деляновым (министр 1882–1897 гг., при котором был в 1884 г. введен новый университетский устав, в значительной степени урезавший автономию университетов); Н.П. Боголеповым (профессор римского права, министр 1898–1901 гг.); Г.Э. Зенгером (филолог-классик, министр 1902–1904 гг.); А.Н. Шварцем (профессор греческой словесности, министр 1908–1910 гг.), привела к принудительному насаждению классицизма в средней и высшей школе, что «вызывало раздражение в прогрессивных общественных кругах и, в конце концов, привело к компрометации всей системы классического образования в России»⁷.

Отношение Кареева к античности нельзя оценить однозначно. С одной стороны, ему принадлежит ряд первоклассных работ, высоко оцененных современниками, с другой стороны, мы имеем свидетельство античника-археолога, исследовательницы Помпей Т.С. Варшер,

⁴ См.: *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое / Подг. текста, вст. ст. и комм. В.П. Золотарева. Л., 1990.

⁵ Только фонд Н.И. Кареева в отделе рукописей РГБ (Ф. 119) содержит более 12 тыс. листов, кроме того, в фондах петербургских (РГИА, Архив РАН, отдел рукописей РНБ, Пушкинский дом и др.) и московских архивов содержится большое количество пока еще слабо изученных документов.

⁶ *Фролов Э.Д.* Традиции классицизма и петербургское антиковедение // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 8. Москва-Магнитогорск, 2000 / <http://ancientrome.ru/publik/frolov/frol04f.htm> (май, 2007).

⁷ Там же.

долгое время лично общавшейся с историком: «Н.И. — писала она — не любил и не знал античного мира, чего и не скрывал. Он уверял меня, что Римский форум напоминает ему поле, на котором валяются скелеты издохших лошадей»⁸. Для того, чтобы снять это кажущееся противоречие, обратимся к некоторым фактам биографии историка.

Показательно, что свою научную деятельность Кареев начал в 1868 г., еще будучи гимназистом, публикацией работы по классической филологии⁹. В гимназии его кумирами стали Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев¹⁰, тогда же он стал постоянным читателем журнала «Отечественные записки», имевшего, как он отмечал, «большое влияние» на его «общественное мирозерцание»¹¹.

После окончания гимназии в 1869 г. Н.И. Кареев поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где в это время собралось целое созвездие выдающихся профессоров (С.М. Соловьев, Ф.И. Буслаев, П.М. Леонтьев, Ф.Е. Корш, П.Д. Юркевич, А.М. Иванцов-Платонов и др.). Став студентом, он слушал курсы истории древней Греции и исторической критики у М.С. Куторги и работал в семинаре по всеобщей (в том числе и позднеримской) истории у В.И. Герье, влияние которых он, несомненно, испытал. Молодому выпускнику университета, несмотря на то, что он был оставлен «для приготовления к профессорскому званию» (аналог нашей аспирантуры), пришлось добывать хлеб насущный на нелегкой педагогической ниве в качестве преподавателя истории 3-й москов-

⁸ *Варшар Т.С.* Последние годы Н.И. Кареева при большевиках // Сегодня. Рига, 1931. 15 марта. Утренний выпуск. № 74. С. 2.

⁹ *Кареев Н.И.* Фонетическая и графическая система древнего эллинского языка. М., 1869.

¹⁰ Отметим, что, несмотря на увлечение Писаревым, который «признавал за науку только естествознание и особенно отрицательно относился... к филологии», это не поколебало решения Кареева-гимназиста направить свой научный интерес в сторону гуманитарных дисциплин, сначала филологии, а затем истории и социологии. «Неприятное впечатление» произвела на него и рецензия в «Отечественных записках» на книгу проф. Модестова «Римская письменность в период царей», «автор которой прямо издевался над исследователем, занимавшимся такими, с его точки зрения, ненужностями» (*Кареев Н.И.* Мои отношения к «Отечественным запискам» и «Русскому богатству» (1868–1918) // НИОР РГБ. Ф. 119. К. 44. Ед. хр. 15. Лл. 5).

¹¹ *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое / Подг. текста, вст. ст. и комм. В.П. Золотарева. Л., 1990. С. 107.

ской гимназии. Показателен случай, описанный Н.И. Кареевым в воспоминаниях. Когда директор гимназии В.И. Малиновский, «отличный латинист, сам преподававший в старших классах», заявил, что «колеблется в выборе отрывков из Тита Ливия для чтения с учениками между борьбой патрициев и плебеев и пуническими войнами», то Н.И. Кареев высказался за первую тему, за что тотчас был обвинен в пропаганде революционных идей¹².

Приступив в 1879 г., тотчас после защиты магистерской диссертации, к чтению курса всеобщей истории в Варшавском университете, Кареев посчитал необходимым снабдить каждый раздел «Введением» философско-исторического характера. Введение в прочитанный им в 1881–1882 гг. курс истории древнего мира¹³, высоко оцененное В.И. Модестовым¹⁴, посвящено выявлению специфики исторического развития в античную эпоху. Сам курс вместо чисто хронологического перечисления событий, господствовавшего в то время в учебниках и пособиях по древней истории, предполагал поиск более глубокой связи между явлениями социальной и культурной жизни греков и римлян, уяснение общего смысла античной истории, определение главных ее течений, осмысление значения этой эпохи для последующего времени.

¹² Там же. С. 137-138.

¹³ Кареев Н.И. Введение в курс истории древнего мира (Греция и Рим). Варшава, 1882 (Переизд.: Варшава, 1886; СПб., 1895; первоначально: Варшавские университетские известия. 1882. № 1. С. 1-16; № 2. С. 17-100). Попутно отметим, что более «спокойный» в политическом отношении курс древней истории (по сравнению с прочитанным им накануне специальным курсом о сочинениях по истории Франции в XVIII в.) был поручен «фрондирующему» профессору после событий 1 марта 1881 г.

¹⁴ «Особенность, отличающая г. Кареева от других наших историков — писал он — заключается в философском направлении его исторических занятий... Для этого требуется не только положительное и уверенное в себе знание, но и философский склад головы, которым обладают у нас далеко не все современные историки. Историков-исследователей и историков-рассказчиков у нас достаточно, но историками, умеющими проникать во внутренний смысл истории, приводить отдельные и разрозненные явления в систему, подводить их под общие точки зрения, мы не богаты». (Модестов В.И. [Рец. на кн.:] Кареев Н.И. Введение в курс истории древнего мира (Греция и Рим). 2-е изд. СПб., 1886 // Новости. 1886. № 77. 19 марта).

Важной вехой в биографии Кареева-антиковеда явилось чтение курса лекций по древней истории на Высших Женских курсах. Он проводит мысль о центральной роли Греции в древней истории, прослеживает влияние Востока на формирование греческой культуры, а также влияние, оказанное Грецией на Рим и средневековую Европу, отыскивая корни современного европейского народно-правового государства именно в античном (прежде всего греческом) наследстве¹⁵.

Внимание Кареева к греко-римскому миру вновь усилилось в связи с постановкой курса всеобщей истории на экономическом отделении Политехнического института, где он оказался, будучи изгнанным в 1899 году из Петербургского университета по политическим мотивам¹⁶. В основу курса «Государство-город античного мира» (СПб, 1903) ученый положил изучение античного полиса как одного из исторических типов государства.

Античный мир для Кареева — равноправный период «наряду с древним Востоком и средневековой и новой Европой»¹⁷. При этом его понимание греко-римской эпохи двойственно: с одной стороны «классические народы лишь продолжали дело, начатое народами древнего Востока, как в свою очередь, средневековая и новая Европа лишь продолжали работу самого античного мира»; с другой стороны,

¹⁵ См.: Лекции по древней истории, читанные проф. Н.И. Кареевым на Высших женских курсах. Курс I. 1890–1891 г. [СПб.], лит. В. Комарова. 696 с. После восстановления в 1890 г. прекративших было свое существование Бестужевских курсов, Н.И. Кареев, всегда ратовавший за равноправие женщин в плане получения ими высшего образования, получив приглашение читать всеобщую историю, воспринял это, несмотря на чрезвычайную загруженность, с большим энтузиазмом.

¹⁶ Об изгнании Н.И. Кареева из университета в 1899 г. подробнее см.: *Золотарев В.П.* Историческая концепция Н.И. Кареева... С. 21–24. Сам Кареев изложил собственное видение этого события в «Прожитом и пережитом» (С. 203–209) и в пока неопубликованной рукописи «Мое изгнание из профессоров университета» (НИОР РГБ. Ф. 119. П. 44. Д. 14. Л. 1–46). Добавим сюда свидетельство Г.В. Чичерина, будущего дипломата и политического деятеля, проходившего в это время университетский курс на историко-филологическом факультете. В письме к своему дяде, историку Б.Н. Чичерину, он резко отзывался о карательной политике правительства в отношении передовой профессуры: «в университете — разгром, сорвали гнев на профессорах и многих удалили. Уволены лучшие историки — Кареев и Гревс» (ЦГИАМ. Ф. 1154. Оп. 1. Ед. хр. 157.)

¹⁷ *Кареев Н.И.* Общий ход всемирной истории. Заокский, 1993. С. 62.

есть основания для выделения античности в самостоятельный исторический феномен, так как «в истории Греции и Рима мы имеем частные примеры полного цикла существования двух наций от первых зачатков культурной жизни через эпоху полного процветания до периода совершенного упадка прежней жизнедеятельности»¹⁸.

В книге «Монархии древнего Востока и греко-римского мира» (СПб., 1904) Кареев, кроме типологической, предьявляет и всемирно-историческую точку зрения, акцентируя свое внимание на процессах взаимодействия и объединения цивилизаций и культур, что, по его мысли, собственно и лежит в основе всеобщей истории как таковой.

Большую работу Кареев провел по популяризации исторических знаний, особенно в среде учащейся молодежи. Обеспокоенный низким уровнем литературы для средней школы, он пишет «Учебную книгу древней истории» (СПб., 1901; 9-е изд. СПб., 1914), пособия для самообразования «Главные обобщения всемирной истории» (СПб., 1903) и «Общий ход всемирной истории» (СПб., 1904), содержащие очерки, посвященные греко-римскому миру. Отметим и принадлежащие его перу рецензии на новинки литературы по истории и культуре греко-римского мира¹⁹.

Как мы видим, занятия Кареева античной историей стимулировались не только интересом, но и вынужденной необходимостью преподавания того или иного курса (Варшавский университет, Бес-

¹⁸ Там же.

¹⁹ Перу Н.И. Кареева принадлежат рецензии на книги: К.Ю. Белоха «Griechische Geschichte» (Изв. СПб. политехн. ин-та. 1904. Т. I. Вып. 3-4); В.П. Бузескула «Введение в историю Греции» (Рус. школа. 1903. № 7-8), «История афинской демократии» (Гермес. 1909. № 6 и Рус. вед. 1909. № 21); «Исторические этюды» (Рус. вед. 1910. № 234); «Афинская демократия» (Пед. мысль. 1922. № 1-2); *Он же*. «Всеобщая история и ее представители в России (Revue historique. 1931. Т. 166); Г. Бузольта «Очерк государственных и правовых греческих древностей» и Р. фон Пёльмана «Краткий очерк греческой истории» (Рус. школа. 1890. № 8); Н.А. Васильева «Вопрос о падении Западной Римской империи и античной культуры» (Анналы. 1923. № 2); А. Гранта «Греция в век Перикла» (Рус. богатство. 1905. № 6); И.М. Гревса «Очерки по истории римского землевладения» // Рус. вед. 1900. № 58 и Рус. богатство. 1900. № 11,12); Ф.Ф. Зелинского «Древнегреческая религия» (Науч. слово. 1918. № 1); М.Н. Петрова «Лекции по всемирной истории». Т. I. История древнего мира (Рус. вед. 1887. № 318 и Библиограф. 1888. № 1); «Сочинения Корнелия Тацита». Рус. пер. В.И. Модестова (Рус. вед. 1887. № 312).

тужевские курсы, Петербургский политехнический институт). Сам же ученый объяснял возникновение интереса к греко-римской истории происходившим на его глазах поворотом в антиковедении, связанным с открытием новых источников и выработкой новых методов исторического исследования. Но, видимо, дело было не только в этом. Кареев называл себя «всеобщим историком», и при этом «историком в интересах социологии»²⁰.

Смысл своих занятий Кареев видел в исследовании всемирной истории как процесса постепенного объединения человечества, роста солидарности, расширения и углубления связей между странами и народами. Провести такую работу было невозможно, не исследовав пласт античной истории. Кроме того, как верно подметили В.Д. Жигунин и Г.П. Мягков, Кареев «в своих сочинениях, посвященных монархиям древнего Востока, античному городу-государству, настойчиво, хотя и не всегда явно, пытается найти обоснование преимуществ самоуправляющейся полисной политической структуры, по сравнению с абсолютной монархией, восточным деспотизмом»²¹.

Вернемся к замечанию Т.С. Варшер о «нелюбви» Кареева к античному миру и «незнанию» его. Нагляднее всего этот тезис поясняется позицией, занятой ученым в разгоревшейся в российской интеллектуальной среде дискуссии о месте классических древностей в преподавании истории²². Как известно, в 1871 году была проведена так называемая толстовская гимназическая реформа, введшая монополию поступления в университет только для выпускников гимназии и насаждавшая строжайший классицизм. Было реформировано и

²⁰ Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 117. Воззрения представителей «русской исторической школы» — «*école russe*» как историков «в целях социологии» проанализированы Г.П. Мягковым. См.: Мягков Г.П. «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988. С. 90-100.

²¹ Жигунин В.Д., Мягков Г.П. Исторический опыт античной государственности и российская либеральная историография // Государство и общество: проблемы федерализма и самоуправления. Ижевск, 1999. С. 110.

²² Подробнее об этом см.: Антоценко А.В. «Классицизм» или «реализм»: обращение к европейскому опыту и среднее образование в России (комиссия 1900 г.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 6. М., 2001. С. 135-154.

преподавание истории, со значительным преобладанием изучения древности над всеми остальными отделами всемирной истории в целях борьбы «с язвой материализма»²³. Устав 1884 г. узаконил подобное положение дел и в университетах.

Многие передовые умы (в том числе и сами антиковеды!) выказывали недовольство засильем в учебных заведениях древних языков и истории, в далеком от запросов реальной жизни виде. Так, С.Н. Трубецкой, называвший себя «убежденным классиком» и веривший, что «классицизм возродится» — в формах более совершенных по сравнению с теми, в каких он преподносится ныне, писал: «В нашей гимназии всякий возненавидит древние языки. Наша гимназия — сонное царство: древние языки — это настоящая пытка»²⁴.

А.А. Кизеветтер, высказываясь по этому же поводу, отмечал, что «грубо ошиблись бы те, кто предположил бы, что эта ненависть проистекала из отвращения русского общества к античной культуре. Было бы нечто прямо обратное: античный мир стал тогда ненавистен многим русским людям как раз вследствие школьной реформы Толстого. Не от нелюбви к Гомеру, Софоклу, Цицерону и Горацию возненавидели россияне 70-80-х годов Дмитрия Толстого, а прямо наоборот: Толстой ухитрился посеять в русском обществе ненависть к греческим и римским классикам, которых так хорошо знали и любили многие образованные русские предшествующих поколений»²⁵. Это обстоятельство Кизеветтер объяснял тем, что в системе «классического образования», разработанной Д. Толстым, предметом изучения являлись «не основы античной культуры и не произведения античной литературы, а сочиненные немцами грамматики латинского и греческого языков»²⁶.

Выдающийся русский антиковед В.П. Бузескул, вспоминая о том, что жизнерадостная атмосфера первых лет обучения в гимназии затем, после проведения в жизнь толстовской реформы, сменилась ощущением гнета, чувством подавленности, писал: «Воцарилась тол-

²³ Фролов Э.Д. Русская наука об античности... С. 156.

²⁴ Трубецкой С.Н. Урок классицизма // Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. М., 1907. Т. I. С. 65.

²⁵ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914. М., 1997. С. 78–79.

²⁶ Там же. С. 79–80.

стовская система, сухая, беспощадная, с ее крайней, бездушной регламентацией, с ее мнимым классицизмом, а в действительности — грамматизмом. Нас подавляла грамматика, которая нам опротивела; мы учили массу ненужных правил и исключений; нас мучили переводами с русского языка на древние, «экстемпоралями», которые мы ненавидели. На содержание читаемых авторов, на античную жизнь обыкновенно не обращалось внимания. Если кто-либо из нас предлагал учителю вопрос, касавшийся этой области, то учитель большею частью отделывался кратким ответом и спешил перейти к “главному”, к “делу” — к тексту, переводу или к грамматике»²⁷.

Даже сторонники сохранения прежней системы образования признавали необходимость перемен. Так, уже упоминавшийся Н.П. Боголепов считал, что, проводя реформы, «в классической гимназии надо идти к переменам постоянно и осторожно, ибо учебное дело не терпит грубой ломки»²⁸. Известна позиция выдающегося русского историка и филолога Ф.Ф. Зелинского, полагавшего, что только с принятием классической системы воспитания народы Европы сделались «цивилизованными народами» и «культурная сила народа тем значительнее, чем серьезнее в нем поставлено классическое образование». В России же «в интересах умственной культуры русского народа мы должны желать возможно высокого уровня классического образования в наших гимназиях»²⁹.

Накопленный Н.И. Кареевым личный опыт преподавания, а также либеральные убеждения, которые к этому времени следует считать сложившимися, во многом объясняют негативное отношение к состоянию преподавания греко-римских древностей в гимназиях и

²⁷ Бузескул В.П. Образы прошлого (из моих воспоминаний) // *Анналы*. Т. II. 1922. С. 234.

²⁸ Боголепова Е.А. Николай Павлович Боголепов. Записки. М., 1912. С. 452.

²⁹ Зелинский Ф.Ф. Древний мир и мы. СПб., 1903. С. 8-9. Подробнее см.: Талашова Н.С. Ф.Ф. Зелинский о роли античности в обществе // *Талашова Н.С. Избранные труды*. Т. 1. Проблемы истории и историографии античности. Иваново, 2001. С. 331-342. Разделяя эту позицию, В.П. Бузескул признавал, что многогим был обязан старой классической гимназии: «Гимназия, — писал он, — дала мне прочные элементы знания, приучила к неустанному труду, поддержала и развила интерес к любимому мною предмету — истории; самый классицизм, тогда проводившийся, впоследствии пригодился мне при моих занятиях греческой историей». (Бузескул В.П. *Образы прошлого...* С. 235).

университетах и частично подтверждают тезис Т.С. Варшер³⁰. Однако Кареев при этом вовсе не отрицал необходимости формирования прочных знаний по классическим дисциплинам. Прекрасно владея древними языками, хорошо зная латинских и греческих авторов, он противился именно насаждению этих предметов в ущерб общему образованию. Поэтому не выглядит преувеличенным его вывод, что «с всемирно-исторической точки зрения *научного* понимания прошлого, ни один отдел школьного курса всеобщей истории не нуждается в таком освобождении от рутины как именно история классиче-

³⁰ Такого рода «подтверждения» мы находим и у самого Кареева. Так, в письме к В.И. Герье от 20 февраля 1890 г. он, сетуя на трудности постановки курса новой истории в Петербургском университете, отмечал «<...>тенденция положительна та, чтобы вытравить «Европу» и мытьем и катанием, а за это все: и греко-латины новейшей формации, и византийцы, и славянолюбцы, и российские самобытники <...> У нас тоже готовится золото (то, от которого происходит название золотарей) по части древней истории, и я уже достаточно взвинчен, чтобы оставлять без внимания дурные запахи <...>» (НИОР РГБ. Ф. 70. К. 46. Ед. хр. 7. Лл. 15об. – 16об.). В письме к тому же адресату от 23 февраля 1890 г. читаем: «<...> Министром признаны общеобразовательными предметами для первых четырех семестров древн[ая] ист[ория], древн[ая] философия, церковно-слав[янская] грамматика и рус[ская] ист[ория] (кроме, разумеется, классиков) <...> Я знаю, что к всеобщей истории в научном и европейском смысле отношение теперь не особенно авантажное, и мне, напр[имер], наши классики доказывали, что магистру древней истории (занимающемуся притом хронологией афинских архонтов III в. до Р. Х.) можно обойтись без всякого знания средней и новой истории, и такое мнение есть мнение, так сказать, отраженное из иных сфер, где, конечно, предпочтут историка-хронолога или археолога историку с живым содержанием <...> положительно делается все, чтобы всеобщую историю затереть <...> Недавно «Новое время», держащее нос по ветру, поместило у себя статью, в которой доказывалось, что в гимназии можно оставить один греч[еский] язык, дабы теснее примкнуть к византийщине <...>» (*Там же*. Лл. 13-14об.). Одним из таких «греко-латинов новейшей формации» был читавший в университете греческую историю Ф.Ф. Соколов, известный специалистам-антиковедам как основатель русской эпиграфической школы. Это был, по воспоминаниям Кареева, «человек большой учености и хороший руководитель будущих специалистов, но читавший нестерпимо скучный и совершенно безыдейный курс, где, кроме сырого фактического материала, ничего не было» (*Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С. 249). Понятно, что в глазах университетского начальства либерально настроенный Кареев выглядел в очень невыгодном свете по сравнению с тем же Соколовым.

ского мира»³¹. Сопоставляя суждения защитников системы классического образования на то, что античная тематика не пользуется популярностью ни на книжном рынке, ни в научных журналах в связи с «тем пренебрежением к всему античному, которое поселила в нашем обществе «либеральная пресса», целые десятилетия нападавшая на классицизм», и убежденность их оппонентов, что такое положение есть «естественное следствие того отвращения, которое столько лет развивала в своих питомцах наша школьная система ко всему, что имеет какое-либо отношение к Греции и Риму», Н.И. Кареев резонно замечает, что ни журнальная и газетная проповедь против классицизма не могла бы создать в обществе столь сильного предубеждения, ни классическая школа не была бы в состоянии до такой степени враждебно настроить своих воспитанников, если бы и сама классическая наука более отвечала запросам самой жизни»³².

Такое отношение Н.И. Кареева к «классицизму» гимназического курса, на наш взгляд, объяснялось склонностью к занятиям именно историей. Отсюда та негативная реакция, которую трудно было бы ожидать от Ф.Ф. Зелинского с его, прежде всего, филологической ориентацией. «Классическая филология — писал Н.И.Кареев — как наука, именно и прославилась своею безжизненностью, своею мертвенностью... Между тем, античный мир и по внутреннему своему содержанию, и по причине своего влияния на новую Европу заслуживает более живого отношения к себе со стороны науки, и большего интереса со стороны образованного общества. К счастью, за последние два десятилетия в изучении классического мира происходит в высшей степени важный и плодотворный переворот. Сущность перемены, которую мы имеем в виду, можно определить как *освобождение исторического изучения античного мира от одностороннего подчинения классической филологии и перенесение в эту область остававшихся ей прежде чуждыми научных точек зрения и приемов исследования, выработанных в других отделах исторической науки*» (выделено Н.К. — В.Ф.)³³. Как бы то ни было, Н.И. Кареев признавал

³¹ Кареев Н.И. Несколько слов об учебнике древней истории // Русская школа. 1901. № 4. С. 178.

³² Кареев Н.И. Книга г. Гревса о римском землевладении // Русское богатство. 1900. № 11. С. 3.

³³ Там же. С. 4.

необходимость глубокого усвоения античного наследия: «Доказывать значение изучения классических народов в целях... гуманитарного образования — конечно, если это изучение не сводится к грамматическому или антикварному толкованию, — я нахожу совершенно излишним»³⁴.

Как мы видим, становление мировоззренческих установок историка происходило на переломном этапе истории России, связанном сначала с проведением реформ Александра II, отменой крепостного права, общей либерализацией общественной жизни и последовавшей за этим реакцией, во многом сведшей на «нет» преобразования 60-х годов. Сформировавшиеся к рубежу веков политические взгляды Кареева опирались на понимание демократических свобод и прав личности в традиционном либеральном духе, что, в конце концов, привело его в партию кадетов, а затем сделало депутатом I Государственной Думы от этой партии.

В своих работах по античной истории он зачастую исходит из своих политических установок, обращая свой взор на вопросы политической, экономической, социальной, культурной эволюции греко-римского мира, чем, в свою очередь, объясняется его особое внимание к проблемам прогресса и свободы в античном мире. По его мнению, классическая эпоха дала старт прогрессивному ходу истории, а греко-римские и раннехристианские авторы заложили основу развития идеи прогресса. Сожалея о том, что часто «аргументами от античной демократии пользуются для сведения счетов с теми или другими политическими течениями современности»³⁵, Кареев указывает, что Греция и Рим, хотя и воплотили в своих демократических институтах политическую свободу, все же не смогли выработать понятия свободы индивидуальной, сохранив рабство, а также всячески ограничивая свободу граждан средствами государства. Социальный аспект античной свободы рассмотрен Кареевым через анализ отношения свободный — раб. Не считая рабский труд доминирующим фактором хозяйственной жизни греко-римского социума, он лишь попутно затрагивает этот вопрос. Гораздо интереснее для него выявить

³⁴ Кареев Н.И. Всеобщая история в университете // Историческое обозрение. Т. 3. СПб., 1891. С. 12.

³⁵ Кареев Н.И. [Рец. на кн.:] Бузескул В.П. История афинской демократии // Гермес. 1909. № 6. С. 242.

степень отличия рабства от крепостничества (является ли последнее «смягченной формой рабства»?) и то, как оценивалось рабство интеллектуальной элитой античности и последующих эпох.

Отметим, что зачастую мысли, высказанные Кареевым в трудах по античной истории, находили продолжение в публицистических работах и политических речах. Например, в рассуждении о том, что работа в Думе могла идти быстрее, если бы не настоятельная необходимость обсуждения аграрного вопроса, легко узнать скрытую цитату из XIII главы («Социальный вопрос в античных республиках») «Государства-города»³⁶.

В его речах, произнесенных в Думе, прямых реминисценций из античной истории не содержится, однако сам ее дух и заложенные в ней идеи (преимущество представительного строя — народно-правового государства, идея межэтнической солидарности и интеграции, приоритет индивидуальной свободы) перекликаются с мыслями, изложенными в «Государстве-городе» в приложении к греко-римскому миру. Особое негодование русских националистов вызвало выступление, в котором Кареев, призывая к равноправию наций, говорил: «Россия, однако, не есть только русская земля. В России кроме русской земли есть земля польская, латышская, эстская, грузинская и разных других национальностей. И тогда только можно будет назвать Россию русской землей, когда все эти национальности, оставаясь поляками, евреями, немцами, грузинами и так далее, будут считать себя русскими гражданами»³⁷. Идеолог и организатор черносотенного «Всероссийского национального союза» М.О. Меньшиков писал по этому поводу: «первый кадет от Петербурга в первой Думе, профессор Кареев, предложил даже отменить название «русское государство», ибо наше государство будто бы не русское, а русско-польско-татарско-литовско-финско-армянско-грузинско-киргизско-

³⁶ «Я — писал Н.И. Кареев — вспомнил главную мысль одной старой исторической книги («Политическая реформа и социальное движение в Греции в эпоху ее упадка». СПб., 1869) В.Г. Васильевского — *В.Ф.*)... где прямо выразилось сожаление по поводу того, что социальное движение врезалось тогда клином в политическую реформу и только помешало ее осуществлению» (Политические требования минуты и аграрный вопрос // Дума. 1905. №35). Ср.: *Кареев Н.И.* Государство-город античного мира... С. 187.

³⁷ Сборник речей депутатов Государственной Думы I и II созыва. Кн. I. СПб., 1908. С. 64.

эстонско-самоедское, что ли. Хотя взгляд отменно простодушного кадета не имел успеха, однако множество так называемых либеральных людей близки к мысли, что равноправие племен разумно и справедливо. Именно с этой мыслью, глупой и несправедливой, придется вести борьбу Национальному союзу»³⁸. В 1913 г., когда в русской печати широко отмечалось 40-летие научной деятельности Н.И. Кареева³⁹, реакция еще раз напомнила об этом выступлении: «не будучи никем остановлен, в первой Государственной Думе он [Н.И. Кареев — В.Ф.] договорился до уничтожения самого названия «Россия», и этим, конечно, похоронил себя в глазах всего русского общества. Теперь только иудейская печать и вспоминает об этом жалком компиляторе, возведенном в «ученые» лишь безграмотностью аптекарских помощников»⁴⁰. После разгона первой Думы, Кареев надолго отошел от активной политической жизни, вернувшись в нее только в 1917 г., да и то не как практикующий политик, а как публицист, принявший всей душой Февральскую революцию и не принявший крайностей Октябрьской.

Так, отмечая, что «нет ничего более противного свободе, как всякий догматизм, мнящий себя в обладании абсолютной истиной, и всякий фанатизм, хотя бы и не религиозного содержания, так как ими широко открываются двери перед всяким деспотизмом», Кареев указывал на охотное признание античными моралистами вполне допустимым «быть внутренне духовно свободным при внешнем рабстве, при телесной несвободе, воззрение, с которым не мирится этическое настроение новейшего времени, хотя с другой стороны, разве наша передовая интеллигенция, носившая в себе свободу духа, не находилась действительно в состоянии внешней несвободы, бывшей в полном противоречии с внутренним сознанием?..»⁴¹. Выступая против славословия новому владыке — «Его Величеству народу», он писал, что «от незапамятных времен древнего Египта, где фараон был «царь и бог», через ряд веков тянется эта традиция фараонизма, обоготворения владыки и в эллинистическом царстве Птоломеев, и в Римской

³⁸ *Меньшиков М.О.* Письма к русской нации [1908] // <http://russsdom.ru/mom/m5/m511.html> (май, 2007).

³⁹ См., например: Речь. 1913. № 307.

⁴⁰ Чествуют... // Земщина. 1913. № 1500.

⁴¹ *Кареев Н.И.* Уважение к свободе духа // Речь. 1917. № 75.

империи, а в новой форме и позднее, в христианской Европе, во времена абсолютизма», и что психическую основу «апофеоза римских императоров» христиане правильно «называли... не верой, а суевением, обоготворением твари, вместо творца»⁴².

Таким образом, дать оценку наследия Кареева в области антиковедения вне контекста его политических воззрений сложно. Несмотря на то, что ряд его позиций следует признать устаревшими и не соответствующими современному уровню развития исторической и политической науки, многое из его высказываний перекликается с положениями трудов сегодняшнего дня. Русский ученый во многом предвосхитил пути развития мировой исторической и политической мысли XX и XXI вв., поэтому не вызывает сомнения, что научное наследие Кареева представляется достойным дальнейшего изучения и популяризации.

ДИСКУССИЯ

И. Е. Суриков

(Институт всеобщей истории РАН)

ОЧЕНЬ СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ

<...> А вот с помещенной в том же разделе статьей В.А. Филимонова о Н.И. Карееве далеко не во всем можем согласиться. И в первую очередь вызывает наше неприятие общая методологическая установка автора, влияющая на все его конкретные тезисы. Эта установка, в общем-то, не нова, скорее, традиционна для нашей историографии (ср., например, историографические работы Э.Д. Фролова), и сводится к следующему. Всестороннее развитие системы классического образования в России второй половины XIX – начала XX в. оценивается негативно, как барьер, созданный реакционерами против прогрессивного, демократического движения. Так писали у нас в советское время, так, увы, пишут и сейчас.

Да, классическое образование действительно призвано было стать барьером — барьером против деструктивных, нигилистических тенденций в общественной жизни, возымевших решительное преобладание в России в 1860-х – 1870-х гг., в пору т.н. «великих реформ».

⁴² *Кареев Н.И.* Не сотвори себе кумира! // Наш век. 1917. № 26.

Задумка заключалась в том, чтобы поднять общекультурный уровень интеллигенции (на тот момент прискорбно низкий) и тем самым привлечь ее к созидательной, а не разрушительной работе. Культурный человек никогда не будет разрушителем, но вот как раз подлинно культурных людей в эпоху Писарева и Нечаева было в среде интеллигентов очень немного. Попытка поправить положение с помощью классического образования в целом не достигла желаемого эффекта (не в последнюю очередь из-за нехватки квалифицированных и равнодушных к своей работе преподавателей на уровне гимназии), но она породила, не будем забывать, блистательный взлет русской культуры в начале XX века. Вячеслав Иванов, Иннокентий Анненский, Ф.Ф. Зелинский — вот «продукты» эпохи классического образования в России, а их имена вряд ли нуждаются в рекомендациях.

Не будем забывать, что поборниками и активными организаторами системы классического образования были не только «одиозные» личности вроде графа Дмитрия Толстого или Каткова, но и выдающиеся антиковеды — П.М. Леонтьев, А.Н. Шварц и др. Символом классического образования стал чеховский «человек в футляре» — учитель, интересующийся только своими древними языками и ничем больше. Вот и Кареев пишет о лекциях такого крупнейшего специалиста, как Ф.Ф. Соколов: «...совершенно безыдейный курс, где, кроме сырого фактического материала, ничего не было». Читай: не было политической пропаганды в «прогрессивном» духе, и понятно, что политиканствовавшему Карееву это не нравилось. Но почему мы должны с ним в этом соглашаться? Ведь с собственно научной точки зрения лекции Соколова, несомненно, были безупречны, а зачем применять к ним какой-то другой критерий?

Мы должны отдавать себе отчет еще вот в чем. Нашему поколению выпало жить в такое время, когда изучение античности в стране вообще оказалось под угрозой, что опять же ведет к падению общей культуры и к варваризации. Пуская критические стрелы в издержки классического образования, мы даем лишние козыри в руки тем, кто мечтает совсем «прикрыть» в России антиковедение (а такие силы есть). Не критиковать надо эту образовательную систему, а, напротив подчеркивать и разъяснять все ее позитивные черты, настаивать на ее возрождении и распространении. Хуже от этого уж точно не будет! <...>

В. В. Дементьева
(Ярославский ГУ им. П. Г. Демидова)

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

<...> Написанный в рамках истории науки очерк В. А. Филимонова «Н. И. Кареев: античность сквозь призму политики», лишний раз убеждает в том, что и российский классицизм у нас все еще рассматривается через призму политики и идеологии уже ушедших времен. Отрицательная, в целом, характеристика реформирования среднего и высшего образования — в сторону укрепления его «античного фундамента» — во второй половине XIX – начале XX вв., отстаиваемая в статье, проистекает из установки, что преобразования задумывались и внедрялись ретроgrадами и реакционерами.

Позволю себе по этому поводу «лирическое отступление». Лет двадцать назад я отправила статью в один из центральных журналов, посвященную деятельности губернских ученых архивных комиссий того же исторического отрезка, что рассмотрен в статье В. А. Филимонова (второй половины XIX – начала XX вв.). Меня, работавшую по распределению в архиве, поразило, сколько всего было собрано, тщательно описано и сохранено благодаря подвижническому труду членов архивных комиссий. В числе этих сохранных богатств были списки средневековых переводов античных памятников и сочинений, содержащих античные сюжеты, рукописные рецензии XVIII в. на издания западноевропейских трудов по древней истории⁴³ — многое из этого материала коллекций, собранных архивными комиссиями, еще и не введено до сих пор в научный обиход изучения процесса познания античности в России.

В советской же историографии господствовала характеристика архивных комиссий как «проводников реакционной политики дворянства», поэтому письменный отказ в публикации моей статьи с попыткой «реабилитации» их деятельности сопровождался словами о том, что мне «не удалось дать оценки ее научного значения». Оценка требовалась тогда другая, «идеологически выдержанная». И как на-

⁴³ Анализ одной такой рецензии был мною проведен в публикации: Дементьева В. В. «Римская история Шарля Роллена», прочитанная русским дворянином // ВДИ. 1991. №4. С. 117-122.

стойчиво ее добивались, я помню по себе. А вот почему она и сейчас (и в том же духе) требуется автору другого поколения и в иных политических условиях, — мне не понятно. Но за подвижников российского классического образования обидно. <...>

В. А. Филимонов
(Сыктывкарский ГУ)

**AUDIATUR ET ALTERA PARS,
ИЛИ ОТВЕТ НЕ В МЕРУ СТРОГИМ КРИТИКАМ**

*Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман...*
А. С. Пушкин

Второй выпуск серии «Академклуб»⁴⁴ составлен из статей, в основе которых лежат доклады слушателей курсов повышения квалификации «Актуальные проблемы изучения и преподавания античной истории и археологии», организованных Государственным университетом гуманитарных наук и Институтом всеобщей истории РАН. Так как в разделе «Дискуссия» было уделено внимание и нашей статье⁴⁵, считаем нужным прояснить свою позицию. Мы искренне благодарны И. Е. Сурикову⁴⁶ и В. В. Дементьевой⁴⁷ за проявленный интерес к нашей работе. Действительно, возделывая собственные тематические «делянки», мы зачастую мало обращаем внимания на точку зрения коллег (на это справедливо сетует в сборнике М. С. Бобкова (с. 12)), поэтому живая реакция весьма уважаемых мною маститых антиковедов многого стоит.

Вступая в дискуссию, мы исходим из того, что любая критика — доброжелательная или тенденциозная — полезна. «Праведный» гнев обоих критиков вызвала наша попытка высказать мнение об отношении либерально настроенной части русской интеллиген-

⁴⁴ Античная история и классическая археология. Академклуб: исторические науки. Вып. 2. М.: ИВИ РАН, 2006. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить организаторов курсов за слаженную и очень полезную работу. Далее — ссылки на страницы сборника приводятся в тексте.

⁴⁵ См.: Филимонов В. А. Н. И. Кареев: античность сквозь призму политики // Там же. С. 13-31.

⁴⁶ Суриков И. Е. Очень субъективные заметки // Там же. С. 235-236.

⁴⁷ Дементьева В. В. Заметки на полях сборника // Там же. С. 254-255.

ции (а Н. И. Кареев к ней, несомненно, принадлежал) к реформе школьного и университетского классического образования, предпринятой в России в 1870–1880-е гг. «Всестороннее развитие системы классического образования в России второй половины XIX – начала XX в. — пишет И. Е. Суриков — оценивается автором негативно, как барьер, созданный реакционерами против прогрессивного, демократического движения» (с. 235); ему вторит В. В. Дементьева: «Отрицательная, в целом, характеристика реформирования среднего и высшего образования — в сторону укрепления его «античного фундамента»... отстаиваемая в статье, проистекает из установки, что преобразования задумывались и внедрялись ретроградными и реакционерами» (с. 254).

Оба этих тезиса, мягко говоря, не соответствуют действительности. Начнем с того, что автором статьи вовсе не ставилась задача оценить (негативно или позитивно) «развитие системы классического образования в России второй половины XIX – начала XX в.». Полемика по вопросам гимназической (1871 г.) и университетской (1884 г.) реформ — сама по себе очень интересная тема, заслуживающая отдельного разбора, и поэтому в дальнейшем мы намерены обратиться к ней более подробно.

Напомню, что изначально нами была предпринята попытка выявить связь концепции истории античного мира Н. И. Кареева с его общественно-политическими установками. Именно поэтому в сферу нашего интереса был включен вопрос об отношении Н. И. Кареева (а не автора статьи!) к вышеупомянутой реформе. Для подкрепления собственной точки зрения мы привели авторитетное мнение Э. Д. Фролова: «натиску новых идей (с легкой руки министра народного просвещения Уварова, с его пресловутым лозунгом "православия, самодержавия и народности")», сознательно был противопоставлен консервативный барьер в лице усиленного классического образования».⁴⁸ «Эта точка зрения, — пишет И. Е. Суриков, — не нова, скорее, традиционна для нашей историографии (ср., например, историографические работы Э.Д. Фролова)», намекая на то, что почтенный петербургский профессор, а с ним и автор статьи

⁴⁸ Фролов Э. Д. Традиции классицизма и петербургское антиковедение // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 8. Москва-Магнитогорск, 2000 / <http://ancientrome.ru/publik/frolov/frol04f.htm> (май, 2007).

безнадежно отстали от современной науки, в которой «передовая» ее часть давно следует в магистральном направлении, проложенном трудами И. Е. Сурикова. Следует признать, что, к большому сожалению, мы были лишены возможности ознакомиться с фундаментальными исследованиями по истории русского антиковедения XIX – начала XX вв., вышедшими из-под пера нашего глубокоуважаемого критика, а сам он на них не указывает. Не этим ли была вызвана наша «традиционная установка», которую, как теперь стало понятно из критических замечаний, «передовая» отечественная наука давным-давно сбросила с «парохода современности»?

Откуда, в самом деле, было знать автору статьи, что оказывается, в науке давным-давно возобладало мнение (оно представлено критиками как давно сложившееся, однако ссылки на литературу вопроса наш критик не дает), что «классическое образование действительно призвано было стать барьером против деструктивных, нигилистических тенденций в общественной жизни, возымевших решительное преобладание в России в 1860-х – 1870-х гг., в пору т. н. (sic! — В. Ф.) "великих реформ"»? (с. 235). Но ведь и эта точка зрения не представляется нам новой. Дискуссия по вопросам гимназической реформы 1871 года и университетского устава 1884 года имеет долгую историю (частично ее ход был воспроизведен в нашей статье) и ведется с самого момента появления проектов этих документов⁴⁹. И речь здесь — не столько о научных, сколько о мировоззренческих позициях участников спора.

⁴⁹ Уже при голосовании в Государственном Совете против толстовского проекта было подано 29 голосов из 48, однако Александр II принял решение утвердить волю меньшинства. См.: Учитель.ру: Публикации: Гимназический Устав 1871 года // <http://teacher.fio.ru/news.php?n=27171&c=1441> (май, 2007). Проект университетского устава 1884 года также не получил поддержки в Государственном совете: критические замечания по содержанию высказали 18 его членов из 24-х. Наиболее резко протестовали бывшие министры народного просвещения А. В. Головин и А. П. Николаи, которые считали целесообразным сохранить устав 1863 года и разработать к нему несколько вспомогательных документов. Даже «Торквемада царизма» (выражение И. С. Тургенева), обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев (тот самый, что «простер совиные крыла»), которого никак нельзя причислить к либералам, выступил против ломки сложившейся университетской системы, предлагая постепенное ее реформирование на базе старого устава (см.: Дневник государственного секретаря А. А. Половцева. М., 1966. Т. 1. С. 127-130).

Попробуем разобраться. Можно по-разному относиться к реформам, проведенным в царствование Александра II. Считать их благом или злом, это, как говорится, дело вкуса автора, а о вкусах, как известно, не спорят. Существует ли более или менее объективный критерий для такой оценки? Очевидно, что таким критерием может служить только результат, т. е. ответ на простой вопрос: удалось ли достичь поставленной цели? А до этого постараться выяснить, с какой целью задумывалось и проводилось то или иное преобразование? Даже если согласиться с мнением наших критиков, что позиция Н. И. Кареева в оценке реформы классического образования была абсолютно неверной, то следует ожидать веских аргументов в защиту этого тезиса. Такие аргументы были предъявлены, и именно выяснение их основательности является целью нашего выступления.

В самом деле, если цель («задумка» — так у И. Е. Сурикова) чиновников из министерства народного просвещения «заключалась в том, чтобы поднять общекультурный уровень интеллигенции (на тот момент прискорбно низкий⁵⁰) и тем самым привлечь ее к созидательной, а не разрушительной работе», то становятся понятными и меры, предпринятые правительством для обеспечения этой «созидательной» работы. И гимназическую реформу 1871 года, предоставлявшую выпускникам классических гимназий монополию доступа в университеты и запрещавшую казенные субсидии для детей низших сословий, и университетский устав 1884 года, уничтожавший автономию профессорской корпорации, предусматривавший удвоение платы за обучение и вводивший строгий полицейский надзор за студентами, следует признать «идеально» соответствующими представлениям нашего критика о привлечении интеллигенции к созидательной работе.

Однако, ни для кого не секрет, что реализация толстовской программы сначала привела к резкому сокращению числа студентов

⁵⁰ Всерьез полагая, что «подлинно культурных людей в эпоху Писарева и Нечаева (именно так у И. Е. Сурикова, а И. С. Тургенев, А. Н. Островский, Н. А. Некрасов и многие другие, разумеется, не в счет и символами эпохи быть никак не могут. — В. Ф.) было в среде интеллигенции очень немного» (с. 235), нашему критику трудно будет отрицать, что период «великих реформ» (т. н.!) 1860–70-х гг. был действительно временем необычайного общественного подъема в России, как раз и вызванного этими реформами!

на историко-филологических факультетах университетов, и особенно на классических отделениях⁵¹, вызвала резкое неприятие значительной части российского общества и, в конечном итоге, разрушила некогда стройную систему классического образования. «Получалось, — писал А. А. Кизеветтер, — что ученики шли в гимназию как на каторгу и решительно утверждались в том убеждении, что источников умственного света надо искать помимо казенной школы»⁵². Невозможность обучения в университете из-за чрезвычайно высокого образовательного и денежного ценза усугубило раскол русской интеллигенции, в ее среде возобладал не классицизм, а радикализм. Значительная часть молодежи, которая могла бы постигать науки в университетских аудиториях, сначала отправилась «в народ», затем стала ядром террористических организаций и, наконец, пошла в революцию.

Видимо, уважаемый Игорь Евгеньевич уверен, что *exitus acta probat*? Столь любезное ему принудительное насаждение древних языков в гимназии (одно только и способное, по его мнению, поднять «прискорбно низкий» «общекультурный уровень интеллигенции») и превращение историко-филологического факультета университета в специальную школу древних языков, должны перевешивать все издержки упомянутых нововведений, а принадлежность к корпорации антиковедов автоматически снимает с любого ее члена ярлык реакционера. «Не будем забывать — пишет наш критик — что поборниками и организаторами системы классического образования были не только «одиозные» личности вроде графа Дмитрия Толстого или Каткова, но и выдающиеся антиковеды — П. М. Леонтьев, А. Н. Шварц и др.» (с. 236). Однако даже неиску-

⁵¹ Так, в 1885 г. «число студентов, поступивших на историко-филологический Ф. в Москве, было 112, но в следующие годы оно все более и более спускалось и в 1889 г. упало до 46». (Факультеты // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902. Т. 69. С. 254). Студентам, говорил, анализируя эту ситуацию, Н. И. Кареев, «представляется, что на историко-филологическом факультете их заставят опять зубрить латынь и греков, и вот из такого ... представления вытекает и нелюбовь к филологическому факультету» (У профессора Н. И. Кареева [интервью] // Петербургская газета. 1897. № 107).

⁵² *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 1997. С. 80.

шенному читателю известно, что П. М. Леонтьев, действительно немало сделавший для развития российского антиковедения в 1850-е годы (достаточно упомянуть выпуск при его непосредственном участии первого российского специализированного издания по античности — альманаха «Пропилеи»), современниками (и консерваторами, и либералами, и радикалами) воспринимался исключительно как правая рука реакционера Каткова⁵³. «Одиозность» последнего вынужден признать даже И. Е. Суриков, хотя в 1852 г. Катков написал «Очерки древнего периода греческой философии» и может, таким образом, формально быть подведен под категорию антиковеда, а не реакционера.

Следуя логике И. Е. Сурикова, упоминаемый им чеховский Беликов с его прекрасным, думается, знанием классических языков попадет в число «созидателей» («культурный человек — пишет наш критик — никогда не будет разрушителем»), а сам А. П. Чехов, в качестве мишени для своей сатиры избравший (*horribile dictu!*) учителя греческого языка, должен быть причислен к разряду «разрушителей» русской культуры⁵⁴. К числу таких же «разрушителей» (их отрицательная оценка толстовско-леонтьевской реформы приведена

⁵³ Достаточно обратиться к датируемой 1896 годом статье о П. М. Леонтьеве из Словаря Брокгауза и Ефрона: «Л[еонтьев] видел спасение от "язвы материализма" исключительно в изучении молодежью древних классиков и немало способствовал гимназической реформе, проведенной в 1871 г. гр. Д. А. Толстым» (В. К. Леонтьев Павел Михайлович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. 34). См. также последнюю по времени публикацию о М. Н. Каткове: Бражкина А. В. Почти скандальная смерть «почти великого человека» // Человек второго плана в истории. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2005. С. 136-158.

⁵⁴ Можно, конечно, и традиционную оценку творчества А. П. Чехова как великого гуманиста, сложившуюся в нашей литературе, также посчитать устаревшей, однако отметим, что этот «разрушитель культуры» на свои деньги построил школы в подмосковных селах Талеж и Новоселки и в деревне Мелихово. Известно, что пожертвовал средства на постройку школы для крестьянских детей в с. Аносово еще один «разрушитель» — Н. И. Кареев. Катков же на пару с Леонтьевым («созидатели»!) основал за казенный счет собственный бизнес в сфере образования — открыл платный элитный Московский лицей памяти цесаревича Николая. Не напомнит ли уважаемый критик нам хотя бы одного выпускника этого «образцового» учебного заведения, ставшего впоследствии известным антиковедом?

в статье) следует отнести как упомянутых нами С. Н. Трубецкого, А. А. Кизеветтера, В. П. Бузескула, В. И. Модестова, так и многих других, неупомянутых (В. О. Ключевского и П. Н. Милюкова, например). И, видимо, правильно поступили чиновники из министерства просвещения, изгнав из университета В. И. Модестова, хотя у него, смеем думать, никак не меньше заслуг перед российским антиковедением, чем у «созидателя» А. Н. Шварца.⁵⁵ Напомним, что и «политиканствующий (sic!, не думаю, что И. Е. Сурикову невдомек, что в русском языке это слово несет явно негативную коннотацию — В. Ф.) Н. И. Кареев» (с. 236) только через 12 лет после защиты докторской диссертации стал экстраординарным профессором⁵⁶, а в

⁵⁵ Вот что пишет современный исследователь: «Естественно, В. И. Модестов не был противником преподавания "классических языков" в средней школе, но выступал, по его же выражению, за "умеренный классицизм" как результат сокращения школьных программ по латыни и древнегреческому языку. Будучи теоретиком и практиком «исторического» метода исследования и преподавания античности, он бескомпромиссно изобличал педагогическую вредность "гнилого направления" формально-грамматической догматики их преподавания по предписаниям учебников германских профессоров Цумпта и Кюнера, являвшихся для подавляющего большинства русских филологов-латинистов непрекаемыми авторитетами. ...Бескомпромиссная критика российского школьного "классицизма", бдительно опекаемого толстовским министерством просвещения, не прошла для В. И. Модестова даром. В 1880 году ему, в то время профессору Петербургской духовной академии, по распоряжению Д. А. Толстого, обер-прокурора Св. Синода и министра народного просвещения, было рекомендовано под угрозой увольнения "без прощения" покинуть государственную службу на двадцать первом году академической деятельности без пенсии по выслуге лет, без достаточных средств к достойному существованию. Поводом для репрессий послужила серия из пяти статей под заглавием "Школьный вопрос", опубликованных в сентябре-октябре 1879 г. в газете "Голос"» (Василий Иванович Модестов — ученый, просветитель, публицист // *Модестов В. И. Заграничные воспоминания* // <http://museum.novsu.ac.ru/body.php?chap=people&sub=109> (май, 2007 г.).

⁵⁶ В докладной записке ректору Петербургского университета от 3 апреля 1890 г. Н. И. Кареев писал: «...два раза меня обходили представлением в ординарные профессора, так как вакансии отдавались магистрам, не имевшим на них формального права, когда я, наоборот, уже был доктором своей науки». В ответ на записку декан историко-филологического факультета Петербургского университета писал 16 апреля 1890 г. министру народного просвещения: «Из лиц, имеющих формальное право на замещение, проф. Кареев занимает, бесспорно, первое место по службе и вообще по своему нахождению в Петер-

1899 г. за свои взгляды был изгнан из университета, к чему приложил руку министр Н. П. Боголепов (кстати, профессор римского права по основной своей специальности).

Однако на все это уважаемый Игорь Евгеньевич не обращает никакого внимания, для него гораздо важнее то, что Н. И. Кареев «обидел» коллегу по цеху профессора Ф. Ф. Соколова (того самого, за которого вступилось университетское начальство, а теперь еще и И. Е. Суриков), назвав его курс «неимоверно скучным и совершенно безыдейным». И вот готов ярлык — безыдейный, «читай: не было политической пропаганды в "прогрессивном" духе» (с. 236), хотя для любого мало-мальски знакомого с научным наследием Н. И. Кареева известно, что последний неоднократно выступал против политизации исторической науки⁵⁷. Для Кареева безыдейность курса Соколова заключалась в том, что тот считал обязанностью историка только изложение сырого фактического материала и отказ от какой бы то ни было его интерпретации. При этом как раз научные заслуги Ф. Ф. Соколова никоим образом не подвергаются сомнению Н. И. Кареевым (именно это вменяет ему в вину наш строгий критик), наоборот, им он характеризуется как «человек большой учености и хороший руководитель будущих специалистов»

бургском университете. Но есть еще точка зрения справедливости, по которой, по моему мнению, ранее повышения проф. Кареева заслуживали бы поощрительного внимания высшего начальства проф. Соколов и Эрнштедт (оба — «классики», не имевшие докторской степени. — *В. Ф.*)» (РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 628. Л. 1, 16). Напомним также о том, в 1905 г. Н. И. Кареев был заключен в Петропавловскую крепость за участие в депутатии ряда литературных и общественных деятелей Петербурга, обратившихся к правительству с просьбой отказаться от применения силы против народной манифестации 9 января. Подробнее см.: *Лантева Л. П.* Русский историк Н. И. Кареев (1850–1931) и его взаимоотношения с политическими режимами // Проблемы славяноведения. Вып. 2. Брянск, 2000. С. 88-95.

⁵⁷ «Для меня — писал он — история была всегда самодовлеющей наукой, ни в коем случае не прислужницей политики» (*Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 250). Следует пояснить, что в политику Н. И. Кареев (в 1906 г. он был избран депутатом I Государственной думы) пошел не по собственной воле, а после того, как был отлучен от профессорской кафедры. Между тем, «классики», получившие от правительства министерские портфели (Н. П. Боголепов, А. Н. Шварц, Г. Э. Зенгер), после своего назначения отошли от науки, никак не проявив себя в качестве исследователей античности.

(с. 31). Создается впечатление (может и ошибочное), что если бы Ф. Ф. Соколов читал, к примеру, историю Английской революции, то наш уважаемый критик был бы вполне согласен с кареевской оценкой («скучный» и «безыдейный» курс).

Но, может быть, действительно все издержки реформы нейтрализуются тем, что «она породила блистательный взлет русской культуры в начале XX века», и названные рецензентом Вяч. Иванов, И. Ф. Анненский и Ф. Ф. Зелинский, чьи имена и в самом деле «вряд ли нуждаются в рекомендациях», суть именно «"продукты" эпохи классического образования в России» (с. 236)? Позвольте не согласиться и с этим. Достаточно обратиться к биографиям выше-названных деятелей культуры, чтобы увидеть, что ни один из них не был «продуктом» толстовской реформы, скорее, наоборот, все они в той ли иной мере достигли высот вследствие того, что их, к счастью, «миновала чаша сия».

Так, И. Ф. Анненский писал, что «всецело обязан» своим «интеллигентским бытием» старшему брату — Н. Ф. Анненскому (известный в дальнейшем общественный деятель-народник, публицист и ученый, за свои прогрессивные взгляды подвергавшийся репрессиям со стороны правительства), акцентируя, что тот принадлежал «к поколению 60-х годов»⁵⁸, — той самой «эпохе Нечаева и Писарева», нещадно критикуемой И. Е. Суриковым. В 1872 г. И. Ф. Анненский был вынужден прекратить обучение в частной гимназии из-за расстройств материальных дел семьи; в казенную гимназию из-за непомерно высокой платы (прямое следствие толстовской реформы!) путь ему был закрыт, поэтому готовиться к экзаменам на аттестат зрелости пришлось самостоятельно, с помощью старшего брата-шестидесятника. Что же касается его учебы на историко-филологическом факультете Петербургского университета, то И. Ф. Анненский успел закончить его в 1879 г., т. е. еще в пору действия либерального университетского устава 1863 года⁵⁹. Во всех биографиях Вяч. Иванова указывается, что тот, хотя и обучался в 1-й московской гимназии в 1875–1884 гг. и закончил ее с золотой медалью, однако «в двенадцать лет ...*самостоятельно*» (выделено нами. —

⁵⁸ Цит. по: Федоров А. В. Творчество Иннокентия Анненского в свете наших дней // Анненский И. Ф. Избранные произведения. М., 1988. С. 4.

⁵⁹ Там же. С. 5.

В.Ф.) начал изучать древнегреческий язык», при этом отмечается, что «гимназические годы Иванова не были безоблачными — семья обеднела, и будущий поэт давал много частных уроков»⁶⁰. В Московском университете, куда Вяч. Иванов поступил в 1884 г., он проучился 2 года (под руководством выдающегося медиевиста П. Г. Виноградова), а затем уехал в Берлин, где продолжил образование у Т. Моммзена и именно под его руководством написал магистерскую диссертацию о римских откупах.

И, наконец, Ф. Ф. Зелинский обучался не в классической гимназии, а в немецкой школе Св. Анны в Петербурге (1869–1873), ибо, как пишет его современный биограф, «в русской гимназии ребенок мог столкнуться с неприязненным к себе отношением»⁶¹. Продолжив образование в Русской филологической семинарии при Лейпцигском университете, он получил здесь в 1880 г. степень доктора философии, однако в Петербурге его магистерская степень не была признана, и ему пришлось защищать свою диссертацию вторично. Подготовленная им затем докторская диссертация также не была принята в Петербурге, и пришлось защищать ее в Дерпте⁶². Так что ни один из названных И. Е. Суриковым ничем не обязан толстовско-леонтьевской реформе классического образования, что, конечно же, нисколько не умаляет их значения в истории русской культуры.

Надо сказать, что через некоторое время пагубность последствий внедрения в систему высшего и среднего образования «классицизма» в его формально-грамматической модификации стала очевидна не только либеральной общественности. Понимание неизбежности перемен «проникала постепенно и в правительственные круги»⁶³, о чем свидетельствуют предпринятые меры по ликвидации некоторых наиболее одиозных проявлений реформы (существенные изменения в сторону послабления классицизма, внесенные в

⁶⁰ Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949) // <http://penza.fio.ru/personal/34/3/10/ivanov.htm> (май, 2007 г.)

⁶¹ Лукьянченко О. Вертикаль жизни Фаддея Зелинского // Ростовская электронная газета. 2000. № 22(52) <http://www.relga.rsu.ru/n52/cult52.htm> (май, 2007 г.)

⁶² Там же.

⁶³ Антощенко А. В. «Классицизм» или «реализм»: обращение к европейскому опыту и среднее образование в России (комиссия 1900 г.) // Диалог со временем. Вып. 6. М., 2001. С. 135.

указ гимназий в 1891 г., работа комиссии 1900 года; и др.). Известно, что в 1913 г. был опубликован план перестройки всей системы русского высшего и среднего образования, направленный (с сохранением в разумных объемах преподавания древних языков в гимназиях) на приближение его (образования) к запросам реальной жизни, однако время было упущено. Мировая война и последовавшая за ней трагедия 1917 года окончательно похоронили надежды прогрессивной общественности на возврат к «умеренному классицизму», а затем привели к полному разрушению системы не только классического, но всего среднего и высшего образования в России (кстати, при прямом участии В. И. Ленина — еще одного "продукта" толстовской реформы, в свое время закончившего с золотой медалью именно классическую гимназию, что, по мысли И. Е. Сурикова, должно автоматически гарантировать ему статус «культурного человека», «созидателя», а не «разрушителя»).

Попутно отметим, что рецензентом применен недопустимый, на наш взгляд, прием, когда автору приписывается то, чего он никогда не утверждал, а затем именно эта точка зрения подвергается нещадной критике. Произошла элементарная подмена понятий: речь шла об отношении Н. И. Кареева к *реформе* классического образования 1870–80-х гг., а не к самому классическому образованию в целом. Напомним, что блестяще знавший оба древних языка Н. И. Кареев также в свое время окончил классическую гимназию (с золотой медалью), но не толстовскую, а «головнинскую» (руководствовавшуюся введенным в министерство А. В. Головнина гимназическим уставом 1864 года, который предусматривал изучение латыни в течение пяти и греческого языка в течение трех лет), с ее «умеренным классицизмом», когда еще, по выражению Н. И. Кареева «свободный дух шестидесятых годов не уступил места катковщине»⁶⁴.

Критика В. В. Дементьевой, кроме той части, в которой она солидарна с И. Е. Суриковым (реформа классического образования 1870–80-х гг. — благо), направлена на самую возможность постановки вопроса так, как это сделано автором статьи: «российский классицизм, — пишет она, — у нас *все еще* (выделено нами. — В. Ф.) рассматривается через призму политики и идеологии ушедших времен» (с. 254). Во-первых, о придании именно такой направленности

⁶⁴ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. С. 97.

статьи нас попросил один из организаторов курсов проф. С. Г. Карпюк, за что хочется еще раз выразить мою искреннюю благодарность и признательность, во-вторых, ничего крамольного в такой постановке мы не видим, и фраза «идеологии ушедших времен» пусть останется на совести рецензента, так и не разъяснившей в чем, собственно, состоит ретроградство автора. Признание же чиновников-авторов реформы классического образования в России (вне зависимости от того, антиковеды или не-антиковеды стояли у ее руля!) реакционерами и ретроgrадами нельзя считать продуктом исключительно советской эпохи, когда античная история (как и вся историческая наука в целом) оказалась в оковах идеологических догм, и уж тем более это не есть «гениальная» догадка подвергнутого методологическому остракизму автора статьи!

Если недостаточно приведенных в нашей работе негативных оценок этой реформы выдающимися русскими гуманитариями (в том числе антиковедами В. П. Бузескулом и В. И. Модестовым), сошлюсь на запись от 30 мая 1872(!) г. в «Дневнике» А. В. Никитенко, которого моим критикам трудно будет заподозрить в приверженности к догмам марксизма-ленинизма: «Не есть ли чистое безумие думать о создании у нас консервативной умственной аристократии (за отсутствием политической) посредством греческого и латинского языков? А между тем это, по-видимому, мысль графа Толстого и его повелителей — Каткова и Леонтьева. Умственная аристократия — вещь очень хорошая, но она создается сама собою из высших образованных умов, почерпающих свою силу вообще в знании, в науке, в искусстве и прилагающих ее честно и разумно к многообразным требованиям общества и управления. Но для этого-то, говорят, и нужно серьезное классическое знание. Почему же именно только классическое? ...Ведь какую бы образовательную силу ни признавали за классицизмом, все-таки это не более как сила формальная... Вы хотите создать правителей, руководителей умов и общества из классиков, и это будет настоящая соль русской земли, аристократия умственная в консервативном духе? Да как же эти правители и руководители будут поступать, когда нужда или жизнь общества потребует от них соображений финансовых, политико-экономических, строительных, знания природы, знания людей и народов? Дадут ли им для этого средства классические знания?.. По

мнению господ, защищающих проект графа Толстого, выходит, что нельзя быть ни отличным финансистом и политико-экономом, ни инженером, ни полководцем и проч., не убив своей юности на изучение греческих спряжений, склонений и синтаксиса?»⁶⁵. К слову, установленная нашими критиками мнимая солидарность Н. И. Кареева и В. П. Бузескула с историками-марксистами школы Покровского в оценке реформы классического образования не уберегла обоих ученых от погрома, устроенного последними на заседании методологической секции историков-марксистов 18 декабря 1930 г.⁶⁶, что привело к их скорой смерти (оба умерли в 1931 г.).

Возражать можно было бы еще долго, но Н. И. Кареев не нуждается в нашей защите, тем более что содержащиеся в статье аргументы, на которые И. Е. Суриков и В. В. Дементьева не обратили ровно никакого внимания, нам представляются вполне убедительными и достаточными. Здесь дело в другом. По мнению критиков, главная вина автора статьи состоит в покушении на корпоративное единство коллег по цеху: «Метая критические стрелы в издержки классического образования, мы даем лишние козыри в руки тем, кто мечтает совсем “прикрыть” в России антиковедение» (с. 236). Иными словами, стремление к восстановлению объективной картины представлено как «раскачивание лодки» и попытка «лить воду на мельницу» неведомых врагов антиковедения и исторической науки в целом. Поверьте, уважаемые не в меру строгие критики, что мы не меньше вашего озабочены состоянием исторического (в том числе и классического) образования в России. Факт падения общекультурного уровня студентов (а с ними мы ежедневно встречаемся в университетских аудиториях), никем не оспаривается. Не оспаривается автором и тезис о важности «античного фундамента» (знание древних языков и богатейшего наследия античной культуры), как никогда он не оспаривался и Н. И. Кареевым⁶⁷. Однако делать фигурой

⁶⁵ Никитенко А. В. Дневник. М., 1956. Т. 3. С. 241.

⁶⁶ См.: Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.) // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 44-86.

⁶⁷ Не могу удержаться от двух цитат, приведенных мною в статье: «в интересах умственной культуры русского народа мы должны желать возможно высокого уровня классического образования в наших гимназиях» (с. 20) и «доказывать значение изучения классических народов в целях... гуманного образования... я нахожу совершенно излишним» (с. 21). На первый взгляд оба этих

умолчания те негативные моменты в реализации программы классического образования (прежде всего, ее цели и методы) в угоду корпоративному снобизму мы считаем противоречащим и самому характеру нашей науки, и простому здравому смыслу. «Непозволительно, — писал в свое время Н. И. Кареев, — естественную и логическую связь фактов заменять искусственной и противной законам логики из-за того, что так лучше выходит для нашего патриотизма или для симпатичного нам политического направления»⁶⁸.

Выслушав критику, мы пришли к еще большему убеждению, что призыв «настаивать на ...возрождении и распространении» (с. 236) негативного опыта 70–80-х гг. XIX в. дискредитирует нашу науку. Представим на минуту, что была бы воплощена в жизнь, скажем, указом Президента, модель образования, где в основе исторической составляющей школьного курса осталась бы **главным образом** древняя история, а весь филологический компонент сводился бы **прежде всего** к изучению греческого языка и латыни. При этом (как это было сделано в 1871 г.) в программу вступительных экзаменов на **все** факультеты университетов будут введены оба древних языка. При всей утопичности и фантастичности этой картины, совершенно ясно, что идеально этой модели могла бы соответствовать только зловещая фигура «человека в футляре».

Взгляды Н. И. Кареева и других представителей либеральной гуманитарной мысли, думаю, понятны. В поисках более подробной аргументации отсылаем читателя к нашей статье в сборнике. Теперь (коль скоро на несчастного автора статьи посыпались обвинения в коллаборационизме) в виде кратких тезисов обозначу собственную позицию.

- Реформа высшего образования в России, осуществленная в 70–80-е гг. XIX в. реакционерами и ретроgrадами с чуждыми науке целями и негодными методами, стала, по сути, контрреформой. Печальные плоды этой ситуации мы продолжаем пожирать до сих пор.

высказывания взяты из одного источника, однако первое принадлежит Ф. Ф. Зелинскому, которого И.Е. Суриков однозначно считает «продуктом» эпохи классического образования в России, второе — «разрушителю» Н. И. Карееву.

⁶⁸ Кареев Н. И. Историка (Теория исторического знания). 2-е изд. СПб., 1916. С. 219.

- Вызвавшее справедливое негодование прогрессивно настроенной русской общественности насильственное насаждение в непомерных объемах классических языков и древней истории в ущерб общеобразовательным предметам, в конечном счете, способствовало крушению одной из «великих реформ» 1860-х гг. — университетской.

- Позиция автора вполне солидарна с теми представителями русской науки об античности (В. И. Модестов, В. П. Бузескул, Н. И. Кареев), которые считали, что главное богатство античного наследия заключается не в греческой грамматике, а в идеях, учреждениях и шедеврах культуры, порожденных греко-римским миром.

- То, что историческая наука советского времени называла консерваторов-реформаторов 1870–80-х гг. реакционерами, не дает никаких оснований (по принципу отрицания отрицания) причислять последних к сторонникам прогресса и демократии.

- Ложно понимаемая авторами рецензии корпоративная чистота подрывает престиж нашей науки, превращая общество антиковедов в замкнутую секту, отгораживающуюся от запросов реальной жизни бетонной стеной с колючей проволокой и сторожевыми вышками по периметру.

- Критикуя коллег, следует руководствоваться, прежде всего, интересами научной истины *sine ira et studio*, с тщательной проработкой вопроса, хотя бы на уровне литературы, без навешивания идеологических ярлыков, учитывая, что сам факт принадлежности к корпорации не предполагает, по определению, единства мировоззренческих установок.

- Автор полагает, что, к сожалению, на сегодняшний день в России нет объективных условий для восстановления системы классического образования в ее европейском варианте. Слишком тяжелы оказались последствия контрреформ 1870–80-х гг. и не менее губительных «преобразований» советского времени.

- Сейчас задача-минимум — создание условий для введения *хотя бы одного* из классических языков в качестве обязательного в *специализированных* средних учебных заведениях гуманитарного профиля (гимназиях, лицеях и т. п.) и организация

системы подготовки специалистов по этому предмету (здесь реальную помощь могли бы оказать университетские преподаватели-антиковеды).

- После решения этой задачи можно ставить вопрос о включении в Государственный образовательный стандарт преподавания двух классических языков — на первых порах для студентов, специализирующихся по античной истории, а по мере подготовки кадров и для всех студентов-историков.

- Есть смысл силами научной общественности (инициатором мог бы стать ИВИ РАН или РОИИ) создать специальную комиссию или фонд по изучению и популяризации богатейшего наследия российского антиковедения (а может и исторической науки в целом), подготовке и осуществлению плана издания исследований о русских антиковедах и переиздания их трудов⁶⁹.

Подводя итог дискуссии, нельзя не отметить, что современным исследователям удалось главное — сохранить традиции российской школы антиковедения, вполне сформировавшиеся к рубежу XIX–XX вв. Доказательством тому служит и нынешняя дискуссия. Позвольте еще раз выразить искреннюю благодарность за внимание к нашей работе со стороны столь уважаемых мною ученых, авторов первоклассных исследований по истории Древней Греции и Рима и извиниться, если наш тон показался им слишком резким, а само выступление излишне эмоциональным. Все это следует объяснять исключительно полемическим задором.

В заключение, не можем удержаться, чтобы не процитировать еще одно высказывание, принадлежащее, между прочим, уже упоминавшемуся нами Ф. Ф. Соколову: «Ведь это чистый бунт, восстание начинающего ученика против заслуженных и почтенных учителей. Но учиться у них я не перестал и не перестану, а все-таки, ради истины, считаю долгом указать на ту неправду, которая гнездится по местам в их сочинениях»⁷⁰.

⁶⁹ За образец можно взять действовавшую в 1920-е годы Комиссию по истории знаний при АН СССР.

⁷⁰ Соколов Ф. Ф. Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии. СПб., 1865. С. 24.

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

ВЫПУСКИ 1–20

УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ*

Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории = Dialogue with Time : Intellectual History Review / Рос. Акад. наук, Ин-т всеобщей истории, Центр интеллектуал. истории. – М. : ИВИ РАН, 1999 – . – 20 см.

Альманах – первое в России периодическое издание, посвященное проблемам интеллектуальной истории, исследовательское пространство которой охватывает историю идей и идеологий, философской, общественной и политической мысли, естествознания и техники, социальных и гуманитарных наук, историю книги, религии, литературы, искусства, музыки, исторической науки, т. е. исторических аспектов всех видов творческой деятельности человека.

Заглавие Вып. 1 : Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории = Dialogue with Time : Intellectual History Yearbook.

Заглавие Вып. 3 : Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории = Dialogue with Time : Intellectual History Miscellanea.

Вып. 1–3 : под ред. Л.П. Репиной, В.И. Уколовой.

С Вып. 4 : гл. ред. Л.П. Репина ; редкол. : М.С. Бобкова, П.П. Гайденко, И.Н. Данилевский, Г.И. Зверева, С.Я. Карп, М.С. Петрова (отв. секретарь), Е.И. Пивовар, В.И. Уколова, С.А. Экштут, А.Л. Ястребицкая.

С Вып. 17 : гл. ред. Л.П. Репина ; зам. гл. ред. М.С. Петрова ; редкол. : М.С. Бобкова, И.В. Ведюшкина, Е.А. Вишленкова, В.В. Зверева, И.Н. Ионов, С.Я. Карп, М.С. Киселева, С.И. Маловичко, А.Ю. Серегина (отв. секретарь), С.А. Экштут ; редсовет : К.А. Агирре Рохас, М.В. Бибииков, К. Блэквэл, В.П. Буданова, Т.А. Бульгина, П.П. Гайденко, И.Н. Данилевский, Г.И. Зверева, В.П. Корзун, Б.Г. Могильницкий, Г.П. Мягков, И.В. Нарский, В.В. Петров, Е.И. Пивовар, Й. Рюзен, М.Ф. Румянцева, И.М. Савельева, А.Б. Соколов, Р. Тоштендаль, В.И. Уколова, Н.А. Хачатурян, Чен Чинун.

Вып. 14 не содержит Summaries.

Вып. 1–7 утверждены к печати Ученым советом Института всеобщей истории Российской Академии наук.

[Вып.] 1/99. – 1999. – 368 с. – 600 экз. – ISBN 5-201-00519-5.

1. Репина Л.П. Что такое интеллектуальная история? : [вместо предисл.] / Л.П. Репина. – С. 5-12.

2. Гайденко П.П. Понятие времени в античной философии / П.П. Гайденко. – С. 13-35. – Трактровка времени у Платона, Аристотеля и Плотина.

3. Колосова О.Г. Восприятие времени в диалоге Тацита «Об ораторах» / О.Г. Колосова. – С. 36-45.

* Составитель Р. Б. Казаков.

4. Петров В.В. Эпилог *Aulae sidereaе* Иоанна Скотта (vv.72-101) и предшествующая поэтическая традиция / В.В. Петров. – С. 46-59. – Эпилог поэмы, предназнач. в дар королю зап. франков Карлу II Лысому. Третья четв. IX в.
5. Ведюшкина И.В. Библейское предание о разделении земли в раннехристианской и византийской традиции / И.В. Ведюшкина. – С. 60-83.
6. Козик О.М. Понятие «богатства» в контексте истории : учение св. Кирилла Туровского / О.М. Козик. – С. 84-108. – «Слова» и др. произведения. XII в.
7. Смирнов П.М. Защищая права художника : Бернард Шоу об отношениях Искусства и Власти / П.М. Смирнов. – С. 109-119.
8. Андронов И.Е. Интеллектуалы Неаполя : Фаусто Николини, его друзья и герои / И.Е. Андронов. – С. 120-138. – Итал. историк и архивист (1879–1965).
9. Айзенштат М.П. Исторические взгляды британских утилитаристов / М.П. Айзенштат. – С. 139-151. – И. Бентам и его последователи перв. пол. XIX в. Д. Милль, Дж.С. Миль, Дж. Картрайт.
10. Фадеева Л.А. Образ викторианской эпохи в коллективной памяти англичан, [XX в.] / Л.А. Фадеева. – С. 152-169.
11. Борозняк А.И. Против забвения : «Черная серия» нем. изд-ва «Фишер» / А.И. Борозняк. – С. 170-183. – Сер. «Время национал-социализма», изд. с 1977 г.
12. Бобкова М.С. Эпоха религиозных войн во Франции и рождение исторической науки Нового времени / М.С. Бобкова. – С. 184-200.
13. Патрушев А.И. Курт Брейзиг – еретик исторической науки / А.И. Патрушев. – С. 201-214. – Нем. историк и социолог перв. трети XX в.
14. Жигунин В.Д. Между монизмом и плюрализмом : рос. историческая мысль на рубеже XIX–XX вв. / В.Д. Жигунин, Г.П. Мягков. – С. 215-222.
15. Ляляев С.В. Эстетика истории : «История Англии» Т.Б. Маколея / С.В. Ляляев. – С. 223-231.
16. Зверева В.В. Беда Достопочтенный в историографической культуре XIX–XX вв. : четыре интерпретации / В.В. Зверева. – С. 232-249.
17. Зверева Г.И. Обращаясь к себе : самопознание профессиональной историографии в конце XX века / Г.И. Зверева. – С. 250-265.
18. Рубинштейн Е.Б. Роберт Дарнтон : «интеллектуальная история снизу» / Е.Б. Рубинштейн. – С. 266-278. – Исследователь европ. Просвещения, президент Американской ист. ассоциации, род. в 1939 г.
19. Серегина А.Ю. Идея народного договора в елизаветинской Англии : Роберт Парсонс и его «Рассуждение о наследовании английского престола» / А.Ю. Серегина. – С. 279-294.
20. Петрова М.С. Грамматическая наука в поздней античности и в средние века : *Ars minor* Доната / М.С. Петрова. – С. 295-304. – Римский грамматик IV в. и его соч.

21. Донат. Краткая наука о частях речи / Донат ; пер. и коммент. М.С. Петровой. – С. 306-334. – Текст парал. лат., рус. Публ. по изд. : *Donati de partibus orationis ars minor // Grammatici latini.* – Leipsig : [S. n.], 1864. – Vol. IV.

22. Воспоминания Е.В.Тарле о работе в западных архивах / вступ. ст., публ. и коммент. Б.С. Кагановича. – С. 335-356. – Стеногр. лекции «Архивы Запада», чит. 2 дек. 1939 г. в Ист.-арх. ин-те (АРАН. Ф. 627. Оп. 1. Д. 269а. 38 л.).

23. Summaries. – С. 357-362.

[Вып.] 2. – М. : УРСС, 2000. – 300 с. – 300 экз. – ISBN 5-8360-0009-3.

24. Репина Л.П. Интеллектуальная история сегодня : проблемы и перспективы : [вместо предисл.] / Л.П. Репина. – С. 5-13.

25. Балакин В.Д. Средневековая Римская империя : идея и реальность / В.Д. Балакин. – С. 14-35. – IX–X вв.

26. Савельева И.М. Эмпирические основания исторической науки / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – С. 36-51.

27. Сотникова С.И. Естественнонаучные методы в современном историческом познании / С.И. Сотникова. – С. 52-69.

28. Экштут С.А. «Несбывшееся – воплотить!» : опыт историко-соф. осмысления сослагат. наклонения в истории / С.А. Экштут. – С. 70-94.

29. Шкаренков П.П. «Vagiae» Кассиодора в контексте поздней античной интеллектуальной культуры / П.П. Шкаренков. – С. 95-109.

30. Петрова М.С. Марциан Капелла : (просопогр. очерк) / М.С. Петрова. – С. 110-141. – Автор V в.

31. Козик О.М. Загадка Девы Мид в поэме Уильяма Ленгленда : пробл. «правильного» в Англии XIV века / О.М. Козик. – С. 142-160.

32. Чайковский Ю.В. Основатели Милетской школы : (к истории рожд. европ. науки) / Ю.В. Чайковский. – С. 161-181.

33. Бурганова А.Л. Уроки Уильяма Самнера / А.Л. Бурганова. – С. 182-191. – Американский социолог (1840–1910).

34. Бобкова М.С. Жан Боден о предмете истории / М.С. Бобкова. – С. 192-208. – Франц. мыслитель, полит. деятель, правовед (1530–1596) и его труд «*Methodus ad facilem historiarum cognitionem*» (Paris, 1566).

35. Борозняк А.И. Реалии «обыкновенного фашизма» в зеркале локальных историко-антропологических исследований / А.И. Борозняк. – С. 209-224. – О сочинениях ежегод. конкурсов индивидуальных и коллективных раб. школьников по герм. истории 70–80-х гг. XX в. в ФРГ.

36. Ермаченко И.О. Дальневосточная культурная традиция и поэзия русского постмодернизма / И.О. Ермаченко. – С. 225-247. – См. № 60.

37. Маркасова Е.В. Историко-культурный контекст постмодернистской цитаты (времена года в поэме Т. Кибирова «Буран») / Маркасова Е.В. – С. 248-262.

38. В.С. Люблинский о Тюрго и Кондорсе / публ. : Л.Б. Вольфцун, Б.С. Каганович. – С. 263-272. – Публ. раб. «Идея прогресса и восприятие действительности у Тюрго и Кондорсе : (сообщение на сес. по Просвещению XVIII века)», созд. в нояб. 1967 г. Один из экз. рук. – в ОР РНБ (Ф. 1268. Д. 228).
39. Рубинштейн Е.Б. Размышляя над книгой о становлении историзма : [о кн. М.А. Барга «От Макиавелли до Юма. Становление историзма» (М., 1998)] / Е.Б. Рубинштейн. – С. 273-284.
40. Володихин Д.М. Изящный семинар в сумерках Просвещения : [о кн. С.А. Экштута «На службе российскому Левиафану. Исторический опыт» (М., 1998)] / Д.М. Володихин. – С. 285-290.
41. Summaries. – С. 291-296.
- [Вып.] 3.** – М. : УРСС, 2000. – 352 с. : ил. – 300 экз. – ISBN 5-8360-0189-8.
42. Репина Л.П. Время, история, память : (ключевые пробл. историографии на XIX Конгрессе МКИИ) : [вместо предисл.] / Л.П. Репина. – С. 5-14.
43. Савельева И.М. История как теоретическое знание / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – С. 15-33.
44. Бессмертный Ю.Л. Это странное, странное прошлое... / Ю.Л. Бессмертный. – С. 34-46. – Ист.-антропол. исслед. по истории западно-европ. средневековья 70–80-х гг. XX в.
45. Экштут С.А. История и литература : «полоса отчуждения»? / С.А. Экштут. – С. 47-72. – Взаимоотношения ист. науки и худож. лит. в XVIII–XX вв., в частн. в России перв. трети XIX в.
46. Смердов И.В. «Кризис западной философии» В.С. Соловьева как философская история : опыт нарратив. анализа / И.В. Смердов. – С. 73-94.
47. Ростиславлева Н.В. Н.И. Кареев и Карл фон Роттек : традиции либер. историософии XIX века / Н.В. Ростиславлева. – С. 95-105.
48. Зверева В.В. «Естественная история» Бюффона / В.В. Зверева. – С. 106-129.
49. Макашева Н.А. Нравственная философия у истоков экономической науки : загадка Адама Смита / Н.А. Макашева. – С. 130-148.
50. Суприянович А.Г. Когда мать не женщина : «Откровения божественной любви» Юлии из Нориджа / А.Г. Суприянович. – С. 149-162. – Англ. монахиня и отшельница втор. пол. XIV – нач. XV в.
51. Керов В.Л. Братья свободного духа / В.Л. Керов. – С. 163-174. – Ерет. движение в Европе XIII–XV вв.
52. Стогова А.В. «Без этого дружба не будет истинной» : споры во Франции XVII века / А.В. Стогова. – С. 175-200. – Споры о дружбе и дружеских отношениях.
53. Серегина А.Ю. Проблема происхождения власти и государства в английской католической мысли на рубеже XVI и XVII веков / А.Ю. Серегина. – С. 201-213.

54. Немченко И.В. Томас Гоббс и теоретики «власти de facto» : право индивидуума в контексте полит. конфликта / И.В. Немченко. – С. 214-226.
55. Айзенштат М.П. Парламентская реформа 1832 года в Великобритании : мнение современников, оценки историков / М.П. Айзенштат. – С. 227-240.
56. Гавришина О.В. Историческое сознание в России 40-х годов XIX века : образ недавнего прошлого в биогр. современника / О.В. Гавришина. – С. 241-252. – Биогр. В.Д. Вольховского, напис. в 1844 г. И.В. Малиновским.
57. Малиновский И.В. О жизни Генерал-Майора Вольховского / И.В. Малиновский. – С. 253-260. – Публ. по изд. : Харьков : [б. и.], 1844. – 23 с.
58. Воробьева О.В. Академик Е.А. Косминский об историософии Арнольда Тойнби / О.В. Воробьева. – С. 261-278.
59. Фадеева Л.А. Интеллектуалы, интеллигенция и концепция политической культуры / Л.А.Фадеева. – С. 279-290. – Анализ историографии втор. пол. XX в.
60. Ермаченко И.О. Дальневосточная культурная традиция и поэзия русского постмодернизма. Ст. вторая : «Русь Японская» / И.О. Ермаченко. – С. 291-308. – См. № 36.
61. Жизнеописание императрицы Адельгейд от Одилона, аббата Клунийского : [X в.] / пер. [с лат.], введ. ст. и коммент. В.Д. Балакина. – С. 309-333. – Текст парал. лат., рус. ; публ. по изд. : Die Lebensbeschreibung der Kaiserin Adelheid von Abt Odilo von Cluny (Odilionis Cluniacensis abbatis Epitaphium domine Adelheide auguste) / Bearb. von H. Paulhart. – Graz ; Köln, 1962.
62. Зверева Г.И. «Большая» интеллектуальная история : текст и историогр. норма : [о кн. И.М. Савельевой и А.В. Полетаева «История и время : в поисках утраченного» (М., 1997)] / Г.И. Зверева. – С. 334-338.
63. Summaries. – С. 339-346.

[Вып.] 4 : Специальный выпуск : Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории. – М. : УРСС, 2001. – 356 с. – 520 экз. – ISBN 5-8360-0265-7.

64. Научная конференция «Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории» [20-22 нояб. 2000 г. в Ин-те всеобщей истории РАН : вместо предисл.] / Л.П. Репина, М.С. Бобкова, Г.И. Зверева, Н.С. Креленко, М.С. Петрова. – С. 5-11.
65. Экштут С.А. Пространство интеллектуальной истории / С.А. Экштут. – С. 12-25.
66. Пигалев А.И. Разрыв в интеллектуальной истории как смена модели всеобщности : (христианство на фоне истории филос.) / А.И. Пигалев. – С. 26-44.
67. Зверева Г.И. Понятие новизны в «новой интеллектуальной истории» / Г.И. Зверева. – С. 45-54.
68. Балакин В.Д. Идеал будущего – в прошлом (ист. параллель : Оттон III и Новалис) / В.Д. Балакин. – С. 55-73.

69. Креленко Н.С. Причудливая память потомков : Англ. революция в обществ. мысли Великобритании XVIII века / Н.С. Креленко. – С. 74-83.
70. Гладышев А.В. «Новая Энциклопедия» Сен-Симона : разрывы и преемственность интеллектуал. истории / А.В. Гладышев. – С. 84-99.
71. Чиглинецв Е.А. Рецепция античного наследия в социокультурных условиях XIX–XX вв. / Е.А. Чиглинецв. – С. 100-115. – В ист. науке и сфере лит. и искусства Европы и Сев. Америки.
72. Матузова В.И. Место философской традиции средневековья в концепции философии истории Эриха Калера / В.И. Матузова. – С. 116-123. – Нем. ученый-гуманитарий (1885–1970).
73. Трифонова Е.К. Славянство и неославизм : пробл. преемственности в интерпретациях славян. идеи в Болгарии в нач. XX века / Е.К. Трифонова. – С. 124-137.
74. Мирзеханов В.С. «Экзотический интеллект» : судьба интеллигентов в совр. франкояз. Африке / В.С. Мирзеханов. – С. 138-161.
75. Савельева И.М. Историческая истина : эволюция представлений / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – С. 162-181.
76. Смирнова О.П. История как драма : этап в разв. жанра? / О.П. Смирнова. – С. 182-199. – «Исторические записки» Евнапия из Сард (ок. 345 – ок. 420).
77. Данилевский И.Н. От интерпретации к пониманию : традиции и перспективы / И.Н. Данилевский. – С. 200-212. – Исслед. древнерус. текстов.
78. Ростиславлева Н.В. От Шлоссера к Ранке : истинная или мнимая прерывность ист. знания / Н.В. Ростиславлева. – С. 213-220.
79. Парфенов О.Г. Типологический метод Н.И. Кареева в свете современных исследований по теории истории / О.Г. Парфенов, В.А. Филимонов. – С. 221-231.
80. Шепелева В.Б. Историческая наука и русская религиозно-философская мысль / В.Б. Шепелева. – С. 232-245. – Втор. пол. XIX – перв. пол. XX в.
81. Хряков А.В. Историческая наука в фашистской Германии : рождение «новой» соц. истории? / А.В. Хряков. – С. 246-258.
82. Воробьева О.В. Парадоксы восприятия А. Тойнби в современной российской историографии / О.В. Воробьева. – С. 259-276.
83. Венедиктова Т.Д. Рождение публики и версии дискурса власти как предмет литературной рефлексии в XIX веке / Т.Д. Венедиктова. – С. 277-287. – Романы «Счастливый дол» Н. Готорна (1853) и «Что делать?» Н.Г. Чернышевского (1863).
84. Маркасова Е.В. От конклюдии к стенгазете : из прошлого стеной печати в России / Е.В. Маркасова. – С. 288-302. – Перв. четв. XVIII в. и перв. треть XX в.

85. Малышева С.Ю. Русские «белые» и «красные» тексты 1920-х годов : на двух полюсах расколовшегося времени / С.Ю. Малышева. – С. 303-318.
86. Рыженко В.Г. Проблема преемственности и разрыва культуры в наследии ученых 1920-х годов и современные гуманитарии / В.Г. Рыженко. – С. 319-334.
87. Градскова Ю.В. Дискуссии о «проблеме пола» и «женской природе» в России начала XX века и современные гендерные исследования / Ю.В. Градскова. – С. 335-343.
88. Вишленкова Е.А. Трансформация понятия «мистицизм», или Поиски семантического единства / Е.А. Вишленкова. – С. 344-352. – В России перв. четв. XIX в.
89. Summary. Conference «Continuity and Ruptures in Intellectual History». – С. 353-354.

[Вып.] 5 : Специальный выпуск : Историческая биография и персональная история / ред. вып. В.С. Мирзеханов. – М. : ИВИ РАН : УРСС, 2001. – 398 с. : ил. – 300 экз. – ISBN 5-94067-035-0.

90. Репина Л.П. Историческая биография и «новая биографическая история» : [вместо предисл.] / Л.П. Репина. – С. 5-12.
91. Румянцева М.Ф. «Чужое Я» в художественной литературе и исторической науке / М.Ф. Румянцева. – С. 13-28.
92. Беленький И.Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции / И.Л. Беленький. – С. 29-45.
93. Смирнова О.П. Жизнеописание Евнапия из Сард, составленное по его собственным сочинениям / О.П. Смирнова. – С. 46-59.
94. Девятайкина Н.И. «Письмо к потомкам» Петрарки как первый опыт гуманистической автобиографии / Н.И. Девятайкина. – С. 60-74.
95. Бобкова М.С. Еще одна попытка реконструкции биографии Жана Бодена / М.С. Бобкова. – С. 75-101.
96. Мухина Г.А. Шатобриан и Революция / Г.А. Мухина. – С. 102-112.
97. Гладышев А.В. Сен-Симон : деньги для «улучшения участи человечества» / А.В. Гладышев. – С. 113-140.
98. Креленко Н.С. Сэмюэль Гардинер, викторианец, историк / Н.С. Креленко. – С. 141-156. – 1829–1902 гг.
99. Алябьева Л.А. «This will never do» : история лит. репутации Уильяма Вордсворта / Л. Алябьева. – С. 157-177. – Англ. поэт конца XVIII – перв. пол. XIX в.
100. Борозняк А.И. «Неудобный господин Ясперс», или О политической ответственности интеллигенции / А.И. Борозняк. – С. 178-186.

101. Мирзеханов В.С. Свидетель и активный участник : этюды интеллектуал. биограф. / В.С. Мирзеханов. – С. 187-197. – По автобиограф. африканистов XX в. Ж. Вансины и В. Мудимбе.
102. Суриков И.Е. Алкивиад : афинский денди или первый «сверхчеловек»? / И.Е. Суриков. – С. 198-225.
103. Балакин В.Д. «Во главе братьев и всей империи» : Оттон I – политик и глава семейного клана / В.Д. Балакин. – С. 226-253.
104. Арнаутова Ю.Е. Житие как духовная биография : к вопросу о «типическом» и «индивидуальном» в лат. агиографии / Ю.Е. Арнаутова. – С. 254-278. – «Житие св. Иоанна Горцского», аббата одного из лотарингских монастырей X в., сост. Иоанном, аббатом монастыря св. Арнульфа в Метце в X в.
105. Павлова Т.А. Опыт духовной биографии : Джо Вулман / Т.А. Павлова. – С. 279-296. – Американский квакер (1720–1772).
106. Парсамов В.С. Декабрист М.С. Лунин и католицизм / В.С. Парсамов. – С. 297-316.
107. Грушко К.П. Номо Quakerus : мировоззрение Стивена Греллета / К.П. Грушко. – С. 317-339. – Американский квакер (1773–1855).
108. Стогова А.В. Семь страстей господина д'Андии / А.В. Стогова. – С. 340-359. – Робер Арно д'Андии (1588–1674).
109. Вишленкова Е.А. Рождение «подлеца», или Стилистика биографического жанра в России / Е.А. Вишленкова. – С. 360-379. – Субинспектор Казан. ун-та Петр Сергеевич Кондырев (1786–1823).
110. Алексеев С.В. Не листья на ветру... : [о кн. «Персональная история» (М., 1999)] / С.В. Алексеев. – С. 380-384.
111. Володихин Д.М. Нарратив побеждает : [о кн. «Человек в мире чувств. Очерки по ист. частной жизни в Европе и нек. странах Азии до нач. нов. времени» (М., 2000)] / Д.М. Володихин. – С. 385-389.
112. Summaries. – С. 390-394.
- [Вып.] 6.** – М. : УРСС, 2001. – 397 с. : ил. – ISBN 5-8360-0288-6.
113. Репина Л.П. Современная историческая культура и интеллектуальная история : [вместо предисл.] / Л.П. Репина. – С. 5-10.
114. Экштут С.А. «И в этой минуте должно быть все...» / С.А. Экштут. – С. 11-24. – Ист. созд. картины Н.Н. Ге «Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы», показ. в 1874 г. на 3-й Передвижной худож. выставке.
115. Горелов М.М. Датское и Нормандское завоевание Англии в восприятии средневековых авторов XI–XII веков / М.М. Горелов. – С. 25-39.
116. Мягков Г.П. «Нестор немецкой историографии» или «камердинер истории»? : историки России в спорах о Л. Ранке / Г.П. Мягков. – С. 40-79.
117. Ястребицкая А.Л. Лев Платонович Карсавин : творчество историка и историограф. процесс / А.Л. Ястребицкая. – С. 80-117.

118. Кулакова И.П. Игровые формы и университетское образование в России второй половины XVIII века / И.П. Кулакова. – С. 118-134.
119. Антощенко А.В. «Классицизм» или «реализм»: обращение к европ. опыту и сред. образование в России (комис. 1900 г.) / А.В. Антощенко. – С. 135-154.
120. Солопова М.А. Из истории термина *κοῦφα κρέα*, или какое мясо полезнее человеку? : (к интерпретации двух фрагм. из «Никомаховой этики» Аристотеля : *EN VI, 7, 1141b18-21* и *VII, 3, 1147a1-8*) / М.А. Солопова. – С. 155-163.
121. Петрова М.С. I. Макробий Амвросий Феодосий : (просопогр. очерк) ; II. Персонажи «Сатурналий» и Макробий Феодосий ; III. Баснописец Аввиен и Макробий Феодосий / М.С. Петрова. – С. 164-191. – Макробий Амвросий Феодосий, лат. авт. перв. пол. V в. Публ. «Письмо Феодосию» Аввиена ; текст парал. лат., рус. по изд. : *Fabulae Aviani* / ed. J.W. and A.M. Duff. – London. – Harvard Univ. Press, 1935.
122. Коновалова И.Г. Топоним как способ освоения пространства («Русская река» ал-Идриси) / И.Г. Коновалова. – С. 192-219.
123. Шкаренков П.П. Римский аристократ «эпохи упадка» : Квинт Аврелий Симмах / П.П. Шкаренков. – С. 220-241. – Рим. сенатор и префект Города, IV–V вв.
124. Короленков А.В. Саллюстий : от политики к истории / А.В. Короленков. – С. 242-247. – Рим. политик и историк I в. до н. э.
125. Олейников А.А. Временной опыт и повествовательный сюжет в феноменологической и в «новой» философии истории / А.А. Олейников. – С. 248-274. – 60–80-е гг. XX в.
126. Макаров А.И. Традиция против истории в философии современного европейского традиционализма / А.И. Макаров. – С. 275-283.
127. Петров Ф.Н. Сущность и смысл учений о грядущей гибели мира / Ф.Н. Петров. – С. 284-300.
128. Петров В.В. Эсхатология Оригена и знание ее основ на латинском Западе IV–IX веков / В.В. Петров. – С. 301-327.
129. Любин В.П. «Но идея не умирает» : интерпретации истории «итальянского социализма» / В.П. Любин. – С. 328-344. – В 60–90-е гг. XX в.
130. Михайленко В.И. Тоталитаризм : эвристич. потенциал науч. понятия / В.И. Михайленко. – С. 345-363.
131. Зверева Г.И. Научные школы в историческом контексте : нов. кн. о «русской исторической школе» : [о моногр. Г.П. Мягкова «Научное сообщество в исторической науке : опыт «русской исторической школы» (Казань, 2000)»] / Г.И. Зверева, Л.П. Репина. – С. 364-370.
132. Кудрявцев О.Ф. Ренессансная Флоренция в непривычном аспекте : преступление и наказание Антонио Ринальдески : [рецензия] / О.Ф.

Кудрявцев. – С. 371-378. – Рец. на ст. : Connell W.J. Sacriledge and Redemption in Renaissance Florence : The case of Antonio Rinaldeschi // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. – 1998. – Vol. LXI. – P. 53-92.

133. Зезина М.Р. Интеллектуальное пространство России : Провинция и Центр : (обзор материалов конф. [«Культура и интеллигенция России : интеллектуал. пространство : (Провинция и Центр) : XX век». Омск, 27-28 сент. 2000 г.]) / М.Р. Зезина. – С. 379-388.

134. Summaries. – С. 389-393.

[Вып.] 7. – М. : УРСС, 2001. – 392 с. : ил. – 300 экз. – ISBN 5-8360-0313-0.

135. Репина Л.П. Социальная память и историческая культура : от античности к новому времени : [вместо предисл.] / Л.П. Репина. – С. 5-7.

136. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории : (нек. аспекты ист. науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) / Йорн Рюзен ; пер. с англ. А.В. Антощенко. – С. 8-26. – Пер. материалов для обсуждения участникам историогр. курсов летней школы ЦЕУ (г. Будапешт) в 1999 г. Ориг. загл. : Lo(o)sing the order of history.

137. Экштут С.А. Битвы за храм Мнемозины / С.А. Экштут. – С. 27-48. – Роль ист. науки и худож. лит. в фиксации событий прошлого.

138. Эксле О.Г. Факты и фикции : о текущем кризисе ист. науки / О.Г. Эксле ; пер. Ю.Е. Арнаутовой. – С. 49-60. – Анализ дискус. 90-х гг. XX в. по поводу работы Р. Эванса «В защиту истории» (1997), в нем. пер. : Evans R.J. Fakten und Fiktionen. Über die Grundlagen historischer Erkenntnis. – Frankfurt ; New York, 1998.

139. Репина Л.П. Комбинационные возможности микро- и макроанализа : историогр. практика / Л.П. Репина. – С. 61-88.

140. Келли Д.Р. Основания для сравнения / Дональд Р. Келли ; пер. с англ. М.М. Горелова. – С. 89-105. – Докл. на Круглом столе по компаратив. истории в рамках XIX Междунар. конгресса историков в Осло.

141. Макарова Л.М. Идеология нацизма : осн. аспекты создания и функционирования / Л.М. Макарова. – С. 106-135.

142. Серегина А.Ю. Веротерпимость и религиозные преследования : августиновская традиция в англ. религиозной полемике конца XVI – начала XVII вв. / А.Ю. Серегина. – С. 136-154.

143. Корякина Н.В. Религиозные убеждения Жана Бодена в контексте лингвистического анализа / Н.В. Корякина. – С. 155-168.

144. Петрова М.С. Макробий и его метод цитирования латинских авторов : (на примере психол. и натурфилос. глав *Комментария на 'Сон Сципиона'*) / М.С. Петрова. – С. 169-183.

145. Шкаренков П.П. Rex Theodericus princeps : формирование концепции королевской власти в Остготской Италии / П.П. Шкаренков. – С. 184-206.

146. Уваров П.Ю. Университеты Российской империи глазами медиевиста (в защиту «идола истоков») / П.Ю. Уваров. – С. 207-223.
147. Безрогов В.Г. Социальный идеал воспитания в Новом Завете : (интерпретация совр. зап. историографии) / В.Г. Безрогов. – С. 224-247.
148. Айзенштат М.П. Исторические взгляды британских либералов двадцатых годов XIX века / М.П. Айзенштат. – С. 248-262.
149. Цатурова С.К. Судьи и правосудие во Франции XV века глазами Жана Жувенала, королевского адвоката / С.К. Цатурова. – С. 263-277.
150. Кошелева О.Е. Подьячий в интерьере Петербурга петровского времени / О.Е. Кошелева. – С. 278-291.
151. Майофис М.Л. Карамзинист в политике и литературе : случай Д.Н. Блудова / М.Л. Майофис. – С. 292-313. – Перв. треть XIX в.
152. Янковская Г.А. «Шинель дана очень обще и немножко бревном таким» : к вопр. о мотивационном аспекте деятельности комитета по присуждению сталинских премий в обл. лит. и искусства / Г.А. Янковская. – С. 314-325.
153. Виноградов П.Г. Об истории / П.Г. Виноградов ; публ. ст. по машинопис. экз. с авт. правкой и примеч. А.В. Антощенко. – С. 326-335.
154. Черноверская Т.А. Самое раннее сочинение Сен-Жюста : Арлекин Диоген / Т.А. Черноверская. – С. 336-339. – Одноакт. комедия конца 80-х – нач. 90-х гг. XVIII в.
155. Сен-Жюст [Л.А.]. Арлекин Диоген / Сен-Жюст ; пер. с фр. Т.А. Черноверской. – С. 340-375. – Текст парал. фр., рус. яз.
156. Бобкова М.С. Приглашение в «Театр» : пьеса Энн Блейр : [рецензия] / М.С. Бобкова. – С. 376-380. – Рец. на кн. : Blair A. The theater of nature : Jean Bodin and Renaissance science / A. Blair. – Princeton : Univ. Press, 1997. – 382 p.
157. Зверева Г.И. История как «строгая наука» : концепции рос. историков на рубеже XIX–XX веков : [о кн. В.П. Корзун «Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историогр. концепций)» (Екатеринбург ; Омск, 2000)] / Г.И. Зверева. – С. 381-384.
158. Summaries. – С. 385-388.

[Вып.] 8 : Специальный выпуск : Персональная история и интеллектуальная биография. – М. : ИВИ РАН : УРСС, 2002. – 460 с. – 300 экз. – ISBN 5-354-00109-9.

159. Репина Л.П. Персональная история и интеллектуальная биография : [вместо предисл.] / Л.П. Репина. – С. 5-10.
160. Нейман А.М. Биография в истории экономической мысли и опыт интеллектуальной биографии Дж.М. Кейнса / А.М. Нейман. – С. 11-31.
161. Воробьева О.В. «Между прошлым и настоящим» : типы дискурсов в творчестве А. Тойнби / О.В. Воробьева. – С. 32-53.

162. Пиков Г.Г. Из истории исторической науки : Карл Август Витфогель / Г.Г. Пиков. – С. 54-77. – Нем. историк-теоретик (1896–1988).
163. Хряков А.В. «Тайная Германия» Эрнста Канторовича / А.В. Хряков. – С. 78-97. – Биогр. нем. мыслителя Эрнста Хартвига Канторовича (1895–1963).
164. Макарова Г.В. «Казус маркиза Позы» : Густав Грюндгенс на сцене и в ведомстве Йозефа Геббельса / Г.В. Макарова. – С. 98-112. – Нем. актер (1899–1963).
165. Сальникова А.А. Историк и автобиография / А.А. Сальникова. – С. 113-129.
166. Венедиктова Т.Д. Классическая американская автобиография : дискурс торга / Т.Д. Венедиктова. – С. 130-148. – Автобиогр. Б. Франклина (1706–1790), Д. Крокетта (1786–1835), Ф.Т. Барнума (1810–1891).
167. Корякина Н.В. Жизнеописание Филиппа де Морне и традиции житийной литературы / Н.В. Корякина. – С. 148-167. – Соч. фр. протестантов XVI–XVII вв.
168. Креленко Н.С. Судьба мистрис Афры Бен / Н.С. Креленко. – С. 168-186. – Англ. писательница втор. пол. XVII в.
169. Керов В.Л. Морис-Август Бенёвский : искатель приключений или полит. деятель? / В.Л. Керов. – С. 187-212. – Граф, путешественник и колонизатор о. Мадагаскар (1741–1786).
170. Гладышев А.В. Протекция по-французски / А.В. Гладышев. – С. 213-227. – Анализ рек. писем, ходатайств, прошений XVIII–XIX вв.
171. Черноверская Т.А. Бунт, не имеющий перспективы : Сен-Жюст в период работы над поэмой «Органт» / Т.А. Черноверская. – С. 228-256.
172. Айзенштат М.П. Жизнь и судьба графа Н.С. Мордвинова / М.П. Айзенштат. – С. 257-274. – 1754–1845 гг.
173. Мухина Г.А. Шатобриан : ностальгия по «старой монархии» / Г.А. Мухина. – С. 275-287. – По памфлетам и сатир. произведениям конца XVIII – перв. трети XIX в.
174. Голосева А.А. Редьярд Киплинг и судьба британцев в Индии / А.А. Голосева. – С. 288-308.
175. Чиглинцев Е.А. Спартак : герой без биографии? / Е.А. Чиглинцев. – С. 309-325. – Образ Спартака в науке и искусстве в XVIII – нач. XXI в.
176. Ленская В.С. Платон, афинский аристократ / В.С. Ленская. – С. 326-341.
177. Суриков И.Е. Фемистокл : homo novus в кругу старой знати / И.Е. Суриков. – С. 342-364.
178. Токмаков В.Н. Марк Фурий Камилл : превратности судьбы и образа «второго Ромула» / В.Н. Токмаков. – С. 365-390.
179. Шкаренков П.П. Флавий Кассиодор : рим. сенатор в эпоху крушения Империи / П.П. Шкаренков. – С. 391-407.

180. Мосолкина Т.В. Джон Смит – авантюрист, колонизатор, теоретик / Т.В. Мосолкина. – С. 408-415. – Англ. путешественник и колонизатор Америки, авт. мемуаров (1580–1631).
181. Ситникова Ю.В. Александр Поуп, «самый гармоничный поэт английской земли» / Ю.В. Ситникова. – С. 416-424.
182. Ненарокова М.Р. Святой Феликс Ноланский – герой поздней античности и раннего средневековья / М.Р. Ненарокова. – С. 425-430.
183. Беда Досточтимый. Житие блаженного Феликса / Досточтимый Беда ; пер. с лат. М.Р. Ненароковой. – С. 431-444. – Пер. по изд. : *Patrologia Latina* / ed. J.-P. Migne. – Paris, 1850. – Vol. 94. – Cols. 789A-798B.
184. Володихин Д.М. Две ветви микроисторической платформы в отечественной историографии / Д.М. Володихин. – С. 445-447.
185. Экштут С.А. [Рецензия] / С.А. Экштут. – С. 448-450. – Рец. на кн. : Персональная история. Исповедь судьбы / сост. Д.М. Володихин. – М. : АНВИК К, 2001. – 304 с.
186. Summaries. – С. 451-456.
- [Вып.] 9.** – М. : УРСС, 2002. – 380 с. – 400 экз. – ISBN 5-354-00195-1.
187. Научная конференция «Историческое знание и интеллектуальная культура», [Москва, 4-6 дек. 2001 г., организ. Ин-том всеобщей истории РАН и О-вом интеллектуал. истории : вместо предисл.]. – С. 5-11.
188. Агирре Рохас К.А. Западная историография XX века в свете концепции *longue durée* / К.А. Агирре Рохас ; пер. с англ. О.В. Воробьевой. – С. 12-29.
189. Ким С.Г. В поисках интегральной версии историописания : (по материалам нем. науки 1990-х годов) / С.Г. Ким. – С. 30-50.
190. Володихин Д.М. «Призрак третьей книги» : методол. монизм и «глобальная архаизация» [в историогр. XX в.] / Д.М. Володихин. – С. 51-66.
191. Антощенко А.В. «Евразийские истории» Г.В. Вернадского / А.В. Антощенко. – С. 67-97.
192. Фомин Ф.М. Философия, рожденная войной : формирование ист.-филос. концепции А.Дж. Тойнби в нач. 1920-х годов / Ф.М. Фомин. – С. 98-118.
193. Хазанов О.В. Еврейский религиозный историзм и некоторые особенности национального сознания / О.В. Хазанов. – С. 119-143.
194. Зверева В.В. Чувство прошлого в «Естественной истории» Джона Обри / В.В. Зверева. – С. 144-155. – Англ. антиквар, историк (1626–1697).
195. Креленко Н.С. Историческая тема в английском предромантизме / Н.С. Креленко. – С. 156-173.
196. Морозова Е.Н. Ретроспективизм рубежа XIX–XX вв. : содержание, формы, способы представления / Е.Н. Морозова. – С. 174-183.

197. Волкова Т.Ф. Историческая литература в составе Усть-Цилемских рукописных сборников : (к характеристике ист. сознания печорских крестьян-старообрядцев) / Т.Ф. Волкова. – С. 184-198. – Обзор собр. Ин-та рус. лит. (Пушк. Дома) РАН, Б-ки РАН, Науч. б-ки Сыктывкар. гос. ун-та в осн. XVII–XIX вв. В прил. : Краткий список миробытной истории от Адама и до наших времен.
198. Бонцевич Н.Н. Интеллектуалы и власть в США (1947–1953) / Н.Н. Бонцевич. – С. 199-213.
199. Николаева Н.И. Деятели советской литературы и искусства и антиамериканская пропаганда в первые годы «холодной войны» / Н.И. Николаева. – С. 214-230.
200. Клемешов А.С. Понятие опыта у Роджера Бэкона / А.С. Клемешов. – С. 231-239. – Монах-францисканец (1215–1292).
201. Кокунова Ю.В. Общекультурный концепт *судьба* в художественном преломлении (на материале творчества У. Шекспира) / Ю.В. Кокунова. – С. 240-257.
202. Пиков Г.Г. Представление об истории в Евангелиях / Г.Г. Пиков. – С. 258-287. – Оконч. см. : № 218.
203. Сотникова С.И. Повседневная жизнь Московии в русских географических чертежах XVII века / С.И. Сотникова. – С. 288-313.
204. Блохина И.Р. Политическая теория и политическая практика : к оценке роли платоновской Академии / И.Р. Блохина. – С. 314-324.
205. Карасева А.В. Образ жизни Цицерона и его окружения : реальность, стилизация и «поза» / А.В. Карасева. – С. 325-339.
206. Бацер М.И. Иезуитизм или протестантизм? : (к полемике вокруг «тезиса Вебера – Тоуни») / М.И. Бацер. – С. 340-347. – Polemica между Х. Робертсоном и Д. Бродриком в 30-е гг. XX в.
207. Пивоев В.М. Кризис идентичности и методология истории / В.М. Пивоев. – С. 348-354. – В частн. регион. идентификация Европ. Севера России в наст. время.
208. Мягков Г.П. Ценное исследование «Опыта опомнившихся» : [рецензия] / Г.П. Мягков, А.Б. Максимова. – С. 355-361. – Рец. на кн. : Борозняк А.И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого?. – М. : Пик, 1999. – 288 с.
209. Малышева С.Ю. [Рецензия] / С.Ю. Малышева. – С. 362-367. – Рец. на кн. : Нарский И.В. Жизнь в катастрофе : будни населения Урала в 1917–1922 гг. – М. : РОССПЭН, 2001. – 632 с.
210. Любин В.П. [Рецензия] / В.П. Любин. – С. 368-370. – Рец. на кн. : Giuntella M.C. Cooperazione intellettuale ed educazione alla pace nell'Europa della Societa' delle nazioni / Maria Cristina Giuntella. – Padova : Cedam, 2001. – 186 p.
211. Summaries. – С. 371-376.

[Вып.] 10. – М. : УРСС, 2003. – 403 с. : ил. – 350 экз. – ISBN 5-354-00418-7.

212. Продолжаем наш «Диалог»... : [от редакции]. – С. 5-6.
213. Савельева И.М. Прагматика истории / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – С. 7-35.
214. Торстендаль Р. Профессионализм и использование истории в политике / Рольф Торстендаль ; пер. с англ. А.Ю. Серegiной. – С. 36-47.
215. Рюзен Й. Может ли вчера стать лучше? : о метаморфозах прошлого в истории / Йорн Рюзен ; пер. с нем. Н.Ф. Сокольской. – С. 48-65.
216. Ким С.Г. Историческая наука Германии «после постмодерна» / С.Г. Ким. – С. 66-84.
217. Серегина А.Ю. История короля Ричарда II в английской религиозной полемике второй половины XVI – начала XVII века / А.Ю. Серегина. – С. 85-111.
218. Пиков Г.Г. Представление об истории в Евангелиях / Г.Г. Пиков. – С. 112-136. – Начало см. : № 202.
219. Шанская Т.А. Миф Просвещения и идеи частного образования в России XVIII века / Т.А. Шанская. – С. 137-163.
220. Экштут С.А. Императорская Академия художеств и «Бунт 14-ти» / С.А. Экштут. – С. 164-184. – Выход из сост. Акад. художеств в 1863 г. четырнадцати художников, будущих передвижников.
221. Бердова О.В. Городская интеллектуальная среда в российской провинции конца XIX – начала XX в. (на примере Костромы) / О.В. Бердова. – С. 185-206.
222. Аврус А.И. Власть и университеты в России / А.И. Аврус. – С. 207-218. – XVIII – нач. XXI в.
223. Вишленкова Е.А. Феномен наделения в «Историях» Казанского университета / Е.А. Вишленкова. – С. 219-230.
224. Малышева С.Ю. Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920 годов / С.Ю. Малышева. – С. 231-254.
225. Туманова А.С. Гражданские свободы в представлениях высшей российской бюрократии периода Первой русской революции / А.С. Туманова. – С. 255-266.
226. Мелихов М.В. Памятники Куликовского цикла : взаимодействие уст. и письм. традиции / М.В. Мелихов. – С. 267-281.
227. Ястер И.В. Партийно-государственное влияние на содержание и структуру школьного исторического образования в 1920–1930 гг. / И.В. Ястер. – С. 282-288.
228. Галямичев А.Н. Из истории отечественной медиевистики : воспитанники петербургской/ленинградской школы в Саратов. ун-те / А.Н. Галямичев. – С. 289-299.

229. Шепелева В.Б. «Новое направление» в советской историографии социально-экономической истории России конца XIX – начала XX в. / В.Б. Шепелева. – С. 300-310.
230. Ростиславлева Н.В. Типы коммуникации в исторических сообществах Германии XIX в. Гейдельбергская школа / Н.В. Ростиславлева. – С. 311-318.
231. Артамошин С.В. Карл Хаусхофер и формирование немецкой школы геополитики / С.В. Артамошин. – С. 319-331.
232. Петрова М.С. О литературных жанрах поздней античности (на примере произведений Макробия) / М.С. Петрова. – С. 332-340.
233. Месяц С.В. Философский комментарий как жанр школьной литературы в античности / С.В. Месяц. – С. 341-344.
234. Ненарокова М.Р. О миссионерстве и межъязыковой культурной коммуникации / М.Р. Ненарокова. – С. 345-351. – В Англии VII–VIII вв.
235. Горелов М.М. Исторический факт : резня в день св. Брайса / М.М. Горелов. – С. 352-357. – 13 нояб. 1002 г. по приказу кор. Англии Этельреда II.
236. Калинина Т.М. XIV Чтения памяти чл.-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто «Восточная Европа в античности и средневековье» : [обзор докл. конф. в Ин-те всеобщей истории РАН 17-19 апр. 2002 г.] / Т.М. Калинина, Е.А. Мельникова. – С. 358-364.
237. Драбкин Я.С. Зрелость ученого : 70 лет Александру Ивановичу Борозняку / Я.С. Драбкин. – С. 363-370.
238. Воробьева О.В. Учитель – в ремесле : [об А.И. Борозняке] / О.В. Воробьева. – С. 371-379.
239. Бобкова М.С. Памяти Александры Дмитриевны и Владимира Сергеевича Люблинских... / М.С. Бобкова. – С. 380-384.
240. «Диалог со временем». Вып. 1–10 : [библиогр. список публ.] / сост. С.А. Экштут. – С. 385-394.
241. Summaries. – С. 395-399.
- [Вып.] 11.** – М. : УРСС, 2004. – 412 с. : ил. – 350 экз. – ISBN 5-354-00675-9.
242. Репина Л.П. Междисциплинарность и история : [вместо предисл.] / Л.П. Репина. – С. 5-17.
243. Гаукроджер С. Научная революция, современность и Запад : пер. с англ. / Стивен Гаукроджер. – С. 18-39.
244. Савельева И.М. Плоды романтизма / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – С. 40-83. – Ист. наука XIX в.
245. Эксле О.Г. Историческая наука в постоянно меняющемся мире / О.Г. Эксле ; пер. Ю.Е. Арнаутовой. – С. 84-110.

246. Гордон А.В. Великая Французская революция как великое историческое событие / А.В. Гордон. – С. 111-130.
247. Хачатурян В.М. Образ древнекитайской цивилизации в российской историографии 1990-х годов : (концепции государственности) / В.М. Хачатурян. – С. 131-146.
248. Коньков Д.С. Политогенез государств бассейна Красного моря в работах отечественных историков / Д.С. Коньков. – С. 147-181.
249. Корневский А.В. Филофей Псковский : портрет книжника на фоне текстов / А.В. Корневский. – С. 182-198.
250. Мишутина О.В. Английские католики в годы правления Елизаветы Тюдор : особенности коммуникативной практики / О.В. Мишутина. – С. 199-209.
251. Сибирева Г.А. А.А. Самборский : к истории становления рус. интеллигенции и ее связей с Западом (кон. XVIII – нач. XIX века) / Г.А. Сибирева. – С. 210-234.
252. Хазанов О.В. Об одной национально-исторической концепции в иудаизме : Р. Кук и его совр. последователи / О.В. Хазанов. – С. 235-258. – Гл. раввин ашкеназийской общины Палестины с 1921 г. (1865–1935).
253. Протасова О.Л. «Русское богатство» в межреволюционный период (1907–1916) / О.Л. Протасова. – С. 259-274.
254. Мауль В.Я. Пугачевский бунт в зеркале народной смеховой культуры / В.Я. Мауль. – С. 275-292. – В XVIII в.
255. Петров В.В. Киннор, кифара, псалтерий в иконографии и текстах : (к истолкованию одной англо-саксонской глоссы) / В.В. Петров. – С. 293-343. – Оконч. см. : № 282.
256. Бородулин В.И. История болезни глазами историка : архив клиники А.А. Остроумова / В.И. Бородулин, Е.Е. Бергер. – С. 344-355. – Анализ анамнезов историй болезни втор. пол. XIX в. госпитальной терапевтической клиники Моск. ун-та.
257. Сидорова Т.А. Методологические возможности герменевтики в преподавании истории Средних веков / Т.А. Сидорова. – С. 356-359.
258. Чеканцева З.А. Современное историописание как компонент гуманитарного дискурса / З.А. Чеканцева. – С. 360-371.
259. Лаптева М.П. Интеллектуальная история в учебном процессе / М.П. Лаптева. – С. 372-374.
260. Свешников А.В. В Париж в поисках себя : отчет О.А. Добиащ-Рождественской о науч. командировке в Париж в 1908-1909 г. / А.В. Свешников. – С. 373-384. – Публ. «Отчета о командировке в Париж в 1908-1909 г.» по рук. ОР РНБ (Ф. 254. Оп. 1. Д. 18).
261. Ведюшкина И.В. XV чтения памяти чл.-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто «Восточная Европа в древности и средневековье» : [обзор докл. конф. в Ин-те всеобщей истории РАН 15-17 апр. 2003 г.] / И.В. Ведюшкина. – С. 385-387.

262. Конференция «Межкультурный диалог в историческом контексте» (Москва : 30-31 окт. 2003 года) / отчет подгот. : О.В. Воробьева, Т.Н. Гелла, М.П. Лаптева, М.С. Петрова, С.А. Экштут. – С. 388-393.

263. Рыженко В.Г. V Всероссийская научная конференция «Культура и интеллигенция России на рубеже веков : метаморфозы творчества, интеллектуал. ландшафты (кон. XIX – нач. XXI в.)». Омск, 29 сент. – 3 окт. 2003 г. : [обзор докл.] / В.Г. Рыженко. – С. 394-398.

264. Любин В.П. История определяет современность : дискуссии итал. интеллектуалов : (обзор) / В.П. Любин. – С. 399-405. – Обзор изд. : *Berlusconi Italien – Italien gegen Berlusconi*. – Berlin : Wagenbach, 2002 ; *Gentile E. Fascismo : storia e interpretazione*. – Roma ; Bari : Laterza, 2002 ; *Il pensiero di Norberto Bobbio. Il suo socialismo liberale e I dilemma della democrazia // Reset*. – Milano, 2002. – N 3 : Numero speciale dedicato agli amici I nemici.

265. Summaries. – С. 406-408.

[Вып.] 12. – М. : УРСС, 2004. – 395 с. : ил. – 350 экз. – ISBN 5-354-00738-0.

266. Репина Л.П. Социальная память и историческая культура средневековой Европы : (к итогам работы над проектом) : [вместо предисл.] / рук. проекта Л.П. Репина. – С. 5-19.

267. Феррари М. 2004 год, 700 лет со дня рождения Франческо Петрарки / Мирелла Феррари ; пер. В. Беляева. – С. 20-29.

268. Девятайкина Н.И. Дом-музей Петрарки в Арква : штрихи к портрету поэта и гуманиста / Н.И. Девятайкина. – С. 30-40.

269. Носков В.В. «Метаистория» Хейдена Уайта : (к пер. кн. на рус. яз.) / В.В. Носков. – С. 41-69.

270. Селунская Н.А. В поисках утраченной микроистории / Н.А. Селунская. – С. 70-83.

271. Концепция семантического поля исторического источника : (проект информ. исслед.) / Ю.Я. Вин, А.Ю. Гриднева, Д.Е. Кондратьев, О.В. Тихонова. – С. 84-99.

272. Коньков Д.С. Проблема власти в кельтских королевствах Ирландии : (по материалам совр. англояз. историографии) / Д.С. Коньков. – С. 100-116.

273. Сальникова А.А. Язык революции 1917 года в «детских» текстах / А.А. Сальникова. – С. 117-135. – Сочинения, воспоминания детей, материалы опросов 10-20-х гг. XX в.

274. Назаров А.Н. Отражение «реальности» в советских хроникальных кинофотодокументах 1930-40-х годов / А.Н. Назаров. – С. 136-143.

275. Серегина А.Ю. Мифы о крещении Англии в религиозной полемике конца XVI века / А.Ю. Серегина. – С. 144-155.

276. Мироненко-Маренкова И.К. С паперти в безумный дом... : (из истории юродства в XIX столетии) / И.К. Мироненко-Маренкова. – С. 156-165.

277. Гелла Т.Н. Уильям Питт Старший глазами лорда Розбери, политика и биографа рубежа XIX–XX веков / Т.Н. Гелла. – С. 166-183.
278. Романов В.В. «Рах Anglo-Americana» Уолтера Пейджа / В.В. Романов. – С. 184-205. – Уолтер Хайнс Пейдж (1855–1918), посол США в Великобритании в 1913–1918 гг.
279. Кирюшкина В.В. Античные идеи о природе творчества и эстетика И.В. Гете : опыт анализа искажений / В.В. Кирюшкина. – С. 206-213.
280. Лиманская Л.Ю. Магия памяти : об античных истоках творч. интроспекции / Л.Ю. Лиманская. – С. 214-225.
281. Кляйн Ю. Эстетика холодности : Оскар Уайлд / Юрген Кляйн. – С. 226-242.
282. Петров В.В. Киннор, кифара, псалтерий в иконографии и текстах : (к истолкованию одной англо-саксонской глоссы) / В.В. Петров. – С. 243-271. – Начало см. : № 255.
283. Мухина Г.А. Шатобриан и Леонтьев – романтики XIX века / Г.А. Мухина. – С. 272-281.
284. Креленко Н.С. Два взгляда на Старый Свет из-за океана / Н.С. Креленко. – С. 282-297. – «Альгамбра» В. Ирвинга и «Простки за границей» М. Твена.
285. Михель Д.В. Народная и ученая культура в контексте борьбы с эпидемиями на Волге на рубеже XIX и XX вв. / Д.В. Михель. – С. 298-308.
286. Ведюшкина И.В. Петр Гугнивый и Петр Монг / И.В. Ведюшкина. – С. 309-312. – Анализ сообщений Повести временных лет о разногласиях Вост. и Зап. церквей в V и VIII–X вв.
287. Свешников А.В. «Жизни наши... протекли... врозь» : (к истории личных взаимоотношений И.М. Гревса и С.Ф. Платонова) / А.В. Свешников, В.П. Корзун, М.А. Мамонтова. – С. 313-332.
288. Воробьева О.В. Истины и парадоксы Арнольда Тойнби : [предисл. к публ.] / О.В. Воробьева. – С. 333-340.
289. Тойнби А.Дж. Лекция, прочитанная Гитлером / А.Дж. Тойнби ; пер. О.В. Воробьевой. – С. 341-358. – На рус. яз. публ. впервые. Пер. «A Lecture by Hitler» по изд. : Toynbee A.J. Acquaintances / [by] Arnold J. Toynbee. – London : Oxford Univ. Pr., 1967. – VIII, 312 p. : ill.
290. Рамазанов С.П. Всероссийская научная конференция «Методологический синтез в истории и социальные теории» [27-29 мая 2003 г. в Томском гос. ун-те : обзор докл.] / С.П. Рамазанов, А.В. Свешников. – С. 359-365.
291. Алеврас Н.Н. Образы историков в их переписке : [об изд. под ред. В.П. Корзун «Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милоков)» (Омск : Полиграфист, 2003. – 306 с.)]. – С. 366-372.
292. Мягков Г.П. Как соединить несоединимое : опыт «консервативного либерализма» В.И. Герье в оценке новейшей историографии / Г.П. Мягков. – С. 373-380.

293. Зими́на Н.Г. [Рецензия] / Н.Г. Зими́на. – С. 381-385. – Рец. на кн. : Костомаров Н.И. Русская истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М. : ЭКСМО, 2003. – 1024 с.

294. Миронов В.В. [Рецензия] / В.В. Миронов. – С. 386-387. – Рец. на кн. : Человек и война. XX век : пробл. изуч. и преподавания в курсах отеч. истории : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 14-15 мая 2002 г. – Омск : Омск. гос. ун-т, 2002. – 196 с.

295. Summaries. – С. 388-391.

[Вып.] 13. – М. : УРСС, 2004. – 391 с. : табл. – ISBN 5-354-01097-9.

296. Репина Л.П. Профессиональное историческое образование в России : совр. состояние и перспективы разв. : [вместо предисл.] / Л.П. Репина. – С. 5-15.

297. Девятайки́на Н.И. Проблема войны и мира в диалогах трактата «О средствах против превратностей судьбы» [Ф. Петрарки] / Н.И. Девятайки́на. – С. 16-26.

298. Петрарка Ф. Диалоги из трактата «О средствах против превратностей судьбы» / Франческо Петрарка ; пер. с лат. Л.М. Лукьяновой, В.В. Беляева. – С. 27-40. – Пер. по изд. : Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae. – Bern, 1610.

299. Агирре Рохас К.А. Господствующие культуры и культуры подчиненные : диалог и конфликт / Карлос Антонио Агирре Рохас. – С. 41-62.

300. Шнырова О.В. Культурные репрезентации суфражизма / О.В. Шнырова. – С. 63-80. – В Европе нач. XX в.

301. Школьников И.А. Мужской суфражизм в Великобритании : риторика и репрезентации / И.А. Школьников. – С. 81-97. – В нач. XX в.

302. Котылев А.Ю. Поэтика псевдоистории : словарь вымышл. биогр. как феномен европ. культуры сер. XX века / А.Ю. Котылев. – С. 98-121.

303. Федоров С.Е. От Аристотеля до Монтескье : семантика значений понятия «аристократия» в раннеисторической Англии / С.Е. Федоров. – С. 122-137. – Перв. пол. XVII в.

304. Пиков Г.Г. Дон Гуан и Дон Хуан : взгляд историка на пробл. восприятия исп. культуры в России нач. XIX в. / Г.Г. Пиков. – С. 138-171. – «Каменный гость» А.С. Пушкина.

305. Свешников А.В. Итальянские путешествия в текстах русских историков конца XIX – начала XX в. / А.В. Свешников. – С. 172-186. – В осн. И.М. Гревса и его учеников.

306. Мозжухина Т.В. «Диалог культур» в координатах западногерманской визуальной культуры постмодернизма / Т.В. Мозжухина. – С. 187-199. – Творчество художников Ансельма Кифера и Йорга Иммендорфа 70-80-х гг. XX в.

307. Антощенко А.В. Об оценочных суждениях в исторических повествованиях / А.В. Антощенко. – С. 200-210. – В.О. Ключевский, историки втор. пол. XX в.

308. Таран Л.В. Новые тенденции в мировой и украинской историографии / Л.В. Таран. – С. 211-231. – В частн. украинская историография 90-х гг. XX в.
309. Селунская Н.А. Осень Средневековья и Поздняя Античность : как антиковеды с медиевистами историю делили / Н.А. Селунская. – С. 232-246. – Концепция Поздней Античности в работах П. Брауна, П. Хизара, А. Камерон и др. в 60-е гг. XX в. – нач. XXI в.
310. Щеглов Д.А. Таблица климатов Гиппарха : оценка полноты и достоверности сведений Страбона / Д.А. Щеглов. – С. 247-271.
311. Чумакова Т.В. Медицина в средневековой Руси / Т.В. Чумакова. – С. 272-285. – XV–XVII вв.
312. Осипьянц П.И. Принципы и ценностные ориентиры политической культуры новых вигов на рубеже XVIII и XIX вв. / П.И. Осипьянц. – С. 286-303.
313. Ненарокова М.Р. Вандальберт Прюмский : столкновение двух традиций : (к публ. пер. «Жития св. Гоара») / М.Р. Ненарокова. – С. 304-308. – IX в.
314. Вандальберт Прюмский. Житие Святого Гоара / Вандальберт Прюмский ; пер. с лат., примеч. М.Р. Ненароковой. – С. 309-326. – Пер. по изд. : *Patrologia Latina* / ed. J.-P. Migne. – Paris, 1852. – Vol. 121. – P. 639-654.
315. Петров В.В. *Ἄρταυμβς* и *ἄρταυμα*. Критические замечания к статье о Павла Флоренского «Не восхищение нещевца (Флп 2:6-8)» / В.В. Петров. – С. 327-334.
316. Беспалова С.В. Социально-нравственная проблематика в «Выбранных местах из переписки с друзьями» / С.В. Беспалова. – С. 335-342. – Книга Н.В. Гоголя.
317. Беликов А.Е. О Михаиле Гумилевском и его подражании Вергилию / А.Е. Беликов. – С. 343-353. – В монашестве Моисей, еп. Феодосийский и Мариупольский (1747–1792). Публ. пер. с лат. поздравит. стихов моск. архиеп. Платону.
318. Керов В.Л. Жак Ле Гофф о средневековом человеке и о восприятии им религии и церкви / В.Л. Керов. – С. 354-365.
319. Иванова Н. [Рецензия] / Н. Иванова. – С. 366-372. – Рец. на кн. : Прошлое – крупным планом : совр. исслед. по микроистории. – СПб. : Европ. Ун-т в Санкт-Петербурге : Алетейя, 2003. – 268 с. – (Сер. «Совр. направления в ист. науке : сер. пер.»).
320. Экштут С.А. [Рецензия] / С.А. Экштут. – С. 373-377. – Рец. на кн. : Галин В.В. Война и революция / В.В. Галин. – М. : Алгоритм, 2004. – 592 с. – (Сер. «Тенденции»).
321. Сыченкова Л.А. [Рецензия] / Л.А. Сыченкова. – С. 378-383. – Рец. на кн. : Альтшулер Н.С. Физическая школа Казанского университета с конца 20-х до 40-х годов XX века : история разв. и науч. достижения выпускников / Н.С. Альтшулер, А.Л. Ларионова. – Казань : Изд-во КГУ, 2002. – 150 с.
322. Summaries. – С. 384-387.

[Вып.] 14. – М. : URSS : КомКнига, 2005. – 399 с. : ил., табл. – 600 экз. – ISBN 5-484-00170-6.

323. Репина Л.П. От личного до глобального : еще раз о пространстве интеллектуал. истории : [вместо предисл.] / Л.П. Репина. – С. 5-10.

324. Мегилл А. Глобализация и история идей / Аллан Мегилл ; пер. А.Ю. Серegiной. – С. 11-20. – «Манифест Коммунистической партии» (1848) и история идей 90-х гг. XX – нач. XXI в.

325. Чен Синь. Интеллектуальная история в контексте глобализации / Чен Синь ; пер. А.Ю. Серegiной. – С. 21-36. – Тр. А.О. Лавджоя, Р.Дж. Коллингвуда и историография втор. пол. XX в.

326. Ливайн Дж.М. Интеллектуальная история как история / Джозеф М. Ливайн ; пер. А.Ю. Серegiной. – С. 37-51. – «История Англии» С.Р. Гардинера и «Преумножение знаний» Ф. Бэкона.

327. Шнайдер У.И. Словарь интеллектуальной истории : презентация проекта / Ульрих Иоганн Шнайдер ; пер. А.Ю. Серegiной. – С. 52-65.

328. Усачев А.С. Образы Владимира Святославовича в Степенной книге : как работал рус. книжник сер. XVI века / А.С. Усачев. – С. 66-105.

329. Гири П. История в роли памяти? / Патрик Гири ; пер. И.В. Дубровского. – С. 106-120. – Впервые опубли. : *Kontinuität und Wandel : Geschichtsbilder in verschiedenen Fächern und Kulturen* / Hg. E. Schulz, W. Sonne. – Zürich, 1999. – S. 115-140.

330. Трубникова Н.В. История и память в бесконечном диалоге : дискуссии фр. историков / Н.В. Трубникова. – С. 121-131. – 80–90-е гг. XX в.

331. Фрумкина Р.М. Категоризация как познавательная процедура : условия и соц. группы / Р.М. Фрумкина. – С. 132-149.

332. Канерва Л. Рациональность в образовании. Несколько дисциплин для ренессансного архитектора / Лииса Канерва ; пер. Ю.П. Зарецкого. – С. 150-161.

333. Рейли Д. Революционное слово как оружие, или Как язык довел саратовских большевиков до власти / Дональд Рейли. – С. 162-176. – По период. печати, мемуарам и др. док. Саратов. губ. 1917–1921 гг.

334. Ростиславлева Н.В. Рецепция творчества К. Лампрехта в Германии и в России / Н.В. Ростиславлева. – С. 177-189. – Карл Лампрехт (1856–1915).

335. Свешников А.В. Итальянские путешествия в текстах русских историков конца XIX – начала XX в. / А.В. Свешников. – С. 190-206.

336. Селунская Н.А. «Читать по-русски» : клас. наследие в европ. интерпретации и рус. переводе / Н.А. Селунская. – С. 207-222. – Об исслед. проекте по изуч. рецепции антич. наследия в культуре России XVIII–XX вв.

337. Коннелл У. Республиканизм и Возрождение в англоязычной историографии второй половины XX века / Уильям Коннелл ; пер. О.А. Уваровой. – С. 223-242. – Перв. ред. опубли. : *Renaissance civic humanism : reappraisals and reflections* / ed. by J. Hankins. – Cambridge : Univ. Pr., 2000. – P. 14-29.

338. Тельменко Е.П. «По воле Господа через меня ты будешь посвящен в его тайны и в грядущие вещи» : (рефлексия Савонаролы о природе и роли пророчеств) / Е.П. Тельменко. – С. 243-264.

339. Федин А.В. Формирование концепции миссионерской деятельности Общества Иисуса / А.В. Федин. – С. 265-286. – Иезуиты в Лат. Америке в XVI–XVII вв.

340. Хачатурян В.М. Экстатические ритуалы и техники : к вопросу о роли архаического компонента в совр. религиозном сознании / В.М. Хачатурян. – С. 287-306. – Втор. пол. XX в.

341. Артамошин С.В. Карл Шмитт : вехи жизни и творчества / С.В. Артамошин. – С. 307-324. – Нем. юрист и полит. мыслитель (1888–1985).

342. Шалаева Н.В. Проблема отношения к власти в работах Н.Г. Чернышевского / Н.В. Шалаева. – С. 325-334.

343. Интервью с Хейденом Уайтом / авт. интервью и предисл. А.Б. Соколов. – С. 335-346. – Март 2005 г.

344. Петрова М.С. Каролингские ритмы : (к публ. фрагм. поэмы «Карл Великий и папа Лев» III, 1-176) / М.С. Петрова. – С. 347-351.

345. Карл Великий и папа Лев. III, vv. 1-176 : [фрагм. поэмы аноним. авт. нач. IX в.] / пер. с лат., примеч. Е.В. Заруцкой, Н.П. Клещевой ; под ред. Петровой М.С. – С. 347-368. – Текст парал. лат., рус., пер. по изд. : Monumenta Germaniae Historica : Poetae. – Vol. 1. – P. 366 sqq.

346. Сыченкова Л.А. Лица не общим выражением : нов. ракурсы культурной истории провинц. ун-та : [рецензия] / Л.А. Сыченкова. – С. 369-372. – Рец. на кн. : Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи : альбом из неск. портретов / Е.А. Вишленкова. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 240 с.

347. Корзун В.П. Провинциальная историография : разл. ист.-культурные образы науки : [рецензия] / В.П. Корзун, М.А. Мамонтова. – С. 373-379. – Рец. на кн. : Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX в. : Тамбовская учен. арх. комиссия / В.А. Алленова. – Рязань, 2002.

348. Буданова В.П. [Рецензия] / Буданова В.П. – С. 380-383. – Рец. на кн. : Петрова М.С. Просопография как специальная историческая дисциплина на примере авторов Поздней Античности. Макробий Феодосий и Марциан Капелла : спецкурс для студ. гос. ВУЗов. – СПб. : Алетейя, 2004. – 230 с.

349. Керов В.Л. Франциск Ассизский – проповедь идеалов бедности и нищеты / В.Л. Керов. – С. 384-395.

[Вып.] 15. – М. : URSS : КомКнига, 2005. – 411 с. : ил. – 600 экз. – ISBN 5-484-00213-3.

350. Репина Л.П. Опыт междисциплинарного взаимодействия и задачи интеллектуальной истории : [вместо предисл.] / Л.П. Репина. – С. 5-14.

351. Бибииков М.В. Византийский Эон (ΑΙΩΝ) в диалоге со временем / М.В. Бибииков. – С. 15-36. – Категория в системе визант. онтологии времени и пространства.
352. Петров В.В. Ориген и Дидим Александрийский о тонком теле души / В.В. Петров. – С. 37-50.
353. Петрова М.С. Литературные и исторические источники Эйнхарда / М.С. Петрова. – С. 51-76. – Заимствования Эйнхарда (IX в.) при сост. «Истории Карла» из «Жизни двенадцати Цезарей» Светония.
354. Серегина А.Ю. Античные историки в английской полемической литературе конца XVI – начала XVII в. / А.Ю. Серегина. – С. 77-90.
355. Апрыщенко В.Ю. Сэр Джон Кларк Пеникуик и кризис шотландской идентичности в первой половине XVIII века / В.Ю. Апрыщенко. – С. 91-109. – Шотландский юрист, полит. деятель и литератор (1676–1755).
356. Зарецкий Ю.П. Европейский индивид в историческом знании / Ю.П. Зарецкий. – С. 110-149. – Работы Я. Буркхардта и М. Фуко.
357. Любин В.П. Дискуссии о тоталитаризме в Германии, Италии и СССР / В.П. Любин. – С. 150-178. – Втор. пол. XX – нач. XXI в.
358. Савицкий Е.Е. Удовольствие от прошлого и чувство свободы в историографии 1990-х гг. / Е.Е. Савицкий. – С. 179-209.
359. Поршнева О.С. Возможности междисциплинарного подхода в реализации задач интеллектуальной истории / О.С. Поршнева. – С. 210-222.
360. Стогова А.В. Метаморфозы «нежной дружбы»: к вопр. о созд. и восприятии романов в XVII веке [во Франции] / А.В. Стогова. – С. 223-262.
361. Заншайн Л. Теория психических состояний и экспериментальные репрезентации художественного сознания / Лиза Заншайн ; пер. с англ. А.Ю. Телициной. – С. 263-292. – Пер. ст. : Zunshine L. Theory of Mind and Experimental Representations of Fictional Consciousness / Lisa Zunshine // Narrative 11.3. – 2003. – October. – P. 270-291.
362. Шепелева В.Б. Революционно-демократическая альтернатива на переломе от России царской до России сталинской : (теор.-методол. и историогр. аспекты) / В.Б. Шепелева. – С. 293-325.
363. Интервью с Рейнхардом Козеллеком, [дек. 2003 г., июнь 2004 г.] / предисл. и запись интервью А.С. Соколова. – С. 326-340.
364. Неклюдова М.С. Антуан Варийас, «писатель анекдотов» / М.С. Неклюдова. – С. 341-359. – Фр. писатель и историк (1620–1696).
365. Варийас А. де. Флорентийские анекдоты, или Тайная история Дома Медичи / Антуан де Варийас ; пер. и примеч. М.С. Неклюдовой. – С. 360-379.
366. Ненарокова М.Р. Луп из Ферье и его житие св. Вигберта / М.Р. Ненарокова. – С. 380-384. – Настоятель монастыря в Ферье (Франция) (ок. 805 – ок. 862).

367. Житие св. Вигберта / [Луп из Ферье] ; пер. М.Р. Ненароковой. – С. 385-403. – Пер. по изд. : *Patrologia Latina* / ed J.-P. Migne. – Vol. 119. – Col. 679-699.

368. Summaries. – С. 404-407.

[Вып.] 16. – М. : URSS : КомКнига, 2006. – 398 с. : ил. – 600 экз. – ISBN 5-484-00674-0. – ISBN 978-5-484-00674-0.

369. Репина Л.П. Исторические представления и культурное многообразие мира : [вместо предисл.] / Л.П. Репина. – С. 5-14.

370. Атнашев-Мирзаянц Т.М. Проектирование как горизонт истории : опыт перестройки и публич. история в Новое время / Т.М. Атнашев-Мирзаянц. – С. 15-52.

371. Пабст А. Условия сопротивления и трансформации : достижения и неудачи перестройки / Адриан Пабст. – С. 53-67.

372. Киселева М.С. Феофан Прокопович : влияние Могилянской школы на становление рос. учености / М.С. Киселева. – С. 68-85.

373. Алеврас Н.Н. Евразийцы и Г.П. Федотов : рус. революция в диалогах эмигрантов-современников / Н.Н. Алеврас. – С. 86-108.

374. Мельникова Ю.В. Антиковедная историософия А.Ф. Лосева : история как мифология : на материалах «Истории античной эстетики» / Ю.В. Мельникова. – С. 109-133.

375. Хвостова К.В. Диалог со временем и современная количественная история / К.В. Хвостова. – С. 134-146. – Применение количественных методов в ист. науке.

376. Хазанов О.В. Мистика : ее природа и соц. функции в концепции «Осевого времени» / О.В. Хазанов. – С. 147-158.

377. Эксле О.Г. Бедность и призрение бедных около 1200 года : к вопр. о понимании добровольной бедности Елизаветы Тюрингской / О.Г. Эксле ; пер. с нем. Ю.Е. Арнаутовой. – С. 158-202. – Дочь венг. короля, ландграфиня, ум. в нищете (1207–1231).

378. Лучицкая С.И. Мусульманско-христианские контакты в XII–XIII вв. : совместное почитание сакральных образов / С.И. Лучицкая. – С. 203-217.

379. Шанская Т.А. Семейное воспитание в России на рубеже XVIII–XIX веков и мир ребенка : семья Муравьевых / Т.А. Шанская. – С. 218-234. – Семья М.Н. и Е.Ф. Муравьевых.

380. Дашкевич Л.А. Гимназии в культурной жизни провинциального города первой четверти XIX века : (по материалам Урала) / Л.А. Дашкевич. – С. 235-268.

381. Мурин Ю.Г. О делопроизводстве и архивах Общего отдела ЦК КПСС в 1960-х – 1980-х годах / Ю.Г. Мурин. – С. 269-303.

382. Фокс Ч.Дж. История ранней части правления Якова II. Вступительная глава / Фокс Чарльз Джеймс ; пер., предисл. и коммент. П.И. Осипьянца. – С. 304-320. – Пер. фрагм. «Вводной» главы по изд. : Fox Ch.J. A History of the

Early Part of the Reign of James II / Ch.J. Fox ; ed. H. Morby. – L. ; P. ; N.Y. ; Melbourne : [S. n.], 1888. – Introductory chapter.

383. Экштут С.А. Бестужев-драгун и рыжий Мишка. Рисунки из альбома П.И. Челищева : он, к модным званиям стремя дары природы, был мастер рисовать одни карикатуры / С.А. Экштут. – С. 321-334. – Атрибуция карикатур на декабриста А.А. Бестужева и вел. кн. Михаила Павловича, выполн. Платоном Ивановичем Челищевым (1804–1859).

384. Петрова М.С. Взглядом пристрастного читателя : о кн. «Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века» [под ред. П.П. Гайдено, В.В. Петрова (М. : Прогресс-Традиция, 2005)] / М.С. Петрова. – С. 335-360.

385. Сидорова Т.А. О новой книге по английской историографии : [рецензия] / Т.А. Сидорова. – С. 361-374. – Рец. на кн. : Шарифжанов И.И. Английская историография в XX веке. Осн. теор.-методол. тенденции, школы и напр. / И.И. Шарифжанов. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 240 с.

386. Кошелева О.Е. Рецензии на книги Семена Экштута : [рецензия] / О.Е. Кошелева. – С. 375-384. – Рец. на кн. : Экштут С.А. 1) Надин, или Роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции : по неизд. материалам секретного архива III Отделения собственной его имп. величества канцелярии / С.А. Экштут. – М. : Согласие, 2001. – 228 с. : ил. ; 2) Тютчев. Тайный советник и камергер / С.А. Экштут. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 320 с. : ил. ; 3) Битвы за храм Мнемозины : очерки интеллектуал. истории / С.А. Экштут. – СПб. : Алетейя, 2003. – 320 с. : ил. – (Сер. «Интеллектуал. история в текстах и исслед.») ; 4) Александр I. Его сподвижники. Декабристы : в поиске утрач. альтернативы / С.А. Экштут. – СПб. : Логос, 2004. – 280 с. : ил. ; 5) Шайка передвижников : история одного творч. союза / С.А. Экштут. – М. : Белый город, 2005. – 464 с. : ил.

387. Аникеев А.А. Университет во времени и время университетов : [рецензия] / А.А. Аникеев. – С. 385-391. – Рец. на кн. : Вишленкова Е.А. Terra Universitatis : два века университетской культуры в Казани / Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2005. – 500 с.

388. Summaries. – С. 392-394.

Вып. 17. – М. : URSS : КомКнига, 2006. – 414 с. : табл. – 600 экз. – ISBN 5-484-00910-3. – ISBN 978-5-484-00910-7.

389. Репина Л.П. Всеобщая история в российской интеллектуальной традиции : [вместо предисл.] / Л.П. Репина. – С. 5-11.

390. Рудковская И.Е. Политический мир Древней Руси в главном труде Н.М. Карамзина / И.Е. Рудковская. – С. 12-54. – В «Истории государства Российского».

391. Бибииков М.В. Эон христианский : аспекты сакрализации / М.В. Бибииков. – С. 55-76.

392. Ванина Е.Ю. Время в восприятии средневековых индийцев / Е.Ю. Ванина. – С. 77-114. – XI–XVIII вв.

393. Воробьева О.В. А.Дж. Тойнби : на пути к постижению истории : очерк интеллектуал. биограф. / О.В. Воробьева. – С. 115-169.
394. Горфункель А.Х. 399 монографий Бруно Нарди / А.Х. Горфункель. – С. 170-199. – Итал. историк философии (1884–1968).
395. Могильницкий Б.Г. Творческий путь А.И. Данилова и проблема преемственности в развитии отечественной историко-теоретической мысли XX века / Б.Г. Могильницкий. – С. 200-223. – Александр Иванович Данилов (1916–1980).
396. Крих С.Б. «Революция рабов» в советской историографии 30-х годов XX века / С.Б. Крих. – С. 224-236.
397. Бацер М.И. Тоуни или Керридж? : две интерпретации аграр. проблемы XVI века / М.И. Бацер. – С. 237-246. – Англ. историки XX в. Р.Г. Тоуни и его ученик Э. Керридж и их тр. по истории эк. развития Англии XVI–XVIII вв.
398. Петрова М.С. Греческие источники Макробия : на примере психол. и натурфилос. глав *'Комментария на Сон Сципиона'* / М.С. Петрова. – С. 247-276.
399. Белоусов М.Р. К проблеме изучения Государева двора России в середине XVII века : на материале помет бояр. списков 1645–1667 годов / М.Р. Белоусов. – С. 277-336.
400. Вин Ю.Я. Новые информационные ресурсы и принципы исследования аутентичных понятий и терминов византийских источников / Ю.Я. Вин. – С. 337-356.
401. Мурин Ю.Г. Почему тигр не прыгнул? : коммент. к переписке и встречам М.А. Шолохова и И.В. Сталина в 1930-х годах / Ю.Г. Мурин. – С. 357-376.
402. Гансон Н. Детская смертность и государственная политика в СССР в годы послевоенного голода / Николай Гансон. – С. 377-396. – 1946–1947 гг.
403. Родигина Н.Н. Социокультурные представления русской интеллигенции XIX века : нов. интерпретация знакомых сюжетов : [рецензия] / Н.Н. Родигина. – С. 397-402. – Рец. на кн. : Сабурова Т.А. Русский интеллектуальный мир/миф : (Социокультур. представления интеллигенции в России XIX столетия) / Т.А. Сабурова. – Омск : Наука, 2005. – 306 с.
404. Кудрявцев О.Ф. [Рецензия] / О.Ф. Кудрявцев. – С. 403-408. – Рец. на кн. : Kanerva L. Between science and drawings. Renaissance architects on Vitruvius's educational ideas / Liisa Kanerva. – Helsinki : Finnish Academy of Science and Letters, 2006. – 203 p.
405. Summaries. – С. 409-412.
- Вып. 18.** – М. : URSS : Изд-во ЛКИ, 2007. – 399 с. – 600 экз. – ISBN 978-5-382-00158-6.
406. Дорогие читатели! : [от редакции]. – С. 5.
407. Макаров А.И. Образ Другого как образ памяти : (методол. аспекты пробл. репрезентации прошлого) / А.И. Макаров. – С. 6-18.

408. Леонтьева О.Б. Личность Ивана Грозного в исторической памяти российского общества эпохи Великих реформ : науч. знание и худож. образ / О.Б. Леонтьева. – С. 19-34. – 1860–1880-е гг.
409. Вишленкова Е.А. Университет как память и как знание / Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. – С. 35-67. – Казан. ун-т.
410. Савельева И.М. Становление исторического метода : Ранке, Маркс, Дройзен / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – С. 68-96.
411. Глушко Е.В. Из истории одного научного спора, или О любви (Йозеф Пекарж и возрождение Легенды Кристиана) / Е.В. Глушко. – С. 97-118. – Чешский историк и споры об аутентичности Легенды Кристиана, созд. предположит. в X в.
412. Киясов С.Е. Массонский феномен в историографии XVIII–XX веков / С.Е. Киясов. – С. 119-152.
413. Коньков Д.С. Проблема типологизации периода Чуньцю в отечественной историографии второй половины XX века / Д.С. Коньков. – С. 153-169. – Чуньцю – период истории древнего Китая.
414. Высокова В.В. Универсальная история в современной историографии / В.В. Высокова, М.А. Сосновский. – С. 170-189. – Пробл. формирования новой картины мира на базе универсального эволюционизма или универсальной истории.
415. Женин И.А. «Русская тема» в консервативной периодике Веймарской республики (на примере журнала «Ди Тат») / И.А. Женин. – С. 190-210. – «Die Tat», нем. ежемес. журн., изд. с 1909 по 1939 гг.
416. Канинская Г.Н. Пять образов генерала де Голля в России : (к вопр. о пробл. Другого) / Г.Н. Канинская. – С. 211-230. – Период. печать и ист. наука 1940-х – нач. XX в.
417. Ростиславлева Н.В. «Дальман перестал быть либералом» : границы компромиссов в решении «немецкого вопроса» (перв. пол. XIX в.) / Н.В. Ростиславлева. – С. 231-248. – Германские либералы Ф.К. Дальман (1785–1860), К.Т. Велькер (1790–1869).
418. Сосновцева О.В. Рассуждения о религии в среде русской аристократии Петровской эпохи (Б.И. Куракин, А.А. Матвеев) / О.В. Сосновцева. – С. 249-265.
419. Сибирева Г.А. В.В. Мусин-Пушкин-Брюс – дипломат, масон, меценат / Г.А. Сибирева. – С. 266-285. – 1773–1836.
420. Сабурова Т.А. Модель мира русской интеллигенции XIX столетия / Т.А. Сабурова. – С. 286-327.
421. Веремченко В.А. «Семейные несогласия» и раздельное житье супругов : пробл. законодат. регулирования в России во втор. пол. XIX – нач. XX века / В.А. Веремченко. – С. 328-352.
422. Селунская Н.А. Комментарий и фрагмент / Н.А. Селунская. – С. 353-364. – Комментарий как вид науч. раб. в сфере ист. и филол. наук.
423. Петрова М.С. Из истории одного манускрипта (Parisinus Latinus 6370) : [кодекс IX в. из Парижской нац. б-ки] / М.С. Петрова. – С. 365-369.

424. Дорошенко М.Ю. Ветхозаветная топонимика в статье 6604 (1096) года Повести временных лет / М.Ю. Дорошенко. – С. 370-382.
425. Кукарцева М.А. 121-ое Ежегодное собрание Американской исторической ассоциации (АНА), Атланта, 4–7 янв. 2007 / М.А. Кукарцева. – С. 383-389.
426. Summaries. – С. 390-395.

Вып. 19 : [Специальный выпуск : Индивид, общество, власть в контексте гендерной истории] / ред. вып. А.В. Стогова, А.Г. Суприянович. – М. : URSS : Изд-во ЛКИ, 2007. – 399 с. : ил. – 600 экз. – ISBN 978-5-382-00119-7.

427. Репина Л.П. От «домашних дел» к «делам государства» : гендер и власть в историческом контексте : [вместо предисл.] / Л.П. Репина. – С. 5-27.
428. Архипова С.В. Хатшепсут : женщина-фараон / С.В. Архипова, Л.Л. Селиванова. – С. 28-48. – Египет, XVIII династия. 1467-1445 гг. до н. э.
429. Козандей Ф. Анна Бретонская и монархические церемонии : репрезентация королевы Франции на руб. XV–XVI веков / Ф. Козандей ; пер. и примеч. А.В. Стоговой. – С. 49-61. – Пер. докл. на междунар. colloquium в Монпелье «Королевы и принцессы в Средние века» : Reines et princesses au Moyen Age // Actes du cinquième colloque international de Montpellier. Université Paul-Valéry, 24-27 novembre 1999. – Vol. 1. – P. 205-214.
430. Федоров С.Е. В поисках сценария : Анна Датская и ее последний путь / С.Е. Федоров. – С. 62-84. – Церемониал погребения англ. королевы, март – май 1619 г.
431. Вишленкова Е.А. Гендерные коды в визуальном языке описания «русскости» (XVIII – перв. четв. XIX века) / Е.А. Вишленкова. – С. 85-109.
432. Григер М.В. Правовой статус женщины в позднеантичных правовых документах (Институции Гая и раздел «Нашим» Мишны) / М.В. Григер. – С. 110-135.
433. Зеленина Г.С. Doña puta vieja : «комплекс Селестины» в инквизиционных док. / Г.С. Зеленина. – С. 136-161. – На осн. анализа tachas – док. инквизиционных процессов в Испании конца XV – перв. трети XVI в.
434. Веремко В.А. Пенсионные права супруга за службу чиновника в России во второй половине XIX – начале XX веков / В.А. Веремко. – С. 162-190.
435. Лыкова Е.Ю. Женщины Конкисты / Е.Ю. Лыкова. – С. 191-211. – Испанки и индеанки в XVI в.
436. Сальникова А.А. Немного о «красном революционном козле», или Девочки-современницы о символах и образах революции 1917 года / А.А. Сальникова. – С. 212-233.
437. Макарова Л.М. Национал-социализм в гендерном измерении / Л.М. Макарова. – С. 234-252.
438. Шнырова О.В. Антисуфражизм как зеркало суфражизма / О.В. Шнырова. – С. 253-283. – В Великобритании в 70-е гг. XIX – нач. XX в.
439. Школьников И.А. Лейбористская партия Великобритании и суфражистское движение [в нач. XX в.] / И.А. Школьников. – С. 284-299.

440. Королева Т.В. Феномен «социального феминизма» в истории французского женского движения начала XX века / Т.В. Королева. – С. 300-313.
441. Фролов В.П. Первые женщины-либералки в британском парламенте (1921–1951 гг.) / В.П. Фролов. – С. 314-331.
442. Дубовицкая М.О. Теневая сторона политики благосостояния в Швеции : стерилизация 1935–1975 годов / М.О. Дубовицкая. – С. 332-346.
443. Тиайнен Т.В. Особенности становления «государственного феминизма» в Швеции (1950–2006 гг.) / Т.В. Тиайнен. – С. 347-376.
444. Чикалова И.Р. Политические партии и проекты гендерных реформ в США, [60-90-е гг. XX в.] / И.Р. Чикалова. – С. 377-402.
445. Summaries. – С. 403-410.
- Вып. 20.** – М. : URSS : Изд-во ЛКИ, 2007. – 416 с. : ил. – 600 экз. – ISBN 978-5-382-00454-9.
446. Репина Л.П. Историческая теория после «культурного поворота» / Л.П. Репина. – С. 5-13.
447. Булыгина Т.А. «Мыслящий мир» истории Ю.М. Лотмана / Т.А. Булыгина. – С. 14-23.
448. Корзун В.П. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна в социокультурном контексте эпохи / В.П. Корзун, Д.М. Колеватов. – С. 24-62.
449. Селунская Н.А. «Коммуна» и «сеньория» средневековой Италии : история концептов, или Особенности нац. охоты к историографии / Н.А. Селунская. – С. 63-89.
450. Трофимова В.С. «Республика учености» : идея, идеал и виртуальное сообщество европ. интеллектуалов XV–XVIII веков / В.С. Трофимова. – С. 90-99.
451. Голикова С.В. Народная рецепция научного знания: представления о микромире (по материалам пореформенного Урала) / С.В. Голикова. – С. 100-110.
452. Киясов С.Е. Английские масоны на рубеже XVII–XVIII веков / С.Е. Киясов. – С. 111-134.
453. Вершинина Д.Б. Британский суфражизм и викторианские ценности / Д.Б. Вершинина. – С. 135-154.
454. Еремин С.В. Большевизм и национал-социализм : идейно-полит. противостояние и «оттепель» 1939–1941 годов / С.В. Еремин. – С. 155-173.
455. Янковская Г.А. Мемориальные образы войны и мира в художественных практиках «мини-оттепели» 1945–1946 годов / Г.А. Янковская. – С. 174-188.
456. Громова А.В. Рихард Николаус Куденхов-Калерги и его идея Пан-Европы / А.В. Громова. – С. 189-197.
457. Островский О.Б. 1812 год как рубеж просвещения и «официальной народности» / О.Б. Островский. – С. 198-208.
458. Еремеева С.А. В пространстве воспоминаний : мемуары членов Приюгинского братства / С.А. Еремеева. – С. 209-218.

459. Бабков Д.И. Национальная тема и проблема терминологии в публицистике В.В. Шульгина 1917–1939 годов / Д.И. Бабков. – С. 219-238.
460. Макаренко Е.М. Проблема самоидентификации русских эмигрантов во Франции (1930-е годы) по материалам архива полицейской префектуры Парижа / Е.М. Макаренко. – С. 239-251.
461. Ковалевская Н.А. Культурно-просветительные мероприятия русской эмиграции в 20–30-е годы XX века / Н.А. Ковалевская. – С. 252-261.
462. Костина Т.В. Карьера в университете, или Сколько лет должно быть профессору? (на материалах Казанского университета 1804–1863 гг.) / Т.В. Костина. – С. 262-269.
463. Андреев Д.А. «Красное студенчество» в 1921–1924 гг. : контуры образа (к вопр. об обязательности «пролетарского» происхождения) / Д.А. Андреев. – С. 270-284.
464. Галямичев А.Н. К вопросу о роли лидера в становлении научной школы : С.М. Стам и судьбы медиевистики в Сарат. ун-те / А.Н. Галямичев. – С. 285-298.
465. Заславец Н.Н. Информационное обеспечение экспозиции музея как последовательный процесс развития музейной практики / Н.Н. Заславец. – С. 299-303.
466. Петрова М.С. Символ : традиции и новации / М.С. Петрова. – С. 304-315.
467. Зверева В.В. [Рецензия] / В.В. Зверева. – С. 316-329. – Рец. на кн. : Curiosity and Wonder from the Renaissance to the Enlightenment / ed. by R.J.W. Evans, A. Marr. – Aldershot ; Burlington : Ashgate Publ., 2006. – 265 p. ; Kenny N. The Uses of Curiosity in Early Modern France and Germany / N. Kenny. – Oxford ; N.Y. : Oxford Univ. Press, 2004. – 498 p.
468. Айзенштат М.П. [Рецензия] / М.П. Айзенштат. – С. 330-332. – Рец. на кн. : Бодров О.В. Профессор М.М. Ковалевский : у истоков изучения англ. общественной и полит. мысли в России / О.В. Бодров. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2006. – 325 с.
469. Готовцева А.Г. [Рецензия] / А.Г. Готовцева. – С. 333-336. – Рец. на кн. : Щербатов А.Г. Мои воспоминания / Алексей Григорьевич Щербатов ; авт. вступ. ст. О.И. Киянская. – СПб. : Нестор-История, 2006. – 276 с.
470. Филимонов В.А. Н.И. Кареев : античность сквозь призму политики / В.А. Филимонов. – С. 337-352.
471. Суриков И.Е. Очень субъективные заметки / И.Е. Суриков. – С. 352-353.
472. Дементьева В.В. Заметки на полях / В.В. Дементьева. – С. 354-355.
473. Филимонов В.А. Audiatur et altera pars, или Ответ не в меру строгим критикам / В.А. Филимонов. – С. 355-370.
474. Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. Выпуски 1-20 : указ. содерж. / сост. Р.Б. Казаков. – С. 371-405.
475. Summaries. – С. 406-410.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ*

- Авиен 121
Аврус А.И. 222
Агирре Рохас К.А. 188, 299
Айзенштат М.П. 9, 55, 148, 172, 469
Алеврас Н.Н. 291, 373
Алексеев С.В. 110
Алленова В.А. 347
Альтшулер Н.С. 321
Алябьева Л. 99
Андреев Д.А. 463
Андронов И.А. или И.Е. ??? 8
Аникеев А.А. 387
Антощенко А.В. 119, 136, 153, 191, 307
Апрыщенко В.Ю. 355
Арнаутова Ю.Е. 104, 138, 245, 377
Артамошин С.В. 231, 341
Архипова С.В. 428
Атнашев-Мирзаянц Т.М. 370
Бабков Д.И. 459
Балакин В.Д. 25, 61, 68, 103
Барг М.А. 39
Барнум Ф.Т. 166
Бацер М.И. 206, 397
Беда Досточтимый 183
Безрогов В.Г. 147
Беленький И.Л. 92
Беликов А.Е. 317
Белоусов М.Р. 399
Беляев В. 267
Беляев В.В. 298
Бентам И. 9
Бергер Е.Е. 256
Бердова О.В. 221
Беспалова С.В. 316
Бессмертный Ю.Л. 44
Бестужев А.А. 383
Бибииков М.В. 351, 391
Блохина И.Р. 204
Бобкова М.С. 12, 34, 64, 95, 156, 239
Бодров О.В. 469
Бонцевич Н.Н. 198
Бородулин В.И. 256
Борозняк А.И. 11, 35, 100, 208
Браун П. 309
Бродрик Д. 206
Буданова В.П. 348
Булыгина Т.А. 447
Бурганова А.Л. 33
Буркхардт Я. 356
Бэкон Ф. 326
Вандальберт Прюмский 314
Ванина Е.Ю. 392
Вансина Ж. 101
Варийас А. де. 365
Ведюшкина И.В. 5, 261, 286
Велькер К.Т. 417
Венедиктова Т.Д. 83, 166
Веремченко В.А. 421, 434
Вершинина Д.Б. 453
Вин Ю.Я. 271, 400
Виноградов П.Г. 153
Вишленкова Е.А. 88, 109, 223, 346, 387, 409, 431
Волкова Т.Ф. 197
Володихин Д.М. 40, 111, 184, 185, 190
Вольфцун Л.Б. 38
Воробьева О.В. 58, 82, 161, 188, 238, 262, 288, 289, 393
Высокова В.В. 414
Гавришина О.В. 56
Гайденко П.П. 2, 384
Галин В.В. 320
Галямичев А.Н. 228, 464
Гансон Н. 402
Гардинер С.Р. 326
Гаукроджер С. 243
Ге Н.Н. 114
Гелла Т.Н. 262, 277
Гири П. 329
Гладышев А.В. 70, 97, 170
Глушко Е.В. 411
Гоголь Н.В. 316
Голикова С.В. 451
Голосеева А.А. 174
Гордон А.В. 246
Горелов М.М. 115, 140, 235

* Приведены имена авторов, составителей, публикаторов, комментаторов, переводчиков. – Составитель Р.Б. Казаков

- Горфункель А.Х. 394
Готовцева А.Г. 470
Готорн Н. 83
Градскова Ю.В. 87
Гревс И.М. 305
Григер М.В. 432
Гриднева А.Ю. 271
Громова А.В. 456
Грушко К.П. 107
Гумилевский М. 317
д'Андийи Р.А. 108
Дальман Ф.К. 417
Данилевский И.Н. 77
Данилов А.И. 395
Дашкевич Л.А. 380
Десяткина Н.И. 94, 268, 297
Дементьева В.В. 473
Добиаш-Рождественская О.А. 260
Донат 21
Дорошенко М.Ю. 424
Драбкин Я.С. 237
Дубовицкая М.О. 442
Дубровский И.В. 329
Евнапий из Сард 76, 93
Еремеева С.А. 458
Еремин С.В. 454
Ермаченко И.О. 36, 60
Женин И.А. 415
Жигунин В.Д. 14
Заншайн Л. 361
Зарецкий Ю.П. 332, 356
Заруцкая Е.В. 345
Заславец Н.Н. 466
Зверева В.В. 16, 48, 194, 468
Зверева Г.И. 17, 62, 64, 67, 131, 157
Зезина М.Р. 133
Зеленина Г.С. 433
Зимица Н.Г. 293
Иванова Н. 319
Иммендорф Й. 306
Иоанн 104
Ирвинг В. 284
Каганович Б.С. 22, 38
Казаков Р.Б. 475
Калинина Т.М. 235
Камерон А. 309
Канерва Л. 332
Канинская Г.Н. 416
Канторович Э.Х. 163
Карасева А.В. 205
Кареев Н.И. 471
Картрайт Дж. 9
Келли Д.Р. 140
Керов В.Л. 51, 169, 318, 349
Керридж Э. 397
Ким С.Г. 189, 216
Киришнина В.В. 279
Киселева М.С. 372
Кифер А. 306
Киянская О.И. 470
Киясов С.Е. 412, 452
Клемешов А.С. 200
Клещева Н.П. 345
Ключевский В.О. 307
Кляйн Ю. 281
Ковалевская Н.А. 461
Ковалевский М.М. 469
Козандей Ф. 429
Козеллек Р. 363
Козик О.М. 6, 31
Кокунова Ю.В. 201
Колеватов Д.М. 448
Коллингвуд Р.Дж. 325
Колосова О.Г. 3
Кондратьев Д.Е. 271
Кондырев П.С. 109
Коннелл У. 337
Коновалова И.Г. 122
Коньков Д.С. 248, 272, 413
Кореньевский А.В. 249
Корзун В.П. 157, 287, 291, 347, 448
Королева Т.В. 440
Короленков А.В. 124
Корякина Н.В. 143, 167
Костина Т.В. 462
Костомаров Н.И. 293
Котылев А.Ю. 302
Кошелева О.Е. 150, 386
Креленко Н.С. 64, 69, 98, 168, 195, 284
Крих С.Б. 396
Крокетт Д. 166
Кудрявцев О.Ф. 132, 404
Кукарцева М.А. 425
Кулакова И.П. 118
Лавджой А.О. 325
Лампрехт К. 334
Лаптева М.П. 259, 262
Ларионова А.Л. 321
Ленская В.С. 176
Леонтьева О.Б. 408
Ливайн Дж.М. 326
Лиманская Л.Ю. 280
Лукьянова Л.М. 298
Луп из Ферье 367
Лучицкая С.И. 378

- Лыкова Е.Ю. 435
Любин В.П. 129, 210, 264, 357
Люблинский В.С. 38
Ляляев С.В. 15
Майофис М.Л. 151
Макаренкова Е.М. 460
Макаров А.И. 126, 407
Макарова Г.В. 164
Макарова Л.М. 141, 437
Макашева Н.А. 49
Макробий Амвросий Феодосий 121
Максимова А.Б. 208
Малиновский И.В. 56, 57
Мальшева С.Ю. 85, 209, 224, 387, 409
Мамонтова М.А. 287, 347
Маркасова Е.В. 37, 84
Матузова В.И. 72
Мауль В.Я. 254
Мегилл А. 324
Мелихов М.В. 226
Мельникова Е.А. 236
Мельникова Ю.В. 374
Месяц С.В. 233
Милль Д. 9
Милль Дж.С. 9
Мирзаханов В.С. 74, 101
Мироненко-Маренкова И.К. 276
Мионов В.В. 294
Михаил Павлович 383
Михайленко В.И. 130
Михель Д.В. 285
Мишутина О.В. 250
Могильницкий Б.Г. 395
Мозжухина Т.В. 306
Моисей 317
Морозова Е.Н. 196
Мосолкина Т.В. 180
Мудимбе В. 101
Муравьевы М.Н., Е.Ф. 379
Мурин Ю.Г. 381, 401
Мухина Г.А. 96, 173, 283
Мягков Г.П. 14, 116, 131, 208, 292
Назаров А.Н. 274
Нарский И.В. 209
Нейман А.М. 160
Неклюдова М.С. 364, 365
Немченко И.В. 54
Ненарокова М.Р. 182, 183, 234, 313, 314, 366, 367
Николаева Н.И. 199
Носков В.В. 269
Одилон 61
Олейников А.А. 125
Осипьянц П.И. 312, 382
Островский О.Б. 457
Пабст А. 371
Павлова Т.А. 105
Парсамов В.С. 106
Парфенов О.Г. 79
Патрушев А.И. 1
Пейдж У.Х. 278
Петрарка Ф. 298
Петров В.В. 4, 128, 255, 282, 315, 352, 384
Петров Ф.Н. 127
Петрова М.С. 20, 21, 30, 64, 121, 144, 232, 262, 344, 345, 348, 353, 384, 398, 423, 467
Пивоев В.М. 207
Пигалев А.И. 66
Пиков Г.Г. 162, 202, 218, 304
Полетаев А.В. 26, 43, 62, 75, 213, 244, 410
Поршнева О.С. 359, 465
Протасова О.Л. 253
Пушкин А.С. 304
Рамазанов С.П. 290
Рейли Д. 333
Репина Л.П. 1, 24, 42, 64, 90, 113, 131, 135, 139, 159, 242, 266, 296, 323, 350, 369, 389, 427, 446
Робертсон Х. 206
Родигина Н.Н. 403
Романов В.В. 278
Ростиславлева Н.В. 47, 78, 230, 334, 417
Рубинштейн Е.Б. 18, 39
Рудковская И.Е. 390
Румянцева М.Ф. 91
Рыженко В.Г. 86, 263
Рюзен Й. 136, 215
Сабурова Т.А. 403, 420
Савельева И.М. 26, 43, 62, 75, 213, 244, 410
Савицкий Е.Е. 358
Сальникова А.А. 165, 273, 387, 409, 436
Светоний 353
Свешников А.В. 260, 287, 290, 305, 335
Селиванова Л.Л. 428
Селунская Н.А. 270, 309, 336, 422, 449
Сен-Жюст Л.А. 155

- Серегина А.Ю. 19, 53, 142, 214, 217, 275, 324-327, 354
Сибирева Г.А. 251, 419
Сидорова Т.А. 257, 385
Ситникова Ю.В. 181
Смердов И.В. 46
Смирнов П.М. 7
Смирнова О.П. 76, 93
Соколов А.Б. 343, 363
Сокольская Н.Ф. 215
Солопова М.А. 120
Сосновский М.А. 414
Сосновцева О.В. 418
Сотникова С.И. 27, 203
Стам С.М. 464
Стогова А.В. 52, 108, 360, 429
Суприянович А.Г. 50
Суриков И.Е. 102, 177, 472
Сыченкова Л.А. 321, 346
Таран Л.В. 308
Тарле Е.В. 22
Твен М. 284
Телицина А.Ю. 361
Тельменко Е.П. 338
Тийайнен Т.В. 443
Тихонова О.В. 271
Тойнби А.Дж. 289
Токмаков В.Н. 178
Торстендаль Р. 214
Тоуни Р.Г. 397
Трифорова Е.К. 73
Трофимова В.С. 450
Трубникова Н.В. 330
Туманова А.С. 225
Уайт Х. 343
Уваров П.Ю. 146
Уварова О.А. 337
Усачев А.С. 328
Фадеева Л.А. 10, 59
Федин А.В. 339
Федоров С.Е. 303, 430
Феррари М. 267
Филимонов В.А. 79, 471, 474
Фокс Ч.Дж. 382
Фомин Ф.М. 192
Франклин Б. 166
Фролов В.П. 441
Фрумкина Р.М. 331
Фуко М. 356
Хазанов О.В. 193, 252, 376
Хачатурян В.М. 247, 340
Хвостова К.В. 375
Хизар П. 309
Хряков А.В. 81, 163
Цатурова С.К. 149
Чайковский Ю.В. 32
Чеканцева З.А. 258
Челищев П.И. 383
Чен Синь 325
Черноверская Т.А. 154, 155, 171
Чернышевский Н.Г. 83
Чиглинцев Е.А. 71, 175
Чикалова И.Р. 444
Чумакова Т.В. 311
Шалаева Н.В. 342
Шанская Т.А. 219, 379
Шарифжанов И.И. 385
Шепелева В.Б. 80, 229, 362
Шкаренков П.П. 29, 123, 145, 179
Школьников И.А. 301, 439
Шнайдер У.И. 327
Шнырова О.В. 300, 438
Щеглов Д.А. 310
Щербатов А.Г. 470
Эванс Р. 138
Эйнхард 353
Эксле О.Г. 138, 245, 377
Экштут С.А. 28, 40, 45, 65, 114, 137, 185, 220, 240, 262, 320, 383, 386
Янковская Г.А. 152, 455
Ястер И.В. 227
Ястребицкая А.Л. 117
Blair A. 156
Conell W.J. 132
Duff A.M. 121
Duff J.W. 121
Evans R.J. 138
Evans R.J.W. 468
Fox Ch.J. 382
Gentile E. 264
Giuntella M.C. 210
Hankins J. 337
Kanerva L. 404
Kenny N. 468
Marr A. 468
Migne J.-P. 183, 314, 367
Morby H. 382
Paulhart H. 61
Petrarca Fr. 298
Schulz E. 329
Sonne W. 329
Toynbee A.J. 289
Zunshine L. 361

SUMMARIES

T.A. Bulygina

“Thinking world” of history: Yu. M. Lotman

The article is focused on the writings by an illustrious Russian scholar, Yu.M. Lotman. The author deals with the problems of cultural studies: general principles, symbols, and with the role of language in shaping culture.

V.P. Korzun, D.M. Kolevatov

**“Russian Historiography” by N.L. Rubinstein
in socio-cultural context of its time**

The article is dedicated to well-known Soviet historians of historiography – to N. Rubinstein, O. Vaistein, E.Kosminsky. The author gives details of their biography, traces their academic careers and shows the distinctive features of their writings as well as their influence on the history discipline of the period. The article provides information on academic debate and intrigues within the Stalin academic elite, that were preconditioned by changes in official ideology.

N.A. Selunskaya

**“Commune” and “Signoria” of medieval Italy:
the history of concepts**

The paper analyses the approaches to the medieval history of Italy that had been developed in the 20th century by several schools of historiography (in Russia, Italy and in the English-speaking academic world). The author focuses on the problem of the history of the concepts signoria and commune/civitas. The main idea of the article is that the two different traditions of the study of civitas and signoria should be viewed in comparative perspective. It is pointed out that in the process of constructing the terms the model was used that had originated from the discourse of legal history.

S.B. Golikova

**Popular reception of scientific knowledge
and shaping views of the micro-world**

The article deals with the process of introducing modern epidemiology into the Russian agrarian society of the 19th century. The key point here is the conflict of urban scientific culture personified by the

doctors, with the traditional views of peasants. As a result doctors had to adjust their methods to widely accepted ideas of the traditional society.

S.E. Kyasov

English Masons in the late 17th – early 18th cc

The article shows the limited scope of the “old” Masonic lodges’ expansion in England. As early as the late 17th c. they included not only craftsmen, but educated gentlemen as well: “accepted masons”, noble and well-off members of livery companies, with whom handicraft guilds of bricklayers (masons) and other building professions (carpenters and stone-cutters) were forced to cooperate during the Civil War. English masons did not state their own political program, and supported the king as well as the Parliament. During the Restoration period some of free-masons (E. Ashmol, R. Moray, J. Tolland, C. Wren) relied on the experience and traditions of secret organizations, whose activity made a great impact on social and political life of continental Europe and Britain in the 17–18th cc. (The Order of Rosencrantz, the Invisible College). At the beginning of the 18th c. speculative masons faced up to new tasks. Hanover dynasty’s coming to power meant inevitable reorientation of the “free masons” movement. New leaders appeared who aimed at creating regular Masonic societies.

D.B. Vershinina

British Suffrage Movement and Victorian values

The author studies the phenomenon of British suffrage movement in the late 19 – early 20th cc. through detailed analyses of its main leaders’ biographies. The article also demonstrates Victorian ideal of womanhood and pays a great deal of attention to the criticism of the suffrage movement attracted from different sides – from conservative public opinion of Victorian and post-Victorian period, to the radical feminists of the second half of the 20th c.

S.V. Eremin

**Bolshevism and National-Socialism:
ideological conflict and the “thaw” of 1939–1941**

The article presents a comparative analysis of some aspects of Soviet communism and German national-socialism, as well as traces the evolution of these ideologies and of their interpretations in the late

1930s. The article is focused on the images of enemy and of messianic national ideas. Great deal of attention is paid to the forced attempt at reconciliation between the USSR and Germany in the period after the Molotov-Ribbentrop pact that had its consequences for both ideologies.

G.Ya. Yankovskaya

**Memorial images of war and peace
in artistic practices of 1945–1946**

The author studies the reflection of the Second World War and of the reconstruction period in Soviet art and propaganda of the first post-war decade. The article's focus is on visual forms of culture. Another important aspect of the problem is the state's attitude towards the war imagery, and the state officials fight against 'decadence' in art.

O.B. Ostrovsky

**The year 1812 as a borderline between the Enlightenment
and the 'Official Populism'**

The article demonstrates changes in popular opinion as well as in the views of the Emperor Alexander I after the 1812 war that clearly defined an antithesis: European Enlightenment or Russian Orthodoxy. It is shown how the cult of Emperors (of Alexander I) was formed.

S.A. Eremeeva

**In the space of memory:
memoirs of the members of Priyutino brotherhood**

The author studies the evolution of a group of Russian intellectuals who belonged to the 'Priyutino brotherhood' which had survived for unusually long period. The article is focused on the relations within the group as well as to the development of the individual members' views. The history of the brotherhood is seen through biographical research.

D.I. Babkov

**National theme and the problem of terminology
in the writings by V.V. Shulgin, 1917–1939**

The article analyses the writings by V.V. Shulgin who represented the right, monarchist group of Russian society of the late 19th – early 20th cc. The author uses archival materials and manuscripts widely; this

enables him to demonstrate a complex of Shulgin's ideas as a paradigm of the search for national identity of the Russian Diaspora.

N.A. Kovalevskaya

Educational activity of the Russian émigrés, 1920–1930s

The article deals with the problem of preserving national identity that Russian émigrés faced in 1920-30s. One of the ways to address it was to organize regular celebrations — the day of a Russian child, or a day of Russian culture that helped to involve children and adolescents into cultural life of Russian communities abroad. The author shows the details of those celebrations as well as the support they got from governments and local communities in Czechoslovakia, France and the USA.

T.B. Kostina

University career: how old a professor should be?

The article is based on the Kazan university materials and studies the question of how old one was supposed to be to remain professor during the first fifty years of the university's existence (1804–1863). Although not officially recognized, there was a standard age limit for a professor in the university's corporation life. The author studies the factors affecting academic promotions in the university and shows that professor in his fifties at that time was considered aging. The university duties were distributed depending on professor's age. The government was interested in renovating the corporation, but no legal mechanism was created, and the senescent professors mostly stayed in the university till their death.

D.A. Andreev

“Red students” in 1921–1924: shaping an image

This text is about the proletarian origin of a Red Student. “Red Student” is an ideological term that emerged in the beginning of 1920s against a background of Bolshevik's idea of making a “New Man”. After seizing the power in 1917 it was important for Bolsheviks to create new intellectual elite, which could govern the Soviet country in the future. Therefore the Bolsheviks created a propagandistic pattern: the proletarian origin was the main criterion of Red Student. This article examines the shift of authorities' attitudes to the “proletarian” origin of the

students, which took place during the period of the higher school's "proletarianization" (1921–1924). The fact that there were alternatives to the "proletarian" origin is also considered in the text. For example, a former Red Army man who participated in civil war could descend from "alien" social classes and become a Red Student.

A.N. Galyamichev

On the role of a leader:

S.M. Stam and the medieval studies in Saratov University

The article examines the problem of the role of Professor S.M. Stam in the process of shaping Saratov historical school of the Middle Ages. Author describes S.M. Stam's personal and professional characteristics, which allowed him to create historical school in the medieval urban history. These characteristics helped S.M. Stam to implement his plan in the difficult conditions of the local University in Russia.

M.S. Petroff

The "Symbol": traditions and novelties

The publication treats the history of the "Symbol", the journal for Christian culture founded in 1979 by the Bibliothèque Slave (Meudon, Paris). The article celebrates the Symbol's 50th issue (2006). The importance of the journal for the Soviet intelligencia is discussed as also the sophisticated ways of its distribution in the Soviet Union. The first Paris-based editorial board (H. de Lubac, Yv. Congar, A. Mossine, R. Marichal, A. Sterpin, F. Rouleau and others) is described and also the crisis of the journal's editorial policy during "Perestroika". It is stated that the new Moscow-based editorial board (N. Muskhelishvili, A. Akhutin, O. Vilches-Landin, A. Koval, R. Marichal, A. Mossine) has preserved the high academic level of the edition; renewed the dialogue between Eastern and Western Christendom; enlarged the journal's scope beyond theology by including the issues of psychology, philosophy, and intellectual history. The contents of the 50th issue dedicated to Ignatius of Loyola is reviewed.

Дорогие читатели, вы можете подписаться на журнал «Диалог со временем» в любом отделении связи России. Подписной индекс 36030 в каталоге Агентства «Роспечать»

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

<i>Л. П. Ретина</i> Историческая теория после «культурного поворота».....	5
--	---

ТЕКСТ И КОНТЕКСТ В ИСТОРИОЗНАНИИ

<i>Т. А. Булыгина</i> «Мыслящий мир» истории Ю. М. Лотмана.....	14
<i>В. П. Корзун, Д. М. Колеватов</i> «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна в социокультурном контексте эпохи.....	24

ИЗ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ

<i>Н. А. Селунская</i> «Коммуна» и «сеньория» средневековой Италии: история концептов, или Особенности национальной охоты к историографии.....	63
<i>В. С. Трофимова</i> «Республика учености»: идея, идеал и виртуальное сообщество европейских интеллектуалов XV–XVIII веков.....	90
<i>С. В. Голикова</i> Народная рецепция научного знания: представления о микромире.....	100

ИДЕИ И ЛЮДИ

<i>С. Е. Киясов</i> Английские масоны на рубеже XVII–XVIII веков.....	111
<i>Д. Б. Вершинина</i> Британский суфражизм и викторианские ценности.....	135
<i>С. В. Еремин</i> Большевизм и национал-социализм: идейно-политическое противостояние и «оттепель» 1939–1941 годов.....	155
<i>Г. А. Янковская</i> Мемориальные образы войны и мира в художественных практиках «мини-оттепели» 1945–1946 годов.....	174
<i>А. В. Громова</i> Рихард Николаус Куденхов-Калерги и его идея Пан-Европы.....	189

ИЗ ИСТОРИИ РОССИИ XIX – XX ВЕКОВ

<i>О. Б. Островский.</i> 1812 год как рубеж просвещения и «официальной народности».....	198
<i>С. А. Еремеева</i> В пространстве воспоминаний: мемуары членов Приютинского братства.....	209

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ: XX ВЕК

<i>Д. И. Бабков</i> Национальная тема и проблема терминологии в публицистике В. В. Шульгина 1917–1939 годов.....	219
--	-----

<i>Е. М. Макаренкова</i> Проблема самоидентификации русских эмигрантов во Франции (1930-е годы).....	239
<i>Н. А. Ковалевская</i> Культурно-просветительные мероприятия русской эмиграции в 20–30-е годы XX века.....	252

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ...

<i>Т. В. Костина</i> Карьера в университете, или сколько лет должно быть профессору?.....	262
<i>Д. А. Андреев</i> «Красное студенчество» в 1921–1924 гг.: контуры образа.....	270
<i>А. Н. Галямичев</i> К вопросу о роли лидера в становлении научной школы: С. М. Стам и судьбы медиевистики в Саратовском университете.....	285

ИНСТИТУТЫ ПАМЯТИ

<i>Н. Н. Заславец</i> Информационное обеспечение экспозиции музея как последовательный процесс развития музейной практики.....	299
--	-----

ЧИТАЯ КНИГИ

<i>М. С. Петрова</i> Символ: традиции и новации.....	304
<i>В. В. Зверева</i> <i>Рец. на кн.: Curiosity and Wonder from the Renaissance to the Enlightenment</i> Ed. by R. J. W. Evans, A. Marr. 2006; Kenny N. The Uses of Curiosity in Early Modern France and Germany. Oxford, 2004.....	316
<i>М. П. Айзенштат</i> <i>Рец. на кн.: Бодров О. В. Профессор М. М. Ковалевский.</i> У истоков изучения английской общественной и политической мысли в России. Казань, 2006. 325 с.....	330
<i>А. Г. Готовцева</i> <i>Рец. на кн.: Щербатов А. Г. Мои воспоминания.</i> СПб., 2006. 278 с.....	333

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

<i>В. А. Филимонов</i> Н. И. Кареев: античность сквозь призму политики.....	337
<i>И. Е. Суриков</i> Очень субъективные заметки.....	352
<i>В. В. Дементьева</i> Заметки на полях.....	354
<i>В. А. Филимонов</i> Audiatur et altera pars, или ответ не в меру строгим критикам.....	355
Диалог со временем. Вып. 1–20. Указ. содержания. Сост. Р. Б. Казаков.....	371
Диалог со временем. Вып. 1–20. Указ. авторов. Сост. Р. Б. Казаков.....	402
SUMMARIES.....	406
СОДЕРЖАНИЕ.....	411

CONTENTS

INSTEAD PREFACE

<i>L.P. Repina</i> Historical theory after cultural turn.....	5
--	---

TEXT AND CONTEXT IN HISTORIOGRAPHY

<i>T.A. Bulygina</i> “Thinking world” of history: Yu. M. Lotman.....	14
<i>V.P. Korzun, D.M. Kolevatov</i> “Russian Historiography” by N.L. Rubinstein in socio-cultural context of its time.....	24

HISTORY OF IDEAS

<i>N.A. Selunskaya</i> “Commune” and “Signoria” of medieval Italy: the history of concepts.....	63
<i>V.S. Trofimova</i> The “Republic of letters”: idea, ideal and virtual community of European intellectuals in the 15–18cc.....	90
<i>S.B. Golikova</i> Popular reception of scientific knowledge: views of the micro-world.....	100

IDEAS AND PEOPLE

<i>S.E. Kyasov</i> English Masons in the late 17 th – early 18 th cc.....	111
<i>D.B. Vershinina</i> British Suffrage Movement and Victorian values.....	135
<i>S.V. Eremin</i> Bolshevism and National-Socialism: ideological conflict and the “thaw” of 1939–1941.....	155
<i>G.Ya. Yankovskaya</i> Memorial images of war and peace in artistic practices of 1945–1946.....	174
<i>A.V. Gromova</i> Richard Nicholaus Kudexhow-Kalergi and his idea of Pan-Europe	189

HISTORY OF RUSSIA, 19–20TH CENTURIES

<i>O.B. Ostrovsky.</i> The year 1812 as a borderline between the Enlightenment and the “Official Populism”.....	198
<i>S.A. Eremeeva</i> In the space of memory: memoirs of the members of Priyutino brotherhood.....	209

RUSSIAN DIASPORA: THE 20TH CENTURY

<i>D.I. Babkov</i> National theme and the problem of terminology in the writings by V.V. Shulgin, 1917–1939.....	219
--	-----

<i>E.M. Makarenkova</i>	
The Problem of self-identification of Russian émigrés in France (1930s).....	239
<i>N.A. Kovalevskaya</i>	
Educational activity of the Russian émigrés, 1920–1930s.....	252

MY UNIVERSITIES...

<i>T.B. Kostina</i>	
University career: how old a professor should be?.....	262
<i>D.A. Andreev</i>	
“Red students” in 1921–1924: shaping an image.....	270
<i>A.N. Galyamichev</i>	
On the role of a leader: S.M. Stam and the medieval studies in Saratov University.....	285

INTSITUTES OF MEMORY

<i>N.N. Zaslavets</i>	
Information support for a museum exposition as a process of a museum’s development.....	299

READING BOOKS

<i>M.S. Petroff</i>	
Symbol: traditions and novelties	304
<i>V.V. Zvereva</i>	
<i>Review:</i> Curiosity and Wonder from the Renaissance to the Enlightenment Ed. by R. J. W. Evans, A. Marr. 2006; Kenny N. The Uses of Curiosity in Early Modern France and Germany. Oxford, 2004.....	316
<i>M.P. Aizenstat</i>	
<i>Review.:</i> Bodrov O.V. Professor M.M. Kovalevsky. The beginning of English Studies in Russia. Kazan’, 2006. 325p.....	330
<i>A.G. Gotovtseva</i>	
<i>Review:</i> Tscherbатов A.G. My Memoirs St Petersburg, 2006, 278p.	333

DISCUSSION CLUB

<i>V.A. Filimonov</i>	
N.I. Kareev: Antiquity in political context.....	337
<i>I.E. Surikov</i>	
Subjective comments.....	352
<i>V.V. Dementieva</i>	
Comments on the margins.....	354
<i>V.A. Filimonov</i>	
Audiatur et altera pars, or the answer to severe critics.....	355
DIALOGUE WITH TIME. Issues 1–20. Index of articles by R.B. Kazakov.....	371
DIALOGUE WITH TIME. Issues 1–20. Index of authors by R.B. Kazakov.....	402
SUMMARIES.....	406
CONTENTS.....	413